Л-50

ДЛЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
ФАКУЛЬТЕТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ

Т. Б. Алисова
Т. А. Репина
М. А. Таривердиева

Введение в романскую филологию

УЧЕБНИК

Т.Б. Алисова
Т.А. Репина
М.А. Таривердиева

Введение в романскую филологию

УЧЕБНИК

Инв. № 14148

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов институтов
и факультетов иностранных языков

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1987

ББК 81.2Фр-923
А50

Рецензенты:
сектор романских языков Института языкознания АН СССР
проф. В.Г. Гак (Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина)

Алисова Т.Б. и др.
А50 Введение в романскую филологию: Учеб. для филол. фак. ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 344 с.

В учебнике рассматриваются: вопрос о количестве романских языков, их классификация, исторические факторы образования; роль латинского языка в формировании романских языков; изучается типология романских языковых систем в их соотношении с системой латинского языка.

2-е издание (1-е – 1982 г.) дополнено историко-географическими картами; уточнены отдельные разделы с учетом новейшей научной литературы по общим и частным вопросам романской филологии, вышедшей после публикации 1-го издания учебника.

А $\frac{4602010000\,(4309000000) - 548}{001\,(01) - 87}$ 290–87

ББК 81.2Фр-923
4И (Фр)

© Издательство «Высшая школа», 1982
© Издательство «Высшая школа», 1987, с изменениями

Учебник «Введение в романскую филологию» предназначен для студентов-романистов 2-го года обучения филологических факультетов университетов, где данный курс читается как один из основных и для институтов и факультетов иностранных языков, где он дается в виде спецкурса.

Содержание и построение учебника соответствуют программе одноименного курса, подготовленной на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, одобренной Научно-методическим советом по высшему филологическому образованию и утвержденной Минвузом СССР в 1985 г.

Основными задачами учебника являются:

1. Освещение генезиса романских языков и принципов их классификации.

2. Описание стилистических разновидностей латинского языка и особенностей разговорной латинской речи; выяснение причин дифференциации народной латыни и ее превращения в романские языки.

3. Типологическое сопоставление латинской и романских языковых систем с учетом их исторического развития в целях определения общности и своеобразия романских языков.

4. Освещение истории формирования романистики как науки.

При сопоставительном анализе языков в учебнике используется как семасиологический подход – «от формы к смыслу», так и ономасиологический – «от смысла к формам его выражения».

Перед авторами стояла задача объединить исторические, филологические и собственно языковедческие части курса.

Авторы стремились преодолеть разрыв между социолингвистикой и собственно лингвистикой в области их естественного взаимопроникновения, а именно при исследовании причин распространения языковых изменений с целью показать историческую обусловленность как сходства, так и своеобразия романских языковых систем.

Другой ведущей и объединяющей темой учебника является типологическое сопоставление латинской и романской языковых систем. Сопоставление систем близкородственных языков помогает обнаружить общность или различие тенденций развития романских языковых систем, отличающихся друг от друга темпом своей эволюции, характером отклонения от языка-основы и степенью сохранности унаследованных от латыни элементов.

Во втором издании учебника (1-е – 1982 г.) часть материала перераспределена по главам и параграфам, содержание некоторых глав пересмотрено и уточнено с учетом новейшей научной литературы и изменений в социальном статусе романских языков, происшедших в последние годы; наиболее значительные события, связанные с романизацией, обобщены в сводной хронологической таблице; учебник дополнен историко-географическими картами. Список рекомендуемой студентам научной литературы обновлен.

Авторы сочли целесообразным сохранить описание этимологических словарей романских языков в отдельном параграфе (§ 107). Примеры из латинских авторов и старых романских литературных памятников, как и в первом издании, сопровождаются сокращенными пометами, например, Плавт «Псевдол» – Pl. Ps., «Песнь о Роланде» – Rol., «Песнь о моем Сиде» – Cid и др. Знак > перед романской формой слова или знак < после нее обозначают, соответственно, «происходит от», «восходит к», например, *лат.* caput > *фр.* chef или *фр.* chef < *лат.* caput. Слова со звездочкой (астерйском), например, *ilei, обозначают незарегистрированные в текстах народно-латинские формы.

Учебник состоит из четырех частей. Часть первая – «Романский языковой ареал и исторические условия его образования» (написана Т.А. Репиной), часть вторая – «Истоки романских языков» (М.А. Тариверциевой), часть третья – «Историческое развитие и структурная общность романских языковых систем» (Т.Б. Алисовой), часть четвертая – «Романские языки как объект научного изучения» (Т.А. Репиной).

Учебник необходимо изучать одновременно с практическим пособием тех же авторов («Введение в романскую филологию: Практикум». – М.: Высшая школа, 1987), в которое включены тексты, представляющие языковой материал, иллюстрирующий основные положения учебника.

Авторы благодарят всех специалистов, читавших первое издание учебника, и рецензентов рукописи настоящего издания за советы и пожелания, способствовавшие углублению содержания учебника.

Авторы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОМАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ АРЕАЛ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ГЛАВА I.

ПОНЯТИЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И РОМАНИИ

§ 1. Романские языки как родственная группа языков. Романские языки — это группа языков, объединенных общностью происхождения: все они сформировались на базе латинского языка в его разговорной форме.

На романских языках говорит население Испании, Италии, Португалии, Румынии, Франции и некоторых других государств Западной Европы, а также многих государств Латинской Америки: Аргентины, Бразилии, Кубы, Мексики, Перу и т.д. В Советском Союзе на одном из романских языков (молдавском) говорит население Молдавской Советской Социалистической Республики. Романские языки являются официальными языками ряда стран Африки.

Единство происхождения романских языков проявляется в наличии у них общих элементов, этимологически восходящих к соответствующим латинским (хотя в целом романские языки представляют принципиально новый по сравнению с латинским тип языковой структуры, см. § 9).

Генетическую общность романских языков можно проиллюстрировать следующими примерами:

Счет от одного до десяти

лат.	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*ит.*	*рум.*	*молд.*
unus, una	un, une	un(o), una	um, uma	uno, una	un(u), una	ун (у), уна
duo, duae	deux	dos	dois, duas	due	doi, două	дой, доуэ
tres	trois	tres	três	tre	trei	трей
quattuor	quatre	cuatro	quatro	quattro	patru	патру
quinque	cinq	cinco	cinco	cinque	cinci	чинч
sex	six	seis	seis	sei	şase	шасе
septem	sept	siete	sete	sette	şapte	шапте
octo	huit	ocho	oito	otto	opt	опт
novem	neuf	nueve	nove	nove	nouă	ноуэ
decem	dix	diez	dez	dieci	zece	зече

Типы спряжений

лат.	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*ит.*	*рум.*	*молд.*
I sonare	sonner	sonar	soar	sonare	a suna	а суна
II habere	avoir	haber	haver	avere	a avea	а авя
III facere	faire	hacer[1]	fazer[1]	fare	a face	а фаче
IV sentire	sentir	sentir	sentir	sentire	a simţi	а симци

[1] В испанском и португальском инфинитивах, восходящих к латинскому III спряжению, ударение, в отличие от их латинского этимона, падает на последний слог: hacér, tazér.

Общеупотребительная лексика

лат.	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*ит.*	*рум.*	*молд.*
homo (hominem)[1] 'человек'	homme	hombre	homem	uomo	om	ом
panis (panem) 'хлеб'	pain	pan	pão	pane	pâine	пыне
caelum 'небо'	ciel	cielo	ceu	cielo	cer	чер
herba 'трава'	herbe	hierba yerba	erva	erba	iarbă	ярбэ
vivus (vivum) 'живой'	vif	vivo	vivo	vivo	viu	виу
niger (nigrum) 'черный'	noir	negro	negro	nero	negru	негру
venire 'прийти'	venir	venir	vir	venire	a veni	а вени

[1] В скобках дается форма аккузатива: в ней представлена основа латинских существительных и прилагательных, от которой в большинстве случаев происходило образование романских слов.

Хотя в ходе истории каждого языка произошли определенные фонетические и морфологические изменения, в большей или меньшей степени преобразившие внешний облик слов и форм, соотносимость последних с латинскими несомненна. Романские языки обнаруживают сходство в формах некоторых местоимений, предлогов, в окончаниях ряда глагольных времен и т. д.[1]

Родство романских языков подтверждается также тем, что они отразили в своей структуре изменения, происходившие в разговорной латыни на протяжении длительного времени.

[1] Сопоставительные таблицы морфологических форм романских языков, иллюстрирующие их генетическую общность, см.: *Сергиевский М.В.* Введение в романское языкознание. – 2-е изд. – М., 1954. – С. 24 – 25 (1-е изд. – М., 1952. – С. 22 – 23).

Так, например, начиная с ранних периодов своей истории (как об этом позволяет судить, в частности, речь персонажей комедий Плавта III–II вв. до н.э.), латинская разговорная речь характеризовалась конкуренцией степеней сравнения прилагательных, образуемых посредством суффиксов: **altior** 'выше, более высокий', **dulcior** 'слаще, более сладкий' и т.п. и словосочетаний, состоящих из наречия **plus** или **magis** 'больше, более' и исходной формы прилагательного: plus (magis) altus, plus (magis) dulcis. Второй способ обозначения сравнения в разговорной речи был весьма употребительным во все периоды истории латинского языка, в письменных же текстах вплоть до IV–V вв. н.э. предпочтение отдавалось формам на -ior. Романские языки унаследовали именно тот способ передачи компаратива, который был присущ разговорной форме латинской речи: *исп.* más alto, más dulce; *итал.* più alto, più dolce; *порт.* mais alto, mais doce; *рум.* mai înalt, mai dulce; *франц.* plus haut, plus doux.

В разговорной латинской речи существительные среднего рода в форме множественного числа иногда отождествлялись с существительными женского рода единственного числа: folia мн. ч. от folium 'лист' (ср. род) могло восприниматься как ед. ч. (этому способствовала, в частности, собирательность его основного значения : *листья = листва*). Данное изменение также нашло отражение в романских языках: *исп.* hoja; *итал.* foglia, *порт.* fôlha; *рум.* foaie; *франц.* feuille – во всех романских языках это существительное женского рода. Являясь одним из доказательств общности происхождения романских языков, подобные примеры подтверждают мнение о том, что романские языки сформировались на основе латинской речи именно в ее разговорной форме.

Составляя близкородственную группу, романские языки входят в другую, более многочисленную языковую семью так называемых индоевропейских языков, к которой относятся древние языки – латинский, древнегреческий, древнеиндийский (санскрит) и др., а также ряд современных языков – таких, например, как славянские, германские, балтийские, албанский, новогреческий и др. Сравнение древних языков между собой и сопоставление их с современными приводит к выводу о том, что некогда, в доисторические времена, эти языки представляли языковую общность, что все они развились на основе неизвестного нам общего для них праязыка и что, следовательно, все они являются родственными. Романские языки, как и другие современные языки, входящие в эту языковую семью, образуют новую ее разновидность: их принято называть новоиндоевропейскими языками.

Итак, романские языки – это одна из больших групп новоиндоевропейских языков, сформировавшаяся на основе древнего индоевропейского языка – латинского.

§ 2. Понятие Романии. В произведениях римских историков позднего периода (V – VI вв. н. э.) встречается термин «Романия» (Roma – Рим, отсюда и название – романские языки): так обозначались территории, входившие в состав Римской империи. Позднее в этом значении стали употреблять термин «Древняя Романия». С образованием латиноамериканских

государств в противоположность термину «Древняя Романия» был создан термин «Новая Романия».

В наши дни в научной литературе для краткости «Романией» называют страны романской речи в их совокупности. Термин *условен*: он не предполагает ни территориальной, ни политической общности романоязычных стран и районов мира.

§ 3. Количество романских языков. Вопрос о количестве романских языков относится к числу спорных. Его однозначное решение затруднено отсутствием достаточно надежных критериев разграничения понятий «язык» и «диалект». В истории романского языкознания был выдвинут ряд критериев отнесения разновидностей романской речи к числу самостоятельных языков. Обсуждались, в частности, такая группа критериев, как наличие или отсутствие литературного употребления, своеобразие фонетических черт, взаимное понимание или непонимание. Эти критерии, однако, не были признаны удовлетворительными.

В мире, как известно, до сих пор есть языки, не имеющие литературного употребления. В истории нашего государства, как и других государств мира, многочисленны примеры того, как некогда бесписьменные языки обретали свою письменность и на них создавалась богатая литература. Совершенно очевидно, что факт отсутствия литературного употребления и письменности вообще не мешает признанию лингвистической самостоятельности того или иного языка.

Фонетика — это лишь один из аспектов языка, хотя и очень важный, но не всегда решающий при определении лингвистического статуса языкового образования. К тому же границы распространения фонетических явлений весьма подвижны (см. часть III).

Житель сельской местности северной Италии не всегда поймет южанина, однако только на этом основании нельзя говорить о том, что существуют ломбардский или сицилийский языки. В нашей стране белорус и украинец прекрасно поймут русского и наоборот, но это не дает оснований считать два первых диалектными разновидностями русского или русский язык разновидностью белорусского и украинского.

В настоящее время наибольшее признание получили критерии социолингвистического статуса языковой единицы и своеобразия ее исторического развития. На основании этих критериев выделяются следующие романские языки:

1) *испанский, португальский, французский, итальянский, румынский* — языки, на которых осуществляется официальное общение в рамках единой административной единицы (государства); некоторые из них также служат целям межгосударственного общения;

2) *молдавский, ретороманский, каталанский, галисийский* — языки, на которых осуществляется общение в пределах неотдельной административной единицы (самостоятельной республики или области, составляющей часть федерации; автономной области);

3) *провансальский (окситанский)* — язык, не имеющий социолингвистического статуса ранее названных, но, как и они, характеризующийся богатой культурно-литературной исторической традицией;

4) *сардинский* — язык историко-этнической общности людей, отличающийся ярко выраженными особенностями своей структуры.[1]

К группе романских языков относится также исчезнувший *далматинский* язык. Область распространения романских языков см. § 4.

Кроме того, имеется ряд разновидностей романской речи, по вопросу о лингвистическом статусе которых существуют разногласия. Это: *гасконский, франкопровансальский, арумынский, мегленитский* и *истрорумынский* языки/диалекты (?).

На основе испанского, португальского и французского языков в ходе истории сформировались *креольские языки*. Они представляют собой своеобразные языковые образования (см. § 5), вопрос о их включении в романскую языковую группу в качестве самостоятельных единиц является спорным: если решать его положительно, необходимо оговорить, что они занимают в ней периферийное положение.

Часть евреев, проживающих в Северной Африке, Малой Азии, на Балканском полуострове и в Турции, говорит на *сефардском языке*. Сефарды — потомки выходцев с Пиренейского полуострова (конец XV в.). Сефардский язык близок к испанскому, но он отличается от него, с одной стороны, рядом архаичных черт, а с другой стороны, некоторыми лексическими и синтаксическими инновациями, возникшими под влиянием языков тех стран, в которых проживают сефарды.

ГЛАВА II.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

§ 4. Романские языки в современном мире. Романские языки занимают важное место среди языков мира. Из общего числа жителей нашей планеты, составляющего в настоящее время пять миллиардов человек, на романских языках, как об этом позволяют судить приводимые ниже

---

[1] Приведенный перечень романских языков, сгруппированных, в частности, с учетом их правового положения (язык государства, автономной области и т.п.), может рассматриваться как их социолингвистическая (функциональная) классификация, см.: *Гак В.Г.* Проблема соотношения между родственными языками в функциональном аспекте // В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев, 1976 (о классификации романских языков по территориальному и внутрилингвистическим критериям см. § 8). Следует отметить при этом, однако, что социолингвистический статус языка относится к числу наиболее подвижных, поскольку он непосредственно связан с событиями политической жизни государств и народов. Еще недавно вызывал сомнения социолингвистический статус каталанского и галисийского языков. Конституцией Испании 1978 г. и Статутами об автономии Каталонии и Галисии оба языка, каждый в своей автономной области, получили права официальных (подробнее см. § 4).

данные, говорят свыше 500 миллионов человек, или более одной десятой части населения земного шара. Романские языки используются как язык радио, телевидения, прессы, официальных документов. Они изучаются как иностранные языки. Некоторые из них входят в число официальных языков международных организаций, конгрессов, конференций, симпозиумов и т.д.

Область распространения современных романских языков[1] и разновидностей романской речи:

Португальский язык

а) Официальный язык двух государств мира: *Португалии* с принадлежащими ей (пользующимися внутренней автономией) Азорскими островами и островом Мадейра (свыше 10 млн. чел., 99 % населения португальцы)[2] и *Бразилии* (132 млн. чел., из них свыше 95 % – бразильцы). Под управлением Португалии остается территория *Асмбинь* (*Макао*), расположенная в Азии на побережье и островах Южно-Китайского моря (общая численность населения около 350 тыс. чел., из них португальцев – 2 %). Эта территория пользуется внутренним самоуправлением, ее официальный язык – португальский.

Португальский язык Бразилии обнаруживает по сравнению с португальским языком Португалии некоторые особенности произношения, имеет определенные отличия в лексике, отчасти морфологии и синтаксисе. Так, например, в бразильском варианте португальского языка наблюдается тенденция к вокализации l в конце слова mel [meu] 'мед', Brasil [hrasiu] 'Бразилия' и т.п., форма личного местоимения vos заменяется формой vôces, в безличных оборотах используется глагол ter, а не haver, как в португальском языке Португалии. Словарь бразильского варианта португальского языка характеризуется значительным числом заимствований из местных индейских языков и из языков африканских племен[3].

б) Официальный язык в африканских государствах: *Ангола*[4], *Мозамбик, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи*[5].

---

[1] Речь идет о существующих языках. Исчезнувший к концу XIX в. далматинский язык был распространен на территории современной Югославии (на далматинском побережье Адриатического моря и прилегающих к нему островах).

[2] Цифровые данные датируются 1978–1984 гг. и взяты из Ежегодника БСЭ 1986 г. и Советского Энциклопедического Словаря (М., 1986). Цифры носят относительный характер, так как численность населения постоянно меняется.

[3] Подробно см.: *Катагощина Н.А.* Языковая ситуация в Бразилии // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев, 1976.

[4] Полное наименование государств (Народная Республика Ангола и т.д.) см.: Ежегодник БСЭ и справочник «Страны мира сегодня» (издание ТАСС).

[5] Об особенностях языковой ситуации в странах Африки см. § 22.

а) Официальный язык *Испании*, в состав которой входят Балеарские острова в Средиземном море и Канарские острова в Атлантическом океане, признанные Конституцией 1978 г., наряду с другими, автономными областями. Язык официально именуется кастильским. Население Испании в целом составляет около 38 млн. чел., в том числе испанцы (около 75 %), каталонцы, галисийцы, баски (см. далее по тексту параграфа каталанский и галисийский языки).

б) Испанский язык, наряду с каталанским и французским, является официальным языком государства *Андорра* в Восточных Пиренеях (население свыше 30 тыс. чел., из них испанцев – 18 тыс.).

в) Официальный язык 19 государств Латинской Америки: *Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Доминиканской Республики, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Никарагуа, Панамы, Парагвая, Перу́, Пуэрто-Рико, Сальвадора, Уругвая, Чили, Эквадора*. Общая численность населения названных стран Латинской Америки составляет более 240 млн. чел. Наиболее многочисленно население Мексики (по данным 1985 г. свыше 76 млн. чел., из них более 50 % метисы, около 30 % – индейцы, 15 % – потомки европейцев). Носители испанского языка проживают также в США.

В *Пуэрто-Рико* (владение США, имеет статус «свободно присоединившегося» к США государства) два официальных языка – испанский и английский. В *Перу*, наряду с испанским, официальным языком является индейский язык кéчуа. На этом языке существует периодическая печать (газеты, журналы), создается художественная литература, ведется обучение в школах. В *Парагвае* широко распространен индейский язык гуарани: на нем издается литература, но статуса официального языка страны он не имеет, хотя численность говорящих на языке гуарани охватывает примерно 70 % населения государства. В целом в Латинской Америке по данным 1970 г. насчитывается 28 миллионов носителей индейских языков.[1]

Испанский язык стран Латинской Америки имеет по сравнению с испанским языком Испании (кастильским) ряд особенностей в фонетике, грамматике, лексике. Так, например, интердентальному согласному [θ] кастильского языка в Латинской Америке соответствует щелевой согласный [s] – явление так называемого seseo, в связи с чем в испаноамериканском варианте произношения не различаются такие слова, как casa 'охота' и casa 'дом', ciervo 'олень' и siervo 'раб' (в кастильском, соответственно, [kaβa] и [kaša], [θjerβo] и [šjerβo]). В испанском языке Латинской Америки встречаются грамматические архаизмы, например: la calor 'жар' вместо кастильского el calor, la color 'цвет' вместо el color; вышло из употребления личное местоимение 2-го лица множественного числа vosotros, не во всем совпадает употребление глагольных форм. В лексике много индейских заимствований, семантических неологизмов (слов, изменивших свое перво-

[1] Латинская Америка. Энциклопедический справочник (в 2-х томах). – М., 1979. – Т. 1; 1982. – Т. 2. – С. 518.

начальное значение) и т.д. Одни особенности характерны для всех или большинства стран Латинской Америки, другие присущи испанскому языку отдельных государств[1]. При всех взаимных отличиях, однако, испанский язык стран Латинской Америки и испанский язык Испании реализуют структурно единый тип языка.

Каждое латиноамериканское государство представляет собой независимую административную единицу и определенную национальную общность. «Такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» предлагается называть «национальными вариантами языка»[2].

Испанский язык, таким образом, существует в виде ряда *национальных вариантов*[3].

г) Испанский язык является официальным языком в *Экваториальной Гвинее.*

Общее число говорящих на испанском языке составляет 235 миллионов человек.

Испанский язык включен в число официальных и рабочих языков ООН, наряду с английским, арабским, китайским, русским и французским.

Каталанский язык

а) Один из региональных официальных языков Испании: носители каталанского языка, *каталóнцы* (свыше 6 млн. чел.), проживают в восточных областях Испании — в *Каталóнии,* частично в *Валéнсии* и *Арагóне,* а также на *Балеáрских островах.* Каталония принадлежит к числу наиболее развитых в промышленном отношении районов Испании. Все четыре области в последние годы добились автономии. В соответствии с Конституцией 1978 г. официальным языком Испанского государства, который все жители Испании должны знать и которым они имеют право пользоваться, является кастильский; остальные языки, на которых говорят в Испании, признаны официальными в Региональных автономных объединениях (в соответствии с их Статутами)[4].

Каталонцы — народ самобытной культуры, имеющий глубокие и прочные национальные традиции. В истории искусства широко известна каталонская школа живописи XIV—XV вв. На каталанском языке существуют литературные произведения, научные труды[5]. В первые десятилетия текуще-

---

[1] Подробно см.: *Степанов Г.В.* Испанский язык в странах Латинской Америки. – М., 1963.

[2] *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М., 1976. – С. 130.

[3] Португальский язык Бразилии является национальным вариантом португальского языка, французский в Канаде – национальным вариантом французского языка.

[4] См.: Испания. Конституция и законодательные акты. – М., 1982.

[5] Подробно см.: *Формирование романских литературных языков*: Гл. I. Развитие каталанской прозы в XIII—XIV вв. (Е.М. Вольф). Гл. II. Каталанский литературный язык XVI — начала XIX в. (Б.П. Нарумов). – М., 1984. См. также: *Вольф Е.М.* К истории каталанистики в России и в СССР // Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова. – Л., 1983. – С. 141–144.

го столетия на каталанском языке в Испании выходили газеты и журналы, проводились реформы по упорядочению его фонетики, грамматики, словаря, каталанский был частично введен в школьное обучение. Приход к власти франкистов прервал развитие культуры и литературы на каталанском языке: в период фашистской диктатуры в Испании (с конца 30-х до середины 70-х годов) любые проявления национального самосознания «рассматривались как преступление и жестоко карались. Официальное делопроизводство и обучение велись только на кастильском (испанском) языке»[1]. Тем не менее и в эти трудные годы каталонцы не утратили свой язык, хотя образовался заметный разрыв между числом говорящих на каталанском языке и пишущих и читающих на нем. Процесс автономизации областей Испании, начавшийся в конце 70-х годов после падения режима Франко и принятия новой Конституции, расширяет возможности использования каталанского, как и языков других национальных меньшинств (галисийского, баскского), в различных сферах общественной и культурной жизни соответствующих регионов Испании. В настоящее время возобновлено издание Большой Каталанской Энциклопедии, достигнуты определенные успехи в деле введения каталанского языка в школьное обучение и средства массовой информации, издаются литературные произведения и научные исследования на каталанском языке, выпускаются двуязычные словари (в частности, в 1985 г. в Барселоне издан русско-каталанский словарь, включающий 40 тысяч слов).

Вместе с тем осуществление на практике провозглашенных Конституцией прав требует времени, усилий и связано с решением ряда сложных социолингвистических проблем. В Каталонии процесс автономизации и введения каталанского, наряду с кастильским, в школьное образование и административное управление проходит по сравнению с другими автономными областями Испании более интенсивно, однако и здесь этот процесс находится на ранней ступени своего осуществления и далек от завершения. Постоянный приток в Каталонию иммигрантов – носителей кастильского языка из других менее развитых в промышленном отношении регионов Испании, отсутствие достаточного количества педагогических кадров, способных обеспечить в полном объеме преподавание каталанского языка и на каталанском языке, преобладание в средствах массовой информации кастильского языка, официального языка государства, – эти, как и ряд других социолингвистических моментов, характеризующих развитие современной Испании, осложняют языковую ситуацию и создают дополнительные трудности в осуществлении языковой политики[2].

б) Каталанский язык является (наряду с испанским и французским) официальным языком в *Андорре* (коренных андоррцев – 8 тыс. чел.).

в) На каталанском языке говорят жители французского департамента *Восточные Пиренеи* (в основном это бывшая область Руссильон) и жители г. *Альгéро* на острове Сардиния, принадлежащем Италии.

---

[1] Современная Испания. – М., 1983. – С. 65.

[2] См., например: *Siguan M.* Langue et éducation en Catalogne // Perspectives. – 1984 – Vol. 14 – n°1.

На каталанском языке во Франции ведутся передачи по местному радио, но весьма незначительное время. Язык преподается как факультативная дисциплина в некоторых колледжах. В университете г. Монпелье создана специальная кафедра, где каталанский язык изучается практически и в научном плане. С 1969 г. организованы летние курсы каталанского языка, где преподавание ведется на этом языке. Специальная группа (Grup Rossellonès d'Estudis Catalans) добивается введения каталанского во Франции в программу школьного обучения, увеличения времени, отводимого на передачи по радио на каталанском языке, его введения в программы телевидения. Эта группа всячески поощряет обмен между каталонцами, живущими по обе стороны Пиренеев[1].

Галисийский язык

Галисийский — один из региональных официальных языков Испании: носители галисийского языка, *галисийцы* (около 3 млн.), населяют испанскую область *Галисию*, расположенную в северо-западной части Иберийского полуострова на границе с Португалией. В настоящее время Галисия, как ранее названные области Испании, а также Астурия, Кантабрия, Страна Басков[2] и др., имеет статут автономии. Некоторое число носителей галисийского языка проживает за пределами Испании.

Исторически и генетически галисийский язык тесно связан с португальским и близок ему по своей структуре. Вместе с тем, уже более 900 лет галисийцы являются жителями другой самостоятельной административной единицы: Галисия была присоединена к Кастилии в 1072 г., а при образовании объединенного королевства Кастилии и Арагона в XV в. вошла в его состав, хотя и сохраняла до XIX в. известную автономию. Галисийский язык живет и функционирует в окружении испанского языка и, следовательно, его развитие уже давно идет по самостоятельному пути[3].

В XII—XIII вв. на галисийском языке (в то время португальско-галисийском) была создана богатая поэзия, в дальнейшем, однако, его письменная традиция ослабла. В начале XX в. предпринимались попытки возродить художественную литературу на галисийском языке, но большого успеха они не имели. В сложных социально-политических условиях жизни испанского общества в период франкистской диктатуры социальные функции галисийского языка были сведены до минимума: он использовался

[1] О каталанском и других языках (диалектах) национальных меньшинств Франции см.: *Olyson L.* La politique culturelle de la France à l'égard de ses minorités linguistiques // Moderna Språk 1980. – Vol. 74. – n° 3.

[2] Среди языков национальных меньшинств Испании – *баскский язык*, не принадлежащий романской группе (см. § 11 и далее по тексту в настоящем параграфе, с. 19).

[3] О своеобразии галисийского языка по сравнению с испанским и португальским см.: *Васильева-Шведе О.К.* К вопросу о галисийском языке // Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1965. № 332 (на титул. л. № 328). Сер. филол. наук. – Вып. 70; *Бородина М.А., Николаева С.П.* К вопросу о равнозначности и подчиненности вариантов языка // Типологич. сходства и различия близкородственных языков. – Кишинев, 1976. – С. 70–74; *Гах А.М.* Некоторые особенности галисийского в сравнении с испанским и португальским языками // Вопросы теории и истории романских языков. – Л., 1985.

лись как средство бытового общения, главным образом в сельской местности, и продолжал жить в фольклоре. Приобретение Галисией статута автономии создает условия для повышения социального престижа галисийского языка. Однако существование в истории галисийского языка длительного периода, когда он был до предела ограничен в своих социальных функциях, привело к отрицательным последствиям, затрудняющим деятельность в этом направлении.

Французский язык

а) Официальный язык *Франции* (55,2 млн. чел., из них 93 % — французы)[1], *Бельгии* (наряду с языком германской группы — нидерландским[2]: общая численность населения Бельгии около 10 млн., из них носителей французского языка 42 %), *Люксембурга* (наряду с немецким: общая численность населения 366 тыс. чел.), *Швейцарии* (наряду с немецким, итальянским, которые, как и французский, записаны в действующей Конституции Швейцарской Конфедерации как национальные и официальные языки государства, и ретороманским, отнесенным Конституцией к числу национальных языков, но без статуса официального языка государства: общая численность населения Швейцарии 6,4 млн. чел., из них носителей французского языка 18 %), а также небольшого государства *Монако* (население ок. 30 тыс., из них 12 тыс. французских граждан). Французский язык имеет статус официального языка в *Андорре* (наряду с каталанским и испанским: французов насчитывается 4 тыс.). Кроме этого, французский язык является официальным языком *Канады*, наряду с английским. В Канаде около 7 миллионов носителей французского языка. В большинстве случаев они двуязычны, проживают главным образом в восточных областях Канады, преимущественно в провинции Квебек.

Французский язык в каждой из названных стран имеет свои особенности в произношении, в лексике (выборе слов, их взаимной сочетаемости и т.п.). В европейских вариантах французского языка (Бельгии, Швейцарии, Люксембурга) эти расхождения с французским языком Франции сравнительно немногочисленны. Французский язык Канады обнаруживает более

---

[1] В состав Франции, кроме департаментов метрополии, входят «заморские департаменты» и «заморские территории». К ним относятся *Гвиана Французская* (в Южной Америке), *Гваделупа* и *Мартиника* (острова, входящие в архипелаг Малых Антильских островов), *Реюньон* (остров в группе Маскаренских островов в Индийском океане) и ряд островов в Тихом океане. Официальным языком в них является французский. Статус «территориальной единицы» Франции имеет остров *Майотта*, входящий в группу Коморских островов.

[2] Нидерландский язык Бельгии, признанный, наряду с французским, официальным языком страны, и нидерландский язык Нидерландов считаются двумя территориальными вариантами одного и того же литературного языка (языкового стандарта). Жители северных провинций Бельгии, входящих в зону распространения нидерландского языка (фламандцы), в повседневной жизни общаются на местном фламандском диалекте. Подробно см.: *Миронов С.А., Беркова В.П.* Вариативность литературных норм современного нидерландского языка в Нидерландах и Бельгии // Вопросы языкознания. – 1979. – № 3. – С. 20–24, 31–33. Франкоязычных жителей Бельгии называют валлонами. Их местным диалектом является валлонский.

заметные отличия. Это объясняется историческими условиями, а именно тем, что французский язык был вывезен в Канаду в XVI — XVIII вв. и с этого времени развивается самостоятельно, не имея непосредственных контактов с французским языком европейских стран и в то же время находясь в постоянном контакте с английским языком. В канадском варианте французского языка сохранились архаизмы и диалектизмы: произношение [we] вместо современного французского [wa] в словах типа moi, roi, некоторые слова, вышедшие из употребления во французском языке Франции, например, bailler в значении donner 'дать, давать' — этот глагол широко употреблялся во Франции на ранних этапах истории французского языка вплоть до XVIII в., существительное mitan в значении moitié, milieu 'половина, середина', которое во Франции сохранилось только в диалектах, и т.д. Влияние английского языка на французский язык Канады проявляется в заимствовании слов, в калькировании, т.е. образовании слов и словосочетаний по образцу английских (например: passer des remarques 'делать замечания' по образцу *англ.* to pass remarks вместо *франц.* faire des observations), есть расхождения в управлении глаголов, употреблении союзов и т.д.[1] Эти и подобные им отличия, не затрагивая структуры языка, придают ему определенное своеобразие.

б) Французский язык — единственный официальный язык 13 государств Африки (*Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Гвинея, Заир, Конго, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того, Центральноафриканская Республика, Чад*). В *Камеруне* французский язык делит статус официального языка с английским. На *Сейшельских Островах* три официальных языка: креольский, английский и французский. В пяти африканских государствах (*Бурунди, Джибути, Руанда, Коморские острова*[2], *Мадагаскар*) официальными языками признаны одновременно французский и один из местных языков или арабский.

Французский язык в странах Африки испытывает влияние родных для населения этих стран африканских языков, что отражается на произношении (нет четкости в разграничении гласных по открытости/закрытости: разница между [œ] и [ø] или [ɑ] и [ɔ] не всегда воспринимается и воспроизводится; в ряде случаев наблюдается оглушение звонких согласных в конце слова и др.). В лексику французского языка проникают африканизмы, под влиянием африканских слов французские слова меняют свое значение и т. д.[3]

---

[1] Подробно см.: *Рейсгровская Е.А.* Французский язык в Канаде. — Л., 1972. Об особенностях французского языка в странах Европы (Бельгии, Швейцарии, Люксембурге) см. коллективную монографию «Варианты полинациональных литературных языков». — Киев, 1981 (там же освещаются особенности французского языка Канады).

[2] Федеральная Исламская Республика Коморские Острова — государство на одноименных островах в Мозамбикском проливе Индийского океана, федерация 3 островов: Нжазиджа (бывш. Гранд-Комор), Нзвани (бывш. Анжуан) и Мвали (бывш. Мохели).

[3] Подробно см.: *Чередниченко А.И.* Язык и общество в развивающихся странах Африки. — Киев, 1983.

Языковая ситуация в освободившихся от колониальной зависимости странах Африки характеризуется исключительной сложностью (см. § 22). Правительства молодых развивающихся стран прилагают максимум усилий для осуществления народного образования на местных языках и расширения их общественных функций, всячески поощряя лингвистическую деятельность в этом направлении. Французский язык обеспечивает возможность межгосударственного и межконтинентального общения, и это укрепляет его позиции. Даже в тех странах, где официальным языком признан арабский (*Алжир, Марокко, Тунис*), позиции французского все еще довольно сильны, хотя здесь французский постепенно вытесняется из общественно-политической и культурной жизни.

в) Французский язык является официальным языком *Республики Гаити* (западная часть одноименного острова в Атлантическом океане, входящего в архипелаг Больших Антильских островов), одним из трех, наряду с бислама (пиджин) и английским, официальных языков *Республики Вануату*, расположенной на островах Новые Гебриды в юго-западной части Тихого океана.

Общее число говорящих на французском языке составляет около 90 миллионов человек.

Французский язык является одним из официальных и рабочих языков ООН.

1448

Провансальский (или окситанский) язык

Это родной язык (в большинстве случаев наряду с французским) части населения южной Франции (см. карту № 1). Число говорящих по оценке 1972 г. составляет 8 миллионов человек.

Термин «провансальский язык» образован по названию бывшей римской провинции: Provincia Romana или просто Provincia (см. § 16). В средние века его называли la langue d'oc (oc – утвердительная частица, соответственно старофранцузский, также по утвердительной частице, – la langue d'oïl). В начале XIX в. был предложен термин «окситанский язык», два первых наименования были признаны неудачными: по созвучию и этимологическим связям «провансальский» ассоциируется прежде всего с областью Прованс (где говорят на провансальском диалекте окситанского языка), но не покрывает ее; название же (la) langue d'oc (лангедок) отождествляется с названием области Лангедок, также значительно меньшей по территории, чем область распространения языка в целом. В романистической научной литературе в настоящее время отдается предпочтение термину «окситанский язык» (когда речь идет о современном языке), однако все еще достаточно широко используется и термин «провансальский язык». В учебнике термины употребляются как синонимичные. Ранние этапы истории языка обозначаются только термином «старопровансальский».

История этого языка коротко такова. На юге Франции в средние века (XI–XIII вв.) в качестве языка юридических документов и административных бумаг использовался старопровансальский язык. На XII–XIII вв. приходится расцвет провансальской литературы и особенно лирической поэзии трубадуров. Постепенно, однако, по мере укрепления королевской

Карта № 1. *Область распространения окситанского языка и его основных диалектов*[1]

власти во Франции, отмечается стремление к централизации управления страной, которое в 1539 г. вылилось в официальное распоряжение (ордонанс) короля Франциска I, в соответствии с которым было предписано по всей территории государства пользоваться при оформлении юридических актов только французским языком. Осуществление этого предписания значительно подорвало позиции провансальского языка. Проведение политики внедрения французского языка во все сферы общественной жизни, продолжавшееся и в последующие века, привело к постепенной утрате провансальским языком его общественных функций.

В XIX в. группа поэтов, уроженцев южных областей Франции, предприняла попытку возродить былую славу родного языка. У истоков движения стоял писатель Жозеф Руманиль (1818–1891). Наиболее видным представителем и руководителем этого литературного течения стал его ученик Фредерик (Фредери) Мистраль (1830–1914). Члены группы назвали себя фели́брами (félibres – первоначальное значение слова точно не известно), откуда все движение получило название фелибризма, или фелибрижа (félibrige). Фелибры создали литературные произведения, которые представляли собой высокие образцы лирики и прозы. В начале XX в., однако, движение фелибров прекратило свое существование. Вместе с тем традиции

[1] Карта приводится (с некоторыми сокращениями и переводом названий языков и диалектов на русский язык) по книге: *Bec P.* La langue occitane // Сер.: «Que sais-je?» n°1059. – Paris, 1973. – P. 8.

создания литературных произведений не угасла: до сих пор на прованса́льском (окситанском) языке существует поэзия, издаются журналы. Язык изучается в университетах Франции (в Тулузе, Клермон-Ферране, Монпелье и др.). Он привлекает к себе внимание и в научном плане: регулярно собираются международные конгрессы по вопросам современного прованса́льского (окситанского) и старопрованса́льского языка.

По своему строю прованса́льский ближе всего к каталанскому.

Один из диалектов прованса́льского языка (о диалектах см. § 7) — *гасконский* — обладает значительным своеобразием, что отличает его от других диалектов этого языка и позволяет некоторым лингвистам включать данную разновидность романской речи в число романских языков. Гасконский используется в качестве средства бытового общения в основном в сельской местности юго-западной Франции (см. карту № 1), в исторической области *Гасконь* (ранее Васкония, еще раньше — Аквитания). Зона его распространения ограничена на севере рекой Гаронной примерно до г. Тулузы, на западе Атлантическим океаном, на юге — Пиренеями.

В некоторых восточных департаментах Франции и частично в прилегающих к ним районах (кантонах) Швейцарии (см. карту № 1) существует группа говоров, сочетающих черты как французского, так и прованса́льского языков, в лингвистическом отношении, однако, отличных как от того, так и от другого языка. Эту группу говоров называют *франкопрованса́льской* разновидностью романской речи и рассматривают либо как диалект прованса́льского, либо как диалект французского, либо как самостоятельный романский язык. На франкопрованса́льских говорах осуществляется бытовое общение в основном в сельской местности.

На территории Франции проживает ряд народов неромано́ского происхождения. На крайнем юго-западе, в западной части департамента Атлантические Пиренеи — *баски* (всего басков в Испании и Франции насчитывается свыше 1 млн.). На полуострове Бретань живут *бретонцы* — потомки кельтов, переселившихся на полуостров (он тогда назывался Арморикой) в конце V в. н. э. из Британии под натиском пришедших туда англо-саксов, и местных романизованных кельтов. Примерно 1 миллион бретонцев продолжает пользоваться бретонским языком как средством общения, но главным образом в сельской местности. На севере, в пограничных с Бельгией областях, проживают *фламандцы*. В северо-восточных областях Франции — Эльзасе и Лотарингии — часть населения говорит на *диалекте немецкого языка*, многие жители этих областей, помимо французского, владеют как родным немецким языком. Жители острова Корсика пользуются диалектом (*корсиканским*) итальянского языка.

Языковая ситуация во Франции, таким образом, характеризуется наличием, помимо французского, являющегося официальным языком государства, также ряда неофициальных региональных языков и диалектов, которым отводится некоторое время в радиопередачах, баскскому и бретонскому языкам — также в телепередачах, однако это время весьма ограничено (иногда всего несколько минут ежедневно). Литература на языках национальных меньшинств, если и издается, то в сравнительно незначительном количестве. Языком официального обучения является французский.

а) Официальный язык *Италии*, включающей, помимо Апеннинского полуострова, также острова Сардинию (см. ниже сардинский язык) и Сицилию. Общая численность населения — 57 млн. чел., из них 98 % — итальянцы. За пределами Италии в разных странах мира проживает несколько миллионов итальянских эмигрантов, для которых итальянский язык продолжает оставаться родным и отчасти языком повседневного общения.

б) Один из официальных языков *Швейцарии* (итало-швейцарцев насчитывается около 1 млн. чел.), а также официальный язык небольшого государства, расположенного на Апеннинском полуострове, — *Сан-Марино* (население около 22 тыс. чел.). Итальянский язык — родной для некоторой части населения острова *Корсика* (входящего в состав Франции), однако официальным языком он здесь не является.

Сардинский (или сардский) язык

Это язык национального меньшинства (сардов), проживающих на территории острова *Сардиния* (общая численность населения о. Сардиния составляет свыше 1,5 миллиона человек).

Ситуация в Сардинии сложилась не в пользу сардинского языка. В школах, специальных средних и высших учебных заведениях преподавание ведется на итальянском языке. Этот же язык, являясь официальным языком государства, используется средствами массовой информации (прессой, радио, телевидением). Миграция населения из сельской местности в крупные города в последние десятилетия стала для Сардинии не менее характерным явлением, чем для других областей Италии. Подавляющее большинство носителей сардинского языка, принадлежащих среднему и особенно молодому поколениям, свободно владеют итальянским языком в его литературно-разговорной форме и широко пользуются им в повседневной жизни. Этот процесс имеет еще одно важное в лингвистическом отношении следствие: сардинский язык находится под большим влиянием итальянского — заимствуются и калькируются слова, синтаксические конструкции и т.п.

Ретороманский язык

В горных районах Альп проживают группы населения, пользующиеся в повседневном общении речью романского типа. Природные условия (горная местность, разбросанность отдельных селений) способствуют тому, что в каждом селении и в каждой области говор местных жителей сохраняет ярко выраженный локальный характер. Многочисленные романские говоры альпийских областей, расположенные в относительной территориальной близости друг к другу и обнаруживающие некоторые черты сходства, объединяются в три группы: западную (швейцарский кантон *Граубю́нден* на юго-востоке Швейцарии), центральную (области так называемых Доломитовых Альп — бывший австрийский Тироль, современные итальянские области *Трентино* и *Адидже*) и восточную (области на северо-востоке Италии, в основном *Фриу́ли*, отчасти *Ве́нето*).

Романская речь, на которой говорит население каждой группы, во многом не сходна между собой, ее носители не всегда понимают друг друга, а если учесть, что каждая из них, в свою очередь, состоит из многочисленных говоров, также нередко весьма отличных друг от друга, то станет очевидным, что мы имеем дело с целой совокупностью разновидностей речи романского типа. Эту совокупность романо-альпийских говоров принято называть ретороманским языком (в XIX в. существовал также термин «ладинский язык» – от слова latina с озвонченным интервокальным -t-: так называют родной язык носители некоторых говоров[1]). Термин «ретороманский язык» имеет два значения: более широкое – он используется для обозначения всех трех названных выше групп романо-альпийских говоров в их совокупности, в этом случае он носит условный характер; более узкое – им называют граубюнденскую (швейцарскую) разновидность романской речи, которой пользуется примерно 50 тыс. жителей Швейцарии.

Ретороманский язык (в узком смысле термина) в соответствии с Конституцией Швейцарской Конфедерации имеет статус национального языка Швейцарии, наряду с тремя другими, одновременно национальными и официальными: французским, немецким, итальянским. На нем преподают в учебных заведениях всех ступеней (от начальной школы до университета), издается периодическая печать и художественная литература, частично ведется делопроизводство. Правда, реализуются эти общественные функции языка лишь на ограниченной территории – в тех кантонах, где сосредоточены ретороманцы, и, следовательно, область его распространения невелика. Ретороманский язык в его швейцарской разновидности не имеет единой литературной нормы и существует в 5 или даже 6 литературных вариантах, имеющих свои орфографические, лексические, отчасти грамматические особенности.

Носители двух других групп романо-альпийских говоров (тирольской и фриульской) входят в состав другого государства – Италии, их речь находится под влиянием итальянского языка. Тирольские говоры в ходе истории испытали сильное немецкое (австрийское) влияние. Из всех трех групп романо-альпийских говоров, условно объединяемых под названием «ретороманский язык» (в широком смысле термина) наиболее многочисленны носители фриульской его разновидности (свыше 300 тыс.).

Точную цифру носителей всех трех разновидностей ретороманского языка (швейцарской, тирольской, фриульской) назвать трудно. По оценке на середину 1978 г. она составляет 580 тыс. человек.

Румынский язык

Румынский язык – официальный язык *Социалистической Республики Румынии*, общее число жителей которой составляет 22,8 млн. чел. (из них румыны – свыше 88 %, венгры – около 8 %). Политика государства по отношению к национальным меньшинствам проводится в соответствии с Конституцией СРР, которая гарантирует совместно проживающим в стране национальностям свободное пользование родным языком.

[1] Ладинским называют свой язык и сефарды.

В государствах, расположенных на Балканском полуострове, существуют три разновидности речи восточнороманского типа: арумынская (аромунская), мегленитская (мегленорумынская) и истрорумынская[1]. Эти разновидности восточнороманской речи называют балкано-романскими, или южно-дунайскими наречиями. Вопрос об их социолингвистическом статусе (язык/диалект) относится к числу дискуссионных. При сопоставительном изучении румынского языка и южно-дунайских языков/диалектов для обозначения румынского языка прибегают к наименованию «дако-румынский». Наиболее распространенным из южно-дунайских восточнороманских языков/диалектов является арумынский (свыше 100 тыс.). Истрорумынский (около 1 тыс.) постепенно вымирает.

Молдавский язык

Носители молдавского языка — молдаване — основное население Молдавской Советской Социалистической Республики (общая численность свыше 4 млн., из них около 65 %, или примерно 2,6 млн. молдаван). Молдавский язык является также родным для жителей некоторых областей УССР (например, Одесской и Черновицкой) и некоторых районов РСФСР. В Молдавской ССР проживают представители других национальностей, в первую очередь русские и украинцы.

Генетически и структурно молдавский язык близок румынскому. Исторические условия развития близкородственных языков, румынского и молдавского, сложились, однако, различно, что привело к формированию молдавского в качестве языка самостоятельной нации, осуществляющего в пределах отдельной административной единицы всю полноту общественных функций. На молдавском языке существует богатая литература, художественная и научная, издаются многочисленные газеты и журналы, он широко используется средствами массовой информации.

§ 5. **Креольские языки.** Открытие Америки (1492 г.) привело к переселению на этот континент значительного числа европейцев. Истребление местного населения при постоянно возраставшей потребности в рабочей силе имели следствием массовый завоз в Северную, Центральную и Южную Америку, а также на расположенные вблизи нее острова, рабов-негров из различных областей Африки. Многие острова при этом были целиком заселены европейцами и неграми из разных частей африканского континента, на других одновременно использовался труд рабов-индейцев. При завоевании островов в других частях мира, в частности островов в Индийском

---

[1] Для данной разновидности балкано-романской речи целесообразно сохранить именно этот термин, поскольку ранее предложенный («истриотский») используется применительно к группе диалектов западнороманского типа, также засвидетельствованных на полуострове Истрия в Югославии, см.: *Crestomație romanică*. Întocmită sub conducerea acad. I. Iordan. – Bucureşti, 1968. – Partea I. – Vol. al III-lea. P. 465–481. В лингвистической литературе можно встретить также термин «истровлашский язык» (соотв. мегленовлашский), см.: *Виноман Б.Н.* Языковая характеристика и статус восточнороманских языков. – Калинин, 1983.

и Тихом океане, туда также завозились рабы из Африки. Во всех подобных случаях создавалась ситуация, при которой люди, занятые одним трудом и живущие бок о бок, не понимали друг друга и своих хозяев (рабы-негры, как правило, принадлежали к разным этническим группам и говорили на разных языках). Возникла потребность в языке-посреднике. В каждом конкретном случае им становился соответствующий европейский язык. Начался процесс массового овладения португальским, испанским, французским и другими западноевропейскими языками.

Овладение тем или иным европейским языком происходило на слух, язык воспринимался в разговорно-произносительной форме без какого-либо особого обучения со стороны его носителей. Звуки и формы европейских языков усваивались в соответствии с особенностями родной для носителей неиндоевропейских языков артикуляционной базы и привычными для них способами языкового выражения. Так на основе европейских, в том числе и в первую очередь романских, языков создавшось некоторое их подобие (своеобразные «ломаные» языки, или языки-пиджины). При всем их несовершенстве они, тем не менее, обеспечивали лицам разного этнического происхождения возможность языкового общения. С течением времени эти языки перерастали в постоянное средство коммуникации, они передавались из поколения в поколение и становились родными для их носителей. Эти языки существуют и в наши дни, их принято называть креольскими.

Термин «креольские языки» этимологически связан с термином «креол» (criollo). Этимология самого слова «креол» точно не известна. Предполагается, что это термин местного (индейского) происхождения. Впервые он засвидетельствован в испанском тексте конца XVI в.

Креолами в период колонизации и в следующие века называли людей европейской расы, родившихся в Америке. Затем в некоторых странах креолами стали называть негров, родившихся в Америке от лиц африканского происхождения. Таким образом, первоначальное значение этого слова – потомок некоренного населения Америки (белых или негров), родившийся на ее территории. С течением времени значение слова изменилось: в наши дни креолами в некоторых странах Америки называет себя местное население – в противоположность иммигрантам (в Перу, например, criollo значит «местный»).

Креольские языки представляют собой результат неполного и весьма своеобразного усвоения европейских (в данном случае – романских) языков. Так, например, в речи носителей некоторых франкокреольских языков существительное с артиклем отождествлено с исходной формой имени, которая может употребляться в сопровождении притяжательного детерминатива: mõ latet = *ma la tête), mõ lekor (= * mon le corps), при этом существительное не имеет грамматической категории рода. В креольских языках, образованных на основе как французского, так и португальского, инфинитивы усвоены без конечного -r: *франкокреол.* vini = *франц.* venir, *португалокреол.* cantâ = *португ.* cantar. Носители креольских языков заменили свойственную романским языкам развитую систему видо-временных форм системой препозитивных частиц видо-временного значения, ср. *франкокреол.* in al 'ушел (ушла)' – частица **in** передает завершенность

действия в прошлом, и а тог 'ты умрешь (вы умрете)' — частица а указывает на отнесенность действия к будущему; *португалокреол.* i na cumi 'он спит (спал, будет спать)' — частица na выражает (независимо от времени) длительность протекания действия, i bin ba 'он пришел' — частица ba подчеркивает факт предшествования и т.д.[1].

Креольские языки используются в основном жителями некоторых островов Атлантического, Индийского и Тихого океанов, ранее колонизованных Португалией, Испанией, Францией и другими (не романскими) странами, в первую очередь Англией. Географическая изолированность островов оказалась благоприятным условием возникновения креольских языков. Имеются и не островные варианты, но они немногочисленны.

Следующая таблица дает представление о распространении наиболее известных креольских языков, образованных на романской основе:

Португальский тип	Гвинея-Бисау; Кабо-Верде; о. Принсипи; о. Сан-Томе.
Испанский тип	Колумбия; о-ва Кюрасао, Аруба, Бонайре; о. Пуэрто-Рико; о. Тринидад; Филиппины.
Французский тип	о. Гаити; Гвиана; о. Гваделупа; о. Мартиника; о. Сент-Люсия; о. Маврикий; о. Реюньон; Сейшельские острова (три последних в Индийском океане).

В *Республике Сейшельские Острова* креольский язык имеет статус официального. В 1983 г. там создан первый в истории страны (и, по-видимому, первый или один из первых в истории креольских языков) словарь, содержащий 10 тыс. креольских слов, переведенных на французский язык. По решению правительства в начальных школах вводится преподавание на креольском языке, для чего разрабатываются программы и учебные материалы, начата подготовка учителей.

По вопросу об основе креольского языка островов *Кюрасао, Аруба* и *Бонайре,* входящих в состав Подветренных островов в группе Малых Антильских и расположенных у берегов Венесуэлы (этот язык называют папьяменто, или папьяменту), существуют разногласия: иногда его относят, как и креольский Филиппин, к языкам португальского типа, аргументируя это тем, что основным поставщиком рабов-негров была Португалия и что рабы завозились уже после того, как они создали язык-посредник на португальской основе, т.е. уже в момент заселения островов владели своеобразным протокреольским языком.

---

[1] Анализ франкокреольского языка Сейшельских Островов и тексты с переводами на французский язык можно найти в книге: *Bollée A.* Le créole français des Seychelles. – Tubingen, 1977. Краткую характеристику португалокреольских языков Африки и образец текста на креольском языке Республики Кабо-Верде см.: *Ярцыкин А.А.* Португальский язык в Африке. – Л., 1984. – С. 20–30; там же даны описание некоторых особенностей португальского языка в Анголе и Мозамбике и библиография вопроса. Обзор работ по креольским языкам, в том числе созданным на романской языковой основе, см.: *Бахман К.В.* Социальный статус креольских языков // Языковая политика и языковое планирование в развивающихся странах. – М., 1982.

Завоевание бывшими колониями независимости сопровождается признанием в качестве официального одного из европейских языков, что ведет к ограничению общественных функций креольских языков и к сокращению числа их носителей. В тех случаях, когда в качестве официального вводится европейский язык, послуживший основой креольского, происходит постепенный процесс «декреолизации» языка, т.е. процесс овладения его носителями соответствующим европейским языком в его литературно-разговорной форме.

§ 6. Понятие литературных романских языков. Национальный общенародный язык представляет собой сложное и неоднородное понятие. На нем говорят и пишут люди разного социального происхождения и культурного уровня. Одни и те же люди пользуются языком в разных целях и при разных ситуациях (ср. торжественное открытие какого-либо собрания, вечера и т.п. и разговор с друзьями, в кругу семьи и т.д.). Оставаясь общепонятным и не теряя своего национального характера (единства), язык вместе с тем, в зависимости от условий использования, приобретает определенную стилистическую окраску. То, что принято называть литературным языком, представляет собой такую стилистическую разновидность, которая признана данным языковым коллективом в качестве своеобразного эталона правильной речи (устной и письменной) на данном языке. «Литературный язык — это обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закрепленными нормами»[1]. Литературный язык, таким образом, предполагает существование литературной нормы (кодификации, упорядочения, регламентации).

Формирование литературных языков — процесс длительный, он охватывает не одно столетие. В разных странах он происходил по-разному[2]. Единства мнений относительно хронологии возникновения каждого романского литературного языка нет. Многообразие существующих по этому вопросу точек зрения можно свести к трем следующим: 1) литературный язык оформляется до его письменной фиксации (в фольклоре); 2) любая письменная фиксация языка, в том числе документы, переводы и т.п., есть отражение литературной формы речи; 3) о литературном языке можно говорить лишь с момента появления на нем таких памятников, «в которых обнаруживаются элементы обработанности... и тенденции к нормативности»[3].

Несмотря на разногласия по вопросу о хронологии возникновения романских литературных языков, в романистике сложилась определенная традиция, в соответствии с которой первыми памятниками литературных языков считаются: французского — «Песнь о Роланде» (XI в.), провансальского — поэзия трубадуров (XI — XIII вв.), испанского — «Песнь о моем

---

[1] *Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. — М., 1967. — С. 5.

[2] См.: *Волкова З.Н.* Истоки французского литературного языка. — М., 1983; *Вольф Е.М.* Формирование романских литературных языков. Португальский язык. — М., 1983; *Формирование романских литературных языков.* — М., 1984 (коллективная монография) и др.

[3] *Будагов Р.А.* Литературные языки... — С. 331 (312–331).

Сиде» (XII в), португальско-галисийского – так называемые кансьонейру – сборники лирической и сатирической поэзии (XII – XIV вв.), итальянского – произведения поэтов сицилийской школы (XIII в.). В то же время романисты склоняются к мнению о том, что моменту возникновения письменного литературного языка мог предшествовать более или менее длительный период существования устной литературной (поэтической) традиции, подготовившей ту форму романских литературных языков, которую мы находим в названных литературных произведениях. Первыми памятниками румынского (молдавского) литературного языка считаются оригинальные исторические хроники (XVII – нач. XVIII вв.). До этого периода язык представлен документальными текстами и переводами религиозного содержания (начиная с XVI в.).

Понятие литературного языка не совпадает с понятием языка художественной литературы, хотя оно соотносимо и взаимодействует с ним. Понятие языка художественной литературы шире: оно предполагает возможность использования индивидуальных способов выражения, диалектных элементов, просторечных слов и выражений и т.п., выходящих за пределы нормированной литературной речи. Вместе с тем, крупные писатели каждой эпохи вносят заметный вклад в развитие литературного языка.

Нормирование литературного языка связано с известной унификацией способов языкового выражения в письменной и устной речи. Историко-социальные факторы формирования литературного языка могут, однако, привести к созданию нескольких литературных норм, как это произошло, например, в литературном ретороманском языке Швейцарии. Что касается национальных вариантов романских языков (испанского в странах Латинской Америки, португальского в Бразилии, французского в Канаде), то в каждом конкретном случае они приобретают свои особенности, в том числе и в отношении их литературной нормы.

Интенсивность выработки литературной нормы и ее строгость с течением времени возрастают. Раннероманские литературные языки характеризовались по сравнению с литературными языками более поздних периодов значительно меньшей нормированностью, а само понятие литературной нормы носило на ранних этапах истории литературных языков относительный характер: обработанность здесь преобладала над нормативностью, имело место не столько нормирование языка, сколько лишь тенденция к его нормированию.

Социальную базу большинства романских литературных языков в период их становления составила речь придворных кругов. Изменения в социальном строе общества в последующие периоды его истории постепенно приводили к большей или меньшей демократизации литературной нормы, к определенному сближению письменной и устной литературной речи. Выработке литературной нормы романских языков во многом способствовала деятельность грамматистов, лексикографов, теоретиков языка, а также созданных в некоторых романоязычных странах Академий (подробно см. § 112–113)[1].

---

[1] Вопрос о предполагаемой диалектной основе романских литературных языков рассматривается в следующем параграфе.

§ 7. Диалекты в условиях романской речи.

1. Исторический аспект. Феодальная раздробленность территорий отдельных государств в средние века создавала исключительно благоприятные условия для образования территориальных разновидностей речи (диалектов). Области отличались произношением некоторых звуков, разным набором слов для обозначения одних и тех же понятий, отчасти грамматическими способами выражения.

Наибольшим разнообразием диалектов в ранние периоды истории романских языков характеризовались Италия и Франция. На территории *Италии* уже Данте насчитал 14 наречий (диалектов) и свыше 1000 мелких говоров: «...одна только Италия разнится, очевидно, по меньшей мере четырнадцатью наречиями. Кроме того и внутри всех этих наречий есть различия, как, например, в Тоскане между сьенским и аретинским, в Ломбардии между феррарским и пьяченским; да и в одном и том же городе мы обнаруживаем некоторое различие... Поэтому, если бы мы захотели подсчитать основные, второстепенные и третьестепенные различия между наречиями Италии, то и в этом крошечном закоулке мира пришлось бы дойти не то что до тысячи, но и до еще большего множества различий»[1].

Существенную роль в формировании литературного итальянского языка сыграл флорентинский (тосканский) диалект, родной диалект трех крупнейших поэтов (писателей) и гуманистов эпохи итальянского Возрождения – Данте, Петрарки, Боккаччо, пользовавшийся высоким культурным престижем в Италии XIV–XVI вв.

Диалекты средневековой *Франции* – нормандский, пикардский, валлонский, лотарингский, бургундский, франсийский, шампанский и др. в их устной форме нам не известны. Их особенности в той или иной мере восстанавливаются по некоторым региональным чертам письменных текстов. В поэтических произведениях XI – XII вв. представлен старофранцузский письменно-литературный язык, формирующийся на основе разных диалектов, главным образом западных, среди которых наиболее заметную роль в этом процессе играл нормандский диалект. С XIII в. заметно возрастает роль столицы государства – Парижа. С этого времени развитие французского литературного языка происходит под влиянием речи столицы и столичной области Иль-де-Франс[2].

Старопровансальский язык имел несколько диалектов, среди которых – лимузинский (лимузенский), лангедокский и др. Наибольшим своеобразием обладал гасконский диалект. Об устной форме старопровансальских диалектов у нас сведений также нет. Литературный язык, представленный поэзией трубадуров XI–XIII вв., обнаруживает относительное единство и не позволяет с достаточной степенью достоверности восстановить особенности старопровансальских диалектов в их разговорной форме. Образование старопровансальского литературного языка происходило под влиянием разных диалектов.

---

[1] *Данте Алигьери.* Малые произведения. – М., 1968. – С. 279.

[2] См. *Катагощина Н.А., Гуреичева М.С., Аллендорф К.А.* История французского языка. – М., 1976. – С. 37–48.

В *Испании* до середины XVI в. постоянной столицы не было. Королевский двор располагался попеременно в разных городах Кастилии (Бу́ргосе, Вальядолиде, Мадриде, Толе́до). С 1561 г. официальной столицей стал Мадрид. Литературный испанский язык сформировался на основе кастильского диалекта.

В *Португалии* столицей государства до XV в. был один из городов центральной части страны – Коимбра. С XV в. столицей становится город в южной части государства – Лиссабон. В ходе формирования литературного португальского языка произошла смена диалектной основы: центральный диалект был вытеснен южным (впрочем, диалектные различия здесь были не очень резко выражены).

В истории *Румынии* до объединения в 1859 г. Молдавского и Валашского княжеств в единое государство (см. § 21) на формирование литературного языка оказывали влияние два политических и культурных центра – столица Молдавского княжества Яссы (северо-восточный диалект) и столица Валашского княжества Бухарест (южный – мунтянский, или валашский диалект). После объединения княжеств Бухарест стал столицей государства (1861 г.), что привело к возрастанию роли мунтянского (валашского) диалекта в выработке литературной нормы румынского языка.

В *Молдавской ССР* литературный язык складывается в условиях многонационального социалистического государства, в тесном взаимодействии с русским и украинским языками.

Литературное и культурное наследие носителей румынского и молдавского языков до XIX в. включительно в основном совпадает. По мере формирования молдавской нации происходит выработка молдавским языком собственной литературной нормы. Литературная норма современного молдавского языка характеризуется, в отличие от румынской, бо́льшим удельным весом заимствований из русского языка и большей близостью к разговорному стилю, а также некоторыми фонетическими особенностями, ср. *молд. лит.* сарэ, а мынка (соотв. 'вечер'; 'входить', 'войти') и *рум. лит.* seară, a intra.

Итак, формирование литературных языков в странах романской речи происходило по-разному, в зависимости от особенностей исторического развития каждой страны. В их образовании определенную роль сыграли территориальные разновидности речи – диалекты.

2. Современный аспект. Романские языки в территориальном отношении и в наши дни не едины. Каждый из них представляет совокупность более или менее отличающихся друг от друга и от литературного языка региональных разновидностей речи, которые в своем большинстве являются историческим продолжением ранее существовавших диалектов. Региональные разновидности современной романской речи также называют диалектами, однако при этом оговаривается условный характер термина (см. ниже).

Итальянские диалекты объединяются по территориальному принципу в три группы – северную: пьемонтский, лигурийский, ломбардский, эмильянский, венецианский; центральную: тосканский, умбрский, римский;

южную: неаполитанский, абруццский, апулийский, калабрийский, сицилийский[1].

Французский язык во Франции имеет несколько региональных разновидностей, среди которых нормандская, пикардская, лотарингская, бургундская и др. В Бельгии и в некоторых пограничных с ней областях Франции распространен валлонский диалект. В окситанском, помимо гасконского, который в силу его своеобразия нередко относят к самостоятельным языкам, можно назвать лимузинский, овернский, лангедокский диалекты.

Территориальные разновидности современного португальского языка объединяются в три группы (северную, центральную, южную), не обнаруживающие, впрочем, резких расхождений.

В Испании, помимо кастильского диалекта, легшего в основу испанского языка в его литературной форме, выделяются две группы северных диалектов — леонско-астурийская и арагоно-наваррская и южный диалект — андалузский, или андалусийский. Расхождения между диалектами не очень существенны.

В румынском (дакорумынском) языке наиболее значительными являются диалекты исторических областей Мунтении (мунтянский), Баната (банатский), Молдовы (молдавский диалект румынского языка).

В молдавском языке территориальные разновидности речи квалифицируются как говоры.

Ретороманский язык Швейцарии представлен территориальными разновидностями, которые квалифицируются либо как диалекты, либо как говоры и объединяются в две большие группы — сельвскую и энгадинскую.

Среди диалектов сардинского языка — логудорский, нуорский, кампиданский.

В наше время происходит заметное сглаживание диалектных различий. Этому способствуют радио и телевидение, пресса, а также возрастающая миграция населения, в частности молодежи, из сельской местности в крупные города. Даже в Италии, где диалектные различия особенно велики и где на некоторых диалектах существует художественная литература, все же происходит известная унификация речи молодежи, особенно вследствие ее большого притока из областей аграрного юга в города промышленного севера. Объединение в условиях одного крупного предприятия рабочих из разных областей (носителей разных диалектов) способствует созданию своеобразного койне, ориентированного на литературную норму, хотя во многом от нее отклоняющегося, т.е. общепонятного итальянского языка с примесью диалектных черт. Наиболее ярко выраженную диалектную окраску имеет речь жителей сельской местности (не только в Италии, но и в любой другой стране).

Помимо диалектов в каждой романоязычной стране и сейчас есть местные говоры, ограниченные одним или несколькими населенными пунктами.

---

[1] *Шишмарев В.Ф.* История итальянской литературы и итальянского языка. – Л., 1972. – С. 25–26.

§ 8. Проблема классификации романских языков[1]. 1. Романские языки делятся на две большие группы (или подгруппы): *западную* и *восточную*. Это деление было введено Фридрихом Дицем еще в прошлом столетии[2]. Классификация касалась, правда, лишь шести романских языков: испанского и португальского (Ф. Диц относил их к юго-западной подгруппе), французского и провансальского (в его делении — северо-западная подгруппа), итальянского и румынского (оба квалифицировались как восточная подгруппа: румынский язык Ф. Диц в соответствии с принятым в то время наименованием называет валашским).

Вопрос о необходимости и целесообразности самого деления романских языков на западные и восточные сомнений в наши дни не вызывает. Разногласия, однако, начинаются тогда, когда встает конкретный вопрос об отнесении языков к той или иной подгруппе. Единства мнений нет в основном относительно трех языков: итальянского и далматинского — их относят то к западной, то к восточной подгруппе, и сардинского, которому отводят промежуточное положение.

Критерием деления романских языков на западные и восточные до сих пор служили факторы фонетического, лишь отчасти морфологического характера. Наиболее существенные из них — это озвончение или сохранение в виде глухих интервокальных согласных [p, t, k]. При переходе от латинского языка к романским в одних языках происходило их озвончение: *лат.* (разг.) potere > *исп.* poder, *порт.* poder, *франц.* pouvoir, в других — подобного изменения не произошло: *итал.* potere, *рум.* a putea, *молд.* а путя. И второе — это сохранение в виде окончания множественного числа существительными мужского рода -s (от формы латинского аккузатива мн. числа): *лат.* homines > *исп.* hombres, *порт.* homens, *франц.* hommes (на ранних этапах истории французского языка -s произносилось) или -i (от формы латинского, в некоторых случаях позднелатинского, номинатива: *позднелат.* homini > *итал.* uomini, *рум.* oameni, *молд.* амень (в румынском окончание -i не произносится, оно смягчает предшествующий согласный)[3].

Если делить романские языки по этому принципу, то итальянский и далматинский отойдут к восточной подгруппе, а сардинский, давший озвончение интервокальных согласных: *лат.* (разг.) potere > сард. [родеге] и в то же время унаследовавший окончание -s (ед. ч. omine — мн. ч. omines), должен отойти к западной подгруппе.

---

[1] В настоящем параграфе речь идет только о классификационных критериях, по вопросу выделения романских языков см. § 3.

[2] *Diez F.* Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1836. — Erster Teil. — S. 3.

[3] Критерии разработаны в 30-е годы известным швейцарским лингвистом Вальтером фон Варбургом (1888–1971). В своей последующей научной деятельности он неоднократно возвращался к этому вопросу, приводя дополнительные аргументы в их защиту, см.: *Wartburg W. von.* La fragmentation linguistique de la Romania: Пер. с нем. — Paris, 1967. — P. 28–36, 55–57.

Данные критерии, однако, представляются недостаточно надежными. Более целесообразно, по-видимому, проводить деление романских языков на западные и восточные с учетом следующих расхождений в их грамматическом строе:

Западнороманские языки	*Восточнороманские языки*
Определенный артикль является *препозитивным* (ставится перед именем) и *не склоняется*; синтаксические отношения, ранее передаваемые латинскими падежами, выражаются *предлогами*: *лат.* vicini amicus *исп.* el amigo del vecino *порт.* o amigo do vizinho *итал.* l'amico del vicino *фр.* l'ami du voisin	Определенный артикль является *постпозитивным* (после имени), он *склоняется*; падежные отношения передаются *путем склонения* существительного с артиклем: *рум.* prietenul vecinului *молд.* приетенул вечинулуй
Сложное глагольное сказуемое образуется с участием *инфинитива*: *исп.* quiero cantar *порт.* quero cantar *итал.* voglio cantare *фр.* je veux chanter	Сложное глагольное сказуемое образуется преимущественно с участием конъюнктива: *рум.* vreau să cînt *молд.* вряу сэ кынт (букв.: хочу, чтобы я спел)[1]
В основу формы будущего времени легла латинская разговорная описательная конструкция с глаголом habere: cantare habeo. *исп.* cantaré *порт.* cantarei *итал.* canterò *фр.* je chanterai	В основу формы будущего времени легла латинская разговорная описательная конструкция с глаголом volere (*ср. лат.* velle): voleo (volo) cantare. *рум.* voi cînta *молд.* вой кынта
От латинского языка *унаследован* принцип согласования глагольных времен.	Принцип согласования глагольных времен *не унаследован*.

[1] В румынском и молдавском языках сложное глагольное сказуемое образуется и при помощи инфинитива, но это не характерный способ его образования, к тому же это возможно не со всеми глаголами: приведенные словосочетания, как и многие другие, не могут быть преобразованы в инфинитивную конструкцию.

По всем названным грамматическим особенностям латинский, каталанский, провансальский, ретороманский языки должны быть отнесены к западноромanским. Сардинский язык, хотя в некоторых деталях он отличается от западноромanских языков (ср., например, будущее время в литературном итальянском: amerò, amerai и т.д. , где окончания -ò, -ai и др., восходящие к латинскому глаголу habere, стоят после смысловой части глагола, и в сардинском: app'amare, as amare и т.д., где формы вспомогательного глагола, ведущие начало от того же латинского глагола habere, стоят перед инфинитивом), характеризуется в названных отношениях теми же чертами, что и западноромanские языки: артикль в нем препозитивен

и не склоняется, конъюнктив не конкурирует с инфинитивом и т.д., как в восточнороманских языках. В строе далматинского также не удается обнаружить типично восточнороманских особенностей.

Если делить романские языки на западные и восточные, исходя из приведенной выше совокупности их грамматических характеристик, то к собственно восточнороманским должны быть отнесены только румынский и молдавский[1].

Из числа разновидностей романской речи, лингвистический статус которых не определен, в восточную подгруппу войдут арумынская, мегленитская и истрорумынская. В них, правда, реализуются не все приведенные выше восточнороманские черты: так, например, истрорумынский (язык/диалект) не только не дает конкуренции инфинитива и конъюнктива, но вообще почти утратил последний. С другой стороны, арумынский не располагает более инфинитивом, его функции оказались сосредоточенными в основном в конъюнктиве. Есть и другие более частные различия. Однако в целом арумынская, мегленитская и истрорумынская речь, безусловно, представляют восточнороманскую подгруппу.

Деление на западные и восточные не означает полного структурного совпадения языков, входящих в западнороманскую подгруппу. По некоторым особенностям своего строя один из них может противостоять остальным (см. § 74). С другой стороны, диалекты некоторых западнороманских языков (например, южноитальянские) могут иметь общие черты с диалектами или с языками, входящими в восточнороманскую подгруппу (см. § 66). Однако это не противоречит самому делению романских языков на западные и восточные: в вопросах классификации подобные моменты имеют подчиненное значение.

II. Романские языки объединяются в подгруппы также по принципу их *территориальной общности*. На этом основании в 40-х годах текущего столетия итальянским ученым Карло Тальявини (род. в 1903 г.) были выделены четыре романских зоны: иберо-романская, галло-романская, итало-романская и балкано-романская. В настоящее время в дополнение к названным зонам выделяется также ретороманская.

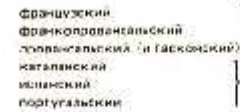
При классификации строго по территориальному принципу языки, весьма близкие друг к другу по своим лингвистическим особенностям, как, например, каталанский и провансальский, оказываются отнесенными к разным зонам (первый к иберо-романской, второй к галло-романской) и объединенными в одну зону с языками, от которых они отличаются значительно больше.

В связи с этим возникла потребность каким-то образом обозначить в классификации промежуточный характер некоторых языков, их пере-

---

[1]Такая особенность восточнороманских языков, как замена инфинитива конъюнктивом, сближает румынский и молдавский с балканскими языками: албанским, болгарским (южнославянским), новогреческим. Албанскому и болгарскому языкам свойственна также постпозиция определенного артикля и его слитное написание с существительным, при этом в албанском языке постпозитивный определенный артикль склоняется. Определенный артикль склоняется и в новогреческом, но здесь он ставится перед существительным и пишется с ним раздельно.

ходное положение между зонами. Карло Тальявини прибег к приему наложения фигурных скобок:

Тот же прием он использовал применительно к далматинскому языку, расположив его между итало-романской и балкано-романской зонами[1].

Далматинскому языку (его называют также вельотским по названию острова Велья в Адриатическом море, где он дольше всего сохранялся) посвящена большая лингвистическая литература, вся она, однако, в той или иной степени опирается на основополагающий труд в данной области — двухтомную монографию итальянского ученого профессора Туринского университета Маттео Ба́ртоли (1873—1946)[2], в которой он представил, систематизировал и проанализировал языковой материал, собранный им самим и его предшественниками. Основной источник сведений о далматинском — это записи автобиографического рассказа последнего носителя языка жителя названного острова, скончавшегося в 1898 г., Антонио Удины, произведенные самим М. Ба́ртоли и за двадцать лет до него другим исследователем — профессором университета г. Граца (Австрия) А. Ивс.

Изучение материалов, содержащихся в монографии М. Бартоли, показывает, что по своему строю далматинский — это язык безусловно западнороманского типа, обнаруживающий ряд общих черт с итальянским. В нем нет структурных особенностей, которые характеризуют восточнороманские языки: артикль в далматинском препозитивен и не склоняется, падежные отношения передаются предлогами, приглагольный инфинитив не заменяется конъюнктивом, как на востоке романского ареала. Своеобразие далматинского языка проявляется главным образом в области исторической фонетики. Это один из немногих, если не единственный романский язык, в котором *лат.* a > u: caput > cup 'голова', stare > stur 'стоять, находиться'; *лат.* ĭ, ŭ дифтонгизировались: amīcus > amaiko 'друг', marītus > marait 'муж', dūrus > doir 'жесткий, твердый', luna > loina 'луна' и т.д.[3]

В названной ранее книге К. Тальявини и в трудах более поздних исследователей применительно к каталанскому языку был предложен термин «промежуточный (переходный) язык» — il ponte di passaggio; lengua puente, поскольку каталанский расположен в иберо-романской зоне, по структуре же близок провансальскому, находящемуся в галло-романской зоне. К переходному типу можно, по-видимому, отнести и гасконскую разновидность романской речи, которая, будучи расположенной в зоне провансальского

---

[1] *Tagliavini C.* Le origini delle lingue neolatine. — Bologna, 1972. — P. 354—355 (1-е изд. 1949 г.).

[2] *Bartoli M.* Das Dalmatische. — Wien, 1906. — Bd. I—II.

[3] Подробно см.: *Решина Т.А.* О далматинском языке и его месте в группе романских языков // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6.

языка, обнаруживает много общего с каталанским языком и арагонским диалектом испанского языка[1].

Классификация романских языков в свете сказанного представляется следующей:

	Западнороманская подгруппа				Восточнороманская подгруппа
Зоны	Иберо-романская	Галло-романская	Ретороманская	Итало-романская	Балкано-романская
Языки	Испанский, Португальский, Галисийский; Каталанский	Французский, Провансальский (Окситанский)	Ретороманский (швейцарский, тирольский, фриульский варианты)	Итальянский[1], Сардинский, Далматинский	Румынский, Молдавский
Реликтовые романские речи		Франко-провансальская; Гасконская			Арумынская, Мегленитская, Истрорумынская

[1] Имеется в виду итальянский литературный язык. При учете диалектов итальянского языка северные диалекты заняли бы в классификации промежуточное положение между галло-романской и итало-романской зонами, а южные — между итало-романской и балкано-романской.

Ретороманская зона занимает своеобразное промежуточное положение и в территориальном отношении и по своеобразию своего строя между галло-романской и итало-романской (это показано пунктирной линией).

III. Из всех западнороманских языков наибольшие расхождения с латинским, как по фонетическому облику слов, так и в грамматическом отношении, обнаруживает *французский язык*. Это единственный язык окситонического типа (при переходе от латинского к французскому послеударные слоги отпали, ср. *лат.* gubernaculum > *франц.* gouvernail). Фонетические переходы в истории французского языка оказались в ряде случаев настолько сложными, что они до неузнаваемости изменили облик многих слов, ср. *лат.* oculum > *франц.* œil, мн. ч. oculos > yeux, *лат.* octo > *франц.* huit и др.

Дальше других отошел французский язык от латинского прототипа и по своему грамматическому строю. Ослабление флексии привело к тому, что в устной речи единственное и множественное число существительных нередко различаются лишь благодаря так называемому «сцеплению» слов (liaison), ср.: petit enfant 'малыш' и petits enfants (мн. ч.), в произношении соответственно [pəti-t-ɑ̃ · fɑ̃] и [pəti-z-ɑ̃ · fɑ̃] и т. п. В силу стертости глагольной флексии только во французском языке стало обязательным употребле-

[1] См.: *Rohlfs G.* Le Gascon. Etudes de philologie pyrénéenne // Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. – Tübingen, 1977. Bd. 85.

ние местоимения-подлежащего при глаголе, ср. *исп.* canto, cantas, canta и т.д. и *франц.* je chante, tu chantes, il chante и т.д. – во всех случаях глагол во французском произносится как [ʃa:t]. По-особому выражается во французском языке отрицание, ср. *исп.* no sé, *итал.* non so и *франц.* je ne sais pas и т.п.

Факт своеобразия французского языка по сравнению с другими западнороманскими языками дал основания аргентинскому филологу Амадо Алонсо (1896–1952) отвести ему особое место в классификации. Отметив, что португальский, каталанский, провансальский (он выделил в качестве самостоятельного также гасконский), испанский и итальянский ближе по своей структуре друг к другу, чем французскому, А. Алонсо предложил объединить их в одну группу под названием «Romania continua», в переводе на русский язык «непрерывная Романия». Французский язык он вывел за пределы этой подгруппы[1]. А. Алонсо оговорил при этом, что каждый язык (особое внимание в данном отношении он уделил испанскому и итальянскому) имеет свою специфику, отличающую его от других языков, объединяемых понятием «Romania continua»[2]. Сардинский и ретороманский языки им не рассматривались. В силу ярко выраженных особенностей своей структуры они, по-видимому, так же, как и французский, не входят в выделенную им подгруппу западнороманских языков.

§ 9. Проблема структурной общности романских языков. В вопросе о структурной общности романских языков многое остается неясным. Что понимать под структурной общностью языков? Какие особенности строя каждого языка, входящего в ту или иную подгруппу, можно считать ее проявлением? Следует ли рассматривать отсутствие внешне сходных явлений в родственных языках как отсутствие у них структурной общности в данной конкретной области грамматики (фонетики, лексики)?

Ранее (§ 8) уже были выделены несколько критериев, в соответствии с которыми романские языки можно разделить на западные и восточные, и среди них такой момент, как несклоняемость или склоняемость артикля. Вспомним приведенные выше примеры: *исп.* el amigo del vecino, *франц.* l'ami du voisin и *рум.* prietenul vecinului. Казалось бы, что же тут общего между языками, ведь речь идет об отличии языков восточной подгруппы от языков западной подгруппы. Однако на ту же черту грамматики сопоставляемых языков можно посмотреть и с другой стороны.

Распространим зависимое существительное в приведенных словосочетаниях прилагательным: *исп.* el amigo **del** *viejo vecino enfermo*, *франц.* l'ami **du** *vieux voisin malade*, *рум.* prietenul *bătrînului vecin bolnav*. При распространении именной группы становится очевидным, что как в примерах из западнороманских языков, так и в примере из восточнороманского языка, есть одна общая черта: и в том, и в другом случае в именной группе

[1] *Alonso A.* Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid, 1974. – P. 84–105 (в виде статьи материалы главы «Particián de las lenguas romances de Occidente» были опубликованы автором в 1945 г.).

[2] Там же. – С. 104–105.

имеется некий грамматический центр (он выделен жирным шрифтом), в котором сосредоточена вся необходимая грамматическая информация – об определенности существительного, о его синтаксической функции, о его роде и числе. В западнороманских языках таким центром является сочетание предлога с артиклем, в восточнороманских языках им оказывается падежная форма артикля, но в обоих случаях наличие грамматического центра в именной группе (синтагме) очевидно. И в создании этого «центра грамматической информации» в языках обеих подгрупп участвует *артикль*, служебный элемент, которого не было в латинском языке.

Принцип грамматического оформления именной группы в романских языках, независимо от их принадлежности к западнороманской или восточнороманской подгруппе, является, таким образом, *синтагматическим* (централизованным). Роль именной флексии (окончания существительного и прилагательного) сведена здесь к выражению рода и числа.

А теперь для сравнения приведем аналогичное предложение на латинском языке: vicini veterani et infirmi amicus. Здесь подобного центра нет: каждое слово в самом себе несет всю необходимую грамматическую информацию.

Принцип грамматического оформления именной группы в латинском языке *словесный* (расчлененный). Основным показателем грамматических категорий существительного (прилагательного) является *флексия*.

Таким образом, то, что отличает романские языки от латинского (другой принцип грамматического оформления именной группы, наличие артикля, его роль в грамматической организации именной синтагмы), сближает их между собой. За внешним различием в форме выражения, присущей романским языкам, как видим, скрывается глубокое внутреннее сходство их языковой структуры.

Проблема структурной общности романских языков самым непосредственным образом связана с вопросом о выделении языков *синтетического* и *аналитического* строя. В группе индоевропейских языков синтетическими называют языки с развитой, грамматически полноценной флексией, т.е. такие языки, в которых грамматические категории выражаются прежде всего различного рода окончаниями. Латинский язык представляет собой именно такой тип языковой структуры (к синтетическим, или флективным языкам относится и русский). Об аналитическом строе говорят тогда, когда основную роль в выражении различных грамматических категорий играют служебные слова: предлоги, артикли, вспомогательные глаголы. Романские языки представляют, в большей или меньшей степени, аналитический тип языковой структуры.

Когда противопоставляют языки по принципу «флексия/не флексия», это не значит, что в языках синтетического строя нет служебных слов (впрочем, некоторых из них, действительно, может не быть, например, артикля), а в языках аналитического строя нет окончаний. Все дело в том, какова их роль в структуре языка и в процессе коммуникации[1].

---

[1] См.: *Реформатская Т.А.* Артикль в типологическая характеристика языка (на романском материале) // Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л., 1981

Будучи наследниками латинского, языка синтетического строя, романские языки переросли с течением времени в его противоположность. В структурном плане они представляют качественно новое образование по сравнению с латинским.

Понятия «синтез/анализ» в их лингвистическом значении — понятия исторические. То, что на одном этапе развития языка представляет аналитическое образование, в следующий период его истории может перейти в разряд синтетических. В образовании формы родительного и дательного падежа lupului в румынском языке принимал участие артикль — элемент новой аналитической структуры. Однако постпозиция артикля по отношению к существительному и его слияние с существительным в одно слово, так же как и его способность изменяться по падежам позволяют рассматривать эту форму как синтетическую. Другой пример: получившая распространение в народной латыни для обозначения действия, имеющего быть в будущем, описательная конструкция cantare habeo 'спеть имею', значит 'спою', была аналитическим образованием: ее смысловым компонентом был инфинитив, грамматические же характеристики передавались глаголом habere, выполнявшим вспомогательную функцию. Развившиеся на основе этой описательной (аналитической) конструкции формы простого будущего в западнороманских языках представляют собой синтетические образования. Во всех подобных случаях наблюдается явление *вторичного синтеза*.

Лингвистические понятия «синтез/анализ» широко используются и при описании современного состояния романских языков, уже безотносительно к латинскому. Так, говорят о словосочетаниях аналитического типа (их иногда называют аналитическими словами), как, например, *франц.* **avoir faim** 'хотеть есть', **avoir soif** 'хотеть пить', **avoir peur** 'бояться' и т.п., в которых смысловую нагрузку несет существительное, глагол же выступает как грамматический центр словосочетания; отмечают различия в характере флексии (ср., с одной стороны, *исп.* casas, где род и число передаются разными морфемами, и, с другой стороны, *итал., рум.* case, где передача тех же категорий синтезирована в одной морфеме) и т.д. При изучении проблемы структурной общности романских языков эти моменты также должны учитываться.

И еще один аспект является важным для решения проблемы структурной общности романских языков — это определение степени *архаичности* языка. Критерием архаичности отдельных романских языков вплоть до последнего времени считалась близость инвентаря их форм и способов выражения к латинскому прототипу или удаленность от него. Функциональная сторона, т.е. роль каждого такого способа выражения или каждой формы в процессе общения носителей языка, не принималась во внимание. Инвентарь форм, однако, при всей его важности, составляет лишь одну из характеристик языка (его «материальную оболочку»), не менее важным является место, занимаемое теми или иными способами выражения в системе языка[1]. Так, например, восточнороманские языки унаследовали от

[1] См.: *Вольф Е.М.* Об «архаичности» языка в свете его системы и нормы // Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. – Минск, 1970. Ч. 1. *Будагов Р.А.* Понятие архаичности языка в романской лингвистике // Philologica. Исследования по языку и литературе. – Л., 1973.

латинского, в отличие от западнороманских языков, неличную форму глагола, называемую супином (ср. *рум.*: greu de *scris* 'трудный для написания'). Казалось бы, это свидетельствует об архаичности румынского (и молдавского) языка. Однако по особенностям своего использования современный восточнороманский супин обнаруживает весьма отдаленное сходство с латинским. К тому же для носителей современных восточнороманских языков супин представляет явление живое, продуктивное, отнюдь не имеющее налета архаичности. Его квалифицируют как вторичный инфинитив[1]. Восточнороманский супин представляет собой такое грамматическое явление, которое следует рассматривать скорее как инновацию по сравнению с соответствующей латинской формой, чем как архаизм.

Необходимо, следовательно, помнить о том, что романские формы должны расцениваться как архаичные не только и не столько по их материальной оболочке, соотносимой с латинской формой, сколько по занимаемому ими месту в системе современного языка.

Следует принимать во внимание и тот факт, что инновация одного периода истории языка нередко оказывается в числе архаизмов на другом этапе его исторического развития. В качестве примеров можно привести следующие. В старофранцузском языке для обозначения абстрактного понятия 'гнев' возникло новообразование maltalent (из латинского прилагательного malus, -a, -um 'плохой, дурной, скверный' и латинского существительного греческого происхождения talentum, обозначавшего меру веса и денежную единицу и взятого в переносном значении 'желание, воля': в форме maltalent зафиксировано в XI в.). В последующие века, однако, это слово перешло в разряд архаизмов и к XV в. вышло из употребления. В истории румынского (молдавского) языка новообразованием явилась сверхсложная (аналитическая) форма перфекта или плюсквамперфекта, употреблявшаяся в XVI–XVII вв.: dzăci galbĕni ce- <a>m **fost dat** eu lui Vasili[2] 'десять золотых, которые я дал Василию' (в современном языке: am dat или dădusem). Эта форма постепенно также перешла в разряд архаизмов и перестала употребляться.

---

[1] См. *Габинский М.А.* Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс. Л., 1967, С. 54–55.

[2] Цитируется по: *Crestomaţie romanică*, întocmită sub conducerea acad. Iorgu Iordan. – Bucureşti, 1962, V. 1. – P. 160.

РОМАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

ГЛАВА I.

ПРЕДЫСТОРИЯ РОМАНИИ: ЕВРОПА И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

§ 10. Расселение племен на Апеннинском полуострове. Наиболее крупными группировками племен, населявших Апеннинский полуостров в первом тысячелетии до н. э., были этруски и италики.

Этруски, древние племена неизвестного происхождения, вероятнее всего неиндоевропейского, достигли в своем развитии высокого уровня экономической, политической и культурной жизни и сыграли значительную роль в истории создания римской цивилизации. Они занимали западную часть центральной Италии, плодородную и благоприятную по природным условиям область Этрурию (современная Тоскана, центр — г. Флоренция), расположенную между реками Арно на севере и Тибром на юге, а во времена своего расцвета (VII—VI вв. до н. э.) также прилегающие к ней с севера и юга обширные области Италии.

Свидетельства языка этрусков сохранились в виде надписей, первые из которых датируются VII в. до н. э., последние I в. до н. э. Это надгробные надписи, надписи на предметах, имеется также довольно обширный текст на пеленах женской мумии, обнаруженной в конце прошлого столетия в Египте и хранящейся в настоящее время в одном из югославских музеев (в г. Загребе), — текст, получивший название «Льняной книги» или «Книги мумии», представляет собой религиозный календарь. Этрусские надписи в начале XX в. были опубликованы, они сравнительно легко читаются, так как написаны алфавитом, близким к греческому, но в своем большинстве до сих пор не расшифрованы. В результате многолетнего кропотливого труда с применением самых разных методов ученым удалось лишь определить значение ряда слов (около 150) и составить представление о некоторых, весьма немногочисленных, грамматических и словообразовательных характеристиках этого языка.

Изучением этрусков, их истории и языка занимается специальная отрасль исторической и историко-лингвистической науки — этрускология. Среди видных этрускологов можно назвать итальянского ученого Массимо Паллоттино, болгарского ученого академика Владимира Георгиева, советских исследователей профессоров Н.Н. Залесского, А.И. Харсекина и других. Существуют периодические издания по этрускологии. В Тоскане и прилегающих к ней областях Италии ведутся раскопки.

Для обозначения этрусков существует несколько наименований. Греки называли их тирренами или тирсенами, римляне — тусками или этрусками. Сами этруски называли себя расенами. От греческого наименования произошло название Тирренского моря, римское осталось в названии соответствующей области Италии (Тоскана или Этрурия) и в общепринятом в науке термине для обозначения данной группы древних племен.

Карта № 2. *Расселение племен на Апеннинском полуострове в первом тысячелетии до н.э.*

Италики, многочисленная группа этнически родственных племен индоевропейского происхождения, говоривших на родственных языках, населяли большинство областей центральной и южной Италии (У́мбрию, Ла́циум, Кампа́нию, Кала́брию) и восточную часть острова Сицилии. Наиболее крупные из италийских племен и племенных группировок – умбры, саби́ны и самни́ты, входившие в группу сабе́ллъских племен, оски, бру́ттии (италийское племя оско-умбрского происхождения), лати́ны и др.

На территории Апеннинского полуострова и на прилегающих к нему островах жили также *неиталийские* (но индоевропейские) племена: вене́ты, галлы, мессапы и племена предположительно неиндоевропейского происхождения: лигуры, корсы, сарды, сика́ны.

От древних италийских и неиталийских языков сохранились некоторые письменные свидетельства. Это в основном надгробные надписи и надписи на предметах быта, относящиеся к V–I вв. до н. э. (I в. н. э.).

Письменным свидетельством умбрского языка являются так называемые Игувинские таблицы – семь бронзовых пластин с текстами религиозного содержания (описание жертвоприношений, ритуалов религиозного характера и т.п.), обнаруженные в XV в. в итальянском городе Губбио (лат. Iguvium) в Умбрии неподалеку от Перуджи и хранящиеся в одном из музеев этого города. Текст Игувинских таблиц расшифрован и издан с соответствующим научным комментарием. Точная датировка Игувинских таблиц затруднена, они, вероятно, написаны в разное время: наиболее позднюю из них относят к I в. до н. э.

Надписи на оскском языке, наряду с надписями на латинском языке, были обнаружены, в частности, при раскопках г. Помпеи, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э.

Латины представляли собой италийское племя, занимавшее часть небольшой области в самом центре Италии на побережье Тирренского моря в устье р. Тибр. Эта область называлась Лациум (Лаций), совр. Лацио, центр – столица Италии г. Рим. В Лации, помимо латин, проживали сабельские племена – сабины, вольски, ге́рники, эквы. Рим в начале своего существования представлял собой одну из латинских общин.

По преданию Рим возник в 754–753 гг. до н. э. Древние историки донесли до нас легенду о предполагаемых основателях Рима – двух братьях-близнецах Ромуле и Реме, брошенных по приказу царя в Тибр сразу же после рождения, чудом спасшихся, вскормленных волчицей. Точная история создания Рима неизвестна. Существует мнение, что Рим создали этруски. Оно основывается на сходстве древнейших памятников материальной культуры этрусков и римлян, на общности некоторых ритуалов, общественных должностей, обычаев у обоих народов. Бронзовое изображение волчицы найдено при раскопках в Этрурии, что также рассматривается как одно из подтверждений этрусского происхождения самого Рима.

Латинский язык постепенно вытеснил языки всех остальных племен Италии. Они исчезли из живого общения к I–II вв. н. э.

§ 11. Племенные группировки на территории Западной Европы. *Кельты* (римляне называли их галлами). Группа племен индоевропейского происхождения, в которую входили аквита́ны, арве́рны, белги, гельветы, се́кваны, тре́веры, э́дуи и ряд других племен. Некоторые из них, в частности, аквитаны и белги, возможно, представляли собой смешанные группы племен: первые – кельтских и иберийских, вторые – кельтских и германских. Треверов причисляли либо к кельтским племенам, либо к германским.

Кельтские племена в доримский период древней истории занимали территории: современных Бельгии и частично Нидерландов, Франции и значительной части Швейцарии, Австрии, северной и западной Испании и др. Кельтские племена (так называемая бриттская их группа) жили в Британии[1]. С конца V в. до н. э. часть кельтов с земель, расположенных за Альпами, переселилась в северную Италию.

[1] Название «Англия» в качестве официального было принято в IX в., наименование «Великобритания» – в начале XVIII в.

Кельтские языки, как и большинство других местных языков на завоеванных Римом территориях, постепенно вымерли, в основном в течение I–II вв. н. э., в некоторых случаях, однако, они сохранялись до III–IV вв. Текстов, отражающих состояние кельтских языков в этот период, не сохранилось. Бриттская группа древних кельтских языков лежит в основе современных кельтских языков: ирландского, шотландского (его называют также гальским или гаэльским по названию говорящего на нем народа, проживающего в северной Шотландии), валлийского (на полуострове Уэльс в западной части Великобритании) и некоторых других. К древним кельтским языкам восходит и современный бретонский язык, на котором говорит население полуострова Бретань во Франции.

Иберы. В эту группу племен неиндоевропейского происхождения, населявших Иберийский полуостров, входили карпета́ны, турдета́ны, ту́рдулы, лузита́ны (последние занимали большую часть современной Португалии) и другие. Северные области Пиренейского (Иберийского) полуострова были населены васко́нами (предположительно народом другой этнической группы), а также аст у́рами, кантабрами, галла́йками (галлеками), некоторые из которых, возможно, относились к группе кельтских племен или были племенами смешанного этнического происхождения (кельтиберами).

По поводу происхождения иберийских племен высказываются разные гипотезы. Доказать родство иберийских языков с какой-либо языковой группой до сих пор не удалось. Иногда их связывают с языками кавказской группы.

Долгое время ученые считали, что современный баскский язык явился продолжением иберийского субстрата (этот язык занимает в современном мире изолированное положение и не входит ни в одну из языковых семей). Изучение топонимических данных (местных географических названий), свидетельств археологии и проведенные на основе последних антропологические исследования заставили обратиться к пересмотру традиционной точки зрения. В настоящее время все больше сторонников приобретает гипотеза, в соответствии с которой васконы (как предполагается, предки современных басков) – это один из древнейших пиренейских (но, вероятно, все же неиндоевропейских) народов, живший на полуострове с эпохи палеолита[1]. Иберы же, по-видимому, в начале III тысячелетия пришли на Пиренеи из Африки. «Если и говорится о близости, родстве баскского с древним иберийским языком, то лишь в смысле «родства из-за соседства»(parentesco por vecindad), а не общности происхождения»[2].

Германцы. Многочисленная группа древних племен индоевропейского происхождения, которые селились по течению рек Рейна, Эльбы, Одера, Вислы, у берегов Северного и Балтийского морей и на юге Скандинавии.

---

[1] Существует также мнение о том, что васконы проживали и за Пиренеями и что это могло наложить отпечаток на формирование гасконской разновидности романской речи (гасконского диалекта / языка), отмеченной большим своеобразием. См.: *Rohlfs*, цит. в примечании 6 8.

[2] *Стуруа Н.Н.* Проблемы баскского языка в свете современной баскологии по материалам журнала «Fontes linguae Vasconum» // Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова. – Л., 1983. – С. 201–202.

племена, жившие к западу от Одера, принято называть западногерманскими (лангобарды, сигамбры и др.), между Одером и Вислой – восточногерманскими (бургунды, вандалы, готы и др.). Уклад жизни германских племен во второй половине I тысячелетия до н. э. был в основном первобытно-общинный (общинно-родовой). Их основным занятием были охота и скотоводство. Языки германских племен этого периода письменными свидетельствами не представлены. Развитие письменности на древнегерманских языках относится к эпохе раннего средневековья (VI–XI вв.)[1].

Фракийцы. Группа древних племен также индоевропейского происхождения, населявших Балканский полуостров и прилегающие к нему северодунайские области. Об этих языках известно очень мало (см. § 45). Высказывается предположение о том, что фракийский язык был в известной мере близок иллирийскому (иллиры населяли северо-западные области Балканского полуострова, фракийцы – северо-восточные), в связи с чем иногда говорят о фрако-иллирийских племенах и языках. Считается, что продолжением фрако-иллирийской ветви древних языков является современный албанский язык: этот язык несомненно принадлежит индоевропейской языковой семье, однако он не входит ни в одну из известных ее подгрупп. Албанский язык имеет некоторые общие черты с восточнороманскими языками (геты и даки, населявшие области к северу от Дуная, относились к фракийским племенам).

Территорию центральной и восточной Европы занимали *славяне* – древнейшие племена индоевропейского происхождения (см. § 20). Исторические пути этих народов и романизированного населения восточных областей образовавшегося впоследствии римского государства пересеклись лишь в VI–VII вв. н.э., т.е. уже в послеримский период.

§ 12. **Древние государства Средиземноморья.** *Древняя Греция,* сильнейшее рабовладельческое государство Средиземноморья, начиная с VIII в. до н. э. и особенно интенсивно в VII–VI вв. до н. э., проводит политику создания на побережье Средиземного моря своих колоний. Так, в Южной Италии возникли Брундизий, Кротон, Тарент, в Сицилии – Сиракузы, Мессана (Мессина), на южном побережье Галлии – Массалия (Массилия) и многие другие. Греческие колонии быстро становились высокоразвитыми, богатыми городами, торговыми и культурными центрами и во многом способствовали проникновению греческой культуры на территории, находящиеся за пределами Греции.

В начале I тысячелетия до н. э. сильным государством Средиземноморья была *Финикия* (прибрежная полоса современных Ливана и Сирии). Финикия также создавала свои колонии на берегах Средиземного моря, особенно в его центральной и западной части: в Северной Африке, Сицилии, Сардинии, южной Испании. В VIII–VI вв. до н. э., однако, Финикия утрачивает свою политическую независимость (входит вначале в состав государства Ассирии, затем – Вавилонии), ее политическое и культурное влияние ослабевает.

---

[1] Подробно см.: Введение в германскую филологию. – М., 1980. – С. 19–27.

В то же время происходит выдвижение одной из финикийских колоний на северном побережье Африки, основанной финикийскими купцами в конце IX в. до н. э. — города-государства *Карфаге́на*. За сравнительно короткий срок Карфаген достиг большого расцвета экономики, значительно укрепил свою военную мощь, создал свои собственные колонии на восточном и южном побережье Испании, в Сицилии и Сардинии. К середине VI в. до н. э. Карфаген становится одним из сильнейших рабовладельческих государств бассейна Средиземного моря.

В самой Италии к середине VI в. до н. э. вершины своего политического, экономического и культурного развития достигает *федерация двенадцати этрусских городов*, созданная еще в конце VII в. Наиболее крупные города этой федерации: Ве́йи, Вольси́нии, Тарквини́и, Це́ре и другие ведут оживленную торговлю с Грецией и Карфагеном.

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ РОМАНИИ

§ 13. Понятие романизации. Возникнув как самостоятельный город, Рим вошел в состав Латинской федерации городов. Выгодное географическое положение способствовало укреплению экономических и торговых связей с другими членами федерации и его собственному быстрому развитию. С конца VI — начала V века до н. э. начинается история постепенного и неуклонного возвышения Рима и его общины среди городов Латинской федерации.

Исторический процесс возвышения Рима проходил сложно, он сопровождался не только успехами римлян, но и их неудачами в борьбе за ведущее положение на полуострове. В конечном итоге, однако, победителем в войнах и столкновениях с другими племенами выходил все же Рим. В течение V — середины III вв. до н. э. римляне проводят целую серию войн: с соседними италийскими племенами вольсков и эквов, с этрусками, с самнитами, с городами Латинской федерации, с греческими городами южной Италии, они побеждают во всех этих войнах и создают на месте распавшейся Латинской федерации и разбитых ими этрусской и самнитской федераций новую Римско-Италийскую федерацию, построенную , в отличие от ранее существовавших, не на принципах равноправия членов союза, а на основе подчинения Риму всех остальных вошедших в ее состав городов. 265 г. до н. э., когда римляне завоевали последний из сопротивлявшихся им и не входивших в созданную ими федерацию этрусский город Вольсинии, считается годом, завершающим завоевание Римом всей территории центральной и южной Италии.

В результате Первой Пунической войны с Карфагеном (264—241 гг. до н. э.) римляне распространили свое господство на Сицилию, а вскоре после окончания этой войны, воспользовавшись ослабленностью Карфагена, захватили Сардинию и Корсику.

Быстрое возвышение Рима, успех его наступательной политики объясняются прежде всего быстрыми темпами роста его экономического могущества, которому в немалой степени способствовало выгодное географи-

ческое положение: в устье судоходной реки, близ соляных разработок, приносивших значительные доходы. Формирование рабовладельческого государства ускорило процесс классового расслоения общества, а это, в свою очередь, стимулировало стремление к обогащению, к захвату добычи, рабов. К тому же римляне умело пользовались отсутствием единства среди своих противников. Политическое и экономическое возвышение Рима сопровождалось ростом уровня его культурной жизни.

С момента захвата римлянами первых территорий, выходящих за пределы Лациума, одновременно с установлением политического господства Рима, начинается процесс, который принято называть *романизацией*. Под романизацией понимается распространение на захваченные Римом территории латинского языка, римских обычаев и римской культуры. Ф. Энгельс так определил этот процесс: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»[1]. Процесс романизации проходил в жестокой борьбе с местным населением. В случае сопротивления непокорное племя безжалостно истреблялось. Пленных римляне превращали в рабов. Установление римского господства приводило к ломке всего уклада жизни народов, населявших захваченные Римом земли.

Романизация, начавшись с Апеннинского полуострова (Италии), охватила большинство областей, завоеванных римлянами в период между III в. до н. э. — II в. н. э. Земли вне Италии (первыми в 227 г. до н. э. острова Сицилия, Сардиния, Корсика) получили название провинций (provinciae)[2]. В них назначались римские должностные лица, они поставляли Риму вспомогательные войска, снабжали Италию продовольствием, платили налоги, завязывали торговые отношения с Римом и италийскими городами. Опорой римлян на завоеванных территориях была местная провинциальная знать. В период расцвета Римского государства прокладывались многочисленные дороги, соединявшие Рим и другие города Италии с провинциями. В провинциальных городах всячески поощрялось строительство, создавались школы, театры. Жители провинциальных городов довольно быстро усваивали латинский язык, римские обычаи и культуру. В сельской местности этот процесс шел медленнее, но постепенно и туда проникало римское влияние.

Римляне проводили политику создания в провинциях городов, населенных в основном римскими гражданами или союзными им латинами — так называемых колоний и муниципий, которые во многом способствовали распространению и укреплению римского влияния в разных частях госу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 146.

[2] После провозглашения тех или иных земель провинциями завоевателям в течение многих лет приходилось вести упорную борьбу с местным населением за фактическое установление своего господства. Сицилией, например, римляне полностью овладели лишь к 210 г. до н. э.

В то же время происходит выдвижение одной из финикийских колоний на северном побережье Африки, основанной финикийскими купцами в конце IX в. до н. э. — города-государства *Карфагена*. За сравнительно короткий срок Карфаген достиг большого расцвета экономики, значительно укрепил свою военную мощь, создал свои собственные колонии на восточном и южном побережье Испании, в Сицилии и Сардинии. К середине VI в. до н. э. Карфаген становится одним из сильнейших рабовладельческих государств бассейна Средиземного моря.

В самой Италии к середине VI в. до н. э. вершины своего политического, экономического и культурного развития достигает *федерация двенадцати этрусских городов*, созданная еще в конце VII в. Наиболее крупные города этой федерации: Ве́йи, Вольси́нии, Тарквини́и, Це́ре и другие ведут оживленную торговлю с Грецией и Карфагеном.

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ РОМАНИИ

§ 13. **Понятие романизации.** Возникнув как самостоятельный город, Рим вошел в состав Латинской федерации городов. Выгодное географическое положение способствовало укреплению экономических и торговых связей с другими членами федерации и его собственному быстрому развитию. С конца VI — начала V века до н. э. начинается история постепенного и неуклонного возвышения Рима и его общины среди городов Латинской федерации.

Исторический процесс возвышения Рима проходил сложно, он сопровождался не только успехами римлян, но и их неудачами в борьбе за ведущее положение на полуострове. В конечном итоге, однако, победителем в войнах и столкновениях с другими племенами выходил все же Рим. В течение V — середины III вв. до н. э. римляне проводят целую серию войн: с соседними италийскими племенами вольсков и эквов, с этрусками, с самнитами, с городами Латинской федерации, с греческими городами южной Италии, они побеждают во всех этих войнах и создают на месте распавшейся Латинской федерации и разбитых ими этрусской и самнитской федераций новую Римско-Италийскую федерацию, построенную , в отличие от ранее существовавших, не на принципах равноправия членов союза, а на основе подчинения Риму всех остальных вошедших в ее состав городов. 265 г. до н. э., когда римляне завоевали последний из сопротивлявшихся им и не входивших в созданную ими федерацию этрусский город Вольсинии, считается годом, завершающим завоевание Римом всей территории центральной и южной Италии.

В результате Первой Пунической войны с Карфагеном (264—241 гг. до н. э.) римляне распространили свое господство на Сицилию, а вскоре после окончания этой войны, воспользовавшись ослабленностью Карфагена, захватили Сардинию и Корсику.

Быстрое возвышение Рима, успех его наступательной политики объясняются прежде всего быстрыми темпами роста его экономического могущества, которому в немалой степени способствовало выгодное географи-

ческое положение: в устье судоходной реки, близ соляных разработок, приносивших значительные доходы. Формирование рабовладельческого государства ускорило процесс классового расслоения общества, а это, в свою очередь, стимулировало стремление к обогащению, к захвату добычи, рабов. К тому же римляне умело пользовались отсутствием единства среди своих противников. Политическое и экономическое возвышение Рима сопровождалось ростом уровня его культурной жизни.

С момента захвата римлянами первых территорий, выходящих за пределы Лациума, одновременно с установлением политического господства Рима, начинается процесс, который принято называть *романизацией*. Под романизацией понимается распространение на захваченные Римом территории латинского языка, римских обычаев и римской культуры. Ф. Энгельс так определил этот процесс: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»[1]. Процесс романизации проходил в жестокой борьбе с местным населением. В случае сопротивления непокорное племя безжалостно истреблялось. Пленных римляне превращали в рабов. Установление римского господства приводило к ломке всего уклада жизни народов, населявших захваченные Римом земли.

Романизация, начавшись с Апеннинского полуострова (Италии), охватила большинство областей, завоеванных римлянами в период между III в. до н. э. — II в. н. э. Земли вне Италии (первыми в 227 г. до н. э. острова Сицилия, Сардиния, Корсика) получили название провинций (provinciae)[2]. В них назначались римские должностные лица, они поставляли Риму вспомогательные войска, снабжали Италию продовольствием, платили налоги, завязывали торговые отношения с Римом и италийскими городами. Опорой римлян на завоеванных территориях была местная провинциальная знать. В период расцвета Римского государства прокладывались многочисленные дороги, соединявшие Рим и другие города Италии с провинциями. В провинциальных городах всячески поощрялось строительство, создавались школы, театры. Жители провинциальных городов довольно быстро усваивали латинский язык, римские обычаи и культуру. В сельской местности этот процесс шел медленнее, но постепенно и туда проникало римское влияние.

Римляне проводили политику создания в провинциях городов, населенных в основном римскими гражданами или союзными им латинами — так называемых колоний и муниципий, которые во многом способствовали распространению и укреплению римского влияния в разных частях госу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 146.

[2] После провозглашения тех или иных земель провинциями завоевателям в течение многих лет приходилось вести упорную борьбу с местным населением за фактическое установление своего господства. Сицилией, например, римляне полностью овладели лишь к 210 г. до н. э.

царства. Колонии и муниципии были, как правило, процветающими городами: в них развивались ремесла, они вели оживленную торговлю как с городами Италии, так и с провинциальными городами.

Романизации населения провинций способствовала политика наделения ветеранов, отслуживших в римских легионах (срок обязательной службы составлял 25 лет, а иногда и более), земельными участками по месту их военной службы, а также, начиная с I в. н.э., предоставление им права вступать в брак еще в период службы в армии. Местные жители, заинтересованные в сбыте излишков продовольствия и предметов ремесла, создавали вокруг римских военных лагерей постоянные поселения, которые перерастали в города и сравнительно быстро романизовались. Этот процесс был особенно интенсивным в пограничных областях, где римляне оставляли значительные контингенты войск, обеспечивающие безопасность границ.

Захват римлянами новых территорий не всегда сопровождался романизацией их жителей. Так, Греция, азиатские приобретения римлян, северо-восточные области Африки, принадлежавшие эллинистическому миру, сохранили и в период римского господства греческий язык и греческую культуру. Греческий язык сохранялся здесь на правах официального наряду с латинским.

Романизация разных частей Римской империи была неодинаковой по глубине и прочности. Завоевание римлянами Британии, например, возможно, отчасти в силу ее географического положения, если и сопровождалось романизацией населения, то в очень незначительной степени. Недостаточно глубокой была романизация пограничных областей — Верхней и Нижней Германии.

Причинами того, что романский элемент не сохранился в таких провинциях, как Но́рик, Панно́ния, Иллирик, Фракия, отчасти Мёзия, могли явиться недостаточная глубина романизации и события их дальнейшей истории: заселение огромными массами народов других этнических групп.

Романизация оказалась прочной и привела к образованию романских языков в самой Италии, на Пиренейском полуострове, в Галлии, в Да́кии и отчасти Ре́тии.

§ 14. Романизация Апеннинского полуострова. Взаимоотношения Рима с городами Италии, вошедшими в состав Римско-Италийской федерации, складывались по-разному. Одни области Италии[1], как, например, Умбрия, сравнительно спокойно приняли доминирующее положение Рима в федерации, другие, например, часть этрусских, оскские или самнитские города, неоднократно пытались изменить создавшееся положение. Между тем Рим продолжал наступательную политику, его ведущая роль в федерации становилась все более заметной.

Подчинив себе почти всю Италию, Рим в то же время сохранил характер города-государства. Это выразилось, в частности, в том, что на ранних этапах завоевательной политики римляне предоставляли полные

[1] В настоящем параграфе речь идет только о центральной (средней) и южной Италии, северные области от р. Рубикон и до Альп в рассматриваемый период в состав Италии не входили (см. § 16).

гражданские права – *полное римское право* – прежде всего и почти исключительно жителям самого Рима. Это было право заключения брака, обеспечивающее право наследования и предоставления римского гражданства детям, право приобретения земель, движимого и недвижимого имущества и защиты материальных интересов в римском суде, это было право апелляции к народному собранию на несправедливость решения должностного лица, право устанавливать торговые и деловые отношения и, наконец, право подачи голоса в народном собрании и право выдвигать свою кандидатуру в магистратуры, т.е. на высшие выборные должности.

Города и общины, вошедшие в Римско-Италийскую федерацию, получали так называемое *латинское право*, которое в области частных прав совпадало с римским, но отличалось от него отсутствием права участвовать в политической жизни Рима, т.е. голосовать и выставлять свою кандидатуру. Общины, располагавшие латинским правом, считались союзниками Рима, причем в отношении частных прав это была привилегированная часть союзников.

Большинство же городов и общин Италии (нелатины) были связаны с Римом союзным договором, который обеспечивал невмешательство Рима в их внутренние дела, но который лишал их права самостоятельной внешней политики (торговых, брачных союзов с другими общинами, права объявления войны и т.д.). Получая от Рима по союзному договору право на внутреннее самоуправление, союзники должны были поставлять Риму военные корабли и вспомогательные войска. Большинство городов и общин центральной и южной Италии, таким образом, получало наименьшие выгоды от союза с Римом. Некоторым из них, правда, за их особую верность и оказанные Риму услуги время от времени предоставлялось так называемое *неполное римское право*, по существу совпадающее с латинским, т.е. равные с римлянами частные права, но без права избирать и быть избранным на высшие должности (так называемое право без права голоса или пассивное римское право).

Вольноотпущенники имели ограниченные права в отношении участия в голосовании и не имели права выдвигать свои кандидатуры для избрания на политические должности. Рабы были полностью бесправны. Патриции и плебеи – римские граждане номинально по полноте гражданских прав не различались, однако по существу выбор в качестве консула, как и избрание на другие высшие должности представителя низших социальных слоев общества были редким исключением.

Сложная правовая структура в Италии сохранялась вплоть до начала I в. до н. э.

Правом объявлять войны, заключать мирные договоры, назначать военачальников располагал только Рим. В основных войсках (легионах) служили преимущественно римские граждане. Войны, которые не прекращались и в большинстве случаев оканчивались победой Рима, приносили богатую добычу. Номинально из числа союзников право на равную долю движимой добычи имели воины, располагавшие латинским правом, однако на деле это условие далеко не всегда соблюдалось. Другие категории союзников в разделе добычи вообще не участвовали. Надел ветеранов землей также распространялся лишь на лиц, имеющих римское гражданство, и в

очень незначительной степени на тех, кто имел латинское гражданство. Все это осложняло внутреннюю обстановку в Италии, вызывало рост недовольства союзников и в конечном итоге привело к всеобщему антиримскому восстанию, получившему название *Союзнической войны* (91–88 гг. до н. э.). Это была одна из наиболее кровопролитных войн во всей римской истории. Риму удалось сломить сопротивление италийцев, но он вынужден был пойти на уступки, даровав им, за небольшими исключениями, права римского гражданства. И хотя после окончания Союзнической войны Рим стремился ограничить политическую активность новых граждан, что обостряло социальные противоречия, предоставление населению Италии римского гражданства ускорило процесс его романизации[1].

В результате Союзнической войны многие итальянские города приобрели право местного самоуправления, определенную автономию в решении внутренних вопросов, отчасти также вопросов установления торговых и деловых отношений с другими городами Италии. Они имели теперь свои выборные должности по образцу римских, в них стали интенсивно развиваться ремесла и торговля, некоторые города получили право чеканить собственную монету. Процесс приобщения итальянских городов к языку и культуре Рима сопровождался одновременным ростом их политической и экономической самостоятельности.

Особенность романизации местного населения Апеннинского полуострова состояла в том, что проникновение латинского языка осуществлялось в первую очередь и преимущественно *устным путем*. В ходе романизации возникало своеобразное *разговорное койне*, т.е. понятный всем италикам язык, образованный на основе латыни, но с примесью в каждой области местных черт, отражающих родной для данного италийского племени язык. Это общеиталийское разговорное койне усваивалось и местным неиталийским населением Апеннинского полуострова.

Одновременно в Риме развивалось ораторское искусство, создавались специальные школы риторики, значительных успехов достигло латинское образование, получили развитие искусство и литература. Римское право, полученное населением Италии в результате Союзнической войны, открыло доступ к образованию и культуре свободным италикам, независимо от места их проживания. Круг образованных людей из числа новых граждан увеличился: получив образование в Риме, они становились писателями, ораторами, философами. Развивалось образование и в других городах Италии. Все это облегчило распространение латинского языка и в его литературной классической форме. Результатом названных процессов явилось постепенное вымирание местных языков Италии. (О романизации северной Италии см. § 16).

§ 15. Романизация Пиренейского полуострова. Южное и восточное средиземноморское побережье Пиренейского полуострова, заселенного иберийскими и кельтиберийскими племенами (см. § 11), начиная с XII в.

---

[1] Подробнее о Союзнической войне и политике Рима в отношении населения Италии после ее окончания см.: *Шишмарев В.Ф.* История итальянской литературы и итальянского языка. – Л., 1972. – С. 7–9.

до н. э. стало осваиваться финикийцами, позднее карфагенскими мореплавателями-купцами. Здесь создаются торговые поселения городского типа, которые впоследствии развиваются в крупные города. Некоторые из этих городов, как, например, Сагу́нт, вступают с Римом в союзные отношения. Во время Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) именно на восточном побережье разыгрались военные действия (осада Сагунта Ганнибалом), отсюда карфагенская армия под предводительством Ганнибала двинулась через две цепи гор – Пиренеи и Альпы – на Рим, здесь римляне одержали ряд крупных побед и захватили основанный ранее пунийцами (карфагенянами) город Новый Карфаген. В результате Второй Пунической войны восточное и бо́льшая часть южного побережья Пиренейского полуострова оказались в руках Рима. Именно отсюда и началась романизация Испании.

Завоеванные римлянами во время Второй Пунической войны земли в 197 г. до н. э. были организованы ими в две провинции: Ближнюю Испанию (Hispania Citerior) и Дальнюю Испанию (Hispania Ulterior). Первая включала северо-восточные области вплоть до р. Эбро, вторая – юго-восточное и часть восточного побережья. Со временем римляне проникают вглубь полуострова, расширяют границы этих провинций и дают им новые названия – Тарракóнская Испания (северо-восточные, восточные и центральные части полуострова) и Бетика (юго-восточные и южные области).

Завоевание Испании происходило в упорной борьбе с местными племенами. Опорой римского влияния были старые испанские города Га́дес, Сагунт, Тарракóн и созданные римлянами в ходе Второй Пунической войны и после ее завершения города Валéнтия, Картéя и др. Население западной части полуострова – лузитании и его северо-западных областей – Астýрии, Галлéции[1], Кантáбрии оказало Риму наибольшее сопротивление. Значительными событиями в борьбе с племенами, населявшими эти области, явилось подавление восстания лузитан (154–133 гг. до н. э.) и захват римлянами после длительной и упорной борьбы города-крепости Нумáнции (133 г. до н. э.). Только к концу I в. до н. э. (19 г.) римляне включили в список своих провинций Лузитанию и ввели в состав Тарраконской Испании области, расположенные в северо-западном углу полуострова.

Захват Пиренейского полуострова длился, таким образом, почти 200 лет (с конца III в. до конца I в. до н. э.). Разное время захвата отдельных частей полуострова, неравномерное распределение городских центров, различия в рельефе местности (наличие горных, трудно доступных районов) обусловили одну из наиболее существенных особенностей романизации Пиренейского полуострова – *неравномерность ее темпов*. Наиболее интенсивной и глубокой она была на юге Испании в Бе́тике. Медленнее всего римское влияние проникало на территории, в течение длительного времени оказывавшие Риму сильное сопротивление. Неравномерность темпов романизации, возможно, является одной из причин образования на Пиренейском полуострове нескольких романских языков.

---

[1] Древнее название области Галисии. Современное название «Галисия» встречается в исторических документах начиная с VI в. н. э.

На Пиренейском полуострове был оставлен большой контингент римских войск. Полуостров был богат золотом, серебром, медью, свинцом, железом. На рудниках широко использовался труд италиков – носителей латинского языка. Один из действенных путей романизации местного населения представляла также торговля (развитие ремесел здесь отставало от Италии и италийские купцы находили выгодный рынок сбыта для своих товаров).

Римляне проводили активную политику приобщения городской аристократии к римскому образованию и культуре. В городах создавались многочисленные римские школы. Свободное владение латинским языком рассматривалось как необходимое условие для занятия местными жителями выборных должностей в городском самоуправлении. Уроженцам испанских провинций предоставлялась возможность получать образование в Риме. Из их числа вышли такие крупные представители римской науки и культуры I в. н. э., как Лу́ций Анне́й *Се́нека*, философ, писатель, политический деятель, Марк Фабий *Квинтилиан*, известный ритор и педагог, и другие.

Стремясь укрепить свое влияние на Пиренейском полуострове, римляне, начиная с Цезаря, проводят политику предоставления отдельным местным общинам латинского права (в 74 г. н. э. Веспасиа́н дал права латинского гражданства всему населению Испании), некоторым из них, оказавшим поддержку римлянам, даровалось право называться колониями римских граждан.

Постепенно разные, но направленные к одной цели, пути распространения римского влияния приводили к романизации жителей полуострова, к замене местных языков латинским, к превращению испанских провинций в часть единого административно-политического целого – Римского государства.

§ 16. **Романизация Галлии.** Галлией римляне называли земли к северу от небольшой речки Рубикон на Апеннинском полуострове и за Альпами – вплоть до побережья Атлантического океана на западе, верховий Рейна и Дуная на востоке и почти до низовьев Рейна на севере. Эта обширная область в представлении римлян делилась на две Галлии: Цизальпийскую (Цизальпинскую) – по эту сторону Альп (северная Италия) и Трансальпийскую (Трансальпинскую) – территории современных Франции, Бельгии, отчасти Нидерландов и Швейцарии. В понятии Цизальпийской Галлии римляне различали Циспаданскую (Падус – древнее название р. По) и Транспаданскую. Все эти территории с течением времени были включены в состав Римского государства и романизовались.

1. *Цизальпийская Галлия*, или *северная Италия*, населенная лигурами, венетами и галлами, представляла для Римско-Италийской федерации постоянный источник опасности. В IV в. до н. э. большие массы галлов дошли до Рима, сожгли и разрушили бо́льшую его часть, причинив городу огромный материальный ущерб.

Завоевание Цизальпийской Галлии римлянами началось еще в конце III в. до н. э., вскоре после окончания Первой Пунической войны. С этого же времени римляне стали проводить политику создания на ее территории колоний латинских и римских граждан. К числу колоний, основанных

римлянами в этот период, относились, например, города Плацентия (совр. Пьяченца) и Кремона. Во время Второй Пунической войны через Цизальпийскую Галлию прошли войска Ганнибала. Многие местные племена галлов, а также лигуры оказали поддержку Ганнибалу и вступили в его армию. По окончании Второй Пунической войны римляне продолжили завоевание Цизальпийской Галлии и в 191 г. до н. э. она стала полностью зависимой от Рима. Во время Союзнической войны многие ее жители присоединились к восставшим союзникам. По окончании Союзнической войны жителям Цизальпийской Галлии были предоставлены права латинского, а спустя несколько десятилетий (в 49 г. до н. э.) права римского гражданства. Еще через несколько лет Цизальпийская Галлия была официально включена в состав Италии, что ускорило процесс ее романизации. Позднее через северную Италию прошли пути, ведущие в Трансальпийскую Галлию.

2. На средиземноморском побережье Трансальпийской Галлии важную в политическом, экономическом и культурном отношении роль играл г. Масси́лия (Массалия, совр. Марсель) — древняя греческая колония, имевшая свои приморские владения и поддерживавшая тесные торговые контакты со многими городами Трансальпийской Галлии. Массилия состояла в союзнических отношениях с Римом, это была одна из наиболее могущественных, процветающих и в то же время наиболее преданных Риму союзнических общин. В столкновении с местными кельтскими племенами Массилия не раз обращалась к Риму за помощью и римские войска направлялись за Альпы в прибрежную полосу Трансальпийской Галлии. В 120 г. до н. э. римляне объявили часть территории Трансальпийской Галлии, простирающуюся от Альп до Пиренеев по берегу Средиземного моря, своей провинцией. Ее центром стал древний кельтский город Нарбонн. Провинция получила наименование *Нарбонской Галлии*. Нередко, впрочем, римляне называли ее просто Провинцией (отсюда более позднее название одной из областей южной Франции — Прованс). Римляне проводят дороги в Нарбонскую Галлию, поощряют развитие в ней городов. Провинция относительно быстро романизуется. Предоставление Цезарем в 50-х гг. I в. до н. э. римского гражданства жителям Нарбонской Галлии еще более ускоряет процесс ассимиляции местного населения. Массилия, сохранив положение свободного города и верность греческой культуре и греческому языку, тем не менее вступает во все более тесные контакты с Римом и объективно также способствует романизации Нарбонской Галлии.

3. *Трансальпийская Галлия*, основная территория которой оставалась свободной, была населена многочисленными кельтскими племенами, которые постоянно враждовали между собой. Некоторые племена, как, например, секваны, были враждебно настроены по отношению к Риму и обращались за помощью к германским племенам, другие, как, например, э́дуи, состояли с Римом в союзнических отношениях.

В 59 г. до н. э. Цезарь получил в управление Цизальпийскую, а вскоре и Нарбонскую Галлию и в 58 г. прибыл с войском в Провинцию. В это время возник конфликт между одним из населявших западную часть современной Швейцарии племен — гельве́тами и союзными Риму э́дуями, через земли которых гельветы двинулись на запад. Эдуи обратились к Цезарю за помощью и это послужило поводом для вступления его войска на

территории, находящиеся за пределами Провинции. С победы Цезаря над гельветами начинается завоевание им Галлии, описание которого он оставил в своих «Записках о галльской войне» (Commentarii de bello Gallico»). В последующие четыре – пять лет Цезарь провел успешные сражения с германским вождем Ариовистом, с белгами, населявшими северные области Галлии, с аквитанами, жившими в ее юго-западных областях между Пиренеями и рекой Гарумной (Гаронной), совершил походы за Рейн на германские земли и в Британию (правда, эти походы не принесли римлянам новых территориальных приобретений, однако они еще раз продемонстрировали силу римского оружия). В 52 г. до н. э. в список римских провинций были включены три новых, образованных на завоеванных Цезарем землях Трансальпийской Галлии, провинции: Лугду́нская Галлия, Бе́лгика, Аквита́ния. В течение двух предшествующих лет Цезарю пришлось вести военные действия по подавлению вспыхнувшего в Галлии восстания местных племен, во главе которого стоял талантливый предводитель Верцингето́рикс (Верцингеторигс), а в следующие два года были подавлены оставшиеся разрозненные очаги восстания. В дальнейшем, однако, то в одной, то в другой галльской провинции возникало недовольство и неоднократно вспыхивали восстания, которые римляне жестоко подавляли.

Завоевание огромной территории Трансальпийской Галлии, длившееся всего примерно 9 лет (58–50 гг. до н. э.), принесло Риму новые источники доходов. Галлия представляла собой густонаселенную страну с высокоразвитой материальной культурой. В ней были проложены хорошие дороги, облегчавшие взаимное общение городов. Судоходные реки также способствовали развитию межгородского обмена. В Трансальпийской Галлии были высоко развиты ремесла.

Объявив области Трансальпийской Галлии провинциями, Рим здесь, как и в Испании, стал проводить активную политику создания римских колоний. В городах Галлии появилось большое количество чиновников, дельцов, торговцев, открывались римские школы. Представителям местной знати было даровано право римского гражданства и их дети получили возможность обучения в Риме. Особенности романизации Галлии состоят в ее сравнительно *быстрых темпах,* которые во многом объясняются высоким уровнем развития самого Римского государства (I в. до н. э.– I в. н. э. – период его наивысшего расцвета), а также в значительной роли таких форм романизации, которые связаны с приобщением населения к латинскому языку и римской культуре через *школу и литературу.*

§ 17. Романизация Дакии. В период между завоеванием Трансальпийской Галлии и завоеванием Дакии (101–106 гг.) римляне значительно расширили свои владения: список пополнился рядом новых провинций. В конце I в. до н. э –начале I в. н. э., помимо Лузитании, образование которой завершило завоевание римлянами Пиренейского полуострова, были созданы провинции на Балканском полуострове: Илли́рик, Ре́ция, Но́рик, Верхняя и Нижняя Мёзия, Панно́ния, Далма́ция, Фра́кия[1]. Граница Римской

[1] Полный список римских провинций см.: История древнего Рима / под ред. В.И. Кузищина. – М., 1981. – С. 333.

империи была доведена на севере и северо-востоке до естественных рубежей. Однако эти границы, и особенно северо-восточная, продолжали оставаться наименее спокойными. Особенно часто римлянам приходилось отражать натиск фракийских племен даков (в греческих источниках их называли гетами, часто говорят о гето-дакийских племенах).

Планы завоевания Дакии возникали у римлян еще во времена правления Цезаря (годы жизни: 100–44) и Августа (27 г. до н. э.–14 г. н. э.)[1]. Император Домициан (81–96) предпринял два похода на Дакию, однако оба они оказались неудачными. И лишь императору Марку Ульпию *Трая́ну* (98–117) удалось в результате двух войн, получивших название Дакийских (101–102; 105–106), разбить войска дакийских племен, во главе которых стоял опытный предводитель Децебал, и объявить Дакию римской провинцией. Это было последнее территориальное приобретение римлян. Дакия завершала список римских провинций. Вместе с тем это была первая территория, которую римляне оставили в 271–275 гг. (т.е. спустя примерно 170 лет после ее завоевания) под натиском вестготов.

Время завоевания Дакии (Дакийским войнам предшествовал относительно длительный перерыв в наступательных действиях: последнее территориальное приобретение относится к 40-м гг. I в. н. э.), ее географическое положение и природные богатства (здесь добывались золото, серебро, медь, олово, железо, были богатые залежи мрамора, соляные копи) обусловили *массовый* (стихийный) *приток переселенцев* из самых разных областей Римской империи, в первую очередь из смежных с ней южнодунайских и балканских областей. Пограничный характер провинции обусловил также *интенсивное ее заселение* так называемыми организованными колонистами (т.е. лицами, переселяемыми государством и наделяемыми земельными участками) и размещение на ее территории значительного контингента войск.

Все эти факторы способствовали тому, что романизация Дакии происходила очень интенсивно и оказалась глубокой и прочной, несмотря на исторически непродолжительный срок ее пребывания в составе Римского государства. В течение последующих столетий на этих землях поселялись многочисленные народы другого этнического происхождения, территория оказалась отделенной от остального романского мира, и, тем не менее, здесь сохранился романский тип речи.

Долгое время между историками шли споры по двум вопросам: 1) оставалось ли в Дакии после Дакийских войн, сопровождавшихся массовым истреблением даков, местное население или оно было уничтожено и произошло полное обновление состава жителей этой области; 2) оставалось ли романизированное население в Дакии после того, как император Аврелиан (270–275) отступил под натиском вестготов и создал на южном берегу Дуная новую небольшую провинцию, которую он назвал Дакией (так называемая Аврелианова Дакия). В настоящее время и тот и другой вопрос решены положительно. Дакийские войны существенно уменьшили численность местного дакийского населения, но главным образом той его

[1] Начиная с Августа, даются годы правления.

части, которая была занята в военных действиях. Что касается мирного населения, то оно, как предполагается, в своем большинстве осталось. К тому же еще в ходе войны дакийцы, участвовавшие в сражениях, частично были захвачены в плен, некоторые перешли на сторону римлян. Есть упоминания о том, что уже после завоевания Дакии римлянами даки служили в римских вспомогательных войсках. Что касается второго вопроса, то археологическими раскопками и исследованиями (сопоставительным изучением эпиграфических, нумизматических и других свидетельств) доказано, что романизованное население оставалось на территориях к северу от Дуная и после того, как Аврелиан отвел к югу от Дуная римские легионы.

§ 18. **Факторы романизации (обобщение). Последовательная хронология исторических событий.** Процесс романизации, длившийся в целом свыше пятисот лет, происходил, как это было показано в предыдущих параграфах, в каждой области по-своему. В *Италии* факторами, обусловившими особенности романизации, были, в частности, этническая общность населения (и как ее результат – создание общеиталийского разговорного койне) и федеративный характер объединения городов (их известная автономия). На *Пиренейском полуострове* – это прежде всего неравномерность темпов романизации разных областей. Основная часть *Трансальпийской Галлии* была завоевана сравнительно быстро, галльское общество в момент ее завоевания достигло определенного уровня развития, само римское государство переживало период наивысшего расцвета. Романизация здесь носила более равномерный характер. И, тем не менее, как известно, на территории Трансальпийской Галлии образовались два романских языка – провансальский и французский. Это, по-видимому, можно объяснить следующим: Средиземноморское побережье и остальные части территории были завоеваны в разное время (провинция Нарбонская Галлия создана в 120 г. до н. э., Лугдунская Галлия, Белгика и Аквитания – в 52 г. до н. э.); на латынь оказывали влияние различные местные языки (лигурийский на юге, кельтские на севере), по-разному складывалась последующая история каждой области. Необычайно быстрыми темпами происходила романизация *Дакии*, что, вероятнее всего, было связано с расселением на ее территории в сравнительно небольшой отрезок времени значительного числа носителей латинского языка.

Даты важнейших событий, связанных с романизацией

265 г. до н. э.	Захват римлянами этрусского города Вольсинии, завершающий завоевание центральной и южной Италии
264–241 гг. до н. э.	Первая Пунические война
227 г. до н. э.	Образование провинций: *Сицилия, Сардиния, Корсика*
218–201 гг. до н. э.	Вторая Пунические война
197 г. до н. э.	Образование провинций: *Дальняя Испания* (впоследствии Бетика) и *Ближняя* (впоследствии Тарраконская) *Испания*
149–146 гг. до н. э.	Третья Пунические война
120 г. до н.э.	Образование провинции *Галлия Нарбонская*
91–88 гг. до н. э.	Союзническая война в Италии
58–50 гг. до н. э.	Война Юлия Цезаря (годы жизни: 100–44) в Галлии

52 г. до н. э.	Образование провинций: *Галлия Лугдунская, Белгика, Аквитания*
30 г. до н. э. – 14 г. н. э.	Правление Октавиана Августа, первого римского императора (провозглашен «Августом» в 27 г. до н. э.)
Конец I в. до н. э. нач. I в. н. э.	Образование провинций: *Иллирик* (27 г. до н. э.), *Реция, Норик, Мёзия* (все три 15 г. до н. э.), *Паннония* (10 г. до н. э.), *Далмация* (6 г. н. э.)
19 г. до н. э.	Образование провинции *Лузитания*, завершение завоевания римлянами Пиренейского полуострова
46 г. н. э.	Образование провинции *Фракия*
101–102, 105–106	Дакийские войны Марка Ульпия Траяна (годы правления: 98–117)
106 г. (107 г.)	Образование провинции *Дакия*

ГЛАВА III

ДРЕВНЯЯ РОМАНИЯ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РИМА И ПОСЛЕ ЕГО ПАДЕНИЯ

§ 19. Кризис общественно-политического строя Римского государства и падение Западной Римской империи. Включение в состав Римского государства (до принципата Августа, т.е. до 27 г. до н. э., это была Республика, затем – Империя) большого числа территорий привело к возникновению новых форм общественно-политических отношений с жителями провинций. С течением времени римляне стали все шире предоставлять провинциалам права римского гражданства, а в 212 г. специальным эдиктом император Каракалла предоставил эти права почти всем свободным жителям Римской империи. Еще с 70-х гг. I в. н. э. лицам, принадлежавшим к провинциальной рабовладельческой знати, разрешалось занимать высшие гражданские и военные должности. Начиная с Траяна (98–117), который был родом из Испании, императорами становятся уроженцы провинций, а в III в. Римом правят выходцы из провинций, начинавшие свою карьеру простыми солдатами (так называемые солдатские императоры).

Изменился состав армии. Если до установления Империи в основной состав армии принимались только римские граждане, то, начиная со II в. н. э., к службе в основных войсках (римских легионах) стали допускаться уроженцы провинций, независимо от того, имели они статус римских граждан или не имели его, и даже целые отряды варваров[1], попавших в плен или добровольно перешедших на сторону Рима.

Существенные изменения происходили и в экономической жизни общества. В разных частях Империи развивалось натуральное хозяйство, создавалась система колоната – аренды земельных участков, все больше применялся свободный крестьянский труд. В недрах рабовладельческого строя зарождалась новая социально-экономическая формация – возникали феодальные отношения.

---

[1] Римляне называли все народы, живущие за пределами Италии, а позднее – за пределами Римского государства в целом, варварами, подобно тому, как греки называли варварами всех негреков.

Изменения в общественно-политической и экономической жизни римского общества сопровождались его дальнейшим социальным расслоением, обострением социальных противоречий. То в одном, то в другом конце Римского государства вспыхивали восстания рабов и колонов, к которым нередко примыкали свободные крестьяне (в 80-х годах III в. н. э. в Галлии, например, произошло сильное восстание рабов и разорившихся крестьян, получившее название движения багáудов. Восстание багаудов было подавлено, но в V в. оно разгорелось с новой силой и охватило не только Галлию, но и Испанию). Наблюдалось массовое бегство крестьян, передвижение по дорогам стало небезопасным. В самом Риме не прекращалась борьба за власть и политическое влияние, велись гражданские войны. В провинциях непрерывно вспыхивали антиримские восстания. В римском обществе росла коррупция, пришли в негодность и все реже восстанавливались дороги, соединявшие Рим с провинциями и провинции между собой, понизился уровень экономической и культурной жизни римского общества. Начиная с III в. н. э. общественно-политический строй Римской империи вступил в период непрекращающегося кризиса (III–V вв. – эпоха поздней Империи).

С 60-х годов II в. н. э. практиковалось разделение верховной власти между двумя, тремя, а в период правления Диоклетиана (246–305) даже четырьмя правителями. Рим номинально оставался столицей государства, но он потерял свое политическое значение. Местом пребывания императора стали другие города Империи как в самой Италии (Медиола́н, Равéнна), так и в провинциях (Трир, Никоме́дия). Так создавались предпосылки для раздела государства.

В 330 г. на месте древнего города Визáнтий (бывшей греческой колонии) была создана новая столица государства – Константинополь, а в 395 г. произошел официальный раздел Римской империи между двумя сыновьями императора Феодосия на Западную и Восточную (граница прошла по излучине Дуная). Западная часть государства досталась Гонорию, восточная – Аркадию.

Западная Римская империя просуществовала до 476 г., когда варварские наемники, служившие в римской армии, во главе с Одоáкром, восстали, свергли последнего императора, пятнадцатилетнего Ромула Авгýстула, выслали его из Рима, убили правившего от его имени отца и отослали знаки императорского достоинства в Константинополь. Восточная (Византийская) Римская империя (Византи́я) существовала до 1453 г. (она пала под ударами турок).

§ 20. Возникновение государств на римских территориях. Уже в момент расцвета Римского государства его границы подвергались набегам варварских племен, главным образом германских, однако проникнуть вглубь римской территории и обосноваться там им не удалось. В период сер. II в. – нач. III в. восточногерманские племена готов в поисках новых земель спустились на юг к берегам Черного моря. Одна их часть осела по берегам Днестра (они получили название вестготы, визиготы или западные готы), другая – в низовьях Днепра (их назвали остготами, остроготами или восточными готами).

В 271–275 гг. (при императоре Аврелиане) римляне были вынуждены под натиском *вестготов* покинуть Дакию. Вестготы владели Дакией более 100 лет, после чего были вытеснены *гуннами*, кочевыми племенами тюркомонгольского происхождения, пришедшими с востока из азиатских степей. Союз гуннских племен завоевал ряд территорий, в том числе римских: помимо Дакии, гунны заняли бо́льшую часть Паннонии, которая стала центром их объединения, своими набегами они разоряли придунайские провинции, Галлию, готовили даже поход на Рим. Наибольшего расцвета объединение гуннов достигло при Атти́ле (434–453) – одно время римляне были вынуждены даже платить ему дань. Однако после смерти Аттилы гуннский союз распался.

Оставив Дакию, вестготы поселились в качестве федератов на римских землях к югу от Дуная. Римляне обещали вестготам ряд льгот, однако своих обещаний не сдержали, что вызвало два крупных восстания. Особенно опустошительным было восстание вестготов в нач. V в. под предводительством Алари́ха. Восставшие (к ним присоединились жители почти всего Балканского полуострова) предприняли поход на Рим и захватили его (410 г.). После неудачного похода на юг Италии и смерти Алариха вестготы вернулись в северную Италию. Отсюда они направились в Аквитанию и поселились там в 418 (или 419 г. – в исторической литературе называются обе даты) формально на правах федератов, фактически же образовав самостоятельное королевство со столицей в Тулузе. Так на территории Западной Римской империи еще до ее падения возникло *первое варварское королевство*. Спустя десятилетие, вестготы расширили его границы, присоединив к нему почти всю Испанию и оттеснив оттуда аланов и вандалов, их столицей в 554 г. (уже после падения Западной Римской империи) стал Толедо. В Галлии королевство вестготов просуществовало до конца V в., когда оно было завоевано франками (см. ниже), а в Испании оно продержалось до прихода арабов (711 г.).

Восточногерманские племена вандалов, размещавшиеся с IV в. в Паннонии на правах римских федератов, в нач. V в. объединились с аланами – племенами скифско-сарматской ветви ираноязычных племен (аланы во II–I вв. до н. э. переселились с востока в причерноморские степи, позднее в Паннонию) и двинулись на запад. В течение нескольких лет они опустошали Галлию, а в 409 г. поселились в Испании. В 429 г. вандалы и аланы под натиском вестготов переправились через Гибралтар, в течение 10 лет они вели борьбу за римскую провинцию Северную Африку, где в 439 г. основали свое королевство. *Королевство вандалов и аланов* было еще одним варварским государством на землях Западной Римской империи, возникшим до ее падения. В 455 г. под предводительством короля Ге́йзериха вандалы совершили набег на Рим, разрушив и разорив город (отсюда слово «вандализм» – бессмысленное разрушение материальных и культурных ценностей). Столицей королевства вандалов и аланов стал Карфаген[1]. В состав

[1] Во время Третьей Пунической войны (149–146 гг. до н. э.) римляне разрушили Карфаген, перепахав его земли и запретив навечно селиться на его территории. Однако уже спустя несколько десятилетий на месте бывшего Карфагена возникла новая римская колония. В настоящее время развалины древнего Карфагена – один из пригородов Туниса.

королевства вошли Сардиния, Корсика, Балеарские острова. Королевство вандалов и аланов существовало до начала VI в., когда оно было завоевано Восточной (Византийской) империей.

Почти одновременно с вандалами и аланами в Испанию пришли западногерманские племена свевов. При перемещении вестготов на Пиренейский полуостров свевы, в отличие от вандалов и аланов, не покинули его, а заняли крайние северо-западные области, образовав королевство, которое некоторое время сохраняло свою независимость. Однако уже в конце VI в. *королевство свевов* было уничтожено вестготами.

В середине V в. на территории бывшей Лугдунской Галлии (юго-восточная часть Трансальпийской Галлии с центром в г. Лугду́нум, совр. Лион, по течению рек Роны и Соны) возникло еще одно варварское государство — *королевство бургундов* (восточногерманских племен), которое просуществовало около 100 лет. В 534 г. оно было завоевано франками.

Падение Западной Римской империи (476 г.) ускорило процесс создания на бывших римских землях варварских государств. Первым из возникших уже после падения Рима было государство Одоакра в Италии. Оно продержалось, однако, всего несколько лет. В конце V в. *остготы* под предводительством короля Теодориха (до этого государство остготов располагалось в Паннонии) вторглись в Италию и в 493 г. образовали государство, которое охватывало всю Италию, Сицилию, на севере — Норик, Паннонию, на востоке – Далмацию. Несколько позднее в него вошла также часть бывшей римской провинции Нарбонской Галлии (Прованс). Столицей государства остготов стала Равéнна, первым королем — Теодорих.

Остготы быстро переняли римские обычаи, основы римской государственной и правовой организации и сравнительно быстро романизовались. При Теодорихе (493–526) королевство остготов достигло относительно высокого уровня развития. В 554–555 гг. государство остготов было завоевано Византийской империей.

Спустя несколько лет, в 568 г. в Италию вторглись западные германцы – *лангобáрды* и образовали свое государство, которое включало Италию, кроме областей Рима, Равенны и Неаполя, оставшихся во владении Византии. Столицей государства лангобардов стал город Пави́я (от лангобардов получила название одна из северных областей Италии — Ломбáрдия). Государство лангобардов просуществовало свыше 200 лет: в 773–774 гг. оно было завоевано Карлом Великим (см. ниже).

Перемещение огромных масс населения самых различных этнических групп, начавшееся еще в III в. из северного Причерноморья, охватившее большую часть Западной Европы и продолжавшееся до VI–VII вв., получило название *Великого переселения народов*. Ф. Энгельс так характеризует этот период: «Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые шкурами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари; скот они также гнали за собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и отражать нападения, днем — военный поход, ночью — военный лагерь и укрепление, сооружением из повозок. Потери людьми во

время этих переходов в результате непрерывных боев, от усталости, голода и болезней, должны были быть огромными. Это была отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на чужой земле; в случае же его неудачи, переселяющееся племя исчезало с лица земли...»[1].

На территориях, расположенных по нижнему и среднему течению Рейна, проживали западногерманские племена хамавов, сигамбров (сугамбров) и др., которые объединились в племенной союз под названием франков. В историографии этот союз племен впервые упоминается в середине III в. н. э. Франки подразделялись на две группы – салических (приморских от кельтск. sal – море): они жили по нижнему течению Рейна и рипуарских (береговых, от латинск. ripa – берег), которые селились южнее по берегам Рейна. До нас дошел текст свода законов салических франков VI в., так называемая «Салическая правда» (см. § 35). На рубеже V в., еще в период существования Западной Римской империи, салические и рипуарские франки создают королевство, в которое вошли земли римских провинций Нижней и Верхней Германии, отчасти Белгики. В период с конца V в. до конца VIII в. происходит постепенное расширение границ *франкского королевства*. При Хлодвиге (481–511), основателе королевской династии Меровингов, и его преемниках почти вся Трансальпийская Галлия оказалась в составе королевства франков: они захватили оставшуюся не завоеванной варварами область на севере Галлии, которой правил местный римский магнат Сиагрий, оттеснили вестготов в Испанию и уничтожили государство бургундов.

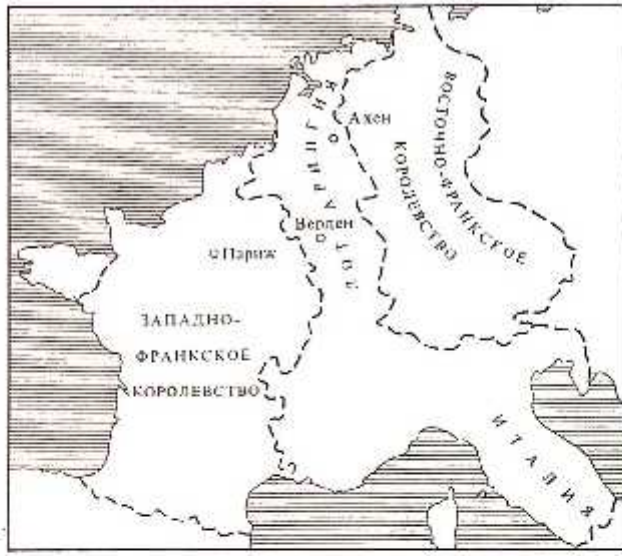
С середины VIII в. у власти находится династия Каролингов (она названа так по имени ее крупнейшего представителя Карла Великого, правившего с 768 по 814 гг.). При Каролингах, и особенно при Карле Великом, в результате ряда войн, франкское государство значительно расширило свои границы, в том числе за счет королевства лангобардов. В период своего наивысшего расцвета государство франков доходило на юго-западе до р. Эбро (так называемая «Испанская марка»), на востоке до р. Эльбы, на юге – занимало почти всю северную и центральную Италию. Столицей государства первоначально был Париж[2], в последние годы правления Карла Великого ею стал Ахен (Аахен), см. карту № 3. В годы правления Карла Великого государство франков было провозглашено Империей, а сам он в 800 г. коронован римским папой как император. В Империи франков при Карле Великом наблюдается повышенный интерес к античной культуре, развивается образование, искусство, литература (подробно об эпохе Каролингского возрождения см. § 26).

Еще в VI в. в составе франкского королевства обособились в политическом отношении сравнительно самостоятельные части (каждая из них имела своего короля): Нейстрия (северо-западная Галлия, где находился

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 448.

[2] В доримскую период на месте Парижа существовало поселение одного из галльских племен – парисиев. В период римской истории оно переросло в крупный торговый центр и город получил название Лютеция Парисиев (Lutetia Parisiorum), затем – просто Париж (Paris < Parisiis – букв. 'у парисиев').

Карта № 3. *Империя Карла Великого и ее последующий раздел*

Париж), Бургундия (бывшее королевство бургундов) и Австразия (северо-восточные области). Позднее, в VII в., названные королевства утратили свою политическую самостоятельность и образовали единое государство. Вскоре после смерти Карла Великого Империя франков распалась, на этот раз окончательно, на три самостоятельных королевства: ядром каждого из них явились прежние Нейстрия, Бургундия, Австразия с прилегающими к ним завоеванными в последние два столетия землями. Три внука Карла Великого по Верденскому договору 843 г. поделили Империю на три части (см. карту № 3): Карл Лысый получил западную часть Империи, Ло́тарь — ее центральные области, Людовику Немецкому была отдана ее восточная часть. Лотарь одновременно сохранял титул императора, но титул был лишь номинальным и реальной власти над другими частями бывшей Империи Лотарю не давал.

Завоевание романизованных народов племенами разного этнического происхождения, преимущественно германскими, в том числе франками, не привело к вытеснению латинского языка: завоеватели ассимилировались с местным романским населением, постепенно теряя свой язык. С падением Западной Римской империи (Рима) процесс романизации, таким образом, не закончился, а лишь принял новые формы. Германские языки оказали некоторое влияние на латынь и развивавшиеся на ее основе романские языки. Это влияние затронуло главным образом фонетику и лексику (см. § 46).

Известную роль в процессе романизации «варварских» народов, рассе-

ливших на бывших римских землях играло *христианство*, возникшее в I в. н. э. в восточных провинциях Римской империи. Ф. Энгельс писал: «...христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»[1]. Несмотря на гонения, в течение II–IV веков монотеистическая христианская религия почти повсеместно вытесняет прежнюю языческую политеистическую религию и становится господствующей в разных областях Римской империи. В качестве официально дозволенной религии римского государства христианство было признано в нач. IV в. в период правления императора Константина I (306–337).

По мере увеличения числа христиан возрастало могущество христианской церкви, она превращалась в крупного землевладельца, духовенство относилось к наиболее зажиточным слоям средневекового общества. Ф. Энгельс писал в этой связи: «Короли соперничали между собой в том, кто из них сделает больше дарений в пользу церкви — землей, деньгами, драгоценностями, церковной утварью и т.п.»[2]. Церковные проповеди на латинском, а с 813 г. на романском языке (см. § 26) закрепляли результаты романизации.

В VI–VII вв. на территорию бывшей Дакии и на Балканский полуостров спускаются большие массы *славянских племен*. Прародиной славян были обширные пространства центральной и восточной Европы. Славяне упоминаются как жители этих мест уже у античных историков, которые называют их венедами. Позднее за славянами, жившими по среднему течению Днестра и Днепра, закрепилось название антов, а за теми, кто населял земли к западу от Днестра — склавинов. Славянские племена, заселившие Балканский полуостров, дали начало южной группе современных славян и славянских языков.

Пройдя через территорию бывшей Дакии, славяне поселились в южнодунайских областях. Во второй половине VII в. на земли к югу от Дуная вторглись кочевые племена восточного происхождения протоболгары под предводительством хана Аспаруха. Дав название одному из славянских народов, протоболгары полностью с ним ассимилировались.

В конце VII в. возникает Первое Болгарское царство (681–1018), достигшее со временем значительного расцвета. В этот период особенно интенсивным оказалось славянское влияние на лексику румынского языка (см. § 50).

В IX–X вв. в северном Причерноморье появились кочевые племена финно-угорского происхождения (из Приуралья) — *венгры*, или *мадьяры*, которые к X в. осели в бывшей римской провинции Паннонии (совр. Венгрия). Мадьяры совершали набеги на соседние области и доходили до центральной Франции и южной Италии.

Об арабах и норманнах см. § 21.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 22. – С. 467.

[2] Там же. – Т. 19. – С. 499.

§ 21. **Формирование государств на романизованных территориях.** 1. *Испания и Португалия.* В 711 г. на Пиренейский полуостров через северную Африку вторглись *арабы*, восточные народы семитской языковой группы. К середине VIII в. государство арабов включало ряд восточных стран, вплоть до Средней Азии и северо-западных областей Индии, северную Африку и почти весь Пиренейский полуостров. Последний стал важной частью Кордовского эмирата (позднее халифата), столица которого также была расположена в южной Испании (Ко́рдова). В IX–X вв. под контролем арабов оказались острова Средиземного моря (Корсика, Сардиния, Сицилия, Крит), отчасти Прованс и южная Италия.

Почти одновременно с завоеванием арабами Пиренейского полуострова начался процесс его обратного освоения, получивший название *Реконкисты*. Реконкиста началась с севера: арабами не были завоеваны северо-западные части Астурии, горные районы Кантабрийских гор (так называемая Старая Кастилия), на северо-востоке — «Испанская марка» (Каталония). Постепенно расширяя свои границы в борьбе с арабами, Астурия образовала королевство Леон, из которого несколько позднее выделилось королевство Кастилия (1037 г.). Вскоре Леон и Кастилия вновь объединились в единое королевство Кастилию. На основе бывшей «Испанской марки» сформировались Арагон, Наварра и Каталония, которые в 1137 г. объединились в королевство Арагонское (Арагон). Так в ходе отвоевания территории у арабов на землях Испании сложились два сильных королевства Кастилия и Арагон, которые в 1479 г. слились в единое государство (условием явился состоявшийся за десять лет до этого брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской). Объединенные королевства Кастилия и Арагон составили основу будущего государства Испании.

К концу XIII в. почти вся территория Пиренейского полуострова была освобождена от арабов, у них осталась лишь небольшая область на юге Испании — гранадский эмират с центром в г. Гранада. Реконкиста завершилась падением Гранады в 1492 г.

Португалия (ее стали так именовать еще в XI в. по названию графской резиденции города Портус-Калс, совр. Порту), освободившись от арабов, вошла в состав испанского королевства Леон, в XI в. она выделилась в графство, а в 1140–1143 гг. — в независимое королевство. В дальнейшем, несмотря на неоднократные попытки присоединения Португалии к Испании (в конце XVI – нач. XVII вв. в течение нескольких десятилетий Португалия принадлежала испанскому королю), Португалия сумела отстоять свою независимость.

Оба государства Пиренейского полуострова по мере развития производительных сил в конце XVIII – нач. XIX в. перешли от феодального социально-экономического уклада к капиталистическому (создание мануфактур, развитие капиталистических форм производства и распределения).

2. *Франция, Бельгия, Швейцария.* Название Франция зафиксировано

начиная с X в. При разделе Империи Карла Великого в 843 г. ее западная часть была отдана Карлу Лысому (см. § 20). Она получила название Западно-франкского королевства и считалась самостоятельным и единым государством. Однако в действительности еще в X–XI вв. королю принадлежала лишь сравнительно небольшая область (королевское владение, или королевский домéн) вокруг Парижа и Орлеана. На остальной территории существовали, независимо от королевской власти, многочисленные герцогства и графства.

В IX–X вв. на территорию Франции время от времени делают набеги *норманны* (выходцы из скандинавских племен, в переводе «северные люди», в истории русского государства известны под названием «варяги»). В первой половине X в. они осадили Париж и королю лишь ценою выкупа удалось избежать сдачи города. Одному из вождей норманнов французский король даровал земли в устье Сены, признав его своим вассалом: так на северо-западе Франции образовалось герцогство Нормандия. Поселившиеся на территории Франции норманны сравнительно быстро романизовались.

Постепенно франкские короли расширяют свои владения, вначале за счет соседних, затем более отдаленных от королевского домена феодальных земель, преодолевая упорное сопротивление их владельцев. Королевский домен постепенно укрепляется, превращаясь в централизованное государство (XVI в.).

Формирование единого государства происходило неравномерно. Южные его области, более отдаленные от Парижа, вошедшие в государственное объединение позднее северных и на первых порах менее прочно (наполовину номинально), долго сохраняли свою самостоятельность, в результате чего на территории Франции сложились две народности — французская и провансальская. Позднее, уже в период формирования капиталистических отношений, на основе этих двух народностей складывается французская нация.

Бельгия. С V по IX вв. территория современной Бельгии входила в состав Франкского государства. При разделе Империи Карла Великого ее западная часть отошла к Западно-франкскому королевству, восточная же вошла в состав герцогства Лотарингия. Дальнейшая история народов, населявших эти земли, оказалась сложной: им пришлось отстаивать самостоятельность в борьбе с Францией и Испанией, Австрией и Голландией, попеременно территория входила в состав то одного, то другого государства. И лишь в 1830 г. многовековая борьба завершилась провозглашением независимого государства Бельгии. В ходе истории в этой стране сложились две народности: фламандцы и валлоны (см. § 4).

Швейцария. В V–IX вв. почти вся территория современной Швейцарии также входила в состав Франкского королевства, затем Империи. В 843 г. при разделе Империи Карла Великого западная и южная ее части достались Лотарю, а восточная вошла в состав государства Людовика Немецкого (Восточно-франкское королевство). Развитие и тех и других областей шло, как и развитие Европы в целом, по феодальному пути: страна делилась на множество графств, княжеств, кантонов (сельских общин). Швейцарии также пришлось вести борьбу за независимость с рядом европей-

ских стран. В ходе этой борьбы оформлялись союзы и конфедерации кантонов. В начале XIX в. было создано единое федеральное государство.

Население современной Швейцарии состоит из германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев и ретороманцев.

3. *Италия.* С конца VIII в. северная и центральная Италия входили в состав государства франков. При разделе Империи Карла Великого в IX в. обе названные части Италии отошли к Лотарю. Особенность дальнейшего исторического развития этой страны состояла в том, что политическая власть, кому бы она ни принадлежала, была лишь номинальной: феодальные земли и крупные города жили здесь еще более обособленной и самостоятельной жизнью, чем в любой другой романской стране. Своеобразие исторического развития Италии состояло также в несовпадении исторических судеб северной и центральной Италии, с одной стороны, южной Италии и Сицилии, с другой. Последние, в частности, в XI в. были завоеваны норманнами, создавшими на их территории так называемое Сицилийское королевство, просуществовавшее более ста пятидесяти лет, затем в южной Италии возникло Неаполитанское королевство, часть этих территорий одно время входила в состав испанских владений и т.д. Политическое объединение страны произошло только во второй половине XIX в., что отразилось на ее историческом развитии (здесь сохранились заметные территориальные различия: диалектная окраска речи, локальные особенности некоторых черт материальной и духовной культуры).

4. *Румыния.* На территории современной Румынии в XIV в. сложились два феодальных княжества – Валашское и Молдавское, которым, начиная с конца XIV–XV вв., пришлось вести долгую и упорную борьбу против османского (турецкого) господства, в том числе во время Русско-турецких войн XVIII–XIX вв. – совместно с русскими воинами. К середине XVI в. сформировалось княжество Трансильвания. До начала XVII в. Трансильвания вела борьбу с турками, в конце XVII в. попала под власть австрийской императорской династии Габсбургов, а с образованием в 1867 г. Австро-Венгрии была присоединена к Венгерскому королевству.

В 1859 г. произошло объединение Валашского и Молдавского княжеств в единое государство, получившее в 1861 г. название Румынии. По окончании первой мировой войны по Трианонскому мирному договору в состав Румынии вошла Трансильвания (что после второй мировой войны было подтверждено Парижскими мирными договорами 1947 г.).

Свержение фашистской диктатуры в 1944 г. и провозглашение в 1947 г. Румынской Народной Республики (с 1965 г. – Социалистическая Республика Румыния) определили социалистический путь развития страны.

5. *Молдавская ССР.* На территории, составляющей Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, в XII в. возникли ранние феодальные государственные объединения. В XIII в. эти земли были завоеваны татарами, а в XIV в. большая их часть вошла в состав Молдавского княжества. В ходе Русско-турецких войн по мирным договорам, заключенным соответственно в Яссах и Бухаресте, к России отошла часть левобережной Молдавии по левому берегу Днестра (1791 г.) и правобережная Молдавия, или Бессарабия, т.е. территория, расположенная между реками Днестр

и Прут (1812 г.). Бессарабия в 1918 г. была захвачена королевской Румынией и воссоединилась с СССР в 1940 г.

В 1924 году на основе левобережной Молдавии была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика (в составе Украинской ССР), после воссоединения Бессарабии в 1940 г. была создана Молдавская ССР, в которую вошли МАССР и Бессарабия. В годы Великой Отечественной войны МССР была оккупирована. В августе 1944 г. она была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков, и ее население при всемерной помощи советского государства приступило к восстановлению народного хозяйства.

Как и другие союзные республики СССР, в соответствии с Конституцией СССР, Молдавская ССР имеет свою Конституцию, ее правительственные органы обеспечивают экономическое, социальное и культурное развитие молдавского народа, самостоятельно осуществляют на территории республики государственную власть. МССР участвует в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР.

§ 22. Распространение романских языков за пределы Древней Романии. 1. *Образование Латинской Америки. Колонизация Канады.* К XVI в. два государства Пиренейского полуострова, Португалия и Испания, завершив Реконкисту и окрепнув в ходе этой многовековой борьбы, вышли в число сильных морских держав. Португалия овладела рядом близлежащих и более отдаленных островов у западного побережья Африки. Ее мореплаватели, обогнув африканский континент с юга, проложили Португалии морской путь в Индию или Индии, как тогда говорили, объединяя под этим названием собственно Индию, Китай и Японию — страны, славившиеся своими богатствами и особенно привлекавшие к себе различного рода диковинами, которые в буквальном смысле слова ценились на вес золота.

Испания, завершившая Реконкисту несколько позднее, вышла в число сильных морских держав позднего средневековья тогда, когда морской путь в Индию, находившийся в руках Португалии, оказался для нее закрытым. Сухопутные же пути в восточные страны также были для Испании недоступны. В это время уже была доказана шарообразность земли и было ясно, что должен существовать западный морской путь к богатым Индиям. Добровольным первопроходцем этого пути стал Христофор Колумб, итальянец (генуэзец) по происхождению, предлагавший ранее свои услуги португальскому королю, но отвергнутый им и принятый благосклонно (хотя тоже не сразу) испанскими королями Фердинандом и Изабеллой.

Колумб совершил четыре морских плавания на запад, достигнув ранее не известных островов Карибского моря (впоследствии они получили название Больших и Малых Антильских островов), в том числе Кубы, Ямайки, Гаити, северо-восточных берегов материка Южной Америки (совр. Колумбия). И хотя Колумб и его спутники не нашли во вновь открытых ими землях ожидаемых диковинок и хотя природа этих островов была не похожа на то, что они знали об Индии, они так и остались уверенными, что пришли к побережью Азии, составлявшей цель их пути.

Путешествия Колумба открыли путь массовым плаваниям испанцев, затем португальцев, французов и др. к новым землям. Эти плавания, в

свою очередь, дали европейцам возможность освоить новый материк – Америку[1].

Открытые земли объявлялись собственностью Испанского королевства (затем, по мере открытия земель другими странами, собственностью каждой из них). Началась их интенсивная колонизация. Эскадры кораблей привозили в Америку одновременно тысячи людей, скот, имущество. Колонисты становились постоянными жителями этих земель (многие из них, правда, погибли в борьбе с местным населением и от тропических болезней). Когда к берегам Америки вышла Португалия (это произошло в 1500 г.) и в течение первых десятилетий XVI в. колонизовала Бразилию, на американский континент сотнями тысяч стали завозиться из Африки рабы-негры (рабов ранее завозили и испанцы, но в меньших количествах). Так началось заселение будущей Латинской Америки европейцами, в том числе европейцами романского происхождения, и негритянским населением, принадлежащим к разным африканским этническим группам.

Колонизация Америки сопровождалась безжалостным истреблением местного населения, которое Колумб и его спутники, думая, что они достигли Индии, назвали индейцами. Были уничтожены высокоразвитые индейские культуры, существовавшие на территории современной Латинской Америки до прихода европейцев и явившиеся результатом многовекового развития древних народов, – культура ацтеков в Мексике, инков в Перу и др. Конкистадоры (по-испански: conquistador 'завоеватель', conquistar 'завоевывать', позднее так стали называть и завоевателей из других стран Европы), одержимые жаждой золота, грабили страну, убивая взрослых и детей, буквально истребляя местное население, проводя политику «выжженной земли». Энгельс так характеризует этот период: «До какой степени в конце XV века деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой. *Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* – вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»[2].

Колонизация Америки обеспечила выход романским языкам за пределы Европы, как когда-то завоевания римлян имели следствием распространение латинского языка за пределы Лациума и Италии. Однако эти исторические процессы отличались друг от друга. То, что страны Латинской Америки и некоторые области Канады стали романскими по языку и культуре, лишь отчасти объясняется романизацией, т.е. постепенным приобщением к языку и культуре завоевателей, местного индейского (в Канаде

[1] По поводу происхождения названия Америки существуют две гипотезы: это название связывают с именем Америго Веспуччи, итальянца по происхождению, который находился на службе у испанских королей, участвовал в заморских экспедициях и первым описал новые земли; или с наименованием одного из индейских племен доколумбовой Америки (americos). Возможно, имела место своеобразная историческая контаминация (по созвучию) племенного обозначения и имени мореплавателя.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 21. С. 408.

также эскимосского) населения и завезенного из Африки негритянского населения, основными же носителями романских языков и романской культуры были здесь прежде всего сами испанцы, португальцы, французы.

Заселение американского континента европейцами привело, при всех отрицательных сторонах колонизации, к усиленному развитию в странах этого континента производительных сил и производственных отношений. Колониальная зависимость стала тормозом на пути их прогресса. Началась борьба за независимость. В течение XIX века почти все испанские колонии и Бразилия добились политической самостоятельности, а это, в свою очередь, открыло широкие возможности для дальнейшего роста производительных сил, привело к созданию развитых капиталистических государств и формированию на основе слияния разных этнических групп населения латиноамериканских наций аргентинцев, бразильцев, мексиканцев и т.д. Победа социалистической революции на Кубе (1959 г.) определила социалистический путь развития страны и кубинской нации.

История Канады складывалась в ожесточенной борьбе за господство в Северной Америке между Францией и Англией. Эта борьба закончилась к середине XVIII в. в пользу последней (Семилетняя война). Формирование централизованного государства, происходившее в сложных исторических условиях, завершилось в 70-х годах XIX века. Современное население Канады состоит из англо-канадцев и франко-канадцев (численно преобладают первые), а также ряда индейско-эскимосских национальных меньшинств.

2. Колонизация Африки, Азии, Океании. Процесс деколонизации. В 1487–1488 г. португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш открыл южный путь в Индию, а в 1497–1499 г. его соотечественник Васко да Гама совершил первое морское путешествие до Индии и обратно. За этими путешествиями последовали другие, принесшие Португалии территориальные приобретения в Африке и Азии и обеспечившие ей относительно тесные связи с захваченными землями. До этого (в нач. XV в.) Португалия захватила о. Мадейру и часть Азорских островов.

В 1519–1521 гг. испанский мореплаватель Фернан Магеллан (португалец по происхождению) предпринял кругосветное путешествие, так же, как и Колумб, отправившись в западном направлении через Атлантический океан. Сам он погиб в борьбе с туземцами на Филиппинах, а один из оставшихся кораблей его эскадры в целом благополучно, хотя и с большими трудностями и потерями, привел в испанский порт, обогнув Африку и пройдя к западу от ее побережья, боцман, затем штурман экспедиции Эль Кано, баск по происхождению. Это путешествие принесло Испании Филиппины. Еще ранее испанцы захватили Канарские острова у побережья Африки.

Таким образом, XV–XVI вв. в истории Португалии и Испании – это период захвата ими новых территорий и их интенсивной колонизации.

В последующие столетия и особенно в XIX в. происходит распределение сфер влияния европейских государств в Азии, Африке, на островах Океании. Среди стран романской речи в разделе земель наиболее активно участвовала Франция, колонизовавшая в 50–80-е гг. XIX в. ряд африканских территорий, островов Океании, Вьетнам, Лаос, Камбоджу в Юго-Восточной

Азии. В колонизации земель африканского континента принимали участие также Бельгия и Италия. Характеризуя этот период, В.И. Ленин писал: «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли»[1].

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла эпоху национально-освободительных революций в колониальных и зависимых странах. Кризис колониальной системы империализма стал особенно очевидным после второй мировой войны. Возрастание могущества государств социалистического содружества и усиление национально-освободительной борьбы привели к распаду колониальной системы империализма.

В 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, а в 1976 г. в результате героической борьбы вьетнамского народа и его вооруженных сил произошло объединение страны и была образована Социалистическая Республика Вьетнам. В течение 50–70-х гг. народы Лаоса и Камбоджи вели упорную борьбу за национальное и социальное освобождение, завершившуюся образованием Лаосской Народно-Демократической Республики (1975) и Народной Республики Кампучия (1979). В 50-х годах процесс национального освобождения охватил Африку. За срок немногим менее тридцати лет большинство стран этого континента, ранее принадлежавших Испании, Италии, Португалии, Франции, освободились от колониальной зависимости.

Освобождение от колониальной зависимости создало необходимые условия для прогресса экономики и культуры развивающихся стран, для проведения ими внутренней и внешней политики, направленной на укрепление национального суверенитета и международных связей.

В государствах Африки, освободившихся от колониальной зависимости, в силу известных исторических причин сложилась довольно сложная языковая ситуация. Для нее характерны: 1) наличие в стране нескольких или даже значительного числа языков, из которых многие не имеют письменности; 2) сравнительно небольшое использование местных языков в целях межэтнического и и межнационального общения; 3) принятие в качестве официальных европейских языков[2]. Эти особенности являются общими для многих государств Африки, в том числе тех, которые избрали в качестве официальных один из романских языков (см. § 4).

Правительства развивающихся стран проводят активную работу по ликвидации неграмотности, уделяют большое внимание подготовке квалифицированных кадров, прикладывают усилия к поиску путей унификации некоторых наиболее крупных африканских языков в целях превращения их в средство внутригосударственного и межгосударственного общения. Проведение языковой политики в странах Африки связано, однако, с определенными трудностями и требует времени[3].

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 305.

[2] Языковая ситуация в странах Африки. – М., 1975. – С. 11.

[3] См.: *Бахилина К.В.* Языковая политика и языковое планирование в Африке // Языковая политика и языковое планирование в развивающихся странах. – М., 1982.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОКИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК – ОСНОВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Латинский язык, прошедший длительный и сложный путь исторического развития, характеризовался неоднородностью. Определение того, какая стилистическая разновидность латинского языка составила основу романских языков, относится к числу важных проблем романистики.

ГЛАВА I.

ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Историю латинского языка можно условно разделить на три основных периода: архаический, классический, поздний[1].

§ 23. Архаический период. Архаический период охватывает отрезок времени от первых письменных свидетельств латинского языка до конца II в. до н. э. (или, в более узком понимании, от первых литературных текстов, то есть с конца III в. до н. э., и до конца II в. до н. э.).

Начальный исторический период латинского языка известен по очень немногочисленным памятникам. Сохранились фрагмент надписи на черной каменной стеле, найденной в Риме при раскопках Форума (по сообщениям античных авторов, якобы отмечающей место, связанное с кончиной Ромула, – так называемый «lapis niger», VII–VI вв. до н. э.), «Дуэнова надпись» (на вазе, приблизительно IV в. до н. э.), надписи на надгробиях Сципионов (III в. до н. э.), несколько религиозных гимнов и некоторые другие тексты.

Несмотря на ограниченность материала, документы этого времени дают возможность выявить ряд черт архаического латинского языка, отличающих его от более поздней классической нормы: отсутствие удвоения согласных (mitat вм. mittat), древние дифтонги (duenos = bonus, deivos = = deus), сохранение s в положении между гласными (iovesat = iurat), а также конечного d (ted, med = te, me)[2].

---

[1] Эта периодизация имеет давнюю традицию, восходящую в своих истоках к эпохе Возрождения, см.: *Тронский И.М.* История античной литературы. – М., 1983. – С. 266.

[2] Примеры из «Дуэновой надписи» см.: *Эрну А.* Историческая морфология латинского языка. – М., 1950. – С. 276.

К середине III в. до н. э. завершается покорение Римом других италийских племен (см. § 14) и развертывается его борьба с греческими городами юга Апеннинского полуострова, составившая заключительный этап в истории объединения Италии под властью Рима. Речь торговцев, моряков, ремесленников, рабов, населявших в то время Рим, изобиловала греческими заимствованиями — лексическими, синтаксическими, фразеологическими, что, естественно, не могло не влиять на складывавшийся в этот период латинский литературный язык. Первый латинский поэт Ливий *Андроник*[1] (III в. до н. э.) был родом грек, из южноиталийского города Тарента.

Материал, позволяющий судить о состоянии литературы и языка в III—II вв. до н. э., дают комедии Тита Макция *Плавта* (253—184 гг. до н. э.) и Публия *Теренция* Афра (ок. 190—159 гг. до н. э.).

Плавт, родом из Умбрии, вероятно, был актером, его первоначальное прозвище Maccus — имя одного из основных персонажей ателлановой комедии[2], он, видимо, путешествовал по югу Италии и Сицилии, где хорошо изучил греческий язык. До нас дошло двадцать его комедий целиком и одна в отрывках. В качестве образца Плавт широко пользовался новой аттической комедией[3], перерабатывая и приспособляя ее к вкусам грубоватого римского зрителя и вводя для большей понятности и занимательности чисто римские подробности и детали быта.

Теренций, африканец по происхождению (Afer), был в детстве рабом римского сенатора Теренция Лукана, который, заметив талант мальчика, дал ему хорошее образование и отпустил на волю. Начало его творчества (166 г. до н. э.) приходится на период побед Рима над Македонией, успеха в 1-ой и 2-ой Пунических войнах и покорения эллинистического Востока. В это время увеличивается приток в Рим греческих ученых, риторов, художников. Это отразилось и на сочинениях Теренция. Его прологи являются одним из примеров раннего римского ораторского искусства, ориентировавшегося на греческие образцы.

Жанровая принадлежность письменных памятников архаического периода (комедия) обусловила тот факт, что в них оказалась зафиксированной, хотя и в обработанной форме, разговорная речь носителей латинского языка. В текстах архаического периода отразились языковые черты, не получившие в дальнейшем доступа в литературный язык, но продолжавшие сохраняться в латинской разговорной речи и перешедшие впоследствии в романские языки. Вот почему изучение материала этого периода представляет несомненный интерес для романиста (об особенностях языка комедий Плавта и Теренция см. § 32).

§ 24. Классический период. Классический период условно датируется началом I в. до н. э. (81 г. — первые речи римского оратора и политическо-

[1] В древнем Риме была распространена система тройных и двойных имен. В историографии часто употребляется лишь одна из частей сложного имени (в тексте учебника выделена курсивом).

[2] Римская народная комедия масок.

[3] Греческая бытовая комедия характеров и интриги, пришедшая на смену древней политической комедии и средней комедии с ее пародийным изложением мифологических сюжетов. Расцвет новой аттической комедии приходится на IV в. до н. э.

го деятеля Цицерона) — II в. н. э. (120 г. — приблизительная дата смерти историка Корнелия *Та́цита*). В этом периоде выделяют «золотой век» латинского языка, римской литературы, культуры, искусства — отрезок времени с первых речей Цицерона до года смерти императора Августа (14 г. н. э.). Вторую половину I–II вв. н. э. называют «серебряным веком». К этому времени относятся оригинальная философская и драматургическая деятельность Луция Аннея *Се́неки* (ок. 4 г. до н. э.–65 г. н. э.); зарождение римского романа — «Сатирикон» *Петрония* Арбитра (ум. 66 г. н. э.) и «Метаморфозы или Золотой осел» *Апулея* (ок. 124–ок. 180 г. н. э.); творчество Корнелия *Тацита* (ок. 55—после 117 г. н. э.); литературная деятельность целого ряда прозаиков, историков и поэтов.

При всем разнообразии стилистических средств у лучших авторов I–II вв. н. э., латинский язык в это время остается практически неизменным: выработанные в предшествующих столетий нормы не нарушаются. Это обстоятельство позволяет считать понятия «золотой» и «серебряный век» литературоведческими, а не лингвистическими. При разграничении же периодов развития латинского языка целесообразно объединить в единый классический период время с I в. до н. э. по II в. н. э.

Чем этот период отличается от предшествующего?

В связи с распространением латыни в провинциях она стала языком ежедневного общения, вытеснив местные говоры. В обширном разноплеменном Римском государстве сложилось определенное койне — общепонятный разговорный язык, обеспечивавший контакты между удаленными друг от друга областями. Язык, ориентированный на латинское койне, сложился к I в. до н. э.

В выработке единого литературного языка, становлении литературной нормы огромную роль сыграли писатели I в. до н. э. Поэт-философ Тит *Лукреций* Кар (ок. 98—ок. 54 гг. до н. э.) пишет поэму «De rerum natura» («О природе вещей»). Римская историография последних лет республики и эпохи Августа представлена военными мемуарами Гая Юлия *Цезаря* (100—44 гг. до н. э.) «Commentarii de bello Gallico», «Commentarii de bello civili» («Записки о галльской войне», «Записки о гражданской войне») и трудами его продолжателей; сочинениями крупного историка Гая *Саллю́стия* Криспа (ок. 86—35 гг. до н. э.) «Conjuratio Catilinae» («Заговор Катилины») и «Bellum Jugurtinum» («Югуртинская война»); трудом Тита *Ливия* (59 г. до н. э.–17 г. н. э.) «Ab urbe condita» («От основания города»), в котором изображена история республики и начала империи; поэзия — лирикой поэта Гая Валерия *Като́лла* (ок. 87—ок. 54 гг. до н. э.), произведениями Публия *Вергилия* Маро́на (70—19 гг. до н. э.), Квинта *Горация* Флакка (65—8 гг. до н. э.), Публия *Овидия* Назона (43 г. до н. э.–17 г. н. э.), элегиков Альбия *Тибулла* (ок. 54 г. до н. э.–ок. 19 г. до н. э.), Секста *Проперция* (ок. 49 г. до н. э.– после 15 г. до н. э.). Марк Туллий *Цицерон* (106—43 гг. до н. э.) выступает как блестящий оратор и автор философских трактатов. Своими сочинениями по теории и истории красноречия он внес значительный вклад в разработку теории стилей. Вот, например, его наставления будущим ораторам («Об ораторе», III):

«11,40... Для чистоты латинской речи следует позаботиться не только о том, чтобы подбор слов был безупречен, и не только о том, чтобы соблю-

дение падежей, времен, рода и числа предохраняло речь от сбивчивости, бессвязности и беспорядка; но необходимо управлять органами речи, и дыханием, и самим звуком голоса.

12,44. Итак, существует определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не режет слух, не вызывает неудовольствия, не навлекает упрека, не содержит чуждого звука и привкуса. Этот говор мы и усвоим, стараясь избегать не только мужицкой грубости, но и чужеземных особенностей.

13,49... Нужно говорить чистым латинским языком, пользуясь словами употребительными и точно выражающими то, что мы хотим обозначить и изобразить, без двусмысленности как в отдельных словах, так и в связной речи, без слишком длинных периодов...»[1].

За чистоту и нормативность языка боролись и ученые классического периода. В своих сочинениях они стремились дать научное описание литературного латинского языка, опираясь при этом на теоретические положения греческой грамматической теории, имевшей богатую традицию. Римский ученый-энциклопедист Марк Теренций *Варро́н* Реатинский (116–27 гг. до н. э.) создал фундаментальное сочинение «De lingua latina» («О латинском языке») в 25 книгах (из которых до нас дошли лишь книги 5–10). Ученый I в. н. э. Марк Фабий *Квинтилиан* (ок. 35—ок. 96 г.), мастер красноречия, открывший в Риме школу, где обучались риторике, написал трактат «Institutio oratoria» («Обучение оратора») в 12 книгах. Автор призывает слушателей и читателей ориентироваться в своей речи на классические образцы, особенно на Цицерона. В сочинении Квинтилиана дан целый комплекс правил построения «хорошей» латинской речи: IX, 4... «Во всяком сочетании слов необходимо соблюдение трех вещей: порядка слов, соединения их друг с другом и ритма... Если допускает сочетание, самое лучшее вместе с концом фразы заканчивать мысль»[2].

Язык произведений писателей этого периода получил название «классической» или «золотой» латыни. Это язык с твердой нормой употребления, опиравшийся на традиции и авторитет грамматиков, отличавшийся у разных авторов лишь стилевыми особенностями. Для литературной формы речи (ораторы, историография, собственно литературные произведения) характерно соблюдение грамматической «правильности», длинные синтаксические периоды, особый отбор лексики.

Но наряду с этой книжной, официальной латынью все время существовала и развивалась латынь разговорная, латынь всего населения Римской империи[3].

Сами римляне неоднократно указывали на существование двух форм латыни – устной и письменной. Они противопоставляли их, снабжая соот-

---

[1] *Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. – С. 212–214.

[2] Античные теории языка и стиля. – М.–Л. 1936. – С. 236–238.

[3] Не следует забывать о том, что письменный и особенно литературный язык в то время не имел такого влияния на разговорную речь всех слоев населения, как в наши дни, когда в силу массовости современных источников письменной и устной информации, а также образования это влияние значительно возросло.

детствующими эпитетами: с одной стороны – sermo cotidianus, usualis, plebeius, inconditus, vulgaris, proletarius, rusticus, militaris, с другой – sermo eruditus, perpolitus, urbanus (см., например, Quint. Inst. orat. XI, 3, 10).

Разговорный язык Рима также не был однороден (что видно и из приведенных выше его наименований) у представителей различных социальных слоев римского общества. Sermo cotidianus, usualis – это обыденная, повседневная речь более или менее образованных слоев римского общества. Богатейший материал такого языка представлен в огромной переписке Цицерона, изданной после его смерти другом оратора Аттиком и вольноотпущенником Тироном. Цицерон сам осознает, что язык его писем далек от литературных образцов: Quid tibi ego videor in epistulis? nonne plebeio sermone agere tecum? (Ad fam., IX, 21). – «Каким я тебе кажусь в письмах? Разве не простым языком я говорю с тобой...», Causas... agimus subtilius, ... ornatius; epistulas vero cotidianis verbis texere solemus (Ad fam., IX, 21). – «Дела... мы ведем более тонким... изящным языком; письма же обычно пишем языком повседневным...». Квинтилиан также упоминает sermo cotidianus: Quidam nullam esse naturalem putant eloquentiam, nisi quae sit cotidiano sermoni simillima, quo cum amicis, coniugibus, liberis, servis loquamur (Inst. orat. XII, 10, 40). – «Некоторые полагают, что нет никакого иного естественного красноречия, кроме наиболее близкого к повседневному языку, на котором мы говорим с друзьями, женами, детьми, рабами». В то же время существовала и еще одна форма разговорной речи, sermo vulgaris. Образцом такого просторечия мы располагаем благодаря сознательному воспроизведению его Петронием (I в. н. э.) в романе «Satyrae» или «Satyricon libri» («Сатирикон», см. § 32).

Все три стиля (литературная форма речи; повседневная, обыденная речь образованных римлян; просторечие) хронологически относятся к периоду, названному классическим, но не все они могут считаться классической латынью. Этим термином принято обозначать только первый, литературно-письменный стиль речи. Следовательно, понятие «классическая латынь» – это понятие как хронологическое, так и стилистическое. Классическая латынь – это литературно-письменная, строго нормированная форма речи классического периода, нашедшая отражение в риторических, художественных и историографических произведениях.

При рассмотрении материала классического периода бывает крайне затруднительно выделить элементы разговорно-обиходной речи, потому что степень проникновения в письменный язык разговорных элементов, в условиях прочной школьной традиции и, следовательно, значительной образованности пишущих, в это время была очень мала. К тому же письменный материал (единственный источник при изучении латыни, как и любого другого «мертвого» языка), независимо от его жанра (исключение составляет, пожалуй, лишь речь персонажей романа Петрония), обязательно испытывал на себе влияние книжной, литературной нормы.

§ 25. Поздний период. Поздний период латинского языка охватывает III–VII в. н. э. – эпоху кризиса Римской империи, ее деления на Западную и Восточную, падения Западной Римской Империи (V в.) и образования

на ее территории варварских государств (подробнее об исторических событиях этого периода см. §§ 19, 20).

События, происшедшие в завершающий период существования Римского государства, резко меняют облик некогда могущественного Рима. Исторические перемены сказываются и на культурной жизни. Приходит в упадок наука и искусство. Литературная норма теряет свой авторитет. Количество школ резко сокращается, и они становится доступны горазло меньшему числу людей.

После образования варварских королевств латынь продолжает оставаться языком всех официальных документов, королевских дворов и церкви. Экономическая жизнь этого периода, расширение торговли в Средиземноморье также требуют знания письменности купцами или их секретарями (tabellarii litterati), в обязанности которых входило вести корреспонденцию и счета своих хозяев.

Для административного управления, которое продолжало совершаться по римскому законодательству в большей части Галлии, Италии, Испании и Северной Африки, нужны были чиновники, умеющие читать и толковать законы, а также многочисленные писцы для оформления и переписывания юридических документов. Именно поэтому светские школы грамматики и риторики, функционировавшие по образцу имперских школ, существовали и после падения Западной Римской империи, вплоть до конца VII в. В программу этих школ входили грамматика, риторика, а также право. Историк Григорий Турский (538–594 гг.) рассказывает об одной из школ в Марселе, в которой изучались грамматика, арифметика и римское право.

Различались школы для аристократии (так называемые большие школы), предусматривавшие изучение латинской литературы и классического литературного латинского языка (таких школ было очень мало) и намного превосходившие их числом обычные школы, где давали незначительные знания по литературе, но зато обучали ряду практических предметов, что требовалось для административных процедур и торговли. Занятия в таких школах велись на «низком» языке повседневного общения. В связи с исчезновением римской культурной традиции светские школы становились все более редкими, постепенно вытеснялись школами при монастырях и соборах. Образование переходило в руки духовенства и носило теперь преимущественно религиозный характер.

В то же время большая часть населения была вообще неграмотна. Даже в таких городах, как Марсель, где, как можно предположить, долго сохранялось культурное влияние не только римской, но и греческой цивилизации, основная масса народа, по всей вероятности, не умела читать. Папа Григорий I Великий[1] пишет епископу Марселя Серену: «Для того в церквах применяется живопись, чтобы те, кто неграмотен, по крайней мере, разглядывая рисунки на стенах, читали то, что они не в состоянии прочесть в книгах»[2].

---

[1] Григорий I был первым папой, фактически сосредоточившим в своих руках церковную и светскую власть над Римом и Римской областью (годы папства 590–604).

[2] *Thompson J.W.* The literacy of the Laity in the Middle Ages. – New York, 1960. – P. 11.

Неприятие христианской церковью сочинений классиков античности основано на том, что эта литература считалась «языческой». На IV соборе в Карфагене в 398 г. было принято решение: Libros gentilium non legat episcopus – «Епископ не должен читать светских книг». Но поскольку церковные книги и документы были написаны тоже на латыни, знание латинского языка оставалось обязательным для всех представителей клира. Правда, изучение латыни ограничивалось теперь, в основном, грамматикой.

Язык церковных сочинений приводится в соответствие с новыми нормами. Так, в IV в. монахом Иеронимом был выполнен новый перевод библии на латинский язык, в котором были сохранены разговорно-латинские формы старого перевода.

С укреплением позиций христианской церкви в Римском государстве тенденция вытеснения классических образцов христианскими превращается в открытую нетерпимость к старой классической образованности. Достаточно упомянуть варварский акт папы Григория I. Он повелел сжечь все книги Тита Ливия, которые ему удалось найти. Григорий I заявлял, что презирает правила грамматики, так как не хочет подчинять божественные слова правилам Доната[1], и порицал Дезидерия, епископа из Вьенны, за то, что он преподает грамматику своим ученикам.

Так постепенно и последовательно вытравляется привычка обращения к классической литературе, создается престиж религиозных текстов. Постоянное обращение к ним не только образованных людей, но и простого народа (ведь даже неграмотные слушали текст литургии во время религиозных церемоний) превращает их в новый источник языковой нормы и стиля[2].

Высказывания о необходимости упрощать свой язык, чтобы быть понятым людьми без образования, встречаются и в светских сочинениях, в частности у Григория Турского в «Historia Francorum» («История франков»): Philosophantem rhetorem intellegunt pauci, loquentem rusticum multi – «Философствующего ритора мало кто понимает, а когда говорит простой человек, – понимают многие».

Однако в большинстве случаев литературная, письменная латынь в это время еще более отличается от языка простого люда провинций и самой Италии, чем это было в период процветания Римского государства: латинский язык на всей территории его распространения продолжал развиваться в своей разговорной форме, а письменные свидетельства этого времени следовали созданной ранее литературной традиции, их авторы стремились писать в соответствии с выработанной несколько веков назад литературной нормой без учета происходивших в разговорной речи изменений. Создается заметный разрыв между письменной традицией и разговорной речью, развивающейся независимо от установленных ранее норм, чаще всего вопреки им, в соответствии с внутренними законами развития языка.

Изменения, характерные для устной речи этого времени, неизбежно начинают постепенно проникать и в письменность. «Ошибками» грешат не

---

[1] Римский грамматик IV в.

[2] Подробно об этом см.: Storia della Letteratura Italiana/dir. E. Cecchi e N. Sapegno. – Milano, 1965. – V. I. P. 55.

только описания паломников или деловые записи, но и литературные сочинения. Хроника Фредегария (середина VII в.), меровингские формулы (дипломы меровингских королей, VII в.) показывают, как сильно изменилась к этому времени разговорная латынь на территории Франции по сравнению с латынью классического периода.

В поздней латыни встречаются явления, уже бывшие в архаический период, например, в эпитафии консула Луция Корнелия Сципиона (III в. до н. э.) опущение n перед s, смешение безударных u и o: cosentiont (ср. кл. consentiunt), отпадение конечного m: Scipione (вм. Scipionem) и многие другие явления, становящиеся регулярными в поздний период. Это означает, что некоторые тенденции развития языка имели давнюю историю. Не вошедшие в литературную норму, строго ограниченную определенными схемами и моделями, многие элементы архаической латыни продолжали существовать и в последующие периоды развития языка как просторечный вариант и, укрепившись в разговорной речи, проникали в большей или меньшей степени в литературу.

Поскольку мы располагаем только письменными свидетельствами латинского языка, то представление об истинном состоянии языка в этот поздний период можно составить, лишь учитывая все те «ошибки», разговорные элементы, которые все больше проникали в это время в письменность. Говоря о поздней латыни, нужно иметь в виду, что разговорная латинская речь позднего периода истории латинского языка (III–VII вв.) не имела адекватного отражения в письменных текстах, но до известной степени ее можно восстановить по «ошибкам», проникающим в эти тексты, по некоторым прямым и косвенным свидетельствам и по данным сформировавшихся на ее основе романских языков.

Было выделено три этапа в истории латинского языка от первых письменных свидетельств до письменных памятников той поры, когда была утрачена литературная традиция и норма, когда пишущие на латыни пытались воспроизвести далекие классические образцы, не находя им подтверждения в повседневной речи.

Как видим, на протяжении всего этого времени латинский язык был неоднороден: начиная с момента появления первых литературных сочинений, параллельно существовали устная разговорная речь, живо отражавшая состояние языка в разные периоды, и письменный литературный язык с постепенно сложившейся нормой. Однако разговорные формы в той или иной степени проникали и в литературные сочинения, в зависимости от жанра произведения и периода его создания. Задача исследователя — обнаружить рассеянные в литературных источниках элементы разговорной речи, вычленить их и, систематизировав, восстановить, пусть вынужденно неполную, картину развития латинского языка в разных частях Римского государства.

§ 26. **Латынь в эпоху средневековья и в новое время.** После образования на территории бывшей Римской империи варварских государств латынь еще долго продолжала оставаться в них единым письменным языком. Поскольку большинство писавших на латыни были людьми малограмотными, письменная латынь постепенно превратилась в «антилязык» (термин,

введенный современными итальянскими лингвистами: «antilingua»), то есть язык, утративший способность служить средством общения. Во фразах часто трудно уловить смысл, их синтаксис непонятен. Язык юридических, нотариальных и церковных документов этого времени пронизан вульгаризмами, произвольными искажениями. Так, некий священник из Майнца (VIII в.) сопроводил обряд крещения такими словами: Ego te baptiso in nomine patria (вм. patris) et filia (вм. filii – двойная ошибка: род и падеж) et spiritus sancti – «Крещу тебя во имя отца и сына и святого духа». А в одном из актов г. Пизы VIII в. встречается такая фраза: De uno latere corre (романизм) via publica. – «С одной стороны проходит общественная дорога».

К концу VIII в. различие между латынью и народными говорами становится столь ощутимым, что возникает необходимость упорядочения письменного языка. Ряд мер по возрождению грамотности, образования был осуществлен при дворе короля франков Карла Великого (годы правления 768–814).

Карл Великий был для своего времени просвещенным человеком. Хотя он научился писать лишь в зрелом возрасте, он знал латинский и греческий языки. К его двору были приглашены ученые из разных стран: англосакс Алкуин, получивший образование в Йоркской епископской школе, по Vergilii magis quam psalmorum amator «более любитель Вергилия, чем псалмов», главный вдохновитель и автор задуманных Карлом Великим мероприятий; Павел Диакон из Лангобардии, историк и филолог, знаток латинского и греческого языков, автор сочинения «Historia Langobardorum» («История лангобардов»); вестгот из Испании Теодульф, теолог и поэт; молодой франк Эйнхард, позже написавший биографию Карла Великого «Vita Karoli» («Жизнь Карла») и многие другие. При помощи этих ученых Карл организовал школы при епископских резиденциях, главным образом для подготовки грамотного духовенства и чиновников.

Возобновление классических занятий означало прежде всего восстановление «правильной» латыни. Для этого необходимо было обращение к классикам. По приказанию Карла Великого собирались и переписывались древние латинские и греческие рукописи. Создавались специальные scriptoria – помещения, где несколько переписчиков одновременно копировали одну и ту же рукопись. Большая часть сочинений античности пошла до нас только в этих списках. Наряду с Вергилием, служившим в средние века образцом для подражания, вновь читают Горация и Овидия, обращаются к Цицерону. Сочинения Ливия и Светония, Лукана и Стация, Квинтилиана и Плиния, Ювенала и Катона стоят в одном ряду с трудами христианских авторов. К работам грамматиков Доната и Присциана обращаются в поисках грамматической нормы. Классиков часто цитируют, подражание им становится нормой стиля.

Подобное «очищение» латыни, восстановление античной культурной традиции привело, вместе с тем, к признанию автономии народных (разговорных) языков.

Мероприятия «дворцовой академии» Карла Великого распространяли знание «правильной» латыни лишь на дворцовое окружение (к тому же касались больше лиц духовного звания, чем мирян). Народные слои гово-

рили только на местном диалекте. Таким образом, в период «каролингского возрождения» (как назвали культурную деятельность Карла Великого историки Нового времени) письменная латынь приблизилась к классическим образцам, но число пишущих на ней стало гораздо меньше, чем до этого.

Доказательством осознания того факта, что в это время народ уже говорил на языке, сильно отличавшемся от латинского, служит решение, принятое духовенством на Турском соборе в 813 г. Собор постановил, что проповеди должны произноситься на понятном народу языке, признав тем самым, что латынь таким языком уже не является. XVII статья актов Турского собора гласила: ...homilias quisque aperte transferre studeat in rusticam romanam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere quae dicuntur. – «... проповеди каждый должен стремиться открыто произносить на простом (деревенском) романском языке или германском, чтобы всем было легче понимать, что говорится».

Итак, развивавшееся подспудно неосознанное двуязычие перешло в двуязычие осознанное. Этот переход подтверждается тем, что местные говоры приобрели свое собственное название: rustica romana lingua 'простореченый романский язык', theotisca lingua 'германский язык'. Термин «romana lingua» встречался и раньше, но лишь для того, чтобы противопоставить латынь языкам, принадлежавшим к другим группам. В документах Турского собора впервые термин romana употребляется не как синоним термина latina. Возникает антиномия. Отныне lingua romana противопоставляется lingua latina как разговорный язык письменному языку. Осознается тот факт, что разговорный язык не идентичен по своей структуре письменному языку, что люди пишут и говорят на разных языках.

Не случайно, что впервые термин для обозначения новых языков возник в Северной Франции. Именно там местные языки дальше всего отошли от общей латинской нормы, особенно в их фонетическом развитии.

В Италии употребление специального названия для местного языка – volgare – устанавливается в следующем, X веке. Впервые в этом значении оно встречается в 965 г. в перешиске монахов. Кроме того, из эпитафии папе Григорию V, умершему в 999 г., узнаем, что папа знал три языка: usus francisca, vulgari et voce latina instituit populos eloquio triplici – «владея французским, вольгаре (то есть будущим итальянским) и латынью, наставлял народ на трех языках». Название «вольгаре» народные романские диалекты Италии сохраняют вплоть до XVI века, когда возникает термин «lingua italiana».

Складывавшееся в это время новое лингвистическое сознание нашло отражение в Рейхенауских глоссах (VIII–IX вв.). В отличие от более раннего грамматического памятника латинского языка Appendix Probi (III в.)[1], в Рейхенауских глоссах мы уже не встречаемся с оценкой «правильно (латинский образец) – неправильно (романские формы)». Наоборот, с помощью романских форм (часто с заметными следами германского влия-

[1] Подробнее об этих памятниках см. §§ 37, 38.

ния) объясняются непонятные латинские. Поэтому наряду с pulchra: bella (где еще сопоставляются книжное и разговорное латинские слова) читаем: castro: heribergo; respectant. rewardant (где латинские слова разъясняются соответствующими германо-романскими). Как видим, латынь перестает быть единственной нормой, а на романских словах уже не лежит печать ошибочности. Глоссы дают ясно почувствовать эту новую лингвистическую ориентацию. Комментируемая латынь воспринимается как нечто устаревшее, в то время как романские языки, в свою очередь, утверждаются как нечто равноправное и противостоящее латыни. Косвенным доказательством этого являются этно-политические глоссы Italia: Langobardia. Gallia: Frantia.

Начиная с X–XI вв. во всех государствах Западной Европы появляются письменные документы, воспроизводящие устную романскую речь. В то же время латынь продолжала удерживать позиции языка науки, администрации, церкви. В период, когда новые языки лишь делали первые, пробные шаги, латынь в Западной Европе была языком международных контактов, а также языком литературной традиции. Она проникала во все области культурной и общественной жизни, выполняя функции общего литературного языка, по отношению к которому местные языки иногда рассматривались не как другой язык, а как испорченная народом разновидность того же языка. Так, мы уже знаем, что итальянский язык называли «вольгаре» («народный язык»). Отождествление литературной формы с латинской, а народной, разговорной — с итальянской подчеркивается обычным в XIII–XIV вв. противопоставлением: scribere (dicere) vulgariter et litterariter 'писать (говорить) по-народному и по-литературному'. Сами слова lettera, per lettera в старoитальянском означали «латынь, на латыни». Одновременно с появлением письменности на вольгаре, отличавшемся многообразием диалектов и неустойчивостью норм, латынь осознавалась как единственно «правильный», то есть подчинявшийся грамматическим правилам язык, который поэтому называли просто grammatica.

Латинская письменная традиция обладала большими преимуществами перед народным языком, который не имел зачастую слов для обозначения отвлеченных понятий. Так, переводчик с латыни Доменико Кавалька (1270–1342) жаловался на бедность итальянского языка: «То, что на латыни кажется хорошо сказанным, то, переведенное на вольгаре, из-за порядка слов кажется ничтожным и менее полезным». Для многих итальянцев латынь была, очевидно, даже более понятной, чем народные им итальянские диалекты, и, следовательно, представляла бо́льшие удобства для общения. В 1290 г. анонимный копиист сборника поучительных рассказов «Fiore di virtù» («Цвет добродетели») говорит, что он плохо знает вольгаре: «Народных слов я совсем не знаю, потому что мало ими пользовался. К тому же отвлеченные («духовные») понятия на вольгаре не могут быть переданы так точно, как они передаются на латинском языке и с помощью грамматики, из-за бедности словаря вольгаре, отличного от словаря других земель и областей. Но грамматика, т.е. латынь, не такова, потому что она общая для всех латинян».

Характерно, что все итальянцы еще в XIII–XIV вв. называли себя, в отличие от других романских народов, homines latini, как это видно из

вышеприведенного примера, а также из известного определения национальности, данного в «De vulgari eloquentia» («О народном красноречии») Данте: in quantum ut homines latini agimus, quedam habemus simplicissima signa et morum et habitum et locutionis, quibus latine actiones ponderantur et mensurantur (I, XVI, 3–4): «... поскольку мы поступаем как латиняне, имеем определенные простейшие признаки обычаев, привычек и языка, которыми взвешены и измерены действия латинян». Поэтому «в Италии, где наследие древнего Рима всегда осознавалось как национальное достояние, было нелегко дискредитировать латынь, назвав ее иностранным языком»[1].

Сферы применения латинского языка в средневековье – юриспруденция, образование, наука, религия, литература, то есть, практически, все области общественной и культурной жизни.

Юриспруденция. Германские племена, расселившиеся на территории бывшей Западной Римской империи, не имели своих письменных языков. Поэтому судебники первых варварских государств Западной Европы, так называемые «правды» (leges), были составлены на латинском языке. Эта традиция использования латыни в юридических документах сохранялась на протяжении всего средневековья.

Во Франции, несмотря на появление письменных текстов на народном языке уже в IX в., латынь оставалась языком официальных документов довольно долго. Королевская канцелярия стала употреблять французский язык лишь со времени царствования Людовика IX (первый известный текст датирован 1254 г.) В это же время появляются своды законов, а также сборники местных обычаев (coutumiers) на французском языке.

В Италии, где в IX–X вв. крепнет самостоятельность городов, новая складывавшаяся в этот период социальная группа – городские жители – говорила в основном на вольгаре, еще не имевшем письменной формы. Но городское население стремится к получению необходимого для успешной административной карьеры образования, то есть к изучению латыни, единственного в средневековой Италии языка письменности. Германский историк Оттон Фрейзингенский (XII в.) свидетельствует о знании латыни представителями средних слоев населения, принимавшими участие в управлении городом. Городские статуты вплоть до XIII–XIV вв. пишутся на латыни. Так, знаменитые статуты Болонской коммуны: – Ordinamenti sacrati e sacratissimi (1281 г.), провозглашавшие равенство всех людей, так же как и сходные с ними по демократизму и радикальности флорентинские Ordinamenti di giustizia (1293 г.), написаны на латинском языке. На латыни ведутся и XIII в. и судебные процессы, демократическая сущность которых не вызывает сомнения в том, что они были понятны простым гражданам, интересы которых защищала городская коммуна. Показателен в этом отношении документ конца XIII в., в котором идет речь о феодале, оскорбившем и побившем камнями крестьянина Лапо и его мать Лапу: capiendo caules de terra simul cum petruzzis et terra ipsam dominam Lapam percussit in vultu contra Ordinamenta Justitie; et de vultu domine Lape sanguis exivit. – '... подняв с земли капустные кочерыжки с камнями и землей, он ударил

[1] *Kristeller P.O.* L'origine e lo sviluppo della prosa volgare italiana // Cultura neolatina. – 1950. – X. – P. 140.

названную госпожу Лапу в лицо против «Установлений справедливости», и с лица госпожи Лапы потекла кровь' (обидчик был приговорен к штрафу, которого, однако, не заплатил). В этом отрывке, помимо народных флорентинских слов (pettuzzis), принявших латинскую форму, типично итальянского употребления герундия (capiendo caules), написания e вместо ae, обычного для средневековой латыни, интересно применение слова domina 'госпожа' к простой крестьянке, показывающее постепенное изменение значения этого слова (*итал.* donna «женщина»), связанное с его расширенным применением ко всем социальным группам благодаря стиранию сословных перегородок в городских коммунах.

Образование, наука, церковь. В течение всего раннего средневековья образование находилось в ведении церкви. Школы функционировали при монастырях и соборах, среди которых наиболее известные – монастыри Монтекассино в Италии, Клюни во Франции, соборы в городах Франции – Шартре, Орлеане, Реймсе; в Испании собор в Толедо. Культурная жизнь сосредоточивалась также при дворах некоторых правителей, в ряде городов Европы (вспомним известную барселонскую библиотеку).

С появлением в XI в. муниципальных и частных школ в систему преподавания стал проникать светский элемент. Латинскую грамматику изучали по учебнику Доната (IV в.), читали отрывки из сочинений Цицерона, Катона о морали и риторике. В XI в. в Италии возрождаются серьезные занятия медициной и правом и возникают крупные центры: медицины в Салерно и права в Болонье. В это же время создается ряд значительных трудов по различным отраслям знаний.

Основой обучения в средневековье были философия и теология. В теологии средневековья выделяются различные направления. Представители одного учения – мистицизма – считали основной задачей созерцание божества, относясь к разуму как силе, лишь облегчающей достижение этого созерцания. Среди теологов этого направления – Иоахим Флорский (1130–1202), Франциск Ассизский (ок. 1182–1226), Бонавентура (Джованни Фиданца, 1221–1274). В то же время зарождается и крепнет другое учение – теолого-философский рационализм, получивший название схоластики. Среди основателей схоластики – итальянский ученый Ансельм из Аосты, архиепископ Кентерберийский (1033–1109), французский философ и богослов Петр Абеляр (1079–1142). Наиболее полно это учение представлено в творчестве итальянского философа и теолога Фомы Аквинского (1227–1274), автора «Summa theologica», сочинения, объединяющего учение Аристотеля с христианскими догмами и представляющего собой основу средневековой схоластики. Ученые-схоласты стремились к раскрытию «божественных истин» с помощью разума. Рационализм схоластов создавал атмосферу полемики и дискуссий, нарушая тем самым, независимо от субъективных намерений их авторов, незыблемость католической догмы и стимулируя философскую мысль.

На базе школ XII в. возникают новые центры культуры и образования – университеты. В университетах расширяется круг изучаемых дисциплин – углубляется содержание традиционных trivium (грамматика, риторика, диалектика) и quadrivium (арифметика, геометрия, астрономия, музыка), которыми ранее ограничивалось образование, появляются про-

фессиональные факультеты права, медицины и теологии. Университеты создаются в Болонье (1088 г.) и Париже (1200 г.) В XIII в. создаются и другие университеты: в Падуе в 1222 г., в Неаполе в 1224 г. Орлеанский университет становится центром юридических наук, Монпелье – медицинских. В Испании первые университеты создаются в XIII в., в городах Паленсия и Саламанка. В Англии в этот же период возникло двенадцать университетов, наиболее известные из которых Оксфордский и Кембриджский.

В связи с возросшим интересом к науке и культуре, расцветом литературы, созданием университетов стремительно растет спрос на книги, а также возникает необходимость уменьшения их стоимости. Поэтому в городах с конца XII в. организуется ремесленное производство рукописных книг.

Языком научной и богословской литературы средневековой Европы был латинский. На латинском языке писали философские трактаты и вели ученые диспуты. Поэтому книги, изготавливаемые в университетских скрипториях, были написаны на латинском языке. В университетских городах книги на латинском языке стоили значительно дешевле, чем редкие книги на новых романских языках.

В XII веке возобновилось широкое чтение латинских авторов, особенно поэтов, и их комментарии. Отбор авторов в это время весьма своеобразен. Ряд античных писателей, например, Ливий, Лукреций, оставались неизвестными. Некоторые другие тексты («Germania» Тацита, стихи Катулла) почти не пользовались вниманием и не переписывались. Зато повсюду читали Вергилия, сохранившего большое число почитателей в течение всего средневековья, Овидия, часто цитировали Марциала, Сенеку, Теренция. Риторику по-прежнему изучали по Цицерону. Читали Плиния Старшего, Фронтина, Авла Геллия, Макро́бия.

Составлялись антологии. В Ватикане хранится антология XII в., включающая фрагменты из «Сатурналий» Макробия, сентенции философов, выдержки из писем Иеронима и Плиния, текст Апулея, речи и «Тускуланские беседы» Цицерона, письма и «De beneficiis» Сенеки, сочинения Авла Геллия и Эннодия. Другая антология, хранящаяся в римской Национальной библиотеке, составлена несколькими десятилетиями позже и содержит больше поэтических текстов. Входящие в нее отрывки дают представление о римской литературе практически на всех этапах ее развития. Любимой формой литературного обучения было составление кратких глосс (разъяснений непонятных слов) или схолий (комментариев)[1] к древним текстам.

Как видим, и в сфере образования, науки и церкви латынь была практически единственным инструментом общения и выражения мысли.

Литература. Хотя латынь продолжала оставаться средством общения образованных слоев средневекового общества, художественные тексты этого времени строятся строго по образцам античных и церковных классиков, из которых заимствуют зачастую целые фразы. Наиболее авторитетными образцами для подражания были Саллюстий, Теренций, Гораций, Пруденций и, конечно, христианские тексты – библия и сочинения «отцов церкви».

---

[1] Подробнее об этих литературных формах см. § 38.

Большое развитие в это время получает рифмованная риторическая проза. Руководством к построению красивой и ученой латинской речи служили многочисленные artes dictandi (средневековые обработки античных риторик), содержавшие рецепты расположения материала и его разделения на части, перечень фигур речи и топик («общих мест»).

Ars dictandi (букв. «искусство сочинения»), возникшая в XI в., явилась новым этапом для латинского литературного языка этого периода. С ее помощью литературные памятники, канцелярские документы, эпистолярный жанр приобрели «необходимую авторитетность и подобающее достоинство»[1]. Были выработаны различные стили: тулльянский (по имени Марка Туллия Цицерона), более других близкий к классическим моделям; григорианский (по имени папы Григория VIII), базировавшийся на курсусе (учении о ритмике текста), — он лег в основу технического языка администрации; и, наконец, исидорианский стиль, имевший рифму, который сложился под влиянием языка Исидора Севильского. Все эти новшества увеличивали престижность литературного латинского языка.

Обширен список средневековых латинских авторов. За писателями, историками и учеными эпохи каролингского возрождения следует множество новых в последующие века.

Едва ли не половину всей литературной продукции средневековья составляют проповеди и письма. Владение этими жанрами было необходимо для каждого клирика. Проповедь была основной формой их церковного служения, и, кроме того, на них лежали секретарские обязанности не только в монастырях, но и при светских правителях, так как мирское население было почти сплошь неграмотным. И проповеди, и письма строились по античным традициям, с использованием стилистических фигур.

Значительное место в литературе занимает жанр агиографии (жития святых). Известным образцом агиографической литературы является «Legenda Sanctorum» или «Legenda aurea» («Золотая легенда») — житийный свод, составленный Якопо из Вараще (1228–1298), в котором даны жизнеописания всех христианских святых Востока и Запада в краткой, но далекой от схематизма форме. Эта книга и в эпоху Возрождения оставалась излюбленным чтением в странах Западной Европы и могла поспорить популярностью с библией и рыцарскими романами.

Широко представлен исторический жанр — городские анналы и хроники епископств и аббатств, авторами которых были преимущественно монахи. Поэтому вплоть до самого позднего средневековья они составлялись на латинском языке. Так, в 80-х гг. XIII в., то есть уже после появления первых литературных сочинений в стихах и прозе на различных диалектах итальянского вольгаре, пармский монах Салимбе́не де Адам пишет на латыни хронику Пармы, отличающуюся непосредственностью изложения и простотой языка (не всегда правильного и пестрящего итальянскими словами).

Большое развитие в латинской литературе этого времени, в силу ее религиозной окраски, получают моралистические жанры — сентенции, дидактические поэмы, гимны, секвенции (религиозные песнопения). В то же

[1] *Devoto G.* Profilo di storia linguistica italiana. — Firenze, 1960. — P. 37.

время в XI–XII вв., в период ожесточенной борьбы между папским престолом и императорской властью поэзия на латинском языке была преимущественно политического или исторического содержания.

Состоявшиеся на протяжении XII в. три крестовых похода оказали значительное влияние на разные стороны общественной жизни Европы. К этому времени относится большое число переводов на латинский язык греческих и арабских сочинений. Наиболее крупные переводческие центры того времени – Толедо, Сицилия. К началу XIII в. на латинский язык были переведены почти все сочинения Аристотеля и главные географические, математические, астрономические и медицинские труды греческой и арабской науки.

Перевод научных сочинений способствовал усилению в XII веке интереса к математике и астрономии, истории и праву. Создаются многочисленные литературные произведения на национальных языках, рыцарские и светские, параллельно которым в самой латинской литературе возникает новый жанр светской лирики, любовной и сатирической поэзии вагантов (средневековых бродячих поэтов и певцов, в большинстве – студентов).

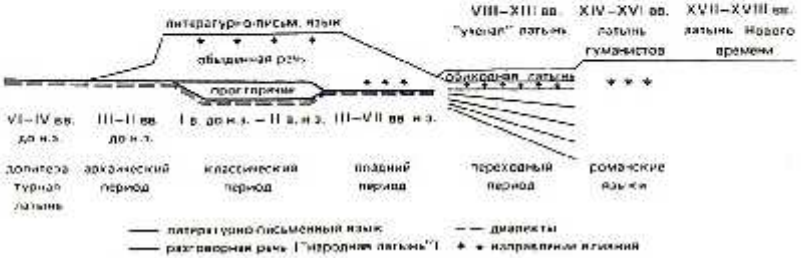
В поэтических произведениях особенно заметно повышение интереса к античным образцам. Это проявляется как в подражании языку и стилю, так и в привлечении античных сюжетов. В латинском эпосе XII в. широко используются основные циклы греческой мифологии – троянский и фиванский, библейские сюжеты, кельтские сказания.

Прозаические сочинения на латыни пишутся и в XIV–XV вв., а латинская поэзия существует на протяжении всего XVI в.

В начале XVI в., параллельно с ученой латинской поэзией возникает пародийная «макароническая поэзия». Макаронический язык состоял из смеси литературных романских языков, диалектов, средневековой латыни и латыни классической. Являясь неотъемлемой частью общественной, политической, культурной и научной жизни всей Европы, латинский язык служил образцом для новых литературных романских языков, которые постоянно черпали в нем средства для обозначения новых понятий и идей. В это время делают много переводов с латыни на романские языки. Первые словари романских языков в XV–XVI вв. составляются на базе латинского (толковые словари этих языков возникают позже, в XVII в.).

Ученые и писатели эпохи Возрождения стремились возродить язык «великих древних». В период, когда латынь уже была необратимо далека от классических образцов и к тому же должна была выдерживать все растущую конкуренцию со стороны новых языков, их старания, конечно, были безрезультатными. В то же время, пользуясь языком античных авторов, гуманисты неизбежно обогащали его элементами народные языки. Таким образом, начав с прямого отрицания народных языков, гуманизм привел в конечном счете к их возрождению в новом качестве. Латинский язык продолжал до XVII в. использоваться в дипломатии, а в качестве международного языка науки и до XVIII в. включительно. Труды ученых разных стран в XVII и XVIII вв. написаны на латыни. Так, на латинском языке писал работы по различным отраслям знаний и вел научную переписку М.В. Ломоносов.

До наших дней латынь используется в качестве международного языка в медицине. Вся естественнонаучная номенклатура основана на латинской и греческой лексике, оформлена по правилам латинской грамматики. Латинский и греческий языки являются неиссякаемым традиционным источником научной и технической терминологии, отражающей новейшие открытия международной научной мысли. Во многих филологических журналах мира публикуются статьи на латинском языке. Ряд периодических изданий посвящен специально современным литературным сочинениям на латыни. Судьба «живой латыни» служит темой регулярно проводимых международных конгрессов, организатором которых является созданная в Риме Международная Академия содействия латинской образованности[1].

Как видно из схемы, латинский язык на всех этапах своей истории был весьма неоднородным организмом. Во все периоды развития (за исключением, пожалуй, самого раннего) разговорная речь и письменный язык существовали параллельно, в той или иной степени влияя друг на друга. Степень и направление этого влияния варьировались в зависимости от исторических и социальных условий.

Разумеется, границы периодов весьма условны, так как невозможно в каждом отдельном случае четко определить сроки окончания одного этапа развития языка и перехода к следующему. Точно так же невозможно четко обозначить момент зарождения романских языков. Их возникновение уходит корнями в VI–VII вв., когда в разрозненных частях бывшей Римской империи были почти полностью утрачены латинская образованность и школьная традиция. Скудные письменные свидетельства VIII в. также не проливают света на эту проблему. Лишь начиная с IX в., благодаря сохранившимся упоминаниям современников и отдельным, пусть весьма малочисленным письменным фрагментам, воспроизводящим романскую речь, можно с уверенностью говорить о существовании, наряду с латинским языком, романских говоров, в дальнейшем оформляющихся в самостоятельные романские языки. Конкурируя поначалу с письменной латынью в области юриспруденции, литературы, образования, науки, религии, романские языки последовательно вытесняют латынь из всех сфер культурного общения.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Боровский Я.М., Болдырев А.В.* Латинский язык. – М., 1975. – С. 18–19.

ГЛАВА II

НАРОДНАЯ ЛАТЫНЬ

§ 27. **Понятие народной латыни.** В научной и учебной литературе по романистике широко употребляется термин «народная (вульгарная) латынь» — от *лат.* vulgus 'народ' (ср.: *англ.* vulgar Latin, *нем.* Volkslatein, *фр.* latin vulgaire, *исп.* latin popular, *ит.* latino volgare). Содержание этого термина, однако, до сих пор остается дискуссионным.

В XIX в. под народной латынью понимали язык социальных низов Римского государства (sermo vulgaris), противопоставляя ее классической латыни, то есть нормированному языку литературных сочинений римских писателей (Ф. Диц, Г. Шухардт, Г. Гребер и др.). Под этими понятиями подразумевались две взаимоисключающие разновидности латинского языка, а иногда и просто два различных языка.

Такой подход к пониманию термина «народная латынь» вызвал критику у филологов более позднего периода. Включение в понятие народной латыни речи лишь низших или, в крайнем случае, и средних слоев римского общества не отражало истинного положения вещей. В повседневном общении на латинском языке участвовали все социальные слои римского общества. Следовательно, принятое в XIX в. понимание термина «народная латынь» было излишне узким.

Хронологически понятие «народная латынь» довольно долго соотносилось лишь с поздним периодом истории латинского языка. Обнаруженная преемственность в развитии разговорной речи между архаическим и поздним периодами (см. § 25) свидетельствует о несостоятельности этого положения.

В настоящее время большинство романистов разделяют следующую точку зрения: народная латынь — это *общеразговорный латинский язык во все периоды его существования, с особым учетом всех тех инноваций, которые появились в поздний период его развития, непосредственно предшествовавший периоду формирования романских языков.* Данная точка зрения получила обоснование в трудах многих ученых (М.В. Сергиевский, К. Тальявини, Г. Рейхенкрон, Г. Рольфс, Б. Видос и др.). В этом значении термин «народная латынь» употребляется и в настоящем учебнике.

Вместе с тем следует помнить, что основой романских языков является лексический и грамматический фонд латинского языка, о б щ и й для всех его стилей. В этом смысле, безусловно, нельзя отвергать и языкового материала, предоставляемого литературными памятниками классического периода (однако не считая, как В. Майчак[1], классическую латынь единственным источником романских языков).

Таким образом, *при изучении генезиса романских языков необходимо учитывать все разновидности латыни — как хронологические, так и социальные, и все аспекты языкового материала,* ибо только взятый в полном объеме, он может дать более или менее реальную картину языкового развития.

---

[1] *Майczak* W. Le latin classique langue romane commune. – Wrocław, 1977.

§ 28. **Проблема единства народной латыни.** Латинские тексты всех периодов, включая поэзию, характеризовались относительным единством языка, в связи с чем была выдвинута гипотеза о единстве народной латыни. Некоторые, сравнительно немногочисленные диалектные черты, встречавшиеся в надписях, рассматривались как случайные (В. Мейер-Любке, А. Мейе, Г. Муллер).

Вместе с тем факт образования на базе латыни нескольких романских языков, заметно отличающихся друг от друга, навел исследователей на мысль о существовании в латинском языке территориальных различий. По мере завоевания Римом новых областей латинским языком овладевало разноязыкое население, что должно было привести к образованию региональных вариантов. Эта точка зрения была сформулирована, в частности, в трудах Г. Шу́хардта, который определял народную латынь как «сумму языковых ступеней и диалектов». Она разделяется многими романистами (М.В. Сергиевский, Й. Хе́рман, В. Вээнэнен, В. Пиза́ни и др.).

Предпринимались попытки выявления диалектных особенностей латинского языка. Существуют исследования по латыни южной Италии, галльской, иберийской, балканской латыни[1]. Авторы скрупулезно исследовали языковой материал, стремясь выявить особенности, характерные именно для данной области и отразившиеся впоследствии в соответствующем романском языке. Так, В. Вээнэнен усматривает в ряде латинских форм из помпейских надписей влияние оскского (fata вм. facta, isse, issus вм. ipse и т.д.); Ж. Пирсон выделяет среди особенностей языка латинских надписей Галлии смешение v и b (laudavelis вм. laudabilis, vibus вм. vivus), t и d (aput вм. apud, reliquid вм. reliquit), употребление «генетива времени» (iuvenis annorum XVII), расширение значения слов filius ('сын' > 'мальчик'), infans ('дитя' > 'ребенок') и т.д.; А. Карнуа в иберийских надписях отмечает номинатив на -as вм. -ae (filias, amicas). Х. Михэеску пишет о переходе ударного закрытого o > u: cuntra, frunte, defensuri, octubres, а также о метатезе: iseplucrum вм. sepulcrum, interpetrationem вм. interpretationem, указывая, что эти явления типичны для восточноромансского ареала.

К сожалению, надписи являются почти единственным типом письменных латинских памятников, на которые можно опираться в поисках диалектных особенностей. Но, как известно, по всей территории древней Романии надписи отличались относительным единообразием передачи аналогичного содержания и лаконичностью (см. § 31). Видимо, поэтому число особенностей, действительно индивидуализирующих разговорную речь той или иной провинции, оказывается незначительным, большинство же инноваций отражает общие для всего ареала распространения латинского языка тенденции развития латинской разговорной речи.

По мнению ряда лингвистов, диалекты романских языков ведут начало от народной латыни, отличавшейся гетерогенностью. Утверждается, что

---

[1] *Väänänen V.* Le latin vulgaire des inscriptions pompéiennes. – Berlin, 1959; *Pirson J.* La langue des inscriptions latines de la Gaule. – Bruxelles, 1901; *Carnoy A.* Le latin d'Espagne d'après les inscriptions. – Bruxelles, 1906; *Hall R.* The reconstruction of protoromance // Language. – Baltimore, 1950. – V. 26. – № 1; *Mihăescu H.* La langue latine dans le sud-est de l'Europe. – Bucureşti – Paris, 1978.

между разговорной латынью и современными диалектами романских языков не было разрыва в преемственности. Итальянский лингвист В. Пизани считает, что о местных и региональных вариантах народной латыни легче судить по современным диалектам, чем по письменным памятникам, создавшимся под сильным влиянием литературной нормы[1].

Точка зрения, согласно которой разговорный латинский язык не был единым, а обладал региональными особенностями в каждой области Италии, в каждой провинции, представляется убедительной и плодотворной. Что касается письменных свидетельств, на сходство языка которых опирались сторонники единства народной латыни, то они были ориентированы на литературную норму и не отражали устных вариантов повседневной латинской речи. Естественно предположить, что единообразие письменной латыни в провинции достигалось преимущественно в городах, где внедрение литературного языка проводилось через школы и администрацию. В сельской местности, куда не простиралось влияние школ, вполне могли сохраняться региональные особенности речи и просто местные языки, о чем есть упоминания в текстах современников[2].

§ 29. Проблема хронологии народной латыни. Латинская разговорная речь «переросла», незаметно для ее носителей, в романские языки. Вопрос о том, когда это произошло, представляет собой сложную и до сих пор не решенную проблему.

Языковая традиция непрерывна. Язык передается из поколения в поколение. Переход количественных изменений в качественные происходит в языке в течение длительного периода. Период перерастания народной латыни в романские языки охватывал, по-видимому, не одно столетие. При этом «затухание» народной латыни и возникновение романских языков происходило, вероятно, в течение VI–VII вв. Сложившаяся еще в XIX – начале XX вв. (см. труды Г. Шухардта, Г. Асколи и др.), эта точка зрения разделяется большинством романистов и в наше время.

Наряду с этим существовало мнение, согласно которому вплоть до конца VIII в. общеразговорным языком древней Романии была народная латынь. Сторонники этой гипотезы (Г. Мюллер и его последователи) к этому же времени относили и возникновение романских языков. В доказательство приводился тот факт, что самый ранний из дошедших до нас памятников романских языков датирован IX в. Если согласиться с этой точкой зрения, то «окажется, что меровингская латынь прямо переходит в язык древнейших французских памятников»[3]. Однако, «трудно пове-

---

[1] *Пизани В.* Итальянские диалекты в историческом аспекте. // Вопросы языкознания. – 1973. – № 6. – С. 3. См. также: *Широкова А.В.* Членение народнолатинской диалектной общности // Античная культура и современная наука. – М., 1985. – С. 179.

[2] Так, об употреблении сельскими жителями Иберийского полуострова местного языка сообщает историк I в. н. э. Тацит (Ann., 4, 45); о сохранении кельтского в Галлии пишет автор III в. н. э. Ульпиан (Digesta, 32, 11) и т.д. (см. *Бурсье Э.* Основы романского языкознания. – М., 1952. – С. 31).

[3] *Реферовская Е.А.* Истоки аналитизма романских языков. – М.–Л., 1966. – С. 136.

рить, чтобы эти древнейшие французские памятники были первыми неуверенными шагами новой письменности»[1], так как в них отразилось значительное число языковых черт, которые в своей совокупности позволяют говорить об иной языковой структуре, нежели латинский язык.

В научной литературе можно встретить рассуждения о «смерти» латинского языка[2]. Их следует относить не к разговорной, а к письменной латыни, «умирание» которой происходило, по-видимому, одновременно с перерастанием устной латинской речи в романские языки.

Письменная форма языка всегда ориентирована на грамматическую норму, сложившуюся литературную языковую традицию. В условиях сохранения этой традиции школами, ее закрепления в творчестве писателей и филологов письменный язык в своем развитии следует за устной речью, которая является постоянным источником пополнения его ресурсов, что и обусловливает гибкость и выразительность письменного языка. С прекращением деятельности школ, обрывом литературной традиции — как это случилось в период распада Римской империи и образования на ее территории «варварских» государств (см. § 20) — связь между письменным языком и устной речью нарушается. Устная речь продолжает постоянно видоизменяться в соответствии с условиями ее функционирования, письменный же язык опирается на все более устаревающие нормы и образцы. Овладение письменным языком в этом случае предполагает усвоение и воспроизведение набора правил и форм, уже не имеющих связи с устной речью. Письменный язык теряет стилистическую гибкость, становится маловыразительным, единообразным.

«Каролингское возрождение» (см. § 26), предписывавшее неукоснительное следование грамматической норме классического периода, утверждает окончательный разрыв письменного латинского языка с устной речью.

§ 30. Особенности народной латыни. Для разговорного латинского языка во все периоды его существования были характерны многочисленные расхождения с литературной нормой. В поздний период они стали регулярными и приобрели характер устойчивых тенденций, нашедших свое окончательное развитие во всех романских языках[3]. Регулярные расхождения разговорной латинской речи с литературной нормой, особенно заметные в поздний период, выделяются как особенности народной латыни.

Фонетика народной латыни в поздний период характеризовалась сменой музыкального ударения динамическим. Гласные перестали различаться по долготе и краткости, сохраняя лишь тембровые различия (бывшие долгие произносились как закрытые, а краткие — как открытые). При этом ĭ и ē слились в ę, а ŭ и ō — в ǫ: menus (CIL, V, 1645; *кл.* minus 'менее'); colomna (CIL, III, 8660; *кл.* columna 'колонна'). Изменение характера

---

[1] Там же. — С. 136.

[2] См., например, *Terracini B.* Come muore una lingua // Conflitti di lingue e di cultura. — Venezia, 1957.

[3] О развитии народнолатинских форм в романских языках см. часть III настоящей книги.

ударения и утрата количественных различий гласных вызывали в безударных слогах частое смешение i и e, u и o: senatus non sinatus (App. Pr.; *кл.* senatus 'сенат'); doctrinae (CIL, V, 6464; *кл.* doctrinae 'учения'), а также выпадение безударного гласного (синкопу): speculum non spelum (App. Pr.; *кл.* speculum 'зеркало'). Исчезли дифтонги: Emilio (CIL, IV, 1553; *кл.* Aemilio); Phebus (CIL, IV, 1890; *кл.* Phoebus); Olo (CIL, IV, 2353 add.; *кл.* Aulo).

Значительные изменения произошли в консонантизме народной латыни позднего периода. Важнейшие из них — палатализация [k] перед [e], [i] (доказательством этого служит смешение в написании ci и ti: terminaciones (CIL, VI, 975; *кл.* terminationes 'разграничения') ослабление интервокальных согласных — переход глухих в звонкие: pagatus (CIL, IV, 1486; *кл.* pacatus 'мирный'); amadus (CIL, VI, 12944; *кл.* amatus 'любимый'); звонких в фрикативные и связанное с этим обратное явление, бетацизм (переход v в b): plebes non plevis (App. Pr.; *кл.* plebs 'народ'); bibere (CIL, X, 2496; *кл.* vivere 'жить'); геминат в простые согласные: bela (CIL, IV, 1234; *кл.* bella 'красивая'). Из других изменений наиболее общий характер носит отпадение конечных согласных: ama, valia, peria (CIL, IV, 1173 add.; *кл.* amat 'любит', valeat 'да здравствует', pereat 'пусть погибнет'); замолкание аспираты h: orti (CIL, III, 4185; *кл.* horti 'сада'); выпадение n перед s: omnipotes (CIL, IV, 6864; *кл.* omnipotens 'всемогущий'). Перед сочетанием 's + согласный' в начале слова появляется так называемый «протетический гласный» ispose (CIL, VIII, 3485; *кл.* sponsae 'супруге').

В морфологии происходит замена некоторых синтетических форм аналитическими. В системе глагола — это широкое употребление перифраз, отмечаемое еще в классический период, преимущественно с глаголом habere, предшествующих образованию вторичной перифрастической глагольной системы: nihil habeo ad te scribere 'мне нечего тебе написать' (Cic., Ad Att., 2,22,16); plura...mandare...habebam 'многое...мог...сообщить' (Ovid., Trist., I,1,123). В системе имени происходит замещение падежей предложными конструкциями, смешение падежных форм: Saturninus cum discentes (CIL, IV, 75; *кл.* cum discentibus 'с учениками'). Отмечается также упрощение системы склонения (сокращение пяти типов склонения до трех): senati (CIL, I^2, 636; *кл.* senatus 'сената'), mani (CIL, V, 8768; *кл.* manus 'руки'); materiam caedere 'рубить лес' (Liv.; *кл.* materiem); исчезновение категории среднего рода: balneus, caelos, vinus (Petr.; *кл.* balneum 'баня', caelum 'небо', vinum 'вино'). У прилагательных наблюдается развитие описательных форм для выражения степеней сравнения: plus dulce 'более приятное', 'plus felix 'более счастливый' (Apollinaris Sidonius, V в.); plus popularis 'более популярный', magis praeclarum 'более ясный' (Gregorius Tur., VI в.). Становится регулярным употребление личных местоимений: sequimur nos... 'мы следуем' (Petr., 28); ego stupeo 'я цепенею' (Petr., 29). Парадигма личных местоимений пополняется местоимением 3-го л. ille, illa, ранее выступавшим в этой роли наряду с другими указательными местоимениями: Ille...inquit 'он... сказал' (Petr., 36). Утверждается и употребление этого местоимения перед существительным для передачи общего значения определенности: ille locus 'место' (Peregr., II, 2).

Синтаксис народной латыни характеризуется тенденцией к 'прямому' порядку слов, который входит в норму в поздний период, когда становит-

ся регулярными замолкание конечных согласных, редукция безударных гласных в конечном слоге. Порядок слов начинает выполнять грамматическую функцию, возмещая утрату падежных форм: itaque intravimus balneum 'итак, мы вошли в баню' (Petr., 28). Синтаксические обороты accusativus cum infinitivo и nominativus cum infinitivo заменяются придаточными предложениями: scis enim quod dedi epulum 'ты знаешь, что я устроил пир' (Petr., 71); многие неличные формы глагола либо выходят из употребления (supinum, participium futuri, gerundivum, инфинитивы будущего времени), либо ограничивают сферу своего употребления (participium praesentis, gerundium).

Лексический состав языка изменяется вследствие большого числа новообразований и сдвигов в значении слов. Большое распространение получает «эмоциональная» лексика (слова с уменьшительным, увеличительным, уничижительным и прочими оттенками значения), от постоянного употребления постепенно теряющая свою стилистическую окраску: auris non oricla (App. Pr.: auriculum 'ушко' > 'ухо'). С помощью префиксов и суффиксов образуется много новых существительных, прилагательных и глаголов: dormito**rium** 'спальня' (Plinius M., I в. н. э.); nativ**itas** 'рождение' (Tertullianus, II в. н. э.); culpab**ilis** 'предосудительный' (Apulcius, II в. н. э.), **prolongare** 'продлевать', **adimplere** 'наполнять' (Vulgata, IV в. н. э.) и т.д. Многие из этих новообразований не зафиксированы в латинских текстах, но восстанавливаются из романских языков, например: *ит.* usare, *исп.* usar, *фр.* user возводят к *лат.* *usare 'использовать'; *ит.* arrivare, *фр.* arriver – к *лат.* *adripare 'прибывать' и т.д. Изменения значений слов происходят благодаря свойственной разговорной речи метафоре (ср. *лат.* testa 'горшок' и *ит.* testa, *фр.* tête 'голова'), расширению и ограничению смысла (*лат.* camera 'свод' и *ит.* camera, *исп.* camara, *фр.* chambre 'комната, спальня'), сокращению в устном обиходе описательных выражений (*лат.* tempus hibernum 'зимнее время' и *ит.* inverno, *исп.* invierno, *фр.* hiver, *рум.* iarnă 'зима'; *лат.* dies dominica и *ит.* domenica, *исп.* domingo, *фр.* dimanche, *рум.* duminică 'воскресенье'). Широко используются сложные наречия и предлоги: de retro 'сзади', ab ante 'спереди', de post 'после', de sub 'снизу' (Vulgata), de inter 'внутри', a foras 'снаружи' (Peregr.) и т.д. Появляются многочисленные заимствования из языков соседних народов (подробно об этом см. § 40 и след.).

ГЛАВА III

СРЕДСТВА ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

Поскольку наука не располагает прямыми свидетельствами разговорного латинского языка, рассмотрим источники косвенной информации о состоянии разговорного латинского языка на различных этапах его существования. Разумеется, надо учитывать то, что по самой своей природе этот материал не может адекватно отражать разговорную латинскую речь, так как это либо письменные документы, всегда в большей или меньшей степени находившиеся под влиянием письменной литературной нормы,

либо современные романские языки, отделенные от латыни многими веками развития.

§ 31. **Надписи.** Этот вид памятников имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. Преимущество надписей заключается в том, что в силу специфики материала они — единственный вид памятников, сохранившийся до наших дней «в оригинале», в отличие от всех других, прошедших через руки средневековых переписчиков. К числу достоинств относится и локальная определенность надписей, также обусловленная материалом, — они делались в основном на различных постройках, надгробиях и т.п. Благодаря информативному характеру большинства надписей, их можно датировать, что немаловажно для выявления диахронической картины изменений в народной латыни. В то же время трудность обработки материала, а также относительное однообразие содержания надписей (как правило, фиксирование наиболее важных моментов общественной и личной жизни) обусловили «связанность» текста, обращение к традиционным формулам. Это неизбежно затушевывало местные, временные и индивидуальные особенности в языке памятников. Поэтому особый интерес представляют надписи личного, частного характера, менее связанные с определенными традиционными моделями.

До нас дошли надписи, относящиеся практически ко всем этапам существования латинского языка: архаическому, классическому, позднему. Это обстоятельство очень важно и ценно, так как благодаря ему мы имеем возможность, сравнивая надписи разных хронологических срезов, наблюдать эволюцию латинского языка от периода формирования до его перехода в романские языки. При этом обнаруживается, что ряд явлений, унаследованных романскими языками от разговорного латинского языка, уходит своими корнями в самые ранние этапы его развития.

Ниже приводится несколько надписей, представляющих разные этапы развития латинского языка. Для начала — несколько строк из элогия (надгробной надписи) консула Луция Корнелия Сципиона (III в. до н. э.):

Honc oino ploirume cosentiont R (omai)
Duonoro optumo fuise viro
Lucium Scipione... (CIL, I², 8, 9)

«В Риме многие согласаются насчет него одного, что он был лучшим из хороших мужей, Луций Сципион...».

Почти во всех словах заметны отпадение конечного m и употребление в конечном слоге o вместо u: oino вм. unum, cosentiont вм. consentiunt, duonoro вм. bonorum, optumo вм. optimum, viro вм. virum, Luciom вм. Lucium, Scipione вм. Scipionem; кроме того, наблюдаются и другие фонетические явления: архаический дифтонг oi (ploirume вм. plurimi, oino вм. unum), опущение n перед s (cosentiont вм. consentiunt), архаическое du, перешедшее в III в. до н. э. в b (duonoro вм. bonorum), закрытый гласный перед губным согласным, обозначавшийся на письме как u (с середины I в. до н. э. — как i): ploirume = plurimi, optumo = optimum, наконец, honc = = hunc.

Уникальными в своем роде оказались материалы, полученные при раскопках древнего римского города Помпеи, погибшего в результате извержения Везувия в 79 г. н. э. Застывшая лава, закрыв доступ воздуху, спасла для современных исследователей свидетельства повседневной жизни той эпохи. Среди них – фрески, украшавшие дома, и различная «настенная литература», от афиш и объявлений до счетов в тавернах и даже личных оскорблений и насмешек, по поводу которых один из жителей написал (кстати, на правильном классическом языке):

Admiror te paries non cecidisse ruinis
Qui tot scriptorum taedia sustineas (CIL, IV, 2487)

«Я удивляюсь, стена, как ты не рухнула, выдерживая пачкотню стольких писак».

Вот некоторые помпейские надписи: hec (вм. haec) venatio pugnabet (вм. pugnabit), Vk Septembres et Felix ad (вм. contra) ursos pugnabet (CIL, IV, 1989) – «Это сражение состоится за пять дней до сентябрьских Календ, и Феликс сразится с медведями» (наблюдается упрощение диграфа ae, смешение e и i в конечных слогах, замена предлога); Virum vendere nolo meom (CIL, IV, 3061) – «Мужа своего продавать я не хочу» (смешение u и o в конечном слоге – тенденция, прослеживавшаяся еще в архаической латыни; Quisquis ama (вм. amat) valia (вм. valeat), peria (вм. pereat) qui nosci (вм. nescit, из non scit) amare, bis (t)anti (= tanto) peria (= pereat) quisquis amare vota (вм. vetat) (CIL, IV, 1173) – «Да здравствует всякий, кто любит, да сгинет тот, кто не умеет любить, и дважды пусть сгинет тот, кто запрещает любить» (в этой надписи отмечаем отпадение конечного t, e перед гласным переходит в i, а также зафиксировано архаическое vo перед t). Помпейские надписи иллюстрируют состояние разговорного латинского языка в одной из римских колоний в классический период его развития.

А вот надписи позднего периода латинского языка: Secundinus mulomedicus fecit sibi domum eterna (CIL, VI, 9611, Рим) – «Ветеринар Секундин сделал себе вечный дом» (здесь отмечается отпадение конечного m и исчезновение дифтонга ae: eterna вм. aeternam). Hic requiscunt membra ad duus fratres Gallo et Fidencio, qui foerunt fili Magno cl. et uixerunt in pace (ann.) XVIII. (CIL, XIII, 2483, около Лиона) «Здесь покоятся тела двух братьев Галла и Фиденция, которые были сыновьями светлейшего Магна и жили в мире 18 лет...» (в этой надписи зафиксировано развитие предложных конструкций: ad duus fratres вм. duorum fratrum; смешение конечных u и o: duus вм. duos; исчезновение падежей: имена Gallo, Fidencio и Magno приводятся как неизменяемые; диссимиляция: membra вм. membra; стяжение гласных в зиянии: requiscunt вм. requiescunt).

Наиболее полным собранием латинских надписей является Corpus inscriptionum latinarum, CIL («Свод латинских надписей»). Издание осуществил коллектив специалистов Берлинской академии наук в области латинской эпиграфики под руководством видного ученого Теодора Моммзена. В основу классификации надписей был положен территориальный принцип, согласно которому 100 000 надписей сгруппированы в 16 томов, причем тома состоят из отдельных частей, выпусков и имеют приложения. В каче-

стве дополнения к изданию было выпущено три альбома, где воспроизведен внешний вид и шрифт надписей.

Однако из-за своего большого объема полный свод надписей не очень удобен в повседневной работе. Для этих целей более пригодно сделанное на высоком научном уровне издание Германа Дессау (сокращение Dess). Оно состоит из трех томов (пять книг) и включает 9522 важнейшие надписи, сгруппированные не по географическому принципу, а по содержанию и хронологии. Текст надписей сопровождается подробными комментариями, где указывается время, место находки и хранения надписи, расшифровка наиболее сложных сокращений.

§ 32. **Художественная литература.** Наиболее богатый материал дают тексты начального этапа римской литературы, III–II вв. до н. э., когда еще окончательно не сложилась норма литературного латинского языка, – драматургическое наследие Плавта и Теренция. Комедии Плавта написаны на разговорном языке образованных римлян того времени. Но, идя навстречу своему простоватому зрителю, Плавт наполняет пьесы пословицами, прибаутками и даже ругательствами, то есть всем арсеналом лексикона римских улиц. Язык его персонажей представляет собой прекрасный образец разговорной латинской речи и позволяет судить о характерных для этого времени языковых явлениях.

Рассмотрим несколько строк из его «Ослиной комедии» (Asin. 664 ss.):

Phil.: Da, meus ocellus, mea rosa, mi anime, mea voluptas,
Leonida, argentum mihi: ne nos diiunge amantis
Leon.: Dic igitur me passerculum, gallinam, coturnicem,
Agnellum, haedillum me tuom dic esse vel vitellum:
Praehende auriculis, conpara labella cum labellis
. . . . . .
Nimis bella's amabilis
«Филения: Дай, мой глазочек, моя роза, душечка, наслаждение,
Леонид, мне денег; не разлучай нас, любящих
Леонид: Тогда скажи, что я воробушек, курочка, перепелка,
Скажи, что я твой ягненочек, козленочек или теленочек,
Возьми за ушки, приблизь губки к губкам
. . . . . .
Красавица милейшая...»

Этот отрывок наглядно иллюстрирует особенности разговорной лексики: здесь встречается ряд уменьшительных форм, характерных для разговорного языка (ocellus вм. oculus, passerculus вм. passer, agnellus вм. agnus (ср. *ит.* agnello), haedillus вм. haedus, viteilus вм. vitulus (ср. *ит.* vitello), auricula вм. auris (ср. *ит.* orecchio, *фр.* oreille, *исп.* oreja), labellum вм. labrum. Кроме того, вместо звательного падежа используется именительный (meus ocellus), в конечном безударном слоге употребляется o вместо u (tuom вм. tuum), i вм. e (amantis вм. amantes), происходит рекомпозиция (этимологическая реконструкция) приставки (conpara вм. класс. compara), употребляется императив с отрицанием ne (ne diiunge вм. класс. noli diiun-

gere), в классический период возможный только у поэтов, а также используется прилагательное bellus (класс. pulcher).

У Плавта встречаются и характерные для разговорного языка предложные конструкции вместо косвенных падежей (ad carnificem dabo (Capt. 1019) вм. carnifici dabo – 'я отдам палачу'), и описательные степени сравнения (plus infesta (Cas. 939) – 'более враждебная', ср. класс. infestior), и другие явления разговорной речи.

Говорящие язык Плавта не нравился. Цицерон находил его архаичным. Зато любитель грубоватой, но выразительной народной речи Варрон (I в. н. э.) повторял, вслед за грамматиком Элием Стилоном, что на языке Плавта заговорили бы сами Музы, если бы они спустились на землю.

О Теренции известно, что его пьесы регулярно покупались эдилами для всенародных представлений. В прологах к своим комедиям автор часто обращается к широкой публике. Поэтому, хотя язык пьес Теренция более обработан, очевидно, что и этот драматург ориентировал речь своих персонажей на многочисленных зрителей, откуда просторечные обороты, разговорный строй фразы, впоследствии нежелательные в литературной норме, например: expers partis... de nostris bonis (Heaut. 653) «лишена части... нашего достояния» (предложная конструкция вместо родительного падежа).

Классический период оставил нам свидетельства живой разговорной речи в поэтических произведениях:

Tam bellum mihi passerem abstulistis
O factum male! O miselle passer!
Tua nunc opera meae puellae
Flendo turgiduli rubent ocelli (Catullus, Carmina, III, 15–18)
«Ты воробушка чудного похитил.
О злодейство! Увы, несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез соленых, горьких
Покраснели и вспухли милой глазки»
(пер. А. Пиотровского)

В приведенных строках изобилуют уменьшительные формы: miselle вм. miser, turgiduli вм. turgidi, ocelli вм. oculi, разговорное прилагательное bellus употребляется вместо классического pulcher. Элизия служит доказательством тенденции языка к устранению зияния.

Интересный материал дает эпистолярное наследие – особенно письма Цицерона. Наибольший интерес представляет переписка оратора с его другом Аттиком. Письма часто написаны наспех, они ярко передают настроение автора и, благодаря необработанности стиля, являются достоверным свидетельством повседневного разговорного языка их автора: Tantum habeo tibi polliceri (Ad fam. I, 5) – 'Могу только тебе обещать...' (перифраза в значении будущего времени), или ... ut certior fieret quo die in Tusculanum essem futurus (Ad Att. XV, 4, 2) – «... сообщить ему, когда я буду в Тускулане» (аккузатив при глаголе состояния указывает на смещение этих глаголов с глаголами движения).

Очень большой материал дает первый римский роман, Satyrae или Satyricon libri («Сатирикон») Петрония. Отрывок из этого романа Cena Trimal-

chionis («Пиру Тримальхиона») представляет собой образец разговорного языка того времени, сознательно воспроизведенного автором. Это беседы участников пира – разбогатевшего вольноотпущенника Тримальхиона, человека глупого и невежественного, кичащегося своим богатством, и его гостей. Объявление на дверях дома Тримальхиона гласит: Noster foras cenat (30) – «Наш обедает вне дома» (foras вм. foris – смешение аккузатива и аблатива); в другом месте главный герой, бывший гостем на пиру у Тримальхиона, замечает: Allata est tamen gustatio valde lauta (31) – «... между тем подали роскошную закуску» (зафиксирован описательный способ образования превосходной степени). В лексике персонажей много слов разговорного стиля, не встречавшихся в классическом языке. Вот, например, несколько фраз, произнесенных одним из гостей Тримальхиона: Homo bellus, tam bonus Chrysanthus animam ebulliit... Minoris quam muscae sumus... nos non pluris sumus quam bullae... Planctus est optime... etiam si maligne illum ploravit uxor – «Прекрасный человек, очень хороший, Хрисанф отдал богу душу... Мы меньше, чем мухи... Мы не более, чем мыльные пузыри... Прекрасно был он оплакан... даже если жена его оплакивала неискренне». И здесь употреблено разговорное прилагательное bellus вместо классического pulcher, а также два глагола разговорной лексики plangere и plorare – 'плакать' вместо классического flere. В конечном безударном слоге i смешивается с e: minoris, pluris вм. minores, plures. Речь героев отражает характерные для разговорного языка этого времени фонетические отступления от литературной нормы: coda 'хвост' (класс. cauda), derectum 'прямо' (класс. directum). Зафиксированы отклонения в грамматической системе: переход существительных среднего рода в группу мужского рода (fatus вм. fatum 'судьба'), развитие предложных конструкций (unus de nobis вм. unus nostrum 'один из нас') и т.д. Много пословиц, чисто разговорных выражений: Sed mulier quae mulier milvinum genus 'но женщина есть женщина, коршуново племя'; habemus aedilem trium cauniarum 'имеем трехгрошового эдила' (стоящего три фиги); maiores maxillae 'обжоры' буквально: 'огромные пасти', метонимия) и т.д.

§ 33. Специальная литература. «Специальная литература» – это трактаты по медицине, кулинарии, сельскому хозяйству, архитектуре и другим отраслям знаний.

Авторы этих сочинений, мастера в своем деле, как правило, не искушены в тонкостях литературного языка. Примером может служить кулинарная книга известного римского гастронома I в. н. э. Апиция «De re coquinaria» («О кулинарном деле»). Ее автор не только воссоздает картины повседневной жизни Рима того времени, благодаря собранным в книге полезным советам, uvae ut diu serventur «как (букв. чтобы) сохранить виноград», de liquamine emendando «об улучшении вкуса бульона», ut carnes sine sale quovis tempore recentes sint «как долго сохранить мясо свежим, не присаливая его» и т.д.; он непроизвольно дает материалы для лингвиста, демонстрируя разговорный синтаксис и различные отступления от грамматической нормы: Ex moris succum facito, et cum sapa misce, et in vitreo vase cum moris mitte, custodies multo tempore «Сделай из ежевики сок и смешай с виноградным соком и помести (клей) в стеклянный сосуд с ежевикой, сохра-

пишь в течение долгого времени», массу слов из ежедневного обихода, часто заимствованных из других языков: германизмы beta 'свекла', lomentum 'ломоть, кусочек', грецизм sinapi 'горчица' и т.д.

Широко известен трактат «De architectura» («Об архитектуре») Марка *Витрувия* Поллио́на, жившего во времена Юлия Цезаря и Августа (I в. н. э.). Витрувий часто использует различные разговорные обороты, выпадающие с точки зрения литературной нормы просто как ошибки, что понимает и сам автор, оговариваясь: non enim architectus potest esse grammaticus «ведь архитектор не может быть грамматиком».

Следует упомянуть также переведенное с греческого ветеринарное пособие, приписываемое Хиро́ну «Mulomedicina Chironis» (вторая половина IV в.), фармацевтический справочник Марцелла Эмпирика «De medicamentis liber» (V в.), трактат по кулинарии греческого врача Анфима «De observatione ciborum» (первая половина VI в.) и т.д.

§ 34. Исторические сочинения раннего средневековья. В эту группу памятников входят анналы, хроники. Поскольку авторы, осознавая книжный характер своих трудов, стремились к общепринятой литературной норме, то материал по народной латыни можно извлечь лишь из поздних текстов, относящихся к периоду, когда утрачивались литературная и школьная традиции, когда не только разговорный, но и письменный язык даже образованных людей сильно отличался от традиционной литературной нормы. Интересен пример с известным историком VI в. Григорием Турским. Выходец из знатной галло-римской семьи, впоследствии епископ г. Тура, пользующийся уважением и почетом у франкских королей, он получил лучшее по тем временам образование. Его «Historia Francorum» является важным источником по истории Франкского государства в период правления династии Меровингов. Тем не менее, язык этого сочинения нередко грешит отступлениями от классической нормы, доказывающими, что для автора эта норма – результат заучивания, а не естественного употребления: Siacrius Romanorum rex... apud civitatem Sexonas... sedem habebat (HF II, 27) – «Сиагрий, римский наместник (Григорий Турский называет его королем, так как он получил эту должность по наследству от своего отца) находился в городе Суассон» (apud civitatem вм. класс. in civitate); Quem Chlodovechus receptum custodiae mancipare praecipit; regnoque eius acceptum, eum gladio clam feriri mandavit (HF II, 27) – «Схватив его (Сиагрия), Хлодвиг велел держать его под стражей; и завладев его королевством, приказал тайно убить его мечом» (regnoque... acceptum вм. regnoque accepto; смешение форм аблатива и аккузатива в обороте ablativus absolutus).

Употребление apud civitatem вместо класс. in civitate иллюстрирует характерный для поздней латыни свободный незначимый выбор среди синонимических форм под влиянием речевого узуса. Особенно широко тенденции на уровне узуса представлены предпочтением падежным именным формам предложных, синтетическим глагольным формам перифрастических. Эти более употребительные формы то и дело возникают в тексте, несмотря на стремление автора следовать классической норме.

Аналогичные примеры отклонения от литературной нормы и отбора

форм на уровне узуса можно встретить и в хрониках раннего средневековья: у готского историка VI в. Иордана, у историка лангобардов VIII в. Павла Диакона и др.

Еще регулярнее нарушения классической нормы в тех случаях, когда составлением этих хроник занимались люди с невысоким образованием. Если у Григория Турского (VI в.) отступления от правил классической грамматики наблюдаются от случая к случаю и средневековая принадлежность текста определяется, главным образом, по новому «предроманскому» синтаксису, то хроника Фредегария (VII в.) буквально наводнена грамматическими неправильностями: Consenso senatc (вм. consensu senatus – смешение конечных u и o и уподобление падежа) et militum elevatus est Justinianus in regnum. Opprtaesso (вм. oppresso – гиперкоррекция) rege Persarum, cum vinctum tenerit (вм. teneret – смешение конечных i и e) in cathedram (вм. in cathedra – гиперкоррекция в связи со смешением acc. и abl. и отпадением конечного m) quasi honorifice sedere jussit, quaerens ei (вм. sibi) civitatis (вм. civitates – смешение конечных i и e) et provincias rei publice (вм. publicae – исчезновение диграфа) restituendas; factisque, pactionis vinculum firmarit (вм. firmaret – в класс. латыни был бы употреблен acc. cum inf. fut.). Et ille respondebat «Non dabo». Justinianus dicebat: «Daras» (вм. dabis) Ob hoc loco illo, ubi haec acta sunt, civetas (вм. civitas – смешение безударных i и e) nomen (вм. nomine – смешение acc. и abl.) Daras fundata est iusso Justiniano (вм. iussu Justiniani – смешение конечных u и o и уподобление падежа) quae usque (вм. usque ad) hodiernum diem hoc nomen (вм. hoc nomine – смешение acc. и abl.) nuncopatur (вм. nuncupatur – смешение безударных u и o) (II, 62). «С согласия сената и воинов на царство взошел Юстиниан. Победив и связав царя персов, он приказал ему сидеть на троне как бы в знак почета, требуя вернуть города и провинции государства. Если это будет сделано, то он подпишет мир. И тот отвечал: «Не дам». Юстиниан говорил: «Дашь». В том месте, где это происходило, по приказу Юстиниана был основан город под названием «Дарас» («Дашь»), который по сей день носит это имя».

Именно в хронике Фредегария впервые зафиксирована романская форма будущего времени (daras = *dare has <habes).

§ 35. **Юридические документы раннего средневековья.** Судебники («правды») германцев, поселившихся на бывших римских территориях, были написаны на латинском языке; в силу недостаточной грамотности писавших, документы донесли до нас особенности устной латинской речи того периода, изобиловавшей варваризмами.

Видимо, при Хлодвиге, в конце его правления, создается сборник судебных законов франков «Lex Salica» («Салическая правда», датируется началом VI в.), где отразился общественный строй франков конца V – начала VI вв. Документ был составлен на латинском языке. Приведенные ниже некоторые пункты судебника служат иллюстрацией состояния латыни в этот период на территории франкского государства: Si quis servo aut caballo vel jumentum furaverit... MCC dinarios, qui faciunt solidos XXX, culpabilis judicetur (10, 1) – «Если кто украдет раба или лошадь, или вьючное животное, присуждается к уплате 1200 динариев, что составляет 30 соли-

дов». Мы видим отпадение конечного m и фонетическое смешение безударных u и o (классические формы: servum, caballum), чему способствует неразличение аккузатива и аблатива (ср. dinarios вм. denariis), в связи с ломкой всей падежной системы; в том же слове dinarios в начальном безударном слоге переход e в i, ср. *nt.* nipote, sicuro из *lat.* nepote (m), securu (m).

К VI в. относится и «Lex Ribuaria» («Рипуарская правда») – судебник рипуарских франков, живших на среднем Рейне, чья территория во время правления Хлодвига была включена в состав франкского королевства. В языке этого документа также отмечаются многочисленные отступления от классической нормы.

Дошел до нас и текст кодекса законов лангобардов «Edictus Rothari» (643 г.), составленный в правление короля Ротари (636–652 гг.), при котором укрепляется политический строй лангобардского королевства и лангобарды достигают новых успехов в борьбе с Византией. Отражая архаические обычаи племени лангобардов, эдикт содержит также ряд установлений, явившихся следствием завоевания Италии и возникновения лангобардского государства. Написанный на латинском языке, документ содержит большое количество лексических заимствований, необходимых для передачи понятий германского быта: Si quis in exercito ambulare contempserit aut in sculca dit regi et duci suo solidos XX (IV, 21) – «Если кто пренебрежет пойти в военный поход или в караул, уплатит королю или своему герцогу 20 солидов». Здесь наряду с уже знакомым нам смешением падежей, а также переходом e в i (dit вм. det), встречаем слово sculca – заимствование из германского skalka 'вахта', 'караул'. Или: Si quis servum alienum bovulco de sala occiderit, conponat solidos viginti (IV, 133) – 'Кто убьет раба-скотника из господского двора, выплачивает 20 солидов' (sala – германизм, означает 'жилище', 'дом').

На латинском языке составлен и судебный кодекс вестготов «Lex Romana Visigothorum» (V–VI вв.).

§ 36. **Литература религиозного содержания. («Христианская литература»).** Это понятие охватывает обширный круг сочинений, неоднородных по своему характеру.

Прежде всего, это переводы библии. Ранние (до IV в.) переводы библии известны под общим названием «Itala». Они были сделаны с греческого языка (с текста, известного как «Septuaginta» – «Перевод 70 толковников»). Исследователи особо отмечают известный под названием «Afra» перевод библии, осуществленный в Африке, – как источник изучения особенностей африканской латыни. В конце IV в. монах Иероним, используя древнееврейский и греческий тексты, делает новый, более полный перевод библии на латинский язык, адаптированный ad usum vulgi 'для народного пользования', получивший позднее название «Vulgata».

Будучи образованным человеком, владея древнееврейским, греческим и латинским языками, знаток Цицерона (из-за чего, как сокрушался сам автор, язык перевода получился ciceronianus non christianus), Иероним, тем не менее, убежден, что in ecclesiasticis rebus non quaerantur verba, sed sensus (Comm. in Ezechiel, PL, XXII, 394) – в церковных делах надо искать не сло-

ва, а смысл. Следовательно, нет нужды в усвоении правильного латинского языка, а знакомство с античной литературой, дающей образец языковой нормы, просто вредно: Daemonum cibus est carmina poetarum, saecularis sapientia, rhetoricorum pompa verborum «Бесовская пища — стихи поэтов, мирское знание, пышность риторических речей». Образование, в представлении Иеронима, должно строиться на изучении одних только христианских текстов.

Язык «Вульгаты» дал достаточно простую модель латинского языка, ставшую, как уже отмечалось (см. § 25), новым источником нормы и стилистическим образцом.

Другую значительную группу текстов «христианской литературы» составляют сочинения «отцов церкви» — жизнеописания святых, проповеди и т.д., — ориентированные на широкие народные массы. Язык проповедей надо было приспосабливать к речи прихожан, имевшей различную диалектную окраску в каждом городе и каждой деревне. Это прекрасно понимали «отцы церкви»; так, Иероним писал о латыни, что она regionibus cotidie mutatur et tempore – 'постоянно меняется в зависимости от места и времени'. Таким образом, чтобы быть понятными народным массам, авторы проповедей и текстов, рассчитанных на широкого читателя или слушателя, вынуждены были все более удаляться не только от далеких моделей классической латыни, но и от современного им образца церковной латыни. Августин писал: Consuetudo vulgaris utilior est quam integritas litteralis (De doctr. christ. XIII, 20) «Народная речь полезнее, чем литературная безупречность». Ему же принадлежат слова: Melius est reprehendant nos grammatici quam non intelligant populi (De doctr. christ., XV, 10) – «Лучше пусть осудят нас грамматики, чем не поймет народ». А у Цезария Арльского находим такое рассуждение: Quia imperiti et simplices ad scholasticorum altitudinem non possunt ascendere eruditi se dignentur ad illorum ignorantiam inclinare (Sermones, LXXXVI) – «Если простые и необразованные (люди) не могут подняться на высоту ученых, пусть образованные спустятся на уровень их невежества». Отсюда — сознательное «упрощение» языка, «подлаживание» под разговорный стиль.

Значительное место в «христианской литературе» занимают также описания паломничеств монахов к святым местам, дающие наиболее благодатный материал для исследователя, так как авторы их часто простые люди, с очень незначительным образованием. В их сочинениях, несмотря на стремление авторов следовать литературной норме, в изобилии встречаются разговорные элементы. К тому же все описания паломничества составлялись в средневековье, отделенное уже несколькими столетиями от эпохи господства классической нормы. Особенной популярностью у исследователей народной латыни пользуется «Aetheriae Peregrinatio ad loca sancta» («Паломничество к святым местам Этерии»), памятник, называемый также «Itinerarium Egeriae» («Описание путешествия Этерии»), датируемый предположительно V веком и представляющий собой путевой дневник испанской монахини, совершившей паломничество в Иерусалим и другие «святые места» Палестины и Востока. Следующие примеры из этого текста могут дать представление о языке его автора: Nos ergo sabbato sero ingressi sumus montem (3, 1) – «Мы в субботу вечером поднялись на гору» (sabbato – лек-

ческое заимствование из древнееврейского); quia iam sera erat (4, 8) – «... так как уже был вечер» (образование существительного sera на базе прилагательного serus, a, um); ecclesia valde pulchra et nova dispositione (19, 3) – «церковь очень красивая и новой конструкции» (описательная превосходная степень прилагательного); Habebat autem de eo loco ad montem Dei forsitan quattuor milia totum per valle illa, quam dixi ingens (1, 2) – «Было же от того места до божьей горы приблизительно всего четыре мили по той долине, которую я назвала огромной» (per valle illa употреблено вместо per vallem illam – отпадение конечного m, поддержанное смешением падежей; quam dixi ingens вм. quam dixi ingentem – опять смешение падежей, небрежность разговорного языка).

§ 37. Грамматики периода поздней Империи и раннего средневековья. Римские грамматики как республиканского периода (от которого сохранились лишь книги V–X уже упоминавшегося трактата Варрона «De lingua latina»), так и периода Империи (Квинтилиан, «Institutio oratoria») почти не указывали на разговорные и диалектные явления в латинском языке. Это объясняется тем, что грамматики писались для школ и были ориентированы на литературную норму. Однако грамматики поздней Империи и раннего средневековья представляют определенный интерес для романистов: указывая, как надо говорить, авторы исходили из «неправильной» формы, более часто встречавшейся в ежедневном употреблении, – формы, содержавшей «неправильности» фонетического или морфологического характера. Таковы работы по орфографии Велия Лонга и Теренция Скавра (II в.), известные грамматики Доната (IV в.), Присциана (VI в.). Сервий (ок. 400 г. н. э.) сообщает об изменении характера латинского ударения (из музыкального в динамическое): accentus in ea syllaba est, quae plus sonat (GL, IV, 426) – «Ударение на том слоге, который сильнее звучит». Ценным источником являются труды лексикографов. Среди них выделяются труд Веррия Флакка (августовская эпоха) «De significatu verborum» («О значении слов»), лексикографическое сочинение африканского грамматика Нония Марцелла (III–IV вв.) «De compendiosa doctrina ad filium» («Краткое наставление сыну». «Etymologiae» («Этимологии») Исидора Севильского (570–636 гг.).

Примечательна личность Валерия Проба (I в. н. э.), лингвиста и филолога. Проб исходил из концепции языка, постоянно находящегося в движении, обновляющегося, подверженного изменениям. Он исследовал язык путем систематического сравнения его прошлого и настоящего состояния – отсюда его интерес к сочинениям авторов архаического периода, свидетельствам sermo antiquus. Широта его исследований, устранявшая догматический и нормативный подход к проблеме, позволяет считать Проба в определенной степени историком языка.

Не случайно именно Пробу была приписана первыми исследователями грамматика III в. н. э. «Instituta artium» («Основы наук») и традиционно получил его имя справочник-приложение к грамматике, «Appendix Probi». В нем приводится список из 227 слов, данных параллельно в «правильном» и «неправильном» вариантах. Правая часть, содержащая «неправильную» форму, является для нас свидетельством о языке своего времени, отражая

новую форму говорения. Прежде всего, это указания на различные фонетические изменения, как, например, переход в ударном слоге u в o: columna non colomna, частичную редукцию гласных в безударных слогах: senatus non sinatus, vulpes non vulpis, синкопу в срединном безударном слоге: calida non calda, viridis non virdis, исчезновение дифтонгов: auris non oricla, стяжение гласных в положении зияния: februarius non febrarius или их консонантизацию: vinea non vinia, исчезновение в произношении придыхательного h: hostiae non ostiae, а также n перед s: mensa non mesa. В «Аппендиксе Проба» нашли отражение и изменения в морфологической системе. Так, для III склонения, где номинатив часто отличался от других падежей, характерно выравнивание основ: pecten non pectinis; уже цитировавшее выше по другому поводу auris non oricla иллюстрирует также сдвиги в категории рода: форма Nom. Pl. среднего рода auricula (здесь oricla) воспринималась уже как Nom. Sing. женского рода; ряд примеров указывает на перемещения принадлежных из одной морфологической категории в другую: acre non acrum, pauper mulier non paupera mulier.

§ 38. Глоссы и схолии. Глоссы (разъяснения непонятных читателю слов) делались обычно на полях сочинений (маргинальные глоссы) или между строк основного текста (интерлинеарные глоссы). Они дают богатый материал для сопоставления нормативных литературных и разговорных форм. Наиболее важны для романиста Рейхенауские глоссы (найдены в Швейцарии, близ г. Рейхенау, VIII–IX вв.). Сборник состоит из двух частей. В первой части 821 глосса, содержащая толкования слов Вульгаты. Вторая часть (822–1163 глоссы) представляет собой алфавитный глоссарий. Ряд примеров из этого памятника дает представление о ценности содержащегося в нем материала: pulchra – bella 'красивая' (предпочтение разговорной лексики), optimum – valde bonum 'очень хороший' (замена синтетического способа образования степеней сравнения аналитическим), canere – cantare 'петь' (вытеснение суффиксальными глаголами I спряжения обычных, is – ille 'тот', 'он' (сокращение числа указательных местоимений, предпочтение местоимения ille, из которого позднее развились личное местоимение 3-го л. ед. ч. и определенный артикль), in ore – in bucca 'во рту' (перенос значения слов на близкие понятия: *класс. лат.* bucca 'щека', здесь 'рот') и т.д.

Любопытны Кассельские глоссы (рукопись обнаружена в Фульдском – название по р. Фульда – монастыре и хранится в библиотеке г. Кассель (ФРГ), VIII–IX вв.). В них приводятся как отдельные слова: homo – man 'человек', caput – haupit 'голова', capilli – fahs 'волосы', oculos – augun 'глаза', aures – aorun 'уши', dentes – zendi 'зубы', так и целые выражения, необходимые в повседневном общении: ego intellego – ih firnimu 'я понимаю', volo – uuille 'я хочу', necesse fuit – durft uuas 'было необходимо', radimeoparba – skir mînan part 'побрейте мне бороду'.

Схолии – это комментарии критического, философского, исторического, а также грамматического и стилистического характера. В целях большей доступности, а также в силу особенностей языка в период их составления они приближались по языку и стилю к разговорной речи. Это привлекает к схолиям внимание не только историков и источниковедов,

но и лингвистов. Наиболее известные схолии — Элия Доната, комментатора Теренция и Вергилия (IV в.) и Мавра Сервия Гонората, также комментатора Вергилия (IV в.).

§ 39. **Сравнение романских языков.** Как видим, косвенных свидетельств разговорной латыни довольно много на всех этапах существования латинского языка. Особенно же их число увеличивается в поздний период, когда в связи с постепенной утратой литературной и школьной традиции, вновь происходит сближение письменной и разговорной форм речи.

И все же многие особенности разговорной латинской речи остались незафиксированными письменно. Поскольку романские языки являются прямым продолжением народной разговорной латыни, об этих особенностях в ряде случаев можно судить на основании сопоставления романских языков.

Многие романские слова восходят к общему этимону, который не засвидетельствован в латинских памятниках. В то же время сам факт совпадения слов в романских языках заставляет предположить широкую употребительность этого слова в разговорной латыни. На основании сравнительно-исторических данных, полученных при изучении истории современных романских языков, восстанавливались не обнаруженные в текстах формы и публиковались со знаком звездочки (астериском). Этот метод получил название сравнительной реконструкции. Впоследствии, в результате обнаружения этих форм при изучении текстов, у многих восстановленных слов звездочка была снята. Так, например, на основании романских слов: *ит.* vecchio, *рум.* vechi, *исп.* viejo, *порт.* velho, *ст. фр.* vieil, *пров.* vielh — была реконструирована форма *veclus, при засвидетельствованной в текстах форме vetulus. Переход tl > cl зафиксирован и в других словах: fist(u)la > fiscla 'труба, свирель'. Позднее звездочка у *veclus была снята, в связи с обнаружением этой формы в «Аппендиксе Проба»: vetulus non veclus.

Благодаря методу сравнительной реконструкции удалось восстановить вокализм народной латыни, характеризующийся переходом количественных различий в качественные, изменения в словесном ударении, установить наличие диалектных различий в народной латыни. Ученые XIX в. весьма высоко ценили метод сравнительной реконструкции. Г. Грёбер, В. Мейер-Любке придавали этому методу первостепенное значение в вопросе восстановления народной латыни. В свой «Этимологический словарь романских языков» Мейер-Любке включил много реконструированных на основании материала романских языков народнолатинских форм (см. §§ 107, 116).

В то же время злоупотребление этим методом привело в ряде случаев к произвольным и нереальным реконструкциям. Поэтому использовать его следует осторожно, оставляя результаты на уровне гипотезы, до тех пор, пока они не будут засвидетельствованы в письменных источниках.

Самым существенным недостатком метода сравнительной реконструкции является то, что, пользуясь им, можно восстановить лишь отдельные слова, словоформы, даже отдельные фонетические и грамматические изменения, но отнюдь не этапы развития языка в целом. Поэтому этим методом можно пользоваться лишь как вспомогательным приемом, ни в коем слу-

ще не подменял им исследования и изучения латинских текстов, относящихся к различным хронологическим срезам. Вот почему популярность метода сравнительной реконструкции в первые десятилетия после его создания сменилась в первой половине XX в. почти полным забвением со стороны исследователей, отдававших теперь предпочтение скрупулезному филологическому исследованию текстов.

К середине XX в. окончательно была уяснена необходимость применения как сравнительного, так и филологического методов исследования. Эффективным может быть лишь комплексное изучение источников народной латыни. Анализ текстов подтверждает результаты метода сравнительной реконструкции, который, в свою очередь, играет роль ориентира, предлагая возможные пути поисков и помогая правильно понять результаты интерпретации текстов. Лишь объединение сведений, полученных при исследовании всех источников, позволяет составить приблизительную картину состояния латинского языка к моменту формирования романских языков.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ В РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. ПИСЬМЕННАЯ ФИКСАЦИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Факторы дифференциации народной латыни и формирования на ее основе романских языков условно делятся исследователями на этнические, хронологические и социальные.

Этническими факторами называют влияние на латынь языков народов, с которыми римляне находились в относительно длительном контакте.

Под хронологическими факторами имеется в виду то обстоятельство, что завоевание и романизация римских провинций происходили на протяжении весьма длительного срока, в течение которого сама латынь претерпела значительные изменения.

Говоря о социальных факторах, подразумевают индивидуальные особенности политического, экономического и культурного развития разных частей бывшей Римской империи.

ГЛАВА I

ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 40. Этнические факторы: субстрат, суперстрат, адстрат. *Субстратом* принято называть язык, по тем или иным причинам вытесненный другим языком, на который он оказал влияние и в котором остались его следы.

На протяжении всей своей истории Римское государство расширялось и крепло за счет покорения сначала соседних племен Апеннинского полу-

острова, затем ряда народностей западной и центральной Европы. На значительной части завоеванной Римом территории латинский язык постепенно вытеснил языки местного населения. Разумеется, предшествовавший этому период сосуществования языков не мог пройти бесследно для самой латыни. Некоторые характерные черты исчезнувших местных языков закрепились в утвердившемся вместо них разговорном латинском языке, что обусловило его своеобразие в различных частях Римского государства. Явившись продолжением региональной латыни, романские языки в той или иной мере отразили ее особенности, возникшие под влиянием контактов носителей латинского языка с автохтонным (местным) населением в каждой конкретной исторической области Древней Романии.

Субстратами общелатинского разговорного койне Апеннинского полуострова были италийские языки и другие языки местного населения (см. § 42). Субстрат галльской латыни составили кельтские языки. Древнее кельтское влияние прослеживается в развивавшемся на основе галльской латыни французском языке. Кельтский субстрат обнаруживается и в других романских языках (см. § 43). Субстратом региональной латыни Иберийского полуострова явились иберийские языки, а также языки других групп автохтонного населения (см. § 44). Субстратом балканской латыни была группа фрако-дакийских языков (см. § 45).

Под *суперстратом* понимается язык, наслоившийся на какой-либо другой язык и впоследствии растворившийся в нем. Язык-суперстрат широко проникает в область распространения другого языка, но в конце концов исчезает, оставив следы в языке, в ареал которого он проник.

Для латинского языка разных регионов суперстратами были языки германских племен, образовавших на территории Западной Римской империи в период, предшествовавший ее падению, и в течение нескольких последующих столетий свои государства. Эти языки, хотя они были языками народов-победителей, не выдержали конкуренции с латинским языком, имевшим большую культурную традицию. Растворившись в латыни и возникших на ее основе романских языках, германские языки оставили в них некоторые элементы, особенно в области фонетики и лексики (см. § 46).

Понятие суперстрата не всегда подразумевает существование двух разных народов-носителей соответствующих языков. В определенной исторической ситуации носителем обоих языков может оказаться одна и та же общность людей, пользующихся двумя языками, разделив между ними сферы употребления. Такая ситуация сложилась в раннее средневековье в «варварских» государствах на территории бывшей Римской империи, где наряду с устными народными говорами – будущими романскими языками – в течение довольно длительного времени продолжала использоваться латынь в качестве языка письменности, науки и культуры (см. § 26). Употребление латыни носителями народных говоров способствовало пополнению лексического фонда, выработке грамматической и синтаксической нормы новых романских языков. В этом случае говорят о латинском культурном суперстрате (см. § 47).

Адстрат как историческое понятие обозначает язык, находившийся в длительном контакте с другим языком, оставивший в нем следы, но,

в отличие от субстрата, не растворившийся в нем, а продолжающий существовать и самостоятельно развиваться и после прекращения тесных политических, экономических и географических связей с языком, по отношению к которому он рассматривается как исторический адстрат.

Если обратиться к истории латинского языка в ее разные периоды, то адстратом по отношению к латыни можно считать древнегреческий язык, оказавший в результате исторических контактов римлян с греками значительное влияние на лексику латинского языка (см. § 48). В романские языки слова древнегреческого происхождения пришли уже как элементы латинской лексики.

Языком-адстратом, сыгравшим определенную роль в истории формирования и раннего развития иберо-романских языков, главным образом, в области их лексики, можно считать арабский язык (см. § 49).

Ранняя история балкано-романского региона характеризуется тесными и продолжительными контактами романского населения с южнославянским. Эти контакты, носившие мирный характер, могли вылиться на определенном этапе истории в форму валахо-молдаво-славянского билингвизма, что нашло отражение в лексике восточнороманских языков (см. § 50).

§ 41. Теория стратов (история вопроса). Большое внимание смешению языков уделял еще Г. Шухардт. Отмечая диалектные различия в латыни провинций, он объяснял их влиянием местных языков на язык римских поселенцев. Согласно его концепции, из диалектов различных областей Римского государства впоследствии развились соответствующие романские языки, сохранившие эти местные различия. Ряд работ Шухардт посвятил изучению креольских языков, пытаясь в этом материале найти подтверждение своим идеям. Результаты исследований он изложил в обстоятельном труде, посвященном вокализму народной латыни[1], и многочисленных статьях.

Конкретную разработку теория субстрата получила в трудах известного итальянского лингвиста Г. Асколи[2]. Асколи придавал большое значение изучению народных говоров, понимая, что наблюдения над живым языком могут дать материал для выявления изменений, имевших место на предшествующих этапах развития языка. Он выдвигал этнический фактор в качестве основной причины возникновения особенностей латыни отдельных провинций, которые впоследствии вылились в различия между романскими языками.

Чешский ученый Жорж Моль[3], развивая некоторые идеи, ранее высказанные К. Зиттлем, выдвинул концепцию, основу которой составили следующие положения:

Родственные языки при контактах их носителей в силу близости своей структуры, фонетики, лексики способны к взаимопроникновению и могут образовать смешанные диалекты или некие полидиалектальные койне –

---

[1] *Schuchardt H.* Vocalismus des Vulgärlateins. Leipzig, 1866–1868. Vol. I–III.

[2] Свои идеи Асколи изложил в работах, опубликованных в основанном им в 1873 г. журнале «Archivio glottologico italiano».

[3] *Mohl F.G.* Introduction à la chronologie du latin vulgaire. – Paris, 1899.

так было на ранних этапах римской истории в Италии при контактах латыни и родственных ей италийских языков. Неродственные языки способностью к такому взаимопроникновению не обладают, поэтому на базе контактов латыни с языками-субстратами в провинциях (кельтскими, иберийскими и др.) смешанные диалекты возникнуть не могли.

Субстраты не оказали заметного влияния на латынь провинций еще и потому, что период активного двуязычия в провинциях был сравнительно кратковременным. Начальный этап общения римлян с «варварами» характеризовался лишь пассивным усвоением латыни (понимание речи завоевателей). На завершающем этапе романизации постепенное превращение латыни в родной язык бывших «варваров» привело к забвению языков-субстратов. Таким образом, некоторое влияние субстратов на латынь провинций могло иметь место лишь на промежуточном этапе – при одновременном активном использовании латыни и родных языков.

В период расцвета Римского государства и формирования литературного латинского языка происходила унификация разговорной латыни в самой Италии. Но в ранее образованных провинциях продолжала сохраняться в устной форме полидиалектальная латынь. Именно этим, по мнению Моля, объясняется, в частности, тот факт, что в испанском языке можно обнаружить следы явлений, свойственных италийским языкам и уходящих корнями в древнюю полидиалектальную латынь Италии.

С течением времени латынь провинций (как каждый живой язык, по Молю) начала, в свою очередь, дробиться на диалекты, которые с IV в. н. э., вследствие кризиса Римской империи, получили возможность свободного развития. На основе этих поздних диалектов, сохранивших некоторые особенности ранней полидиалектальной латыни Италии, и сформировались романские языки.

Положения, исходя из которых, Моль строит свою концепцию, опровержимы. Степень проникновения в изучаемый язык элементов родного языка зависит в значительно большей мере от исторических условий контактирования языков, чем от наличия между ними родственных связей. Что касается образования диалектов, оно не является имманентным свойством языка, а имеет в каждом конкретном случае свое историческое объяснение. Оторванность концепции Моля от фактических данных и вследствие этого ее гипотетичность и неубедительность побудили В. Мейера-Любке назвать теорию Моля «прекраснейшей из грез о народной латыни и романских языках»[1].

Уже в нашем столетии были введены понятия языкового суперстрата (термин предложен В. Вартбургом на III Международном конгрессе по романскому языкознанию в Риме в 1932 г.) и языкового адстрата (термин впервые употреблен М. Бартоли на V Международном конгрессе лингвистов в 1939 г.).

В то время как признается воздействие субстрата на все стороны языковой структуры, признаки суперстрата обычно усматривают в некоторых

[1] Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik, mit Einschluss des älteren Mittellateins. – Leipzig, 1900. – Bd. II, H. 4. – S. 598.

фактах фонетики, изменении грамматической структуры и наличии характерных лексических групп (например, «военная» терминология германского происхождения в романских языках). Вопрос о степени влияния адстрата остается весьма дискуссионным. Наиболее убедительно проявление его признаков в лексике.

Не все исследователи одинаково трактуют понятия «субстрат», «суперстрат», «адстрат». Так, Б.А. Серебренников понимает субстрат очень широко, включая в него, по существу, и адстрат, и суперстрат, — это может быть результат как «маргинального контакта» языков — на языковых границах, так и их «внутрирегионального контакта» — на одной территории. М. Бартоли, признавая суперстрат и адстрат, отвергает понятие субстрата. Б. Гавранек, со ссылкой на многих видных исследователей, не считает субстрат важным фактором развития языка. П. Бек, напротив, вслед за А. Брёном и В. Вартбургом считает, что формирование на соседних территориях французского и провансальского языков объясняется разными субстратами и суперстратами: галльский (кельто-бельгийский) субстрат и франкский суперстрат для французского, иберийский и лигурийский субстрат и бургундский суперстрат для провансальского.

Проблему стратов не может обойти ни один современный лингвист, пытающийся определить природу языковых изменений. Этой проблеме посвящено большое число исследований в разных странах. О субстрате писали такие известные ученые, как Кл. Мерло, П. Кретчмер, Р. Менендес Пидаль, В. Брёндаль, Г. Рольфс и др. Неослабевающий интерес ученых к теории стратов свидетельствует о ее несомненном значении для решения проблемы образования романских языков. То, что вопрос остается дискуссионным и его разработка неудовлетворительной, объясняется скудностью сведений о местных дороманских языках Галлии, Иберии, Дакии (несколько больше известно о языках Апеннинского полуострова). Поэтому реконструировать социолингвистическую ситуацию в период взаимодействия латыни с местными языками оказывается возможным лишь в самых общих чертах.

§ 42. Субстрат Апеннинского полуострова. В результате контактов римлян с соседними племенами Апеннинского полуострова (см. § 14) в разговорный латинский язык проникло довольно много слов из италийских языков. Некоторые из этих слов сохранились только в отдельных итальянских диалектах, ряд слов получил распространение и в других областях Романии. А. Эрну в специальном исследовании[1] приводит около 120 слов италийского происхождения, заимствованных латинским языком. Многие из этих слов перешли в романские языки. Среди италийских заимствований много слов, связанных с сельским хозяйством и бытом: bos 'бык', asinus 'осел', hircus 'козел', lupus 'волк', ursus 'медведь', fenum 'сено', casa 'деревенский дом', bitumen 'смола', furca 'вилы', furnus 'очаг' и др.

Быт и культура римлян и других народов Апеннинского полуострова испытали значительное влияние этрусков (см. § 10). Контакты с этруска-

[1] *Ernout A.* Les éléments dialectaux du vocabulaire latin. – Paris, 1928.

ми не могли не отразиться и на латинском языке. Бесспорные следы языка этрусков остались в топонимике: Chianti восходит к этрусскому имени Clante. Modena — к этрусскому mutana 'холм, курган'. Само название Roma этрусского происхождения: оно возводится к названию этрусского племени ruma. Антропонимы с суффиксами -enna, -inna также заимствованы из этрусского.

Лигурийский субстрат проявляется в основном в топонимике северной Италии и прилежащих районов. Особо следует отметить продуктивный суффикс -asc- в топонимах и этнических именах: bergamasco (от Bergamo), comasco (от Como) и т.д.

За счет влияния местного долатинского субстрата относят в итальянском языке ряд фонетических тенденций, причем часто следы субстрата проявляются в итальянском языке, не будучи засвидетельствованы в письменном латинском языке.

Влиянием италийского субстрата объясняют такие фонетические явления как монофтонгизацию дифтонгов ae > e, au > o (Cecilius вм. Caecilius, copo вм. caupo 'трактирщик' и т.д.); превращение индоевропейских аспират в интервокальном положении в спиранты (а не в звонкие взрывные, как было свойственно латинскому языку): *ит.* bufalo < *bufalus = *лат.* bubalus, где вм. *лат.* b мы видим f, как и в оскских надписях; ассимиляцию nd > nn, mb > mm, встречающуюся во всех итальянских центрально-южных диалектах (от романского до сицилийского, за исключением лишь южной оконечности Калабрии и Саленто): monno = *ит.* mondo, iamma = *ит.* gamba. Р. Менендес Пидаль отмечает последнее явление и в испанском языке, также объясняя его влиянием оскского[1].

Этрусским влиянием объясняли отдельные исследователи так называемую gorgia toscana, то есть аспирацию и спирантизацию глухих интервокальных c, t, p (fiho 'fico', la hasa 'la casa', statho 'stato', lupho 'lupo'). Однако эта гипотеза встретила возражение у современных лингвистов, например, у Г. Рольфса[2].

§ 43. Кельтский субстрат. Первые заимствования из кельтского (галльского) языка относятся еще к V—IV вв. до н. э., когда кельты распространили свою власть на северную Италию (см. § 16): braca 'шаровары' (*фр.* braie, *ит.* brache, *исп., порт., пров., кат.* braga, *рум.* (în)brăca); caballus 'лошадь' (*фр.* cheval, *ит.* cavallo, *исп.* caballo, *порт.* cavalo, *пров.* caval, *рум.* cal).

Романизация Цизальпийской, а затем Трансальпийской Галлии повлекла за собой тесные контакты между римлянами и кельтами. В латинский язык, распространившийся на этой территории, проникло много кельтских лексических заимствований: *лат.* carrus 'повозка' (*фр.* char, *ит., исп., порт.* carro, *пров., кат., рум.* car); cămeşĭă 'солдатская рубаха' (*фр.* chemise, *ит.*

---

[1] *Menéndez Pidal R.* Orígenes del español. — Madrid, 1964. — P. 303. О следах оскского в испанском см. также § 44.

[2] *Rohlfs G.* Etruskisch-Toskanische *Gorgia*? // Indogermanische Forschungen. — Berlin, 1963. LXVIII. — SS. 295—308.

cămicĭă, *исп.* camisa, *рум.* cămaşă); caminus 'путь' (*фр.* chemin, *ит.* cammino, *исп.* camino).

Значительны следы кельтского субстрата в топонимике Франции и Северной Италии: Rouen < Rotomagus, Caen < Catomagus (*кельт.* magos – campus); Verdun < Virodunum, Lyon < Lug(u)dunum, Autun < Augustodunum, (dunum = oppidum), Milano < Mediolanum. Многие названия французских городов сохраняют имена кельтских племен, некогда живших на этой территории (конечное s – след формы латинского локатива мн. числа -is, -ibus): Amiens (Ambiani), Angers (Andecavi), Beauvais (Bellovaci), Cahors (Cadurci), Nantes (Namnetes), Poitiers (Pictavi), Soissons (Suessiones), Tours (Turnones), Trêves (Treveri), Troyes (Tricasses) и т.д.

Кельтского происхождения слово vassal > *лат.* vassallus, ставшее общеупотребительным с развитием феодальных отношений. В. Вартбург объясняет это заимствование потребностью в обозначении нового понятия уже в конце III в., в связи с изменением социально-экономической ситуации в Римском государстве – упадком городов и возникновением нового типа экономической зависимости сельских жителей от крупных земельных владельцев[1].

Как правило, римляне заимствовали у галлов слова, обозначавшие понятия, которые отсутствовали в римском быту. Такими были рассмотренные выше слова camisia, carrus, braca. По этой же причине во французском языке много галльских слов, связанных с сельскохозяйственными работами: raie 'борозда', sac 'лемех', javelle 'вязанка'. *Фр.* ruche 'улей' восходит к *rūsca 'кора дерева'. От галлов римляне переняли и незнакомый им ранее напиток cervisia 'хлебный квас, пиво' > *ст. фр.* cervoise 'пиво'. Галльские названия растений и животных сохранились в современном французском языке: chêne 'дуб', sapin 'пихта', mouton 'баран', bouc 'козел', alouette 'жаворонок', saumon 'лосось' и т.д. Примечательно, что основная масса кельтизмов связана с сельской местностью, почти не затронутой романизацией.

Как видим, наряду с кельтизмами, разошедшимися вместе с латынью по всей Романии (такими, как carrus и braca), много галльских слов областного характера сохранились лишь в отдельных романских языках. Кстати, в тех случаях, когда кельтизмы не зафиксированы в латинских текстах, именно романские свидетельства помогают определить исходное кельтское слово: *милан.* krŏui, kroi 'твердый', *ст. ит.* croio 'твердый', *пров., катал.* crói 'жестокий' позволяют предположить, что в галльском некогда существовало *crodius 'твердый' (ср. *древнеирл.* crúaid, *совр. ирл.* cruaidh 'твердый').

Изучение слов кельтского происхождения в лексике романских языков было впервые поставлено на научную основу немецким кельтистом Р. Турнайзеном.[2]

В значительной степени дискуссионной является проблема перехода u > ü, объясняемого многими лингвистами влиянием кельтского субстра-

---

[1] *Wartburg W. von.* Evolution et structure de la langue française. – Berne, 1958. – P. 34.

[2] *Thurneysen R.* Keltoromanisches: Die Keltischen Etymologieen im etymologischen Wörterbuch der romanischen Sprachen von F. Diez. – Halle, 1884.

та. Мнения ученых по этому вопросу разделились. Сторонниками галльской природы ü выступали Г. Асколи и Г. Шухардт, подчеркивая, что на романской территории это фонетическое смещение наблюдается только во французском, частично в ретороманском и в диалектах Северной Италии. В подтверждение этой гипотезы привлекалась тенденция средневекового и современного кельтского к трансформации u > i, предполагающая промежуточный ü (напр., *ирл.* dun 'город' – *кимр.* din). В. Мейер-Любке, напротив, выдвигал веские аргументы против этой точки зрения, среди которых: отсутствие палатализации c перед ü (*фр.* cuivre < *лат.* cuprum), отсутствие ü в каталанском и др. Кроме того, отмечалось, что во Франции есть области, где переход u > ü произошел относительно недавно, и область, где до сих пор сохраняется u.

С кельтским субстратом связывается и другое фонетическое явление – переход ct > it во французском, португальском и в галло-итальянских диалектах (пьемонтском). Современное испанское ch [tʃ] также восходит к it (см. § 76); *лат.* noctem > *фр.* nuit, *порт.* noite, *пьем.* nöit, *исп.* noche. Переход ct > it происходил, как предполагается, следующим образом: ct > ht > ḫt > it (где ḫ – палатальная аспирата).

§ 44. **Субстрат Иберийского полуострова.** О древней языковой ситуации на Иберийском полуострове до прихода римлян сохранилось очень мало сведений. Мы знаем, что к моменту римской экспансии местное население полуострова было разноязычным и, видимо, этнически неоднородным. Однако о происхождении большинства племен и их языках почти ничего не известно. В настоящее время здесь наряду с несколькими романскими языками – испанским, португальским, каталанским, галисийским – существует баскский язык. Проблема родства баскского языка остается актуальной до сих пор. Его сравнивают почти со всеми древними неиндоевропейскими языками Европы. Наибольшее число приверженцев у гипотезы о родстве баскского с иберийско-кавказскими языками. Противники этой гипотезы указывают, что соответствия между баскским и отдельными кавказскими языками малочисленны и недостаточно убедительны для обоснования родства между ними. По единодушному мнению специалистов, баскский считается родственным древним аквитанскому и васконскому (известным по отдельным документам III в. до н. э. и III–IV вв. н. э.). Что же касается взаимоотношения баскского и древнего иберийского, то бытовавшая до XX в. теория «баско-иберизма», согласно которой баскский является потомком древнего иберийского (известного по надписям V–IV вв. до н. э. – начала н. э.), ныне на основании исследования документов иберийского языка считается лишенной оснований. Предполагается, что иберы пришли на Пиренеи из Африки в начале III тысячелетия до н. э., а предки басков принадлежали к пиренейскому населению эпохи палеолита (ср. § 11)[1].

---

[1] О проблеме родства баскского языка см.: *Стуруа Н.Н.* Проблемы баскского языка в современной баскологии по материалам журнала «Fontes linguae Vasconum» // Иберия. Культура народов Пиренейского полуострова. – Л., 1983. – С. 201.

Не до конца выясненным остается вопрос о распространении на Иберийском полуострове кельтского языка. Известно, что кельты проникли в западную часть полуострова (современная территория Португалии) в VII в. до н. э. След этого вторжения – топонимы с окончанием -briga: Conimbriga (Coimbra), Mundobriga (Munébrega) и т.п. Незначительный кельтский элемент в испанском связывают, однако, с более поздними событиями – контактами с романизованной Галлией.

Поскольку вопрос о древнейшем населении Иберийского полуострова до конца не выяснен, предлагается определять долатинские элементы в языках полуострова как предроманские, не делая дальнейших уточнений[1]. К числу таких элементов относятся слова с конечной группой -rro, -rra или rdo, rda: *баск.* ezker(r), *исп.* izquierdo, *порт.* esquerdo, *катал.* esquerre, *прав.* esquet, *гаск.* esquert 'левый'; *исп.* barro (*араг.* bardo), *порт.* barro, *катал.*, *прав.*, *гаск.* bard 'глина'. Заимствованием из баскского (arroila 'впадина, ров') считают *лат.* arrugia, откуда *исп.* arroyo, *порт.* arroio 'ручей, поток', *гаск.* arroulho 'ров, канал'.

К числу слов предроманского происхождения относят *исп.* manteca 'жир', *порт.* manteiga 'масло', *исп.*, *порт.* abarca 'сандалий', ascua 'жар, раскаленные угли', zarza 'чесотка', cama 'кровать'. Последние два слова отмечены и в латинском языке: они привлекли внимание Исидора Севильского, историка и филолога VII в., который написал о них в своем труде «Etymologiae» (см. § 37) следующее: Impetigo est sicca scabies prominens a corpore cum asperitate et rotunditate formae. Hanc vulgus sarnam appellat. (Etym. IV, 8, 6) – 'Лишай – это сухая сыпь, выступающая на теле, шероховатая и круглая по форме. В народе называют ее чесоткой'. Cama est brevis et circa terram (Etym. XX, 11, 2) – 'Кровать – короткое и невысокое ложе'. Camisias vocari quod in his dormimus in camis id est in stratis nostris (Etym. XIX, 22, 29) – 'Зовутся рубашки (camisias), так как в них мы спим на кроватях (camis), то есть в нашей постели'.

Обсуждается возможное влияние местного субстрата на фонетику романских языков. Так, васконским (баскским) влиянием объясняется озвончение в северо-западных диалектах испанской латыни глухих взрывных после носового и плавных, ср. в *баск.* borondate, tembora, goldes <*лат.* voluntatem, tempora, cultter. Другое объяснение этого явления – влияние италийских диалектов, поскольку доказано, что в колонизации Испании ведущую роль играли италики[2]. По мнению ряда исследователей, влиянием местного субстрата обусловлен переход *лат.* f > *исп.* h: *лат.* faba 'боб' > *исп.* haba; *лат.* ferrum 'железо' > *исп.* hierro. Но такой же переход наблюдался в романских диалектах юга Италии, то есть в удаленных от Пиренейского полуострова областях; к тому же в ранних заимствованиях из латыни в баскском f заменялся не на h, а на билабиальный консонант: *лат.* festa > *баск.* pesta, besta. Эти наблюдения опровергают предположения о влиянии субстрата в данном случае[3]. Еще одна фонетическая особенность,

[1] *Elcock W.D.* The Romance languages. London. – 1960. – p. 178.

[2] О дискуссии по этому вопросу см.: *Menéndez Pidal R.* Op. cit. – P. 296–306.

[3] Подробное изложение различных точек зрения по этому вопросу см.: *Menéndez Pidal R.* Op. cit. – P. 198–233.

объясняемая иногда местным субстратом. — это испанское апикальное s. Но эта же особенность замечена в средневековых шотландских заимствованиях из французского: push, finish, на основании чего можно предположить, что s было апикальным и в старофранцузском и что, таким образом, это скорее черта разговорной латыни[1].

§ 45. Фрако-дакийский субстрат. Субстратом восточноромавских языков были древние местные языки Балканского полуострова и прилегающих к нему северодунайских территорий. Условно эти языки объединяются под названием фрако-дакийских и считаются близкородственными индоевропейскими языками.

Все, что известно о языке даков, сводится к нескольким топонимам и именам, сохраненным историками или дошедшим до нас в надписях, и глоссам названий целебных трав и растений в трудах Диоскорида, греческого врача I в. н. э. и в тексте псевдо-Апулея, анонимного трактата, относящегося к концу III в. н. э.[2]. Из дакийских топонимов можно упомянуть следующие: Aiadava, Dacidava, Dausdava, Patridava и т. д.

Сведения о фракийском языке относятся приблизительно к периоду между VII в. до н. э. и VI в. н. э. В тексте VI в. (описание паломничества к «святым местам») упоминается несколько проживавших в монастыре у горы Синай монахов, говоривших на фракийском (бесском) языке: ...tres abbates, scientes linguas, hoc est latinas et graecas, syriacas et aegyptiacas et bessas, vel multi interpretes singularum linguarum «...три аббата, знающие языки, то есть латинский и греческий, сирийский, египетский и бесский и много переводчиков на отдельные языки»[3]. К этому же времени относятся и последние употребления фракийских имен: Belisarius, Beraides, Buzes, Zimarchus и т. д. Топонимы оказались более устойчивыми: Bessapara, Bendipara, Kobria, Mesambria, Poltymbria, Onidiza, Ostudizos, Tyrodiza. Ряд названий рек и населенных пунктов дошли до наших дней в славянском фонетическом варианте: Agrianes — Эргине, Almus — Лом, Asamus — Осем, Oiscos — Искыр, Durostorum — Силистрия, Serdica — Средец (София), Pulpudeva — Пловдив и т. д. Допускается также возможность влияния на балканскую латынь иллирийского языка. В Дакии существовали далматинские колонии, через которые иллирийский элемент и мог проникнуть в область Карпат. К числу иллирийских топонимов относятся Delminium, Scardona, Ulcinium и др.

Субстратные элементы в лексике восточноромавских языков выявляются также путем их сопоставления с албанским языком. Предполагается, что албанский язык явился непосредственным продолжением одного из исчезнувших древнебалканских языков — иллирийского или фракийско-

---

[1] *Elcock W. D.* Op. cit. — P. 181.

[2] Предполагается, правда, что дакийские глоссы в оба текста были введены позднее (в первом случае в III в., во втором — в IV в.) — см. коллективный труд «Istoria limbii române», coordonator Fl. Dimitrescu. — Bucureşti, 1978. — P. 66.

[3] *Densusianu O.* Histoire de la langue roumaine. — Paris, 1902. — P. 20.

то[1]. На основании сравнительных исследований и некоторых косвенных данных к словам субстратного происхождения в румынском и молдавском языках отнесены, например, такие слова, как brad 'ель, пихта', brîu 'пояс, кушак', а (se) bucură 'радовать (ся)', copác 'дерево', mázăre 'горох', moș 'дед, старик', (ap 'козел', vátră 'очаг; под (печи); отчий дом' (в молдавском эти слова на письме переданы кириллицей и др., всего примерно 100 слов. Иллирийским влиянием объясняются некоторые фонетические особенности исторического развития румынского языка, например, переход *лат.* ct, cs(x) > *рум.* pt, ps (через *xt, *xs): *лат.* lucta, coxa > *рум.* lupta 'борьба', coapsă 'ляжка'. То же явление встречается в далматинском (*вельот.* guapto < *лат.* octo, *рагуз.* kopsa < *лат.* coxa) и в албанском, где имеем ft, fš – только в словах латинского происхождения: l'ufte, kuf̈še[2].

§ 46. Германский суперстрат. Контакты римлян с германскими племенами на ранних этапах римской истории сводились к торговым отношениям. Главным центром контактов в то время была долина Рейна. Латынь дала жизнь целому ряду слов и топонимов в немецком языке: Köln < Colonia, Koblenz < confluentes, Münze < moneta, Strasse < strata, etc. Меньшим было количество германских слов, проникших в то время в латинский язык: alces 'лось' (Caesar), ganta 'гусь', sapo 'мыло' (Plinius).

После романизации провинций контакты с германцами усилились. В римском войске возросло число наемников-германцев. Это вызвало новый приток германизмов в латинскую речь.

Тем не менее, количество германизмов в латинском языке в тот период, когда он еще сохранял относительное единство, было невелико, и проникли они в латынь довольно поздно, так что не успели распространиться по всей Романии. Доказательством служит почти полное отсутствие древних германизмов в румынском языке.

На позднем этапе истории Римского государства, с началом нашествия германских племен (см. § 20) жители Романии в разных ее частях сталкивались с различными германскими языками. Поэтому для итальянского характерны заимствования из языка остготов и лангобардов, для французского – франков, для провансальского – бургундов, для испанского – вестготов и вандалов, отчасти свевов. Правда, учитывая, что отличие германских языков друг от друга было не очень значительным, могло оказаться, что одно и то же слово было заимствовано из разных германских языков, в разное время и в разных местностях, но установить точные условия его заимствования не представляется возможным: *герм.* suppa – *фр.* soupe, *пров., катал., исп., порт.* sopa, *ит.* zuppa 'суп'; *герм.* bank – *фр., пров., катал.* banc, *исп., порт., ит.* banco 'скамья; *герм.* skums – *фр.* écume, *пров., катал., порт.* escuma, *ит.* schiuma 'пена'; *герм.* blank – *фр., пров., катал.* blanc, *исп.* blanco, *порт.* branco, *ит.* bianco 'белый' и т.д.

Следы остготского пребывания (не очень продолжительного, 493–555 гг.) остались, главным образом, в топонимике на севере Италии: Goito (Mantova), Codega (Treviso), Godo (Milano) etc.

---

[1] *Rosetti I.I.* Limba traco-dacilor. – Bucureşti, 1959. – P. 142.
[2] *Densusianu O.* Op. cit. – P. 24.

Лангобардские элементы в итальянской лексике, гораздо более многочисленные, нежели остготские, составляют около трехсот слов, распространившихся на разные области и частично проникших в литературный язык: *ланг.* ruspi 'трубэй' сохранилось в *соч.* ruspio. *лигл.* ruspari, *ланг.* spehon 'внимать, наблюдать' несколько сузило в итальянском свое значение: spiare 'шпионить' (независимо от *ст. фр.* espier, развившегося из того же глагола во франкском); balk, palk дали balco, balcone, palco. Множество топонимов также лангобардского происхождения: *ланг.* braida 'равнина' > Braida (Trento, Udine), Breda (Treviso), Brera (Milano); *ланг.* berg 'гора' > Valperga (Torino), Valdiperga (Pisa); *ланг.* gastald 'управляющий' > Gastaldi (Vicenza), Gastaldia (Padova), Gastaldo (Chieggia) etc. Многочисленны заимствования лангобардских имен, напр. *ланг.* Berto (ср. *ланг.* berht 'блестящий') и сложные Adelpert, Alapert дали в итальянском имена Adalberto, Alberto, фамилии Berti, Bertoni, Bertini, Bertolini, etc.

Франкского происхождения некоторые средневековые понятия: baro 'свободный человек' – *фр.* baron, *исп.* varón, *ит.* barone; от marka 'приграничная территория' образовался термин, обозначающий 'защитник этой территории' – *фр.* marquis, *исп.* marqués, *ит.* marchese.

Испанский и португальский выделяются из всех западнороманских языков наименьшим числом германизмов, напр.: *исп., порт.* ganso 'гусенок' < *гот.* *gansus, *порт.* luva, *ст. исп.* lu(v)a <*гот.* *lofa 'перчатка'. Среди популярных испанских имен – заимствованные Fernando, Ramiro, Alfonso, Elvira. Из топонимов готского происхождения можно упомянуть Godos, Revillagodos, Gudillos, Godojos, Gudones. Вестготским влиянием объясняется появление в испанском германского суффикса -ing: abolengo 'происхождение, родословная', realengo 'королевский'. Свевского происхождения, видимо, *порт.* britar 'дробить, разбивать' < *свев.* *briutan. С вандалами некоторые исследователи связывают топоним Andalucia, хотя переход *Vandalucia > Andalucia не вполне объясним.

Влияние франкского обнаруживается не только в лексике, но и в фонетике и словообразовании. В фонетике – это восприятие германской аспираты h: haut <altum (ср. *нем.* hoch); в словообразовании суффикс -ard (-hard), -art, берущий начало из *герм.* hart, который образует сначала собственные имена (Bernhard), а затем нарицательные существительные и прилагательные (*ст. фр.* hastard, *фр.* bâtard); суффикс -aut или -aud (*ст. фр.* -alt), восходящий к *герм.* wald, также образующий сначала собственные имена (Guiraud, Regnaud), а затем нарицательные (ribalt > ribaud, *ит.* ribaldo).

§ 47. Латинский культурный суперстрат. Латинский язык, имевший большую литературную традицию, прошел рядом с романскими языками весь долгий и трудный путь их становления от устных говоров до литературных языков. Более того, как уже отмечалось, латынь и впоследствии продолжала использоваться как язык науки, дипломатии и церкви, оказывая регулярное воздействие на новые романские языки. Хотя это влияние и носило преимущественно книжный характер, многие заимствованные элементы впоследствии распространялись и в разговорной речи, и даже в диалектах.

Определенное влияние средневековая латынь оказала на синтаксис новых романских литературных языков. Но наиболее очевидны многочисленные примеры расширения лексического фонда романских языков с помощью латинизмов. Слова, заимствованные из средневековой латыни книжным путем, получили в итальянском языке название «ученых латинизмов», в испанском, французском — «ученых слов». Основная масса их проникла в западные романские языки в XV–XVI вв., в период Возрождения.

«Ученый латинизм» в большинстве случаев легко узнаваем по его фонетическому облику, не отражающему закономерной эволюции латинских звуков в романских языках, например в *ит.* vizio <*лат.* vitium 'порок' сохранился ударный i, перешедший в народной латыни в e > *ит.* e (ср. возникшее из того же слова в результате естественного фонетического перехода *ит.* vezzo 'привычка'; 'ласка'). Два разных пути проникновения (естественный устный и позднейший книжный) хорошо видны на французских примерах, благодаря большим фонетическим расхождениям: fragile и frêle 'хрупкий, ломкий', direct и droit 'прямой', legalité 'законность' и loyauté 'лояльность'. Иногда латинизм отличим по его морфологическому облику: *ит.* intelligibile 'понятный, ясный' (латинский суффикс -ibile, ср. итальянский суффикс -evole). Нередко опознавательным признаком служит ударение: *ит.* cáttedra 'кафедра' < *лат.* cáthedra 'кресло' (тогда как в *порт.* cadeira 'стул', отражено *нар. лат.* cathédra).

Интересны семантические латинизмы. Слово captivus 'пленник' уже в I в. н. э. употреблялось в переносном смысле: irae captivus (Sen.) 'охваченный гневом'. У христианских авторов оно встречается в этом смысле в сочетании diaboli captivus 'пленник дьявола', откуда значения *ст. фр.* chaitif 'несчастный', *ит.* cattivo 'плохой'. Например, cattiva у Данте: Ecuba trista, misera e cattiva (Div. Com., Inf. 30, 16) «Гекуба в горе, в бедствиях, в плену» (пер. М. Лозинского).

Влияние книжного латинского языка на румынский также весьма ощутимо. Ср.: *рум.* plenár, subiéct, virtúte <*лат.* plenarius 'полный, законченный', subiectum 'содержание, субъект', virtute(m) (кл. virtus, -utis) 'доблесть, добродетель' и т.д. Этому во многом способствовала деятельность так называемой Трансильванской школы (см. § 113).

Румынский словарь обогащался латинскими книжными заимствованиями также под влиянием французского языка: *рум.* lateral, orient < *фр.* latéral, orient <*лат.* lateralis 'боковой', oriens, -ntis 'восток' и т.д.

Заимствования из книжной латыни в романских языках также способствовали их взаимному лексическому уподоблению, что позволяет говорить о возникновении вторичной общности романских языков.

§ 48. **Древнегреческий адстрат.** Заимствования из древнегреческого языка, относясь к разным хронологическим периодам, получили разное звучание и графическое оформление как в латинском, так и в романских языках. Греческая колонизация юга Италии началась еще в середине VIII в. до н. э., и поэтому греческий язык на этой территории носил следы древнего дорического диалекта. Но среди слов греческого происхождения в латинском языке встречаются фонетические дублеты, иллюстрирующие два

этапа заимствований из греческого: malus 'яблоня' и malum 'яблоко', засвидетельствованные первое у Варрона, второе у Плавта, берут свое происхождение из дорической формы μᾶλον; но в романские языки перешла более поздняя форма ионийско-аттического происхождения melum < μῆλον (ср. *ит.* melo), засвидетельствованная у Петрония. Аналогичным образом machina (встречается уже у Плавта) свидетельствует о заимствовании из дорического диалекта, в то время как méchanicus (зафиксировано у Лукреция) доказывает своим ē ионийско-аттическое происхождение. Ионийско-аттические заимствования оказались возможны после завоевания римлянами Греции в 146 г. до н. э.

Для письменной передачи в греческих заимствованиях глухих придыхательных φ, χ, ϑ, использовались сочетания латинских согласных ph, ch, th: phalanx 'фаланга' < φάλαγξ, schola 'школа' < σχολή, *дор.* σχολά; thorax 'грудь' < ϑώραξ. В разговорном языке, однако, постепенно придыхание в аспиратах утрачивалось, что получило отражение в романских языках: *ит.* colpo, *исп.* golpe, *фр.* coup, *пров.* colp 'удар' < κόλαφος; *ит.* corda, *исп.* cuerda, *фр.* corde, *рум.* coardă 'веревка' < χορδή; *ит., исп.* tesoro, *фр.* trésor, *пров.* tezaur, *рум.* tezaur 'сокровище' < ϑησαυρός.

На бывших греческих территориях не произошло лингвистической романизации, и народы продолжали говорить на двух языках – латыни и греческом. Вначале в силу торговых контактов между римлянами и греками, а затем благодаря культурному влиянию эллинизма, в латинский язык проникло довольно большое число греческих слов как из повседневного обихода (petra < *греч.* πέτρα 'скала, каменная глыба', charta < *греч.* χάρτη 'лист бумаги'), так и различных областей науки и культуры (theatrum < < *греч.* ϑέατρον 'театр', chorus < *греч.* χορός 'хор', physica < *греч.* φύσις 'природа'). Христианство повлекло за собой новый поток грецизмов. Одни из них и в латинском языке продолжали быть связаны с христианской религией (monachus < *греч.* μοναχός 'отшельник, монах', ecclesia < *греч.* ἐκκλησία 'народное собрание'; 'помещение для народного собрания'; 'церковь'); другие в дальнейшем расширили свое значение и стали общенародными (hymnus < *греч.* ὕμνος 'гимн', mysterium < *греч.* μυστήριον 'таинство').

Интересна судьба греческого слова παραβολή 'сравнение, сходство', встречающегося в этом значении уже у Сенеки (Ep. 59); у христианских авторов это слово выходит из круга риторической терминологии и приобретает значение «пример», а затем, в «Вульгате», более общее значение «слово»: assumptaque parabola sua dixit (23, 7) «взяв слово, сказал». В этом значении parabola распространяется по всей территории Романии, вытеснив verbum (ср. *ит.* parola, *исп.* palabra, *фр.* parole) и т.д. Богатый материал по изучению влияния греческого языка на латинский дает словарь Г. Рольфса «Lexicon graecanicum Italiae inferioris», Tübingen, 1964.

Некоторые исследователи считают, что влияние греческого языка на латинский не ограничивалось многочисленными лексическими заимствованиями, но оставило следы и в латинской грамматике[1].

[1] Э. Косериу считает влияние греческого вполне вероятным объяснением таких грамматических явлений в романских языках, как развитие вторичной перифрастической системы глагольных форм, употребление наклонений в различных типах придаточных предложений и др. См.: *Coseriu E.* El problema de la influencia griega sobre el latin vulgar // *Coseriu E.* Estudios de lingüistica romàn. – Madrid, 1977. – PP. 264 ss.

§ 49. Арабский адстрат. Арабы, перемещаясь в течение VII в. из областей Аравии через Египет и северное побережье Африки, после продолжительной борьбы с берберами в 711 г. проникли на Иберийский полуостров и почти полностью захватили его. Попытки занять затем юг Франции окончились неудачей, так как арабы здесь натолкнулись на сопротивление франков сначала под предводительством Карла Мартелла (732—739 гг.), а затем Пипина Короткого (759 г.) и отступили за Пиренеи. На Иберийском полуострове арабы оставались почти восемь столетий (падение Гранады в 1492 г.). В 827 г. арабы проникли в Сицилию, где оставались до норманнского завоевания (конец XI в.), а также на Балеарские острова и на остров Мальту.

Продолжительное пребывание арабов на Иберийском полуострове не могло не сказаться на местном латинском языке. Заметное влияние оказал арабский язык на лексику книжной латыни, чему способствовало большое число переводов на латинский язык с арабского научных трудов по различным отраслям знаний.

Арабская лексика дала значительное число научных терминов астрономии, математики, медицины, философии: *исп.* algebra < *араб.* al-gabr 'восстановление', 'приспосабливание', *исп.* cifra, cero < *араб.* sifr 'пустой', azimut < < *араб.* as-simut, as-sumut множ. ч. от as-samt 'направление' etc. Эти слова в большинстве случаев стали международным достоянием.

Примеры топонимов арабского происхождения: Gibraltar < *араб.* ǧebel Tāriq 'гора Тарик' (имя арабского полководца, начавшего с этого места в 711 г. завоевание Испании); Guadalquivir <*араб.* wadi al-kabīr 'большая река', Guadasuar 'черная река', Guadalajara 'каменная река', Guadarrama 'песочная река'.

Некоторые топонимы латинского происхождения на Иберийском полуострове сохранились в арабской фонетической интерпретации: C(ae)sara(u)gusta > *араб.* Saraqusta > Zaragoza.

Из арабского пришло и значительное число бытовой лексики: *исп., порт.* azulejo 'изразец'; alfombra 'ковер'; *исп.* almohada, *порт.* almofada 'подушка'; *исп.* taza, *катал., пров.* tassa, *ит.* tazza 'чашка'.

Иберо-романские языки заимствовали арабские слова обычно с арабским определенным артиклем al, в то время как в других романских языках это наблюдается крайне редко, напр.: *араб.* (as-)sukkar > *исп.* azúcar, *порт.* açucar, *фр.* sucre, *ит.* zucchero 'сахар'; *араб.* (az-)za'-faran > *исп.* azafran, *порт.* açafrao, *фр.* safran, *ит.* zafferano 'шафран'.

Арабские заимствования через Сицилию проникли в итальянский язык: *сиц.* magasenu, *ит.* magazzino 'склад' < *араб.* mahzan (ср. *исп.* almacen 'товарный склад'). Арабского происхождения *ит.* dogana, *фр.* douane 'таможня'; то же слово, пройдя через турецкий, дало *ит.* divano, *фр.* divan. Из прилагательных арабского происхождения можно упомянуть *ит.* meschino 'жалкий, несчастный', azzurro 'голубой'.

§ 50. Славянский адстрат. Результатом многовековых тесных контактов романского и славянского населения в балкано-дунайском регионе (см. § 20) явилось взаимное влияние языков и, в частности, проникновение в восточнороманские языки значительного числа слов южнославян-

ского происхождения, отражающих самые разные стороны жизни: *рум.* coasă 'коса', greblă 'грабли', lopată 'лопата', nevastă 'жена', obraz 'лицо', prag 'порог', taină 'секрет', bogat 'богатый', drag 'дорогой', slab 'худой, слабый', vesel 'веселый', zdravăn 'крепкий, сильный', a citi 'читать', a iubi 'любить' (соотв. *молд.* коасэ, греблэ, лопатэ, невастэ, образ, праг, тайнэ, богат, драг, слаб, весел, здравэн, а чити, а юби) и др. Для долитературных заимствований характерно отсутствие метатезы согласных (*рум.* baltă 'болото', daltă 'долото', scovardă 'бтинчик'), сохранение в безударном слоге краткого а, еще не перешедшего в о (*рум.* căpiță 'копна').

В восточнороманские языки проникли также славянские словообразовательные элементы — префиксы: пе- (*рум.* nebun 'сумасшедший', necopt 'незрелый', nespus 'несказанный'), răs- или перед звонким согласным răz- (*рум.* răsplata 'вознаграждение, награда; расплата', a tăscroi 'вырезать, выкроить', răzbunare 'месть, мщение'); суффиксы: -că (*рум.* românca 'румынка', țigancă 'цыганка'), -nic (*рум.* războinic 'воинственный, военный', temeinic 'основательный, серьезный, веский') -iță (*рум.* scolariță 'школьница, ученица') и др.

Славянское влияние отразилось в форме вокатива существительных женского рода на о (*рум.* fetițo! 'девочка!', vecino! 'соседка!'; в особой продуктивности IV спряжения глаголов в отличие от западнороманских языков, в которых наиболее продуктивно I спряжение и т.д.

Интересно отметить, что славянские элементы в восточнороманских языках отражают в основном более позднее фонетическое состояние языка, чем, например, славянские элементы в новогреческом или албанском, хотя начало контактов со славянским населением на севере Балканского полуострова относится к более раннему времени, чем на юге. Объясняется это тем, что на севере эти контакты были регулярными и длительными, что отразилось на фонетике восточнороманских языков.

§ 51. Балканский языковой союз. Определенное влияние на восточнороманские языки оказало и то обстоятельство, что они развивались в постоянном соседстве с другими языками, распространенными на Балканском полуострове.

В языкознании территориальная общность языков разного происхождения, характеризующаяся наличием общих черт языковой структуры, называется языковым союзом. Восточнороманские языки (румынский и молдавский) и языки/диалекты (арумынский, мегленитский, истрорумынский) входят в одну из таких общностей, называемую балканским языковым союзом[1].

В балканский языковой союз входят также языки: албанский, болгарский, новогреческий, отчасти сербохорватский, который обнаруживает некоторые общебалканские элементы лишь в лексике. Определенными лексическими отношениями связан с этим союзом и турецкий язык. Наряду

[1] О балканском языковом союзе см.: *Sandfeld Kr.* Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. — Paris, 1930; Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. 1er Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes. — Sofia, 1966.

с общими чертами так называемые балканские языки в силу разного происхождения и исторического развития сохраняют каждый свою собственную специфику.

К общебалканским чертам (балканизмам) относят постпозицию определенного артикля (*алб.* djáli, *рум.* bĭiátul, *болг.* синът 'мальчик, сын, юноша' – артикль стоит после существительного и сливается с ним в одно слово); совпадение форм, передающих отношения родительного и дательного падежа (*алб.* d'alit, *рум.* bĭiatului, *болг.* **на** синът – 'сына' и 'сыну', 'мальчика' и 'мальчику'); замену приглагольного инфинитива конъюнктивом (*алб.* dua të largohem, *рум.* vreáu să plec, *болг.* искам да замина 'я хочу уехать'); использование глагола со значением 'хотеть' для образования форм будущего времени (*алб.* do të lexój, *рум.* voi citĭ или o să citésc, *болг.* ще чета [ште чець] 'я буду читать, я прочту') и некоторые другие (см. также § 8).

§ 52. **Взаимовлияние романских языков.** Влияние романских языков друг на друга в различные периоды их истории определялось ходом развития новых государств на территории бывшей Романии и их взаимоотношениями на различных этапах.

Наиболее сильное влияние французского языка на итальянский проявилось буквально в самом начале их истории: в IX–X вв. в языке сохранялись еще традиции того недавнего времени, когда французская и северная итальянская территории были частями одного франкского государства; в XI в. Италия испытала набеги норманнов, уже романизовавшихся во Франции; в XII в. Франция и Италия вместе участвовали в крестовых походах. Определенную роль сыграла и церковь, рассылавшая по Италии миссионеров из французских монастырей. Из французского пришла в итальянский административная и феодальная терминология: *ит.* marchese <*фр.* marquis 'маркиз', *ит.* maresciallo <*фр.* maréchal 'маршал'; *ит.* conte <*фр.* comte 'граф'; названия музыкальных инструментов: *ит.* viola <*фр.* viole 'виола'; *ит.* liuto <*фр.* luth 'лютня'. Вместе с поэзией провансальских трубадуров, явившейся основой и образцом для итальянской поэзии, пришла в Италию и соответствующая терминология: *ит.* trovatore <*пров.* trobador 'трубадур'; *ит.* giullare <*пров.* joglar <*лат.* ioculator 'поэт-певец, менестрель'.

Периодом же наибольшего влияния итальянского на французский стал XVI в., когда вместе с популярностью итальянского искусства во Франции в моду входит и итальянский язык: *фр.* mosaïque <*ит.* mosaico 'мозаика'; *фр.* cantilène <*ит.* cantilena 'кантилена'; *фр.* grotesque <*ит.* grottesco 'гротеск'; *фр.* pantalon <*ит.* pantaloni 'брюки'; *фр.* parasol <*ит.* parasole 'зонтик от солнца'; *фр.* bastion <*ит.* bastione 'бастион'; *фр.* cartouche <*ит.* cartoccio 'патрон'.

Влияние испанского на итальянский связано, главным образом, с испанскими владениями в Сицилии и Неаполе в XIII–XV вв., а также с испанским влиянием в Италии в XVI и XVII вв. В это время вошли в итальянский различные испанские слова: *ит.* mozzo <*исп.* mozo 'мальчик', *ит.* sussiego 'спесь' <*исп.* sosiego 'спокойствие' и т. д. В эпоху Великих географических открытий через испанский язык в другие романские языки проникали многие слова из языков народов ранее неизвестных земель, обозначав-

ние прежде всего незнакомые европейцам реалии: patata 'картофель', cacao 'какао' и т.д. Аналогичную роль играл и португальский, через который, в частности, пришло во все европейские языки слово banana 'банан'.

Влияние итальянского на испанский было особенно сильным в период Возрождения: *исп.* madrigal <*ит.* madrigale 'мадригал'; *исп.* bufón <*ит.* buffone 'шут'; *исп.* pedestal <*ит.* piedistallo 'пьедестал'. Много слов военного обихода было заимствовано испанскими солдатами во время службы в Италии: *исп.* centinela <*ит.* sentinella 'часовой'; *исп.* alojamjento <*ит.* alloggiamento 'расквартирование' и т.д.

Заимствования из французского и провансальского языков в испанском и португальском относятся в основном к XIII и XIV вв., в связи с популярностью в Испании и Португалии французской литературы и провансальской лирики: *исп.* jardín, *порт.* jardim <*фр.* jardin 'сад' (ср. *ит.* giardino). Французский заимствовал из испанского военные термины: *фр.* adjudant < < *исп.* ayudante 'помощник', слова из сферы политики, торговли.

Территориальное соседство, торговые и культурные контакты обеспечили взаимное влияние испанского и португальского языков.

В румынском языке, начиная с XIX в., происходит обогащение лексики за счет многочисленных заимствований из французского вследствие литературных подражаний (многие румынские писатели и филологи получили образование во Франции), а также влияния французской науки и литературной критики: *рум.* a copia <*фр.* copier 'копировать, подражать', *рум.* tablou <*фр.* tableau 'картина', *рум.* tandrețe <*фр.* tendresse 'нежность' и т.д. Гораздо в меньшей степени сказалось на румынском итальянское влияние.

Контакты и взаимовлияние романских языков в период их становления и развития способствовали, наряду с латинскими заимствованиями, сближению этих языков.

§ 53. Хронологические и социальные факторы образования романских языков. Проблема формирования различных романских языков из единого источника — латыни не исчерпывается теорией стратов. Более того, многие лингвисты не только не отводили этой теории должного места в ряду других теорий, но отрицали ее, выдвигая свои гипотезы.

Одной из них была выдвинутая в XIX в. Г. Грёбером так называемая хронологическая, или историческая, теория, сущность которой заключалась в следующем. Процесс романизации римских провинций охватывал свыше трех столетий. За это период сама латынь претерпела определенные изменения. То, что сардинский язык имеет ряд черт, отсутствующих в других романских языках, объяснялось Г. Грёбером как следствие архаичности латыни в период завоевания Сардинии (конец III в. до н. э.). В сардинском языке сохранилось различие ĕ и ĭ, ŏ и ŭ в ударной позиции (ср. *сард.* fĕde, bŭkka и *ит.* fede, bocca), k перед e, i (*сард.* kimbe, kentu, *ит.* cinque, cento), сохранились конечные s и t (*сард.* tempus, tirat, *ит.* tempo, tira). В старофранцузском наблюдалась только последняя особенность (произношение конечных s, t). В итальянском и румынском эти явления отсутствуют. Отсюда делался вывод, что ĭ перешел в ę, а ŭ в ǫ уже после завоевания Сардинии, конечный t отпал после завоевания Галлии, конечный s — перед завоеванием Дакии и т.д. На основании подобных наблюдений был состав-

лен хронологический перечень провинций (по мнению исследователя, в латинском языке каждой из этих провинций последовательно отражались ступени его эволюции): Сардиния, Испания, Португалия, Каталония, южная Франция, северная Франция, Реция, Дакия, Италия. Грёбер писал: «Расчленение романских языков, таким образом, является древним. Оно началось со времени романизации первой внеиталийской провинции и совершалось при завоевании каждой новой области романского языка снова; язык первых римских поселенцев в этих областях каждый раз оказывался исходным пунктом для отдельных романских языков; он смог предохранить себя от языка позднейших пришельцев, ассимилировать себе этот последний и, не подвергаясь его фонетическому влиянию, развиться в романский»[1].

Автор исходил из возможности полной политической, экономической и языковой изоляции колоний, не учитывая реального положения вещей: при активных контактах римских провинций со столицей государства – Римом, при перемещении в провинции новых масс поселенцев, направлении туда военных отрядов при смешанных браках и т.п. латынь провинций не могла оставаться изолированной и застывшей. Поэтому с помощью теории Грёбера можно объяснить отдельные различия в романских языках, но трудно выявить причины этих различий.

Большое внимание при объяснении причин возникновения романских языков уделяется социальным факторам. К ним относят распад Римской империи на отдельные области и самостоятельность дальнейшего исторического развития каждой из них.

На факт изоляции друг от друга частей бывшей Римской империи указывал автор другой гипотезы В. Мейер-Любке. Его внимание также привлек факт своеобразного фонетического развития сардинского языка (например, сохранение i, u; сохранение k перед e, i). В отличие от Грёбера, однако, Мейер-Любке объяснял фонетические особенности сардинского изоляцией Сардинии от остального латиноязычного мира в результате ее завоевания в VI в. вандалами. Он считал, что именно вследствие этого в сардинский язык не вошли позднейшие инновации, отразившиеся в других романских языках. Распад Римского государства Мейер-Любке рассматривал как решающий фактор формирования романских языков[2].

Социальными факторами объяснял образование романских языков Г. Муллер. По мнению исследователя, на территории бывшей Западной Римской империи до конца VIII – начала IX вв. сохранялось общеразговорное латинское койне, благодаря активному общению между собой жителей разных областей этого обширного региона. Регулярные контакты обусловливались такими сторонами общественной жизни, как торговля, колонизация Романии варварами, распространение христианства, паломничества верующих к христианским «святыням» в Иерусалим и т.п. Феодальное раз-

---

[1] *Gröber G.* Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. – Leipzig, 1884. – T. 1. S. 213.

[2] *Meyer Lübke W.* Einführung in das Studium der Romanischen Sprachwissenschaft. – Heidelberg. – 1901. – S. 106.

дробление бывшей империи Карла Великого в IX в. послужило причиной разделения населения на маленькие самостоятельные изолированные группы, что не могло не сказаться и на языке: романский (так Муллер называет латынь позднего периода) распался на множество местных говоров, ставших основой средневековых диалектов. Таким образом, Муллер утверждает, что экономическая и политическая самостоятельность бывших римских провинций явилась основным фактором, обусловившим независимое развитие языка на этих территориях[1].

Социолингвистическому аспекту проблемы возникновения романских языков уделяется значительное внимание и в настоящее время (Г.В. Степанов, В. Вэнэнен, Б. Мальмберг): внедрение инноваций, возникающих в речи, в систему языка объясняется причинами социально-экономического порядка.

§ 54. Факторы образования романских языков (обобщение). Ни одна из приведенных теорий сама по себе не объясняет факта образования на единой языковой основе множества языков, характеризующихся значительными расхождениями. Однако каждая из них в той или иной мере способствует решению этой сложной проблемы.

В настоящее время формирование романских языков объясняется взаимодействием ряда социолингвистических факторов:

время завоевания данной области Римом, отражающее этап развития самой латыни в период романизации;

способ романизации данного ареала («городской» – школа, администрация, приобщение местной знати к римской культуре; «сельский» – колонии латинских или италийских поселенцев, в основном бывших воинов);

характер субстрата и степень его воздействия на латинский язык;

степень интенсивности политических, экономических, культурных контактов данной области с центральной Италией и соседними романскими ареалами в период расцвета Римского государства;

время изоляции данной романизованной области от центральной Италии в период распада Римской империи;

характер суперстрата и степень его воздействия;

характер адстрата и степень его воздействия.

Вместе с тем, формирование романских языков является результатом развития внутриязыковых тенденций, прослеживавшихся уже в народной латыни, начиная с самых ранних этапов ее существования (см. §§ 23–25). Общие тенденции проявились по-разному в каждой романизованной области (ср. разные формы артикля в романских языках, различия в формах местоимений, способах образования глагольных времен и т.п.). Своеобразие романских языковых систем объясняется в подобных случаях внутриязыковыми процессами (подробно см. часть III настоящей книги).

---

[1] *Muller H.F.* A chronology of vulgar Latin. – Halle (Saale), 1929. – P. 7.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Первые письменные свидетельства романских языков — это юридические документы: произносимые войском клятвы во Франции, показания свидетелей из народа по поводу земельной собственности итальянского монастыря Монтекассино и т.д. Тексты на романских языках появляются в IX–X вв. В это время развитие новых государственных и экономических отношений влечет за собой распространение народных говоров в разных сферах общественной жизни[1].

§ 55. Французский язык. Первый текст на романском языке датирован серединой IX в. и возник на территории Франции. Это знаменитые «Страсбургские клятвы». Текст «Клятв» дошел до нас благодаря сочинению историка Нитхарда (ум. 844 г.), бывшего свидетелем этого события.

В 842 г., в ходе усобиц между внуками Карла Великого два брата — Людовик Немецкий и Карл Лысый — заключили под Страсбургом соглашение о борьбе с Лотарем, старшим братом, принявшим императорский титул. Людовик Немецкий был королем восточных франков, говоривших на немецком языке; Карлу Лысому принадлежала западная часть, где был распространен галло-романский язык. Скрупулезность процедуры соответствовала политической важности события. Сначала каждый из королей обратился к своим воинам на языке, который они могли понять: на немецком Людовик, на романском — Карл (alter teudisca alter romana lingua); затем, чтобы клятва была понята противоположной стороной, правители поклялись: Людовик на романском (romana lingua), Карл на немецком (teudisca lingua). Наконец, клятву дали войска (utrorumque populus), прибегнув каждое к своему языку (quique propria lingua).

Нитхард излагает события на латинском языке, но текст клятв, в котором необходима точность, чтобы избегнуть неверных толкований, записан им так, как он был произнесен.

Приведем отрывок из древнейшего документа на романском языке — клятву Людовика:

Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, d'ist di in avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvarai eo cist meon fradre Karlo, et in ajudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar dift,

---

[1] А.А. Касаткин, отметив, что первые письменные памятники романских языков являются по преимуществу юридическими документами, выдвинул тезис о наличии связи истории языка с историей права. Именно правовые вопросы в первую очередь нуждались в письменной фиксации на языке, понятном широким слоям общества. См.: *Касаткин А.А.* История языка и история права (на материале некоторых романских языков) // Изв. АН СССР / Сер. лит-ры и языка. – 1964. – Т. 23. – Вып. 2. – С. 113.

in o quid il mi altresi fazet, et ab Ludher nul plaid nunqua prindrai, qui, meon vol, cist meon fradre Karle in damno sit[1].

– «Ради любви к богу и ради христианского народа и нашего общего спасения отныне и впредь, насколько бог даст мне знания и сил, я буду поддерживать этого моего брата Карла помощью и всем остальным, так как по справедливости должно поддерживать своего брата, при условии, что он будет поступать так же по отношению ко мне, а с Лотарем никогда не заключу никакого соглашения, которое по моей воле обернулось бы ущербом для этого моего брата Карла».

Язык клятв значительно отличается от последующих текстов своей архаичностью (сохранение ударного а в открытом слоге: fradre, salvar, returnar; отсутствие романских дифтонгов: Deo, poblo; сохранение [k] перед a: Karlo, cadhuna, cosa; передача с помощью i, u дифтонгов ei, ou, развившихся из латинских гласных e, o, что было характерно уже для VIII в.: savir < sapere, podir < potere, dift < debet, amur < amorem, dunat < < donat). Некоторые исследователи даже называют язык «Клятв» «предфранцузским».

По ряд фонетических особенностей «Страсбургских клятв» служит наглядным доказательством того, что этот текст действительно является памятником романского языка. Так, в большинстве слов исчезли все постонические гласные, кроме a. Сравнивая оставшиеся варианты: Karlo и Karle, fradre и fracta, нетрудно заметить, что буквы o, e и a представляют один и тот же звук, скорее всего, неясный гласный [ə], в совр. фр. e muet. Другой западнороманский признак – озвончение или спирантизация интервокальных взрывных согласных savir < sapēre, dift < dēbet, podir < potēre, fradra < fratre(m), ajudha < adjuta. Еще одна французская черта – введение так называемого эпентетического (вставного) согласного между шумн плавными, не могущими образовать надежной слоговой границы: sendra < < senior. Из морфологических и синтаксических черт необходимо отметить двухпадежное склонение: *Nom.* Deus, Karlus, Lodhuuigs, *Acc.* Deo, Karlo, Lodhuuig; развитие неопределенного местоимения om < homo; будущее нового романского построения salvarai, prindrai. Старофранцузской чертой является также употребление si < sic, вводящего глагол, не сопровождаемый личным местоимением: si salvarai. В словаре «Клятв» привлекают внимание впервые появляющиеся di < diem, ajudha (существительное, образованное от народнолатинского глагола adjutare), cadhuna < cata una.

К концу IX в. во Франции появляется литературный текст на романском языке – «Секвенция о св. Евлалии», короткий гимн из 29 строк, посвященный христианской мученице конца III – начала IV в. Евлалии из Мериды:

Buona pulcella fut Eulalia,
bel auret corps, bellezour anima.

«Хорошая девушка была Евлалия,
имела прекрасное тело и еще более
прекрасную душу.

[1] Тексты в этой главе в основном цит. по: *Tagliavini C.* Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. – Bologna, 1972; *Menéndez Pidal R.* Orígenes del español. – Madrid, 1964.

Voldrent la veintre li deo inimi, voldrent la faire diaule servir	Враги господа хотели одолеть ее, хотели заставить ее служить дьяволу» и т.д.

В языке отрывка прослеживаются народнолатинские черты, форма auret < plqp. habuerat; bellezour < *bellatiorem сохраняет латинский суффикс сравнительной степени прилагательного. В тексте много латинизмов: Eulalia, anima, inimi < inimici. Но наряду с этим можно отметить и романские формы: corps < corpus, voldrent < plqp. voluerant, veintre < vincere.

Ранняя французская литература представлена в основном религиозными жанрами. Кроме «Секвенции о св. Евлалии», это – комментарий к латинской «Проповеди о пророке Ионе», поэма «Страсти Христовы» и «Житие св. Леодегария» (X в.), «Житие св. Алексея» (XI в.).

В XI в. возникает исторический жанр – героический эпос, представленный дошедшими до нас примерно 90 поэмами, из которых древнейшие сохранились в записях XII в. («Песнь о Роланде»), а наиболее поздние относятся к XIV в.

«Песнь о Роланде» дошла до нас в двух редакциях: в стихах, построенных на ассонансах[1] (Оксфордская рукопись, середины XII в., и венецианская, XIV в.) и в рифмованных стихах» (рукописи XIII–XIV вв.) Архетипа (первой записи поэмы) не сохранилось.

Вот несколько строк из древнейшей Оксфордской рукописи (ст. 1753 сл.):

Rollant ad mis l'olifan a sa buche
Empeint le ben, par grant vertut le sunet.
Halt sunt li pui e la voiz est mult lunge,
Granz trente liwes l'oïrent il respundre.
Karles l'oït et ses cumpaignes tutes.
Co dit li reis: 'Bataille iun: nostre hume!

«Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднес ко рту и затрубил с усильем,
Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнесся миль на тридцать.
Французы слышат, слышит Карл Великий.
Он молвит: Наши с маврами схватились».

(пер. Ю.Б. Корнеева)

§ 56. Провансальский язык. Первые тексты на провансальском языке (об истории термина см. § 4) появляются довольно рано. Отдельные слова и фразы встречаются уже в документах VIII–IX вв.

Самый древний из сохранившихся юридических документов, целиком написанный на провансальском, относится к 1102 г. (сохранился в архиве департамента Авейрон) и является нотариальным актом.

[1] Ассонанс – неполная рифма, основанная на тождестве ударных гласных при несовпадении согласных звуков стиховых окончаний.

...Tota equesta honor qu'aissi es scripja qu' Ademars Odt â et tota l'altra que scripja nó es qu'Ademars â, los feusals et las aventuras e las domenpaduras c'a ni avenir li devo assi con aquesta honres scripja es tota ni clerches legir la i pot, assi la dona Ademars Odt a Willemma se filla vocatda, ed at Arnal, fil de Chidenelz, et al(z) efanz c'Arnalz de Guillema aura, essez doas versanas que gadaret de Ramun Passarode...

«Все эти имения, которые описаны здесь, которые принадлежат Адемару Оддоне, и все остальные, которые не описаны, которые принадлежат Адемару, феодальные и второстепенные права и права владения, которыми он обладает или которые должны к нему перейти, и так, как все эти владения описаны и ученый может (их) прочесть, так Адемар Оддоне дарит их своей дочери Вильгельме и Арнальду, сыну Хиценильды, и детям, которых Арнальд будет иметь от Вильгельмы, кроме двух косогоров, которые он получил в залог от Рамуна Пассароде».

Первыми памятниками провансальского языка и литературы считаются относимые к XI в. поэма «Боэций» («Boëcis»), от которой остался фрагмент из 257 стихов, и «Песнь о святой вере» («Chanson de sainte Foi»), состоящая из 593 строк. XI–XII веками датируются также несколько прозаических и стихотворных текстов религиозного содержания.

Вот несколько строк из поэмы «Боэций»:

V Coms fo de Roma e ac ta gran valor
Aprob Mallio lo rei emperador:
El era'l meler de tota la onor
De tot l'emperi'l tenien per senor.
Mas d'una causa u nom avia genzor
De sapiencia l'apellaven doctor...

«Был римским консулом[1] и занимал очень высокое положение Маллий при короле-императоре. Он был лучший из всех. Во всей империи он был известен тем, что его называли доктором мудрости...».

Языковые особенности текста: отсутствие спонтанной дифтонгизации (meler, senor, genzor < genitiorem); сохранение латинского дифтонга au (causa); редкие дифтонги, возникшие из соединения гласного с j (rei); утрата конечного n (ta <tantum); флексия 3-го л.мн. ч. -en (tenien, apellaven); сохранение двухпадежного склонения (méler-*Nom.*, genzor – *Acc.*); перфектные формы, оканчивающиеся на -c или -g (ac).

В XI в. начало складываться провансальское литературное койне, которое окончательно утвердилось в следующем веке, в поэзии трубадуров.

Ф. Энгельс писал о том, что старопровансальская «поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан... Она не только «блестящим образом» развила «одну фазу средневековой жизни», но вызвала даже отблеск древнего эллинства среди глубочайшего средневековья»[2].

---

[1] Типичное для средневековья смешение терминов consul и comes.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 5. – С. 378.

«Отблеском древнего эллинства» Ф. Энгельс назвал поэзию старопровансальских трубадуров, бросивших вызов аскетизму средних веков. В любовной лирике провансальских поэтов человеческое чувство стремится обрести свои права, расшатывая сословные преграды. Язык лирики трубадуров был если и не абсолютно единым, то по крайней мере общим и взаимопонятным. Он не соотносился ни с одним из отдельных диалектов, но вобрал в себя их общие черты.

Бернарт де Вентадорн (Bernart de Ventadorn):

Tant ai mon cor ple de joya
Tot me desnatura
Plot blanchia, vermelh'e groya
Me par la frejura
C'ab lo ven et ab la ploya
Me ereis l'aventura,
Per que mas gretz mont'e poya
E mas chans melhura.

«У любви есть дар высокий,
Колдовская сила,
Что зимой, в мороз жестокий
Мне цветы взрастила.
Ветра вой, дождя потоки —
Все мне стало мило.
Вот и новой песни строки
Вьются легкокрыло.»

(пер. Вал. Дынника)

§ 57. Каталанский язык. В Каталании, как и в других западных романских областях, в документах, составленных на латыни, довольно рано появляются элементы разговорного народного языка.

От раннего периода, вплоть до XII в., до нас дошли лишь смешанные латинско-каталанские тексты, в которых каталанский представлен отдельными лексическими и грамматическими элементами. Среди первых документов, целиком написанных на каталанском, — «Forum Judicum» («Свод законов», инвентарный список и некоторые другие тексты (первая половина XII в.).

Древнейший литературный памятник на каталанском — это фрагмент книги проповедей церкви Органья епархии Уржель («Homelies d'Organyà»), датируемый концом XII—началом XIII вв.: Qar enaixí trobam qe él dejunà. XLa dies (e) XLa nuitz, que ane no beg ne mengá, et enaprés sí ag fam. S(einors) él no dejunà gens per zo que él agés peccad feit per qué él degés fer penitència ni degés dejunar, mas per exemple o fét de nós, e per zo que nós dejunàsem per los nostres peccads. — «Между тем, как считают, он постился 40 дней и 40 ночей и ничего не пил и не ел, и после этого почувствовал голод. Синьоры, он ничего не ел не потому, что он совершил грех и должен был каяться и поститься, но он сделал это, чтобы показать нам пример и чтобы мы постились из-за наших грехов».

Из языковых особенностей можно отметить отпадение конечного n (pa < pane *nt*); выпадение заударных гласных (peccads < *нар. лат.* peccatos); отсутствие дифтонгов на месте латинских ударных e, o (om < < homo, pedres > petras); переход ct > it, как во французском и португальском (nuitz < noctes, feit < factum) и некоторые другие. Тесные каталано-провансальские контакты, чему немало способствовала территориальная близость, явились причиной того, что вплоть до конца XII в. каталанская литература создавалась на провансальском.

Возникновение литературного каталанского языка связано с именем

Рамона Льюля (Ramon Llull, *лат.* Raimundus Lullius, 1233 ~ 1235–1315). Льюль был одной из выдающихся фигур средневековой схоластики. Он развивал идею единства религии и разума. Льюль написал также целый ряд собственно научных сочинений по медицине, астрономии, физике и т.д. Проза Льюля отличается богатством лексики, сочетающей народные элементы, латинские заимствования и неологизмы. Синтаксис его близок к современному.

Вот отрывок из его «Книги чудес» («Llibre de meravelles»), из главы «О животных» («De les besties»):

Un corb faia son niu en una roca, e tots anys una gran serpent menjava-li sos fills. Lo corb havia molt gran ira de la serpent qui sos fills li menjava, e no es gosava combatre ab la serpent, per ço cor no era tan poderós, que la pogués vençre per força d'armes. Aquell corb cogità que s'ajudàs ab mestria de la serpent, pus que força li fallia... – «Один ворон устраивал свое гнездо на скале, и каждый год большая змея пожирала его детенышей. Ворон был очень разгневан на змею, которая сожрала его детенышей, но не хотел сражаться со змеей, поскольку он не был так силен, чтобы победить ее в бою. Этот ворон подумал, что он постарается победить змею ловкостью, поскольку силы у него не хватает...»[1].

Первые стихи на каталанском языке появились в XV в. Это была поэзия Аузиаса Марка (1395?–1459?), одного из основоположников каталанского поэтического языка.

§ 58. Испанский язык. Наиболее древние свидетельства испанского языка датируются X веком. Это жизнеописания «отцов церкви» и молитвы на латинском языке с большим количеством глосс на испанском – «Эмилианские глоссы», получившие это название по Сан-Мильянскому монастырю в западной части провинции Логронью, где была найдена рукопись, и, видимо, созданные в то же время, но обнаруженные в рукописи XI в. в Силосском монастыре в Кастилии так называемые «Силосские глоссы».

Ниже приводится отрывок из «Эмилианских глосс»:

Conoajutorio de nuestro dueno, dueno Christo, dueno Salbatore, qual dueno get ena honore, equal duenno tienet ela mandatjone cono Patre cono Spiritu Sancto, enos sieculos delosieculos. Facanos Deus omnipotes tal serbitjo fere ke denante ela sua face gaudioso segamus. – «С помощью нашего господа, господа Христа, господа спасителя, который имеет славу и власть с отцом и святым духом во веки веков. Господь всемогущий, яви нам эту милость, чтобы пред твоим ликом мы были радостны».

В этом отрывке интересны формы определенного артикля в сочетании с предлогом con и en, где артикль утрачивает l, как в португальском: ж. р. a, м. р. o, os (cono, ena, enos). Всеобщий характер носит дифтонгизация открытых гласных (tienet < tenet, sieculos < saeculos, dueno < dominum, nuestro < nostrum). Инфинитив facere через промежуточную форму faire

[1] См.: *Вольф Е.М.* Развитие каталанской прозы в XIII–XIV вв.//Формирование романских литературных языков. – М., 1984. – С. 28–29.

сведен к fere. Интервокальные глухие взрывные согласные сохраняются (patre, sieculos).

Из текстов, целиком написанных на испанском, наиболее древний (около 980 г.) – инвентарный список кладовщика из монастыря Сан Хусто и Пастора Рогуэля (Леон); текст сильно испорчен.

В следующем, XI в. юридические документы составляются по-прежнему на латыни, в которой много романских элементов:

De illa partigen que feci senigor Sango Garceez. Ad Galino Acenaresce era lorika, ero kabalo, era espata. Ad Sango Scemenones ero kabalo, era mula, era espata, ero ellemo... ARrapun e Sango pascanlos e bestanlos, tanto usque pan posean deredemere. Ad illos mansepos de sua masonata a kien.IIII. mesuras, ad kien .V. mesuras; ad Sango dArbaniese mes de illos alios... «Касательно раздела собственности, который сделал сеньор Санчо Гарсиа: Галино Асенаресу – кирасу, лошадь, меч. Санчо Хименесу – лошадь, мула, меч, шлем... Рапуну и Санчо – пусть их кормят и одевают, пока они не смогут добывать свой хлеб. Слугам его дома – кому 4 меры, кому 5. Санчо д'Арбаниесу – больше, чем другим...».

Старейшие документы практического содержания на испанском языке, так называемые fueros (записи прав и привилегий), датируются XII веком. Вот образчик такого текста из «Los Fueros de la Novenera», XII в.:

De pastor, cómo deue catar oueillas. Nuyll ombre qui oueillas cate de seynnor et sea pastor, ha se de leuantar de nueytes tres uezes et ha de leuantar las oueillas tres uezes et con su iura ha a seer creydo; et si non lo faze, ha a peytar la oueilla[1]. – «О пастухе, как он должен стеречь овец. Любой человек, который стережет овец господина и является пастухом, должен подниматься ночью три раза и поднимать овец три раза, и он клянется, а ему должны поверить; а если он не делает этого, то должен уплатить овцу».

В середине XII в. (около 1140 г.) появляется и эпическая поэма на кастильском, – «Песнь о Сиде» («Cantar de mio Çid») – сказание о подвигах героя средневековой Испании, участвовавшего сначала в борьбе Кастилии за политическую гегемонию, а затем за освобождение Испании от мавров, выходца из высшей кастильской знати, Родриго Диаса (Сид – слово арабского происхождения, означающее «господин»). «Песнь о Сиде» сохранилась в единственной рукописи 1307 г.

1000 Todos son adobados quando mio Çid esto ovo fablado
las armas avién presas e sedién sobre los cavallos.
Vi[dí]eron la cuesta yuso la fuerça de los francos;
al fondón de la cuesta, çerca es de'llaño,
mandólos ferir mio Çid, el que en buen ora nasco;
esto fazen los sos de voluntad e de grado;

[1] В средневековой графике латинского и романских языков буква u могла обозначать v и u, но обозначало v, i обозначало и i, и j. Подробнее см. об этом: *Гак В.Г.* Французская орфография. – М., 1985. – С. 38–39.

los pendones e las lanças tan bien las van empleando,
a los unos firiendo e a los otros derrocando.

1013 «Чуть Сид окончил речь, как все вооружились,
Взялись за оружье, на коней вскочили.
Видят: мчится по склону вся франкская сила.
У подножья холма, подле самой долины,
Велит рубить мой Сид, что в час добрый родился;
С любовью и охотой рубится дружина.
Так ловко орудуют и мечом, и пикой –
Кого проколют, кого с лошади скинут»

(пер. Б.И. Ярхо, перераб. И.Б. Корнеевым и А.А. Смириновым)

§ 59. Португальский и галисийский языки. Давние связи Галисии с Португалией привели к тому, что в языках этой части полуострова развился ряд общих черт. Язык древнейших памятников обеих стран тождествен, несмотря на то, что в середине XII в. Португалия обрела самостоятельность, в то время как Галисия осталась в составе Испании. Поэтому, рассматривая древние тексты, невозможно отделить португальский от галисийского.

Древнейшими галисийско-португальскими текстами считаются «Записка о несправедливости» («Noticia de Torto», черновая запись жалобы, до 1211 г.) и «Завещание Афонсу II» («Testamento de D. Afonso II», 1214 г.): ... Primeiramente, mãdo que meu filio infante Don Sancho que ei da raina Dona Orraca agia meu reino entegramente e en paz. E ssi este for morto sen semmel, o maior filio que ouuer da raina Dona Orraca agia o reino entegramente e en paz. — «Прежде всего, я завещаю, чтобы мой сын инфант Дон Саншу, рожденный (букв.: которого я имею) от королевы Доны Орраки, получил мое королевство целиком и мирно. И если он умрет, не оставив наследников, то старший сын, который у меня будет от королевы Доны Орраки, пусть получит королевство целиком и мирно»[1].

В этом тексте уже проглядывают основные романские черты, характерные для языка в XII–XIII вв. Латинское указательное местоимение illu(m), illa(m) утратило l, в результате чего образовались формы ж. р. a, м. р. o (орфография формы м. р. o). Эти формы служат и как определенный артикль, и как местоимение. В отличие от испанского, здесь нет дифтонгизации полуоткрытых гласных (morto, *исп.* muerto). Довольно частым является употребление дифтонга ei, возникшего из ē + j, а также из a + j, через этап ai (ei < habeo). Латинский дифтонг au остался на стадии ou (ouuer < habuero). Следует отметить также палатализацию согласных (agia < habeat, segia < sedeat), модификацию гласных под влиянием носового (mãdo = mando).

---

[1] См.: *Вольф Е.М.* Формирование романских литературных языков. Португальский язык. – М., 1983. – С. 37.

Начало формирования литературного языка в его письменной форме относится к первым десятилетиям XIII в. Это галисийско-португальская поэзия трубадуров, сложившаяся не без влияния провансальской и французской лирики. Многочисленные cancioneiros («песенники») явились первыми памятниками галисийско-португальской литературы и литературного языка. Они служили образцами для поэтов соседних стран.

Пай Соареш де Тавейруш (Pay Soarez de Taveiroos, середина XIII в.):

Como morreu quen nunca ben
ouue da ren que mais amou

e quem viu quanto receou
d'ela e foy morto por en,
ay, mia senhor, assi moyr'eu!

«Как умер тот, кто никогда ничего
хорошего не видел от той, которую
больше всего любил,
но имел от нее все, чего он опасался,
отчего он и умер,
ах, моя синьора, так умру и я!»

Когда исторические пути Галисии и Португалии расходятся, появляются и расхождения в этих языках (см. § 4, 6).

§ 60. Итальянский язык. Первым памятником итальянского языка считают «Веронскую загадку» («Indovinello veronese»), обнаруженную в молитвеннике VIII или IX вв. в Вероне:

Se pareba boves, alba pratalia araba,
albo versorio teneba, negro semen seminaba

(ред. А. Монтеверди)

— «Готовились быки, пахали белое поле, тянули белый плуг, сеяли черное семя» (бумага, перо и буквы).

Ряд языковых особенностей позволяет утверждать, что это — текст из области Венето: versorio соответствует versor 'плуг' в диалекте Венето; переход a > e (paraba > pareba) редок в современном венетском, но встречался, хотя и редко, в древних текстах. Окончание мн. числа -s (boves) — видимо, латинизм. Вышли из употребления впоследствии слова albus 'белый' (заменено на *герм.* blank), pratalia 'луг' (это слово сохранилось только в топонимике: Praglia (Padova), Pradaia (Trento). Уже в народной латыни отмечался и зафиксированный в тексте переход i > e (nigrum > negro). Эти латинизмы служат основанием для определения некоторыми учеными языка «Веронской загадки» как «полународного».

Следующий памятник — формулы свидетельских клятв конца X в., сохранившиеся в архиве бенедиктинского монастыря Монтекассино. Первая из них, включенная в латинский текст «Капуанской тяжбы» («Placito capuano») 960 г., выглядит так: Sao ko kelle terre, per kelle fini que ki conte-ne, trenta anni le possette parte Sancti Benedicti. — «Я знаю, что эти земли в этих границах в течение тридцати лет принадлежат монастырю св. Бенедикта».

Во всех формулах свидетельских клятв прослеживаются диалектные особенности южной Италии: sao (ср. *ит.* so), ko < quod (ср. *ит.* che < quid), kelle < eccu illae (ср. *ит.* quelle и *неапол.* kidde, где e > i, ll > dd).

К древним итальянским текстам относится также надпись конца XI в. в нижней базилике церкви Сан-Клементе в Риме; формула умбрской исповеди XI в., найденная в рукописи из монастыря Сан-Эутицио в Норча – в настоящее время хранится в библиотеке Валличелли в Риме; тосканский шутовской напев XII в., хранящийся в Лауренцианской библиотеке во Флоренции. От XII в. сохранился целый ряд текстов, а памятниками XIII в. практически располагают уже все области Италии.

К концу XII в. в Италии впервые появляется литература на вольгаре. XIII в. отмечен развитием лирической поэзии трех школ – сицилийской, болонской и тосканской. Каждая из этих школ внесла в формирующийся литературный язык свои диалектные черты. Основой же итальянского литературного языка стал тосканский диалект. К тосканской школе принадлежали лучшие поэты того времени и прежде всего Данте (1265–1321).

«La divina commedia», Purgatorio, canto XXX, 22 ss.:

Io vidi già nel cominciar del giorno
la parte oriental tutta rosata,
e l'altro ciel di bel sereno adorno:
e la faccia del sol nascere ombrata,
sì che, per temperanza di vapori,
l'occhio la sostenea lunga fiata:
così dentro una nuvola di fiori
che dalle mani angeliche saliva
e ricadeva in giù dentro e di fori,
sovra candido vel cinta d'uliva
donna m'apparve, sotto verde manto
vestita di color di fiamma viva» [1].

«Божественная комедия», Чистилище, песнь XXX, 22 сл.:

«Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,
И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око, –
Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетевших и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,
В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огнеалом.»

(пер. М. Лозинского)

[1] *Dante.* – Verona, 1965. – P. 295.

Благодаря творчеству Данте и его филологической деятельности (см. § 112) в Италии к 1300 г. сложился поэтический литературный язык, названный поэтом volgare illustre («De vulgari eloquentia», II. I), в дальнейшее развитие которого внесли большой вклад Франческо Петрарка (1304–1374), Джованни Боккаччо (1313–1375) и другие поэты и писатели эпохи Возрождения.

Во второй половине XIII в. и в XIV в. в Тоскане создается также богатая и разнообразная проза на вольгаре: новеллы, хроники, речи, ученые трактаты, переводы с классической и средневековой латыни и с французского. В XV в. проза создается и на других итальянских диалектах. Пьетро Бембо (1470–1547) не только создал прекрасные образцы прозы на тосканском диалекте, но и обосновал выбор тосканского в качестве литературного языка теоретически в сочинении «Проза на народном языке» («Prose della volgar lingua»).

§ 61. Сардинский (сардский) язык. До нас дошло очень много древних текстов на народном языке (в основном — юридические документы), большинство из которых относится к XI–XII вв. Одной из причин такого изобилия, может быть, является слабое распространение латинской образованности в этой части Романии.

Наиболее интересны текст «Логудорской привилегии» (1080–1085 гг.), сохранившийся в Государственном архиве Пизы, нотариальный документ из Кальяри (1089–1103 гг.), хранящийся в Марселе, а также так называемые condaghi — юридические акты и списки документов, хранившихся в церквах и монастырях (XII–XIII вв.).

Вот несколько строк из «Логудорской привилегии»:

Ego iudice Mariano de Lacon fazo istă carta ad onore de omnes homines de Pisas pro xu toloneu ci mi pecterunt: e ego donolistu pro ea lis so ego amicu caru e itsos a mimi: ci nullu imperatore ci lu aet potestare istù locu de non apat comiatu de leuatelis tolonetì in placitu: de non occidere pisanu ingratis... — «Я, судья Мариано из Лакони, составляю этот документ для всех людей Пизы, ради (избавления от) пошлины, о чем меня попросили. И я уступаю им, потому что я им дорогой друг, а они мне. Чтобы никакой правитель, который будет обладать властью в этом месте, не смог ни отнять у них это (освобождение от) пошлины, данное постановлением, ни убить необоснованно пизанца...».

Бросается в глаза архаичность языка сардинского текста по сравнению с другими романскими памятниками: например, сохранение g в слове ego, конечного — t и др. Любопытна форма itsos: видимо, произносилось issos и еще не забылось istos. Написание ci < qui (ср. *ит.* chi) служит свидетельством сохранения латинского велярного согласного в этой позиции.

А вот отрывок из «Condaghe de S. Nicola de Trullas» (XII–XIII вв.), в нем говорится о земельных владениях монастыря:

... et d'essit totube bia usce apprope dessu bulbare de Formicosu, ube se furcan sas bias, et lehat totube sa bia manca usce a funtana d'Ulumos et collat totube su ribu usce assu badu ube fuit sa petra ficta, ube lunpan sos de Puzupassaris a cKelemuli, et abe su badu lebat derectu isce ad agitu de ianas, abinde

totube bias usce assu ribu siccu, ube parzian de pare cun sos de Azer et falat totube ribu usce assu badu d'Uras e celudet...

– «... (земля) тянется вдоль дороги по овчарни Формикозу, где дороги расходятся, и уходит влево вдоль дороги до источника у вязов и спускается к броду, где лежал камень, где граничит с землей Путупассариса из Кепемули, и от брода идет прямо к Аджиту де Янас, а оттуда по дороге до высохшего ручья, где граничит с землей Атенов, и спускается вдоль реки до брода Урас и заканчивается...».

Диалектные черты, прослеживающиеся в ранних сардинских текстах, свидетельствуют о том, что в это время уже начал складываться, на базе логудорского диалекта, сардинский (сардекий) язык.

§ 62. Ретороманский язык. В понятие «ретороманский язык» включаются различные диалекты (говоры), распространенные на территории старой римской провинции Реции (см. §§ 4, 7).

Древнейшим письменным свидетельством ретороманского языка (не считая Кассельских глосс, датируемых началом IX в., в которых некоторые ученые усматривают ладинские черты) является интерлинеарный перевод проповеди псевдо-Августина, принадлежавший монастырю Эйнзидельн (начало XIII в.):

Afunda nusdestime tres causas, kare frares, per aquilla tuttlo seulo perdudo; aquil is gurdus et quil homo mopotesille et arcullus, ki fai diabulus per aquillas tres causas ille primaris homo cannao. Si plaida ille diauolus: in quali die quo uo manducado de quil linas, si uene sua uirtu fos ouli... – «...Особо нам следует бояться трех вещей, дорогие братья, из-за которых погиб весь мир: это обжорство, сладострастие и высокомерие; этими тремя вещами дьявол обманул первого человека, говоря: когда вкусите (плода) с этого древа, откроются глаза ваши...».

Текст невелик, это всего лишь 15 строк. Тем не менее, они дают наглядное представление о языковом типе, имеющем много общего с романским языком Галлии. Сохраняются конечное s, двухпадежное склонение, хотя уже встречаются нарушения этой системы. Романских дифтонгов еще нет. Интересен отбор латинской лексики: сохраняется decet, утерянное повсюду, в форме des: placitare 'говорить' в форме plaidar (совр. plidar, pledar). Типично ладинское слово afunda = avunda, avonda 'достаточно' (ср. *энг.* avounda, *фриул.* avonde <abunde).

Этот документ очень ценен, так как от последующих трех веков ничего не сохранилось. Лишь с творчеством Жана Траверса (Gian Travers, 1483–1563) начинается развитие ретороманской литературы, впрочем, почти не выходящей за рамки религиозной тематики.

Много текстов сохранилось в восточной части ретороманского ареала, во Фриули – одной из областей Италии; самый древний из них – реестр из Чивидале – датируется концом XIII в. Богато фриульское поэтическое наследие; самый ранний из сохранившихся образцов датируется 1380 г.:

Pinuç myó doç inculurit
quant yo chi vyot dut stoy ardit,

Per vo mi ven tant ardiment
e sì furç soy di grant vigor...

«Моя Пьерина, сладостная, прекрасная,
Когда я вижу тебя, я весь горю,
Ко мне приходит такая отвага,
И я становлюсь таким сильным», и т.д.

§ 63. **Румынский и молдавский языки.** Начиная с XV в. в письменных памятниках можно встретить следы народной восточнороманской речи. Имена и топонимы часто имеют романскую форму (с постпозитивным артиклем и в косвенных падежах): jude < *лат.* judex (1409 г.), Albul (1422 г.), voda Amarului, Bărbăteşti (1428 г.), lac < *лат.* lacus (1468 г.), cumnat < *лат.* cognatus (1469 г.), portar < *лат.* portarius (1474 г.), huor < < *лат.* bubalus (1479 г.) и т.д. Иногда романское влияние сказывается в синтаксисе и фразеологии текста.

Первым письменным свидетельством румынского и молдавского языков считается письмо боярина Някшу из Кымпулунга в Брашов, датируемое 1521 годом, в котором сообщается о движении турок по Дунаю. Все письмо написано кириллицей, которая использовалась вплоть до середины прошлого века. Вот отрывок из этого письма:

И пакъ дѫ цинрє домнїєтлле за лѫкрѫл тѫрчилор, цѫм амь ѫзуит єѫ къ ѧмпєратѫл ѫѕ єшит ден **Софїа** ши димінтрѣ нѫ є ши сѣѫ дѫс ѧсѫс пре **Дѫнъре**. **И** пакъ съ цїи домнїата къ дѫ венит ѫн шм де ла **Никопое** де мїє мѣѫ сиѫс къ ѫѕ къzѫт нѫ шкїи лои къ дѫ трецѫт чєле коравїи че цїи ши домнїата пре **Дѫнъре** ѧсѫс. **И** пакъ съ цїи къ багъ ден тоте шрашеле къте 50 де цмин съ фїе ѧн ажѫтор ѧ коравїи.

Латинская транскрипция:

...I **pak** dan ştire de(m)nietale za lucrul Turcilor, cum amŭ auzit en că împăratul au eşit den Sofija şi aimintrea nu e, şi seau dus în sus pre Dunăre. I pak să ştii domniiata că au venit un om de la Nicopoe de mîe meau spus că au văzut cu ochiĭ loi că au trecut ceale corabiĭ ce ştii şi domniiata pre Dunăre în sus. I pak să ştii că bagă den tote oraşele căte 50 de omin să fiz în ajutor în corabiĭ... – «...А также сообщаю Твоей Милости о делах с турками. Как я слышал, император выехал из Софии совершенно точно (букв. и не иначе) и отправился вверх по Дунаю. А также пусть Твоя Милость знает, что прибыл один человек из Никополя и сообщил мне, что он видел своими глазами, как прошли те корабли, о которых знает Твоя Милость, по Дунаю вверх. Также знай, что они берут из всех городов по 50 человек из каждого для помощи на кораблях...».

Бросаются в глаза изменения, ставшие характерными для румынского и молдавского языков: [kl] + гласный > [kj] (ochiĭ < *нар. лат.* ocli, *класс. лат.* oculi), s перед i > ş(eşit < *лат.* exitum) и др.

К XVI в. относится целая серия переводных религиозных текстов. Происхождение этих текстов одними исследователями связывается с распространением гуситской среди, выступавшей за ведение церковной службы на народном языке, и, таким образом, относится ко второй половине XV в. (Н. Йорга, И.А. Кандря и др.). Другие авторы относят эти тексты к началу XVI в., объясняя их возникновение лютеранской реформой, также, как известно, отстаивавшей употребление в церкви народных языков.

Литературный язык складывается в XVII–начале XVIII вв. Первые оригинальные памятники литературного языка – исторические хроники. Для примера приводится отрывок из хроники Иона Некулче (XVIII в.), содержащий портрет одного из правителей-господарей (приводится в латинской транскрипции):

Carte nu ştiè, ce numai iscălitura învăţasă de o făcè. Practică bună avè la voroavă, era sănătos, mîncа bine şi bè bine. Semne multe avè pe trup de la războaie, în cap şi la mîini, de pe cîndu fusese slujitoriu in Ţara Leşască. La stat nu era mare; era gros, burduhos, rumăn la faţă, buzat. Barba îi era albă ca zăpada. Cu boieriі trăiè pănă la o vreme, pentru că era om de ţară şi-i ştiè pe toţi, tot anume, pre careli cum era. Şi nu era mîndru, nici făcè cheltuială ţării, că era un moşneagu fară doamnă. – «Он не был образован, а только научился ставить подпись. Он хорошо умел говорить, был здоров, хорошо ел и много (букв.: хорошо) пил. У него было много военных ран на теле, на голове и на руках со времен, когда он служил в польском государстве. Он не был высокого роста. Был большой, пузатый, с красным лицом, губастый. Его борода была белой, как снег. С боярами у него было взаимопонимание до определенного момента, так как он был местный человек и знал их всех, даже по имени, каждого, каков он. И он не был высокомерен и не разорял страну, так как это был старик без жены».

§ 64. Далматинский язык. Известны две территориальные разновидности далматинского языка: северная (вельотский диалект – по названию острова Вельа, ныне Крк) и южная (рагузинский, или рагузанский диалект – по названию г. Рагуза, ныне Дубровник). В лингвистической литературе южную разновидность иногда подразделяют на собственно рагузинский и диалект г. Зары (ныне г. Задар). Немногочисленные письменные свидетельства южного диалекта относятся к XIII–XVI вв. Сведения о северном диалекте датируются XIX в.

Письменные свидетельства далматинского языка очень скудны. К наиболее ранним относятся прежде всего текст завещания X в., составленный на латинском языке, с вкраплением элементов народного языка. Много изолированных далматинских слов встречается в интентарном списке из г. Рагуза 1280 г.

Самые древние тексты, целиком написанные на далматинском языке, – это два письма из г. Зары XIV в. (1325 и 1397 гг.). Вот первые строки письма 1325 г.:

A ser Pom muruol canciler de Ragusa, Todru de Pomat d'Çara saludun cun oni uostru unur. A mi fo ditu qui lu frar d'maistru Nicola Murar si dimanda

rasun nanti la curti de Ragusa contra Franciscu, meu fiol, de s XX de g'r. li qual auis dat maistru Nicola a Franciscu p dur li a-mi... «Господину Пом, уважаемому канцлеру Рагузы. Годру де Фомат из Зары выражает свое почтение. Мне сказали, что брат магистра Николы Мурар возбуждает дело при дворе Рагузы против Франциска, моего сына, из-за 20 больших сольдов, которые магистр Никола дал Франциску для передачи мне...»

В этих строках встречаются характерные для далматинского языка переходы a и o в u в открытом слоге (saliduci < salutavit, anur < honorem, curti < cohorti). Для далматинского вообще характерно значительное изменение картины гласных по сравнению с латынью (см. § 8), обилие дифтонгов при консервативности и стабильности консонантизма. Латинский элемент силен также и в лексике.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СТРУКТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ФОНЕТИКА

Генетически родственные романские языки имеют много общих типологических черт в области грамматики, сохраняют относительное единство основного словарного фонда, доставшегося им по наследству от народной латыни, и обнаруживают максимальные расхождения в области фонетики. Так, романские «потомки» одного и того же латинского слова, имеющие одно и то же значение и одинаковые грамматические категории, настолько сильно расходятся по своей фонетической форме, что только знание исторической фонетики романских языков позволяет возвести их к одному латинскому этимону. Ср., например: *лат.* aqua > *исп.* agua, *рум.* apă, *фр.* eau; *лат.* filius > *ит.* figlio, *фр.* fils, *исп.* hijo; *лат.* oculus > *ит.* occhio, *исп.* ojo, *кат.* ull.

Дело в том, что звуки (фонемы), из которых состоит материальная оболочка слов, непосредственно не связаны со смыслом последних. Изменение значения слова в контексте не влияет на его звучание и, наоборот, фонетические вариации слова безразличны для его значения (ср. 'сейчас' – 'щас'). В случае необходимости облечь в звуковую форму новое понятие или дать имя новому предмету говорящие прибегают к уже готовым фонетическим формам корневых и словообразовательных морфем или используют старое слово в новом значении, но не изобретают новые звуковые комбинации и тем более новые звуки.

Стремление как-то отобразить, классифицировать или назвать явления объективного мира, лежащее в основе лексических и грамматических преобразований и придающее им относительное единообразие в разных языках, не имеет отношения к фонетическим процессам. Звуковые изменения связаны, во-первых, с артикуляторным механизмом коммуникации, во-вторых, с различительной функцией звуков-фонем, позволяющих отличать одно слово от другого по его звуковой оболочке, и, в-третьих, с экстралингвистическими факторами, т.е. с теми историко-культурными и политическими событиями в жизни языкового коллектива, которые способствуют (или препятствуют) распространению новых языковых норм и образцов. Взаимодействие всех этих факторов определяет тенденции развития фонетической структуры каждого языка.

Сопоставление типов фонетических изменений, преобразовавших латынь в романские языки, с типами фонетических различий между кодифицированной литературной нормой и разговорной речью какого-либо современного языка, например, русского, позволяет заметить параллелизм первых и вторых: выпадение интервокальных взрывных – «ходит/хоит» – *лат.* cadit > *исп.* cae; выпадение носовых согласных после назализации гласных и образование назализованного дифтонга – «например/напри̯ор» – *лат.* plānum > *порт* chão; количественная редукция безударных гласных – «хорошо/харшо» – *лат.* saeculum > *исп.* siglo; качественная редукция безударных гласных – «наблюдаются = наблюдается» – *лат.* vinea > *н. лат.* vinia (*ит.* vigna, *исп.* viña, *порт.* vinha, *фр.* vigne); упрощение групп согласных за счет выпадения первого из них, закрывающего предыдущий слог – «когда/када», «смотри/смари» – *лат.* mensem > *н. лат.* mese (*ит.* mese, *исп.* mes, *фр.* mois), и т.п. В этих совпадениях нет ничего удивительного, так как в основе современных романских языков лежит разговорная латинская речь, которая, очевидно, обладала следующими характеристиками, типичными для этой формы общения: 1. снижение роли «фонетической системы в передаче информации за счет усиления роли интонационных средств, жеста, мимики, использования знания обстановки речи вследствие близкого контакта собеседников»[1]; 2. увеличение «возможностей нейтрализации, синкретизма и уменьшение расчленимости (каждая отдельная фонема и звук – играет уже меньшую роль, ...звуки могут менять свои качества, ослабляться или совсем исчезать в потоке речи, так что часть фонем в словах оказывается совсем не представленной)»[2].

После того, как разговорная речь романизованного населения распавшейся Римской империи вышла из-под контроля латинской литературной нормы, она существовала в Западной Европе шесть – семь веков (а в восточных областях Романии – 12 веков) в виде бесписьменных диалектов. Поэтому фонетические различия между романскими словами, передававшимися из уст в уста на протяжении многих поколений, и их латинскими этимонами содержат богатый материал для изучения эволюции звуков разговорной речи. Закономерности этой эволюции были детально изучены школой лингвистов младограмматического направления (см. § 116), которые дали название *фонетического закона* тому эмпирически установленному факту, что *один и тот же звук в одних и тех же фонетических условиях в данный промежуток времени и на данной территории изменяется одинаковым образом во всех словах, где он встречается.* Под фонетическими условиями понимается при этом как место звука относительно смежных ему звуков, так и его позиция в структуре слова и слога. Так, например, начальная латинская группа звуков [kl] в каталанском и французском не изменилась, в итальянском дала [kj], в румынском дала [k'][3], в испанском – [λ], в португальском [ʃ]:[4]

[1] Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 40.
[2] Там же.
[3] В тех случаях, когда румынский и молдавский языки дают одинаковые результаты развития, в дальнейшем в качестве иллюстрации приводятся лишь румынские формы.
[4] О графической передаче латинских и романских звуков см. § 80.

лат. [kl]	*п. лат.* [kl]	*ит.* [kj]	*рум.* [k']	*исп.* [λ]	*порт.* [ʃ]	*фр.* [kl]
clamare 'звать', 'кричать'	clamare	chiamare	chema	llamar	chamar	clamer
clavis 'ключ'	clave	chiave	cheie	llave	chave	clef

Та же группа согласных [kl] в интервокальном положении развивается иначе:

лат. [kl]	*п. лат.* [kl]	*ит.* [kj]	*рум.* [k']	*исп.* [x]	*порт.* [λ]	*фр.* [j]
oculus 'глаз'	oclu(s)	occhio	ochi	ojo	olho	œil
vetulus 'старый'	veclu(s)	vecchio	vechi	viejo	velho	vieil

В приведенных выше примерах представлены и другие фонетические законы: [a] во французском под ударением в открытом слоге дает [e] (clave > clef); заударный гласный в трехсложных словах между взрывным и плавным согласным в народной латыни подвергается синкопе (ср. App. Probi: vetulus non veclus, oculus non oclus).

Таким образом, нарушения классической латинской нормы произношения, порицаемые как ошибки в период сохранения престижа этой нормы (и, несомненно, ощущавшиеся культурными людьми того времени как «небрежность», «порча языка») отличались регулярностью, имели в каждой области свою направленность и в конечном счете привели к созданию романских фонетических систем, подчас не менее сложных, чем латинская.

ГЛАВА I

ПУТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

§ 65. Понятие «фонетического закона». «*Фонетический закон*» — термин условный. Он относится только к результатам регулярных изменений звуков в данном языке. В период протекания самого изменения можно говорить лишь о тенденции развития, которая может сочетаться с другими, иногда противоположными тенденциями. Подчас языковая норма фиксирует результаты действия «закона», остановившегося на полпути. Так, в старофранцузском конечное [r] в инфинитивах, восходящих к I и IV лат. спряжениям, стало замолкать: cantare > *ст. фр.* chanter [tʃãnté], finire > *ст. фр.* finir [fini]. Однако консервативная тенденция восстановила угасающий звук, но только для глаголов IV лат. спр.: *совр. фр.* chanter [ʃãté], finir [finir].

«Фонетический закон» предполагает различную эволюцию одного звука в разных фонетических условиях. Однако, условия развития

народно-латинского звука [e] (из *клас., лат.* ĭ, œ, ē) в словах *лат.* circus circŭlus > *н. лат.* cĕrcu, cĕrclu 'круг'; *лат.* cœna > *н. лат.* cĕna 'трапеза'; cēta > cera 'воск'; *лат.* pĭrum > *н. лат.* pĕru 'груша' одинаковы для итальянского, но различны для румынского, где ассимилирующее воздействие звукового окружения на развитие гласных гораздо более ощутимо, чем в итальянском: под влиянием последующих носовых согласных [e] закрывается на одну ступень: e > i, конечное a (закрывшееся на одну ступень в безударной позиции a > ă)[1] обусловливает дифтонгизацию e > ea в составе предшествующего слога, губной согласный [p] и согласный [r] вызывают открывание звука e на одну ступень и передвижение его в средний ряд e > ă:

н. лат.	cercu,	cerclu	cena	cera	peru
ит.		cerchio	cena	cera	pero
рум.	cerc	–	cină	ceară	păr

Изменения, затрагивающие лишь единичные случаи появления данного звука в данных условиях, называются спорадическими. Так, в окружении двух губных согласных произошла ассимиляция (лабиализация) [a] лишь в одном португальском слове: *лат.* fame (m) 'голод' > *порт.* fome. Когда изменение распространяется на несколько широко употребительных слов, можно говорить о тенденции, как, например, в случае лабиализации [e] перед губными согласными в итальянском: *лат.* debere > *ит.* dovere; *лат.* demandare > *ит.* domandare; *лат.* demare > *ит.* domani (но *лат.* demorare > > *ит.* dimorare). Фонетическим законом может условно называться лишь такое изменение, которое в определенный исторический момент развития языка автоматически распространялось на все случаи появления данного звука в данном окружении.

§ 66. **Позиционно обусловленные и спонтанные изменения.** Фонетические изменения могут быть контекстуально (позиционно) обусловленными или спонтанными. Первые возникают в результате артикуляторной реакции на фонетическое окружение звука, которая вызывает явления *ассимиляции, диссимиляции, метатезы; аферезы, синкопы, апокопы; протезы, эпентезы и эпитезы.*

Ассимиляция может быть прогрессивной (mundus 'мир' > *ю. ит.* monno; *н. лат.* gamba, camba 'нога' > *катал.* cama), регрессивной (factum > *ит.* fatto 'сделанный') полной или частичной (capra 'коза' > *порт., прованс., исп.* cabra), контактной (scriptum > *ит.* scritto 'написанный') или дистантной (denarius > *ит.* danaro). Особым случаем дистантной ассимиляции является метафония (умлаут), т.е. закрывание гласного на одну ступень (или его дифтонгизация) под действием конечного гласного. Явление метафонии, вызывающее чередование гласных корня, представлено в сардинском, португальском, ю. ит. диалектах и в балкано-романских языках, где под воздействием конечного a (ослабленного в ă) и e происходит дифтонгизация

[1] В данном случае ă обозначает закрытое редуцированное [a], характерное для румынского языка.

o > oa, e > ea (см. спряжение глаголов типа *рум.* a purta 'нести': 1) port, 2) portĭ, 3) poartă или образование ж. рода прилагательных: sĭccus 'сухой' > > *рум.* sec, sĭcca 'сухая' > *рум.* seacă). К ассимиляционным процессам относятся также палатализация согласных перед гласными переднего ряда и перед йот, характерная для всех романских языков (напр. dies 'день' > > *рум.* zi [zi], medium > *ит.* mezzo [meddzo], mulier > *ит.* moglie [moʎe], вокализация согласных, замыкающих слог (falta 'недостаток' > *фр.* faute, nocte 'ночь' > *фр.* nuit, *порт.* noite); ленизация (ослабление) согласных в интервокальном положении, которая проявляется в озвончении глухих (lacu(m) 'озеро' > *исп., ит.* lago), спирантизации звонких взрывных (videre 'видеть' > *прав.* vezer; habēre 'иметь' > *исп.* haber [aβer]), в упрощении геминат, т.е. двойных согласных (bucca > *исп.* boca); назализация гласных перед носовыми согласными (bonum > *ст. фр.* bon [bɔ̃n], *совр. фр.* [bɔ̃], *порт.* bom [bõ], лабиализация гласных в соседстве с губными согласными (debere > *ит.* dovere).

Диссимиляция может возникнуть между элементами одного долгого звука, который превращается в сложный (дифтонг или аффрикату). Так, гласные под ударением в открытом слоге удлиняются и могут дифференцироваться качественно: bonus > * boono > *ит.* buono, (*исп.* bueno, где элементы дифтонга разошлись еще дальше). Двойные согласные nn и ll в испанском упростились, пройдя через ступень диссимиляции [n'n] > [ŋ], [l'l] > > [ʎ]; полугласный йот [j], неустойчивый по природе, склонен к выделению смычного элемента. Так, латинский [j] уже в поздней народной латыни превратился в [dʒ] : januarius > *ит.* gennaio [dʒennajo].

Контактная диссимиляция двух согласных (по участию органов речи) представлена тремя румынскими фонетическими переходами: ct > pt, ks > ps, gn > mn: factu(m) 'факт' > fapt; coxa 'ляжка' > coapsă, lignu(m) 'дерево' > lemn. Дистантная диссимиляция типична для сонорных согласных: arbore(m) > *исп.* árbol, *ит.* albero; monumentu(m) 'памятник' > *рум.* mormînt 'могила', anima 'душа' > *прованс.* arma, *исп.* alma.

Метатеза, т.е. перестановка звуков, связанная с упреждением артикуляции, также затрагивает только сонорные согласные и йот: palude(m) 'болото' > *ит.* palude, но и padule, *рум.* pădure 'лес'; elemosyna 'милостыня' > *порт.* esmola; periculu(m) 'опасность' > *исп.* peligro, miraculu(m) 'чудо' > *исп.* milagro, суффикс **-ariu** > *порт.* -eiro (altariu(m) > outeiro 'холм'). Протеза, эпентеза и эпитеза, т.е. добавление неэтимологического опорного или переходного звука для удобства произношения в начале, в середине или в конце слова, имеют место в следующих случаях: протеза **e** во всех иберо-романских и галло-романских языках, а также в сев. ит. диалектах существует как живой или (во французском) как исторический закон перед начальной группой s + *согласный* (sperare > *исп.* esperar, *фр.* espérer); эпентеза гласного встречается в ю. ит. и сицилийских диалектах (barba 'борода'> *сиц.* variva); эпентеза согласного встречается в португальском для устранения зияний (laudare > * louar > *порт.* louvar; audire > * ouir > *порт.* ouvir, ср. также во французском: *н. лат.* potere > poder > poueir > pouveir > *совр. фр.* pouvoir), в испанском и французском — как переходный звук между сонорными согласными, попавшими в контактное положение после синкопы гласного (homine(m) 'человек' > * homne > *исп.*

hombre: ponere 'класть' > * ponre > *фр.* pondre 'класть яйца'); эпителеза гласного **o** – фонетический закон в итальянском для 3-го л. мн. ч. глаголов: amant > aman > amano, ama(ve)runt > amaron > amarono и т.п.

Апокопа, синкопа и апокопа, т.е. исчезновение начального, срединного или конечного безударного гласного, приводят к сокращению фонемного состава слова, типичного для разговорной речи. Апокопа характерна для итальянского языка в словах, где за начальными **i, e, o** следует сочетание **s + *согласный***: hospitalem > *ит.* spedale, Hispania > *ит.* Spagna, а также и в других условиях: episcopus > *ит.* vescovo, ecclesia > *ит.* chiesa.

Синкопа предударных или заударных гласных – регулярный фонетический закон для галло-романских и иберороманских языков и сев. ит. диалектов (manica 'рукав' > *фр.* manche, *исп.* manga').

Апокопа конечных гласных также типична для галло-романских языков, сев. ит. диалектов и, частично, для испанского и румынского: bene > *фр.* bien, *исп.* bien, но *рум.* bine; siccu(m) > *фр.* sec, *рум.* sec, но *исп.* seco.

Реакции артикуляторного аппарата на звуковой контекст хорошо изучены и большей частью оказываются достаточными для объяснения превращения латинской звуковой оболочки слова в романскую. Однако некоторые *регулярные изменения латинских звуков* (т.е. «фонетические законы») *в разных романских языках не зависят от звукового окружения и реагирующих на него артикуляторных тенденций*, и по традиции называются спонтанными. Среди них следует различать изменения, обусловленные местом звука относительно ударения, типом слога и т.п., и изменения полностью спонтанные. К первым относятся, в частности, дифтонгизация гласных под ударением: *лат.* petra > *ит.* pietra, *фр.* pierre, *исп.* piedra, *рум.* piatră; переход ударного [a] в открытом слоге в [e], типичный для Северной Галлии (Франции) и для Северной Италии: *лат.* hospitale(m) > *фр.* hôtel, *сев. ит.* sbdel; синкопа заударных гласных и пр. Полностью спонтанным является превращение [ĭ] > [ę], имевшее место в народной латыни на всей территории Римской империи, кроме Сардинии: *лат.* pisce(m) > *ит.* pesce, *лат.* dormit > *ит.* dorme. Полностью спонтанно также превращение начального латинского f в спирант h [χ] в староиспанском: ferrum > hierro и последующее замолкание этого спиранта в современном испанском и т.п. Для объяснения перечисленных выше спонтанных процессов часто прибегают к гипотезе иноязычных влияний (языковых контактов): изменение [a] > [e] приписывалось кельтскому субстрату, позднее – германскому суперстрату; переход [ĭ] > [ę] связывался с осским влиянием на разговорную латынь, т.к. латинскому окончанию 3-го л. перфекта ~ĭt соответствовало в осском окончание ~ed: н.*лат.* feced (CIL, 12, 4); дифтонгизация объяснялась как кельтским, так и германским влиянием, так как эти языки обладали сильным экспираторным ударением, вызвавшим удлинение и потом расщепление ударных гласных в латинском языке Галлии – Франции, Сев. Италии, Испании. Наконец, изменение f > h > ∅ в испанском (как и в гасконском диалекте Франции) объясняется баскским субстратом – адстратом, так как баскскому языку, область распространения которого непосредственно примыкает к Гаскони и Сев. Кастилии, еще со времен покорения Испании Римом был неизвестен звук f, как это можно за-

ключить по латинским заимствованиям в баскском: *лат.* festa – *баск.* pesta, besta.

Ассимиляции, диссимиляции, редукции или добавления звуков могут быть также стимулированы субстратом. Так, латинской группе nd соответствовала в оскско-умбрском гемината nn. Поскольку ассимиляция nd > nn, mb > mm характерна именно для южно-итальянских диалектов (mundus > monno, mundu; camba, gamba > gamma), есть все основания полагать, что она восходит к оскско-умбрской манере произношения упомянутых латинских групп. Точно так же, латинская группа -ct- данала регулярно рефлекс -it- в областях, заселенных до романизации кельтами. Известно, что в кельтском латинскому -ct- соответствовало -ht-, так что вокализация [k] (noctem > *порт.* noite, *фр.* nuit, *катал.* nit, *прав.* nuoit, nueit, nuech, *исп.* noche) с полным основанием относится лингвистами за счет влияния кельтского субстрата.

С другой стороны, спонтанные изменения могут быть независимы также и от субстрата и как бы «необъяснимыми». Это так называемые замены звуков, близких по способу или месту образования. В романских языках такие замены часто наблюдаются с плавными апикальными согласными: в доархаической латыни звук [s] в интервокальном положении подвергся ротацизму, т.е. превратился в [r], откуда *N.* tempus, *Gen.* temporis, и т.д., *арх. лат. N.* honos, *Gen.* honoris, и т. д. Переход интервокального [i] > [r] – фонетический закон румынского языка на начальной стадии его формирования: sole(m) > soare, sale(m) > sare, tale(m) > tare. В римском диалекте артикль имеет форму ce < *лат.* illu(m); в португальском начальная группа *взрывной* + l дает параллельно два рефлекса – ассимиляцию [kl] > [ʃ] или замену [ki] > [kr]; clavum > cravo 'гвоздь', но clavem > chave [ʃave] 'ключ'.

В сардинском (логудорском) изменение [kl] > [kr] имеет регулярность фонетического закона.

Как позиционно обусловленные, так и спонтанные звуковые изменения могут быть действующими («живыми») или историческими. Живые фонетические законы автоматически распространяются на звуки или звукосочетания, «неприемлемые» в данный момент для фонетической структуры языка (диалекта). Так, протеза e перед начальным s + *согласный* в испанском языке (scribere > escribir) распространяется не только на латинизмы (espectáculo, especial), но и орфоэпически (не орфографически) на заимствования типа sputnik. Во французском языке этот закон прекратил свое действие в XVI в. – очевидно в связи с выпадением s, ставшего имплозивным (т.е. закрывающим слог) после добавления протетического [e] (scribere > escriure > écrire), а также в связи с наплывом латинизмов (spectacle, spécial). Живые фонетические процессы – это все те изменения, которым обязано подвергнуться заимствование для того, чтобы по своей фонетической форме не отличаться от всех прочих слов языка. В то же время это устойчивая артикуляторная привычка, которая окрашивает в тона местного варианта языка или диалекта все слова общелитературного языка или изучаемого иностранного языка. Такая привычка («акцент», «выговор») может восходить к глубокой древности, как напр.: протеза [e] в испанском, присутствующая начиная с первых памятников языка, или

упрощение двойных согласных (геминат) в северном региональном варианте литературного итальянского языка, которое возникло под воздействием диалектального субстрата, где геминаты упростились, по-видимому, уже в народной латыни, на которой говорили романизованные кельты, т.к. это изменение характерно не только для диалектов Северной Италии, но и для Галлии и Испании.

Все регулярные фонетические изменения могут возникать не только в пределах слова, но и в составе ритмической группы. Вариативность звукового состава слова в зависимости от его ближайшего синтаксического окружения и места в предложении характерна прежде всего для разговорной речи, вышедшей из-под контроля письменной нормы и частично утратившей статус отдельности слова в ритмической группе. Отсюда и разнообразные формы ассимиляции, добавления или устранения звуков на стыке слов, а также в абсолютном начале или конце ритмической группы. Явления фоносинтаксиса широко представлены в диалектах и в ранних письменных памятниках романских языков. По мере становления письменной нормы, ее фиксации в словарях и грамматиках позиционное варьирование фонетической формы слова резко сокращается. Тем не менее, некоторые фоносинтаксические факты закрепляются нормой литературного произношения, а иногда также и написания. Таково, например, явление liaison («связывание») во французском языке: les beaux arts [lebozar] 'изящные искусства'. Орфоэпическая норма современного итальянского языка требует удвоения начального простого согласного после служебных слов ma < *лат.* magis, a < *лат.* ad, da < *лат.* de + ab, che < *лат.* quid, где исчезнувший конечный согласный ассимилировался согласному последующего слова: ma come [macome], a casa [accaza], da capo [daccapo]*. Эта норма, не закрепленная на письме, отсутствует в северном региональном варианте литературного языка благодаря влиянию местных галло-итальянских диалектов, упростивших двойные согласные.

К фоносинтаксическим явлениям относится также зависимость фонетического развития слова от его синтаксической автономности или неавтономности. Так, предлоги и союзы, лишенные собственного ударения, образуют одно фонетическое слово со следующей за ними автономной лексической единицей. Латинские притяжательные и указательные местоимения, употреблявшиеся то в субстантивной, то в адъективной функции, дали в романских языках два разные ряда форм – ударные и безударные: ср. *исп.* mío, tuyo, suyo/mi, tu, su; *фр.* mien, tien, sien/ mon, ton, son; из неавтономно употребляемого указательного ille (illu), illa, illos, illas развился романский артикль – напр.: *исп.* el, lo, la, los, las. Устойчивой безударной позицией в синтаксической группе объясняется отсутствие дифтонга в таких ит. словах, как bene (хотя *фр.* bien) и era *лат.* erat 'был', и сохранение звука [a] во фр. слове mal 'плохо' (согласно фонетическому закону ударное [a] в открытом слоге должно было дать [e], т.е. malum > *фр.* mel; такая форма зарегистрирована в ст. фр. в субстантивной функции: cel mel 'это зло'.

Фонетическое слияние неавтономных слов с предшествующим словом (энклиза), или с последующим словом (проклиза) регулярно происходило в сочетаниях предлогов с артиклями – например, de + ille *ит., исп.* = del; ad + ille. *исп., ит.* = al и т.п. Артикль во всех романских языках, кроме

румынского, развился из указательного местоимения в проклитической позиции: ср. *в. лат.* illu lupu 'этот волк' > *фр.* le loup, но lupu illu 'волк этот' > *рум.* lupul.

Зависимость конца слова от начала последующего слова проявляется в чередовании форм некоторых французских прилагательных beau/bel, fou/fol, vieux/vieil и др. При этом одна из форм освобождается от условий контекста и закрепляется как основная. Ср. un *beau* garçon 'красивый мальчик', un *bel* homme 'красивый мужчина', il est *beau* 'он красивый'.

§ 67. Системность фонетических изменений. Фонетическое изменение и различительная функция фонем. *Звуковые изменения, как спонтанные, так и обусловленные окружением, находятся в зависимости от закономерностей высшего порядка: места звука-фонемы в фонетической системе языка, места звука внутри просодической структуры слова, функциональной нагрузки различительных признаков звука.*

Как известно, звуки речи, рассматриваемые с точки зрения их различительной функции, представляют собой фонемы языка. Фонемы образуют систему, объединяясь по одним различительным признакам и противопоставляясь по другим. Фонемы, обладающие общим признаком места или способа образования, имеют тенденцию изменяться одинаковым образом. Так, если в позиции между гласными происходит озвончение глухого взрывного согласного [k], то одновременно или последовательно озвончаются другие глухие взрывные – [t] и [p] – в этой позиции. Если глухой взрывной заднеязычный [k] палатализуется перед йот и гласными переднего ряда, то и звонкий взрывной заднеязычный подвергается аналогичному изменению в том же окружении. Если открытый гласный переднего ряда в открытом слоге подвергается дифтонгизации (e > ie), то же почти во всех языках происходит и с открытым гласным заднего ряда (o > uo, ue). Итак, фонемы, образуя систему, изменяются систематически, что позволяет им сохранять свои различительные возможности.

Различительную (функциональную) нагрузку несут только различительные (фонологически релевантные) признаки, образующие соотносительную пару фонем, взаимозамена которых в одной и той же позиции или служит для различения фонетических форм двух разных по смыслу слов, или искажает фонетический облик слова по неузнаваемости (Н.С. Трубецкой, 1960, 55). Такому требованию отвечает, например, парный признак глухости/звонкости у двух апикальных фрикативных фонем французского языка [s] и [z], объединенных по признакам места и способа образования: casser [kasé] 'ломать' – caser [kazé] 'пристраивать'. В том случае, если два звука регулярно взаимозаменимы в одном и том же окружении, но не способны различать фонетические оболочки двух разных по смыслу слов, они представляют собой свободные (факультативные, стилистические, региональные) варианты одной фонемы, например, r – увулярное и r – апикальное во французском языке. Если два разные звука, объединенные какими-либо общими признаками места или способа образования, не способны заменять друг друга в одной и той же позиции (окружении), они представляют собой позиционные (комбинаторные) варианты одной фонемы. Так, в испанском языке фонема /s/ представлена двумя вариантами –

основным [s] и комбинаторным [z], который реализуется только в позиции перед звонким согласным: casa [kasa] 'дом', но mismo [mizmo] 'сам'. Таким образом, признаки глухости и звонкости у испанских звуков [s] и [z] являются не различительными, а сопровождающими. Неразличительный сопровождающий признак не всегда обусловлен окружением. Он может быть постоянно сопряженным с релевантным признаком фонемы при ее нормативной реализации. Так, во французском языке закрытые гласные [a:], [o:], [ǿ:] обладают потенциальной долготой, которая в полной мере реализуется в закрытом слоге под ударением, например, paume [po:m]. Признак долготы у этих гласных, лишенный своего противочлена — краткости, лишний с точки зрения функциональной, закреплен нормой французской орфоэпии. Итак, фонема, воплощенная в звуке, помимо различительных (фонологически релевантных) признаков, содержит также признаки, обусловленные позицией, нормативной реализацией и стилем (региональным вариантом) речи.

Фонетические изменения поначалу касаются лишь фонологически нерелевантных признаков. Так, например, к I в. н. э. у латинских гласных возникает новый сопряженный признак: долгие гласные приобретают закрытый тембр, краткие — открытый. Латинские согласные [t], [d] в позиции перед йот приобретают к IV в. свистящий оттенок, с чем сохранились свидетельства латинских грамматистов. Для того, чтобы сопутствующие признаки превратились в различительные, т.е. фонологизировались, а позиционные или свободные варианты приобрели статус фонем, оказывается необходимым какой-либо дополнительный сдвиг на другом участке системы. Например, признак закрытости/открытости фонологизировался в народной латыни тогда, когда долгота и краткость закрепились, соответственно, за открытым и закрытым слогом, утратив тем самым способность различать гласные в одной и той же позиции. Фонологическая функция долготы/краткости переместилась на другой парный признак — закрытости/открытости, бывший прежде сопутствующим. Превращение возникших в поздней народной латыни аффрикат (из латинских взрывных в позиции перед йот и гласными переднего ряда) в самостоятельные фонемы произошло уже после распада Римской империи, когда в результате интенсивного действия других фонетических законов и массовых заимствований из языков-адстратов (суперстратов) аффрикаты получили возможность противопоставляться соответствующим взрывным в одной и той же позиции. Так, например, на территории Тосканы и центральной и южной Италии, а также в восточно-романских областях взрывные заднеязычные превратились в аффрикаты [tʃ], [dʒ] в позиции перед гласными переднего ряда:

лат. caelum > *ит.* cielo [tʃelo], *рум.* cer [tʃer]

лат. gelum > *ит.* gelo [dʒelo], *рум.* ger [dʒer].

Из позиционных вариантов согласных фонем /k/, /g/ аффрикаты [tʃ], [dʒ] превратились в самостоятельные фонемы не позже VI–VII вв., т.к. к этому времени в народном языке Италии и романизованного населения Дакии произошла йотизация согласного [l] в группах [kl] и [gl]: *лат.* clavem > *ит.* chiave, *рум.* cheie; *лат.* glaceam, glacea > *ит.* ghiaccio, ghiaccia, *рум.* gheaţă; *лат.* clinare > *ит.* chinare — так что в позиции перед гласными переднего ряда простой взрывной заднеязычный и соответствую-

щая ему аффриката оказались одинаково возможными (взаимозаменимыми) и, стеловательно, получили смыслоразличительную нагрузку (ср. *ит.* giro [dʒiro] 'круг' – ghiro [giro] 'сурок'). В Италии фонологизация противопоставления взрывного согласного [k] и палатализованного [k'], близкого к аффрикате [tʃ] произошла гораздо раньше, к концу III в. н. э., когда у лабиовелярной фонемы /kw/ исчез перед гласными переднего ряда лабиальный элемент: *лат.* quis > *ит.* chi [ki], *лат.* quem > *ит.* che [ke]. (В румынском также и этот делабиализованный k^w > k в позиции перед e, i подвергся палатализации и совпал по звучанию с простым k в том же окружении: quem > ce [tʃe]).

Фонетические изменения в речи не только порождали новые звуки (из которых потом возникали новые фонемы), но и приводили к устранению из фонетической системы языка релевантных фонологических признаков, а следовательно, и несущих эти признаки фонем. Так, возникшее в XVII в. в народном языке Парижа произношение ill [λ] как [j] в конце концов (к XIX в.) привело к вытеснению звука-фонемы [λ] из литературной нормы, а вместе с ним и фонологического противопоставления двух фонем /λ/:/j/ по признаку палатальность/апикальность. Одновременно увеличилась частотность фонемы /j/, уже существовавшей в языке. Аналогичное совпадение фонемы /λ/ с фонемой /j/ имело место и в других областях Романии: в римском диалекте итальянского языка – *ит.* moglie [moʎe], *римск.* [moje] < *лат.* mulier, в андалузском диалекте испанского языка, в говоре Мадрида и в латиноамериканском варианте испанского, где звук [λ] – орфографически ll – совпал со звуком [j] – орфографически y – так что, например, слова calló 'он замолчал' и cayó 'он упал' стали звучать одинаково. Возникновение единичных омонимов не препятствует устранению некоторых фонологических противопоставлений и уменьшению количества фонем в системе языка. Наиболее ярким примером подобного рода может служить преобразование системы согласных фонем в испанском языке на рубеже XVI–XVII в., где звонкие взрывные -b-, -d-, -g- приобрели в интервокальном положении фрикативный позиционный вариант, приведший к смешению фонем /b/ и /v/ путем превращения их в позиционные варианты одной фонемы (ср. vivir [bibir] 'жить' и beber [beber] 'пить'); сибилянты утратили корреляцию по глухости/звонкости, аффрикаты [ts] и [dz] слились в глухом лентальном [Θ], аффриката [dʒ], упростившись в [ʒ], оглушилась и слилась со звуком [ʃ], который приобрел задненязычную артикуляцию [χ]. Так, вместо десяти фонем староиспанского /b/:/v/, /s/:/z/, /ts/:/dz/, /tʃ/:/dʒ/, /ʃ/:/ʒ/ осталось только 5. Все эти изменения не обусловлены фонетическим контекстом и относятся исследователями за счет баскского влияния.

На звуковые изменения, приводящие к смешению фонем, язык часто реагирует так называемой «цепной реакцией» изменений. Так, например, упрощение геминат в провансальском, испанском, португальском сопровождалось ослаблением артикуляции простых взрывных согласных в интервокальной позиции (ленициа, озвончение глухих, спирантизация) и исчезновением звонких, так что функциональная нагрузка, передаваемая ранее оппозицией /tt/:/t/:/d/, переносится на другую материальную базу: /t/:/d/:/z/ (или ноль):

лат. cānus – vīta – crēdere
пров. can – vida – crezer
исп. gato – vida – creer
порт. gato – vida – crer

Системный характер фонетических изменений проявляется также в их зависимости от общей структуры всей фонетической системы в целом. Так, спонтанное изменение апикальной артикуляции фонемы на увулярную во французском языке, не изменившее ничего, кроме нормативной реализации фонемы, отвечало тенденции к увеличению количества заднеязычных артикуляций, обусловленной наличием в системе носовых согласных. Сравнительно недавно увулярная артикуляция двойного [rr] возникла в португальском, где также присутствуют носовые гласные. Кроме того, противопоставление /rr/ : /r/ было изолированным в португальском языке, из-за упрощения всех геминат, кроме [rr], так что замена двойного [rr] простым, но увулярным [R] привела нормативную реализацию оппозиции /r/ : /R/ в соответствие с общей системой языка.

Выполняя свою различительную функцию, фонемы противопоставляются друг другу не сами по себе, а в определенной позиции внутри просодической структуры слова. Понятие основного варианта и позиционных (комбинаторных) вариантов фонемы тесно связано с ее местом в слоге или в слове. Основной вариант фонемы реализуется в так называемых «сильных» позициях: для гласных это ударный слог, для согласных – начальное положение в слове или в слоге. В сильных позициях фонемы не только более четко произносятся, но и наиболее полно реализуют систему фонологических противопоставлений. В слабых позициях (безударные слоги для гласных, конец слова или слога для согласных) система фонологических противопоставлений представлена сокращенно. Практически, для каждой позиции фонемы в слове существует своя система противопоставлений. Так, в итальянском (тосканском диалекте и литературном языке) максимальная система гласных представлена в открытом слоге под ударением: – i, ę, ę, a, ǫ, u, ie, uo; под ударением в закрытом слоге отсутствуют дифтонги, заударные и междуударные слоги допускают только пять гласных – i, e, a, o, u, конечные безударные – четыре гласных – i, e, a, o. В португальском языке в позиции максимального различения, т.е. между гласными – сибилянты представлены двумя звонкими и двумя глухими фонемами: /s/ : /z/, /ʃ/ : /ʒ/. В позиции перед глухим согласным и в абсолютном исходе слова все четыре сибилянта представлены одним звуком [ʃ], а в позиции перед звонким согласным – только одним звуком [ʒ]. Минимальные системы являются как бы редукцией максимальных: две, три или даже четыре фонемы нейтрализуют свои различительные признаки в позиционном варианте минимальной системы. Так, каталанский неясный гласный [ə], реализующийся только в неударном слоге, является позиционным вариантом трех фонем максимальной системы – /a/, /ę/, /ę/. Сокращение различительных возможностей фонем в слабых позициях (ограничение на их сочетаемость), соответствует нечеткости, беглости их произношения в речи и их подверженности изменениям в диахронии и варьированию в синхронии. Так, сочетание -ct-, содержащее фонему /k/ в слабой позиции (в имплозии) и фонему /t/ в сильной позиции (в эксплозии), упростилось за счет

вокализации k > i на территории Галлии и Испании еще в протороманский период. Однако та же самая тенденция к открытому слогу продолжает действовать и в современном испанском, где, например, слово caracter, заимствованное из книжной латыни, произносится в разговорной речи как carater, caraiter или carauter.

§ 68. Причины отклонения от стандартного развития звуков. *Отклонение от стандартного фонетического развития у слов исконного фонда возникает благодаря аналогическому уравниванию звучания слов, объединенных по значению.* Чаще всего уравнивание наблюдается у корневых морфем слов одного словообразовательного гнезда или одной словоизменительной парадигмы. Так, из-за различного развития гласных под ударением и в безударной позиции в староитальянском и в старофранцузском возникает чередование гласных корня, которое позднее устраняется, как например, у глагола «находить» *ит.* trovare, *фр.* trouver в 1-м л., 2-м л., 3-м л. ед. ч., *ст. ит.* truovo, truovi, truova, *ст. фр.* trueve, trueves, trueve(t) дифтонг заменился простым гласным – *ит.* trovo, trovi, trova, *фр.* je trouve, tu trouves, il trouve по аналогии с инфинитивом и с множественным числом тех же глаголов – *ит.* troviamo, *фр.* nous trouvons и т. д. Иногда за образец принимается результат развития гласного под ударением: ср. *ст. фр.* (j)'aime – (nous)amons – *фр.* j'aime, nous aimons. Вместе с тем, во французском и в итальянском некоторые наиболее частотные глаголы до сих пор сохраняют чередование гласных и согласных корня, доставшееся им по наследству от глубокой древности, ср. *ит.* venire, *фр.* venir; (io)vengo, (tu)vieni...(noi) veniamo; je viens, tu viens ... nous venons. Для испанского и румынского языков, где чередование звуков корневой морфемы в глагольной парадигме широко распространено и поэтому почти морфологизовано, т.е. наряду с флексией несет грамматическую нагрузку, фонетическое уравнивание корня по аналогии не характерно. Ср. *ит.* pensi, pensa, pensiamo ... *исп.* pienso, piensas, piensa, pensamos; или *рум.* port, porți, poartă, purtăm ...

Отклонение от регулярного фонетического развития наблюдается у высокочастотных слов, в том числе у грамматических морфем, которые в большинстве случаев представляют собой фонетические аномалии. Они объединяют тенденцию к максимальному сокращению своего фонемного состава с максимальной устойчивостью и сопротивляемостью к изменениям по аналогии. Так, наиболее частотный глагол во всех индоевропейских языках – «быть» – наиболее нерегулярный и наиболее консервативный. Попадая в условия, увеличивающие частотность, слово может дать неожиданные отклонения в своем фонетическом развитии. Так, например, слово dominus 'хозяин, господин' > *н. лат.* domna, в первом значении развивалось регулярно и дало в испанском dueño, а во втором, употребляясь как титул, превратилось в don (а в провансальском и каталанском в en); слово domina > *н. лат.* domna получило во французском нерегулярное развитие dame. Одним из условий увеличения частотности является грамматизация автономной лексемы. Так, слово casa 'дом' сохранилось в итальянском, румынском, испанском и португальском без изменений, тогда как во французском, благодаря его специализации в функции локального предлога при именах лиц, оно утратило конечный гласный: chez – 'у', 'к'.

§ 69. **Звуковой облик слов книжной традиции (латинизмов). Заимствования как источник изменения фонетической системы языка.** *Регулярным изменениям подвергаются только народно-латинские слова непрерывной устной традиции («исконные»). Напротив, слова «ученой» традиции, попадавшие в романскую разговорную речь из сфер культурного общения или употреблявшиеся исключительно в этих сферах, обнаруживают отклонения от фонетических законов, сохраняя бо́льшую близость своей фонетической формы к классическому латинскому этимону.* Таким образом, **латинизм** в каком-либо романском языке узнается чаще всего по отсутствию в его фонетической форме регулярных, типичных для данного языка звуковых изменений, которым подвергались слова устной народной традиции. Так, [k] перед [a] во французском диалекте (лежащем в основе литературного французского языка) с V по VIII вв. регулярно превращался в [tʃ]: cattus > chat, *ст. фр.* [tʃat], *фр.* [ʃa]. Этого изменения не произошло, например, в слове catholique, которое, хотя и употреблялось в разговорном народном языке, отчетливо сохраняло свою принадлежность к «ученым» словам (mots savants). Консервативность фонетической формы типична для слов, связанных с религиозным культом, философией, юриспруденцией, медициной. Так, например, французские и испанские слова *фр.* monde, *исп.* mundo (*лат.* mundus), *фр.* siècle, *исп.* siglo (*лат.* saeculum), *фр.* église, *исп.* iglesia (< *лат.* ecclesia) – ранние латинизмы. Большинство ранних латинизмов принадлежит к так называемым «полукнижным» словам, которые подвергались действию фонетических законов с опозданием и преобразовались иначе, чем слова устной народной традиции. Так, обиходные латинские слова oculus, vetulus рано утратили заударный гласный (о чем свидетельствует Appendix Probi: oculus non oclus; vetulus non veclus). Народно-латинские ocl(u)s, vecl(u)s дали в испанском и французском регулярный рефлекс ojo, viejo и œil, vieil(vieux). В полукнижном слове saeculum заударный гласный сохранялся дольше: в испанском успел озвончиться интервокальный [k], а в первом слоге, сохранявшем дольше свой открытый характер, ударный гласный успел дать дифтонг ie, который потом стянулся в испанском ie > i – отсюда *фр.*: siècle, *исп.* siglo. Очень часто одно латинское слово, в зависимости от сферы его употребления имело в романских языках народный, полукнижный и книжный звуковой облик. Так, например, латинское слово aequalis во французском языке XII в. существовало в трех вариантах: ivel, igal и egal (из которых совр. французский сохранил только последний). Еще один пример: латинское слово regula – 1) «линейка, планка», 2) «правило, норма» – приняло в ст. французском три фонетические формы, частично отличавшиеся друг от друга по смыслу: 1) народную, развивавшуюся согласно фонетическим законам синкопы заударного гласного и преобразования группы gl > il, т.е. regula > regle > reille, сохранившую оба значения лат. этимона (и заимствованную в английском в виде rail); 2) полукнижную, которая, из-за сохранения заударного гласного и под влиянием латинской формы попала под действие другого фонетического закона, а именно утраты звонкого интервокального взрывного согласного: regula > reule, rieule, riule. В соответствии со своим полукнижным происхождением, эта форма закрепилась во втором, более абстрактном значении «правило» (и была заимствована в английском в виде rule),

3) книжную форму règle, наиболее близкую по звучанию к латинскому этимону, которая вытеснила впоследствии своих менее ученых конкурентов и сохранилась в обоих значениях в современном французском языке. В испанском языке *лат.* regula также дало два рефлекса – ученый и народный, которые сохранились в современном испанском в разных значениях: regla 'правило' и reja 'решетка'.

Слова, восходящие к одному латинскому этимону, но имеющие разную фонетическую оболочку, и, как правило, разные значения, называются этимологическими дублетами. Один из них обычно соответствует более конкретному (обиходному) значению латинского слова, другой – более абстрактному, «книжному».

Многие этимологические дублеты – общие для большинства романских языков, что позволяет зачастую отнести начало фонетической дифференциации двух разных значений одного слова к староромансному периоду, т.е. к поздней народной латыни. Так, латинское слово pensare 1) «взвешивать», 2) «думать», употребляясь в первом значении, утратило звук [n], регулярно исчезавший в позиции перед [s], начиная с I в. н. э. Отсюда *лат.* pensare > *н. лат.* pesare > *ит.* pesare, *исп.* pesar, *фр.* peser 'взвешивать'. За вторым, более абстрактным значением прочно закрепилась классическая латинская форма, устоявшая перед фонетическим законом ns > s. Отсюда *лат.* pensare > *ит.* pensare, *исп.* pensar, *фр.* penser 'думать'. Латинское слово causa в устной народной традиции дало в испанском и итальянском cosa, во французском chose 'вещь', а в значении «причина» за ним удержалась латинская или близкая к латинской форма: *исп., ит.,* causa, *фр.* cause. Латинское слово materia 1) «лес, древесина», 2) «материал, материя» в народной речи Испании, употребляясь в первом значении, приняло форму *исп.* madera, *порт.* madeira, тогда как за вторым значением в обоих языках закрепилась идентичная латинской форма materia. Как видно из примера *лат.* regula > *ст. фр.* regle, reille, riule, этимологические дублеты могли включать более двух слов. При этом ранние латинизмы, встречающиеся в старых романских языках, обычно вытесняют народные варианты того же слова, если оно относилось к культурной (абстрактной) лексике. Так, ст. французские ocoison, ochison, achaison и др. уступили место латинизму occasion, отвечающему общей тенденции литературного языка к унификации звуковой оболочки слова. Латинизм gloria вытеснил встречавшиеся в ст. итальянском такие варианты этого слова, как grora и groglia. Заимствования из латыни (т.е. фонетические и лексические латинизмы), а также латинизация фонетической формы слов народной традиции принимают в романских языках наибольший размах в XV–XVI вв., когда ученые-гуманисты во Франции, Испании, Италии сознательно латинизировали родной язык, чтобы его обогатить и облагородить.

Так, в итальянском языке многие существительные, обозначающие обиходные понятия, никогда не выходившие из употребления в разговорной речи, имеют «народную» фонетическую оболочку, тогда как производные относительные прилагательные того же корня или однокоренные более абстрактные существительные оказываются латинизмами: *лат.* vitium 'порок', *ит.* vezzo 'привычка', но *ит.* vizio 'порок'; *лат.* debere, *ит.* dovere 'долженствовать', но *лат.* debitum, *ит.* debito 'долг'. Все же в итальянском,

где этимологические связи слов с их латинским источником достаточно прозрачны, многие латинизмы автоматически подвергались тем несложным изменениям, которые претерпели исконные слова, и, как бы повинуясь все еще живым фонетическим законам, органически вписывались в фонетическую структуру народного языка: *лат.* actu > *ит.* atto (*фр.* acte, *исп.* acto); *лат.* constante(m) > *ит.* costante (*фр.* constant, *исп.* constante). Иногда согласно фонетическим законам итальянского языка некоторые латинские слова вообще не должны были испытать никаких изменений, кроме апокопы конечных звуков, например, facile(m) > *ит.* facile, maturitate(m) > *ит.* maturità. Поэтому в итальянском далеко не всегда удается отличить книжное слово от исконного по фонетическим признакам. В испанском, португальском и особенно во французском, где из-за радикальных преобразований слов народной традиции была утрачена очевидная связь с латинским этимоном, массовый наплыв латинизмов в эпоху Возрождения вернул языку те комбинации звуков, которые были закономерно преобразованы на предыдущих этапах его развития, как например, a > e или ie в открытом слоге, -ct- > -it-, исчезновение заударных гласных, исчезновение взрывных интервокальных согласных. Например:

лат. dictare 'диктовать', *ст. фр.* ditier, но *фр.* dicter;

лат. avarus 'скупой', *ст. фр.* aver, но *фр.* avare;

лат. maturitate(m) 'зрелость', *ст. фр.* meürté, но *фр.* maturité.

Отсюда резкое противопоставление фонетической структуры ученых слов и слов устной традиции, объединенных зачастую в одном словообразовательном гнезде: nudus > *фр.* nu, но nuditate(m) > *фр.* nudité (*ст. фр.* nueté), maturus > mûr, но maturitate(m) > maturité (*ст. фр.* meürté), securus 'безопасный', 'уверенный' > *фр.* sûr, но securitate(m) > *фр.* sécurité 'безопасность' и sûreté 1) 'безопасность', 2) 'уверенность'. Как показывает последний пример, сохранение обеих форм – ученой и народной было оправдано их частичной семантической дифференциацией.

Результатом латинизации романских языков явилось не только обогащение их словарного состава, но и расширение границ сочетаемости звуков в слове и, соответственно, увеличение количества значимых (фонологических) противопоставлений в тех или иных позициях и уменьшение позиционной вариативности фонетической системы. Не случайно, поэтому, что именно во французском языке, где латинизмы оказались поначалу чужеродным телом в системе, их интеграция сопровождалась постепенным прекращением действия многих фонетических законов, например, оглушения звонких согласных в абсолютном исходе слова, озвончения и исчезновения взрывных интервокальных, протезы e перед s + *согласный* и последующего исчезновения s перед взрывными согласными. Ср., например, развитие следующих двух латинских слов во французском языке:

лат. stabulu(m) 'стойло', *ст. фр.* estable, *фр.* étable

лат. stabile(m) 'устойчивый', *ст. фр.* estable, *фр.* stable

Как показывает последний пример, латинизация фонетической формы ст. французского слова estable 'устойчивый' восстановила различное звучание двух слов, ставших омонимами в результате действия фонетических законов.

Еще один аналогичный пример:

лат. monte(m) 'гора' > *ст. фр.* mont, *фр.* mont;
лат. mundu(m) 'мир' > *ст. фр.* mont, но *фр.* monde.

Также и в этом случае приближение фонетической оболочки последнего слова к латинскому этимону устранило достаточно «неудобную» омонимию, т.к. оба слова могли встречаться в одном контексте.

Латинские дактилические слова (proparoxytona), попавшие в романские языки как книжные заимствования, сохраняют, как правило, место латинского ударения во всех языках, кроме французского. Во французском ударение смещается на последний звучащий гласный слова, ср. *лат.* mŏbilis > *ит.* mŏbile, *исп.* mŏbil, *фр.* mobile. Закономерным развитием *лат.* mobilis было *ст. фр.* и совр. meuble, сохранившееся в значении «мебель», ср. также совр. *фр.* immeuble 'недвижимость', 'дом'.

Латинизмы, как источник пополнения научной, юридической, церковной и вообще абстрактной лексики, широко представлены во всех романских языках, кроме румынского и молдавского, где ранних латинизмов немного, т.к. основным источником «ученых» заимствований был для проторумынского древнеболгарский (старославянский) язык. Начиная с VI–VII вв. в результате интерференции славянского суперстрата, в языке романизованного населения Дакии, Македонии, Мёзии существенная часть латинского лексического наследия была заменена славянизмами. Древнеболгарские заимствования приостановили действие многих фонетических законов балканской народной латыни и способствовали фонологизации комбинаторных вариантов фонем, например, *лат.* dicere > *рум.* zice(re), но *слав.* заимствование grădină сохраняет сочетание di без изменений, или *лат.* sole > *рум.* soare, но славянизм sílă сохраняет интервокальное -l- без изменений и т.п. Таким образом, румынский язык с самого начала своего формирования получил широкие возможности сочетания звуков и их противопоставления в одной и той же позиции.

Лексические заимствования, расширяя границы сочетаемости звуков, обычно не несут с собой новых фонем, т.к. содержащиеся в них «чужие» звуки передаются с помощью более или менее близких звуков-фонем воспринимающего языка. Так, многие германские слова, проникшие в позднюю народную латынь через солдат-германцев, содержали начальный звук [w], не свойственный романской речи, который был передан уже существовавшим в латыни лабиовелярным gw, встречавшимся в латинских словах т о л ь к о в середине слова (напр., sanguis, lingua). Поэтому романские слова, начинающиеся с gu – германского происхождения: *ит.*, *исп.* guerra, *фр.* guerre < *герм.* wirra; *ит.* guardare, *исп.* guardar, *фр.* garder < *герм.* wardjan, *ит.* guarire, *исп.* guarecer, *фр.* guérir < *герм.* wahrjan. Все же, на севере Франции, где германское (франкское) влияние было более глубоким, чем в других областях Романии, в романскую речь проникла вместе с германизмами фонема h, (которая не была полностью чуждой для романоязычного населения, т.к. она существовала в классической латыни и сохранялась в письменном языке в виде пустой графемы h). Этот возрожденный франками звук [h] проник даже в исконно латинское слово altus 'высокий', которое, скрестившись с германским hoch, дало в ст. французском haut (*совр. фр.* [o]). Внедрение в язык новой «чужой» фонемы является приме-

ром интерференции, т.е. взаимопроникновения двух контактирующих языковых систем в условиях устойчивого двуязычия (см. выше § 51).

Наряду с латынью источником заимствований могли быть романские языки и диалекты друг для друга (см. § 49). Так развитие [ga] > [ʒa] (gamba > jambe *ст. фр.* [dʒãb ə], *фр.* [ʒãb]) характерно только для Северной Франции. Поэтому, такие слова, как *исп.* joya 'драгоценность', *ит.* gioia, *прав.* joi 'радость', восходящие к латинскому слову gaudia, gaudium или *исп.* jardin, *ит.* giardino, восходящие к германскому слову garten 'сад', могли попасть в эти языки только через посредство французского. Вместе с тем, различие между автохтонным фонетическим развитием и результатом изменения, импортированным из соседних родственных языков и диалектов, не всегда легко установить. Так, в итальянском существует много слов, в которых глухие интервокальные согласные озвончились: *лат.* lacu(m) 'озеро' > *ит.* lago; *лат.* precare 'просить' > *ит.* pregare; *лат.* litu(s) 'берег' > *ит.* lido; *лат.* spatha 'меч' > *ит.* spada 'шпага'; *лат.* recipere 'уводить' > *ит.* recevere 'получать'; *лат.* recuperare 'получать обратно' *ит.* ricoverare 'приютить' и т.п. Количество подобных слов в тосканском диалекте (и в итальянском литературном языке) столь велико, что некоторые лингвисты считали озвончение глухих интервокальных исконным тосканским явлением, своего рода незавершенным фонетическим законом. Однако тот факт, что в наиболее употребительных словах и морфемах в литературном итальянском всегда сохраняется глухой согласный: *лат.* dico 'говорю' > *ит.* dico; *лат.* amicus 'друг' > *ит.* amico, ср. также *н. лат.* potere 'мочь' > *ит.* potere, но *н. лат.* potere 'владение' > *ит.* podere; суффикс причастия -atus, -itus, -utus *ит.* -ato, -ito, -uto и т.п. – свидетельствует о заимствованном характере слов, озвончивших глухой интервокальный согласный.

Двоякая (троякая) трактовка одного и того же латинского звука в одной и той же позиции, т.е. одновременное действие двух (или более) фонетических законов в одном и том же языке, свидетельствует о контактах двух (или более) языковых коллективов в момент складывания общей языковой нормы. Полиморфия фонетических форм слов типична для ранних литературных романских языков, норма которых еще не опиралась на абсолютное превосходство какого-либо одного диалекта. Так, например, в ст. провансальском литературном койне, на котором писали трубадуры XII–XIII вв. многие слова имеют фонетические варианты, отражающие фонетические законы разных областей Окситании, ср., например, разную трактовку группы ct и различный рефлекс открытого [ǫ] в слове nocte(m) > *ст. прав.* noit, nueit, nuech, nuoit; cantione(m) > *ст. прав.* cansó, chanҫon, chanzó – эти варианты, несмотря на их разное «географическое» происхождение, были одинаково употребительны и взаимозаменимы.

§ 70. Роль социальных факторов в распространении фонетических изменений. *Распространение фонетических изменений связано с социальными и историческими судьбами языкового коллектива, явившегося первичным очагом инновации.* Так, за констатацией того факта, что в испанском языке латинскому согласному f в начальной позиции перед простым гласным регулярно соответствует пустая графема h, которая до XVI в. обозначала звук [χ], стоит целая история испанского наречия: контакты римских

завоевателей на севере Испании и на юге Франции с аквитанами и васконами, племенами, родственными современным баскам, в языке которых отсутствует (и, надо полагать, отсутствовал) звук [f] – отсюда его замена через другой спирант h при произнесении латинских слов (ср. русское произношение греческих имен, начинающихся с ф: Хведор – Федор); закрепление этой особенности произношения в Гаскони и в Старой Кастилии – горной области в районе Кантабрийских гор, оставшейся свободной от арабского владычества и возглавившей впоследствии освободительную войну против арабов; расширение в результате Реконкисты, границ Кастильского королевства с севера на юг, а вместе с ними и границ изменения f > h: *лат.* fabulare > *исп.* hablar, *лат.* farma > *исп.* horma, *лат.* folia > *исп.* hoja, *лат.* filius > *исп.* hijo; возникновение литературного испанского языка на базе кастильского диалекта и принятие изменения f > h > φ в качестве нормы для тех слов, которые попали под действие этого фонетического процесса (еще не завершенного в XVI в.).

Фонетические изменения, для того, чтобы распространиться за пределы своего первоначального «эпицентра» и быть принятыми в качестве нормативных, должны были совершиться в языке того коллектива, который в определенный исторический момент приобретал политическое или культурное превосходство. Поэтому многие изменения, не попавшие в такие благоприятные условия, или остались на уровне региональных явлений или были обращены вспять. Показательна в этом отношении история звука [z] во французском слове chaise 'стул'. Это слово восходит к латинскому слову cathedra, которое пройдя через много поколений говорящих на территории Франции, получило фонетическую форму chaire, имевшую значения 1) «стул», 2) «кафедра». Оба этих значения сохраняются до сих пор у заимствованного из французского языка английского слова chair и у развившегося самостоятельно из латинского этимона португальского слова cadeira. В XIII в. в одном из южнофранцузских говоров интервокальное [r] стало произноситься как [z]. Замена [r] > [z] в XVI в. проникла в разговорный язык парижских горожан, произносивших mazi вм. mari, Pazis вм. Paris, chaise вм. chaire и т.п. Однако сложившееся уже к тому времени ревностное отношение к фонетической норме языка среди ее носителей – придворной знати, высшего духовенства, писателей, ученых-гуманистов – не позволило этому изменению перейти за социальный барьер, отделявший народ от аристократии и ученой элиты. Лишенное социального престижа новшество не удержалось, оставив по себе воспоминание в слове chaise, обозначающем предмет домашнего обихода, тогда как за формой chaire сохранилось только значение «кафедра».

Двумя веками позднее изменения, возникшие в языке парижского народа и мелкой буржуазии – произношение мягкого [λ] как [j], т.е. слова fille как [fij] вм. [fiλ], и произношение дифтонга [we] – в написании oe, oi – как [wa], т.е. слова poil как [pwal] вм. [pwel], долго порицаемые как вульгарные, получили после французской революции право гражданства в литературном языке, а их более «благородные» конкуренты сохранились лишь в провинции, как диалектальные варианты.

Очевидно, язык часто обновляет свою фонетическую систему путем демократизации норм произношения. Это положение справедливо также

относительно процесса образования романских фонетических систем из латинской.

Если описанные в § 66 и § 67 артикуляторные и системные закономерности представляют собой условия возникновения фонетических изменений, то социальные смещения и смешения внутри языковых коллективов являются причиной распространения этих изменений, их постепенного проникновения как вширь, за пределы очага первоначального возникновения, так и вглубь, внутри самой системы языка, путем охвата все большего количества слов, подчиняющихся данному фонетическому закону. Таким образом, «социальный фактор, который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней. Расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением расширения его употребления в языковом коллективе»[1].

§ 71. **Пространственные границы фонетических изменений.** Как всякое социальное явление, язык существует во времени и в пространстве. Пространственные границы фонетических явлений — изоглоссы или изофоны — отличаются тем, что, как правило, ни одна из них полностью не совпадает с другими.

Так, на территории Франции звук [k] в позиции перед [a] дает в различных диалектах результаты [k], [ts], [tʃ], [ʃ], [ty]. Звук [a] после k в открытом слоге > ie, e, i; группа согласных -ɔt- > vr, br, v, b, r, конечный -a > -a, -ə, o.

Поскольку каждое из этих изменений имеет собственную область распространения, латинское слово carta, содержащее перечисленные комбинации звуков, принимает в разных диалектах и говорах самые разнообразные фонетические формы.

Сопоставление провансальского cabro с испанским, португальским, каталанским cabra показывает, что изоглосса -p- > -b- охватывает юг Франции и Пиренейский п-ов, а из сопоставления *лат.* carta > *фр.* chèvre, *ссв. ит.* (болонск.) kevra, *центр. ит.* (абруцц.) kerta, *южн. ит.* (луканск.) krepə видно, что изменение ударного a > e объединяет Францию с Северной Италией, Адриатическим побережьем Центральной и Южной Италии (где это изменение распространилось сравнительно недавно).

Таким образом, фонетический облик каждого романского языка или диалекта складывается из неповторимой комбинации изоглосс, почти каждая из которых свойственна не только данному языку (диалекту), но и какой-либо смежной с ним области. Географическая непрерывность изоглоссы позволяет предполагать циркуляцию населения между языковыми коллективами и наоборот, разрыв изоглоссы свидетельствует о нарушении социальных контактов и о независимом развитии какого-либо явления в двух или нескольких языках. Так, установлено, что до варварских нашествий, т.е. до V в., романизованные Балканские провинции поддерживали тесные контакты с Италией, так что общность изменения *лат.* [kl] > *ит.* и *рум.* [kj], *лат.* [gl] > *ит.* и *рум.* [gj] казалось бы позволяет отнести этот фонетический закон к периоду, предшествовавшему изоляции Дакии от

[1] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 19.

Италии (т.е. до 271 г.); однако данные истриотского и арумынского (македорумынского) диалектов отражают стадию фонетического развития групп kl, gl, предшествующую результату kj, а именно k'l', g'l'. Таким образом, между итальянским и румынским находится более архаическая зона, сохранившая то состояние развития, которое существовало до изоляции Лакии, т.е. вплоть до 271 г. Разрыв изоглоссы kl > kj, gl > gj свидетельствует о независимом развитии этого изменения в итальянском и румынском языках. В Дакии активность фонетического процесса kl > kj, gl > gj должна была окончиться к VI в., т.к. многочисленные славянизмы, проникшие в язык будущих румын в эту эпоху сохранили сочетания kl, gl без изменения: clădire, clevetire, oglindire <*слав.* ogledati.

Карта № 4. *Основные изоглоссы итальянского ареала* (по Г. Ронльфсу и К. Мерло)

1. Южная граница озвончения взрывных интервокальных согласных: -c- > -g-, -t- > -d-. 2. « – » апокопы конечных гласных (кроме a). 3. « – » озвончения и фрикативизации интервокального -p- > -v-. 4. « – » упрощения двойных согласных -tt- > -t-, -ll- > -l- и т. д. 5. « – » синкопы предударных гласных. 6. « – » назализации гласных перед носовыми согласными. 7. Северная граница озвончения nt > nd. 8. « – » ассимиляции nd > nn, mb > mm. 9. « – » метафонических дифтонгов o̯ > uo, e̯ > ie под воздействием конечных гласных i, u. 10. « – » метафонического изменения гласных o̯ > u, e̯ > i под воздействием конечных гласных i, u.

Фонетическое явление может иметь один эпицентр и распространяться от него в разные стороны подобно «масляному пятну», но может иметь также множество очагов распространения, не связанных друг с другом во времени и в пространстве. Примером последнего случая может служить йотизация палатального [λ] > [j] в романских языках. Этот неустойчивый звук слился с фонемой /j/ во французском языке к XVIII в., в разных диалектах и говорах Испании и Латинской Америки в период от XVI до XX вв., а в румынском языке и римском диалекте итальянского языка переход [λ] > [j] произошел в дописьменный период: *лат.* folia > *рум.* foaie, *рим.* foja, *лат.* filiu > *рум.* fiu, *рим.* fijo, *лат.* muliere > *рум.* muiere, *рим.* moje.

Границы между группами языков, между языками и между диалектами устанавливаются на основании важнейших изоглосс, распределение которых всегда находит себе (или должно найти) историческое объяснение.

Прежде всего это древнейшие границы расселения разных этнических групп, подвергшихся романизации — италиков, этрусков, кельтов, кельтиберов и т.п. — границы, устойчивость которых поддерживалась последующим политико-административным членением Римской империи (provinciae, civitates), а потом и средневековой феодальной Романии (диоцезы, епископства, графства). Так, важнейший пучок изоглосс, противопоставляющий Западную Романию собственно Италии (Тоскане и Центрально-южным диалектным областям (см. карту № 3), проходит от городов Анкона, Пезаро, Римини на Адриатическом побережье до города Специя на Лигурийском побережье, точно следуя южной границе расселения галльских племен в VI–IV вв. до н. э.

Северная граница ассимиляции -nd- > -nn-, -mb- > -mm- (mundus) > monno, munnu; gamba > gamma) проходит точно вдоль речки Эзино возле Анконы, некогда отделявшей италийские племена умбров и осков от галлов-кельтов и от этрусков.

Поскольку еще во времена Римской империи торговые и военные пути (militares viae) сооружались согласно принципу divide et impera, с учетом географического и этнического членения местности, многие изоглоссы совпадают с древними римскими дорогами. Так, северная граница изоглоссы [ka] > [tʃa], [ʃa], отличающая французский диалект от нормандо-пикардских, где латинское [k] в положении перед [a] не палатализуется, проходит несколько севернее старой этнической границы по Сене и Марне, отделявшей галлов от белгов, вдоль бывшей римской военной дороги, пересекающей область белгов до Руана (Rotomagus) через Бовэ (Bellovacum), Суассон (Suessioni), Реймс (Durocortorum in Remis); граница изоглосс, по которым окситанские диалекты противопоставлены собственно французским, т.е. 1) -t- > -d-, но *фр.* [φ] (vita > *прав.* vida, *фр.* vie); 2) a > *прав.* a, но *фр.* e (pratu > *прав.* prat, *фр.* pré); 3) s + Cons. > *прав.* s + Cons, *фр.* [φ] + Cons. (testa > *прав.* testa, *фр.* tête); 4) ka > *прав.* ka, *фр.* [ʃa] (cantat > *прав.* canta, *фр.* chante), совпадает с древней дорогой, проходившей от Лиона (Lugdunum) до Бордо (Burdigala), огибая с севера Центральный Массив. См. карту № 4.

Важнейшие изоглоссы, отделяющие центрально-итальянские диалекты от южноитальянских проходят вдоль древних римских дорог — via Flaminia

и via Salaria, а также тянутся вдоль северных границ бывшего лангобардского герцогства Сполето, которое во времена господства лангобардов (568–773 гг.) было отделено от Тосканы узкой территорией, пересекавшей Умбрию и соединявшей Папскую область (Patrimonium Sancti Petri) с Равеннским экзархатом. Эта давно забытая политическая преграда оказалась стойкой диалектной границей, т.к. именно здесь прерывается целый ряд южноитальянских фонетических (и не только фонетических) изоглосс, например, озвончение глухих взрывных после носовых согласных и метафоническая дифтонгизация e > ie, o > uo под влиянием конечных гласных i и u: tempus > *ит.* tempo, *юж. ит.* tiempu, tiempo (см. карту № 3).

Географические границы изоглосс изменчивы, так как культурный престиж или политическая экспансия какого-либо языкового коллектива меняет лингвистическую карту страны.

Карта № 5. *Некоторые важнейшие изофоны галло-романского ареала* (по П. Гиро)
1. – · – · – Государственная граница Франции. 2. ——— граница галло-романского ареала. 3. ——— а южная граница изменения a > e в открытом слоге под ударением: pratum > pré/pra. 4. – – – – k северная и южная границы палатализации, k перед a: canta: > tchânte/canta. 5. ooooo d южная граница исчезновения взрывных интервокальных согласных: amata > aimée/amada.
6. ++++++ s южная граница исчезновения s перед согласным: ascultar > ecoute/escouta.

§ 72. Временны́е границы фонетических изменений. Их абсолютная и относительная хронология. *Географическое распределение фонетических явлений тесно связано с их хронологией. Чем шире ареал распространения какого-либо изменения, тем более древним оно является.* Так, ни один романский язык с самых первых своих памятников не сохранил звука-фонемы h [χ] в словах исконного латинского фонда, не сохранил фонематического признака долготы/краткости латинских гласных и дифтонгов ae, oe, не удержал звука [m] в абсолютном исходе неодносложных латинских слов. Все эти изменения совершились в народной латыни задолго до распада Римской империи, как о том свидетельствуют настенные надписи Помпеи (79 г. н. э.) Вместе с тем, изменения могут быть очень древними, но не общероманскими. Так, например, конечный -t в 3-м л. ед. и мн. числа глаголов отсутствует во многих надписях I в. н. э. (Помпеи, CIL, IV,

1173, quisquis ama valia), дифтонг au упрощался в o в народной речи уже в II–I вв. до н. э. (Clodius вм. Claudius); конечное -s также начало было исчезать в архаической латыни, но было восстановлено в литературном языке под влиянием греческого. Тем не менее, конечное -s сохранилось во всех ибероромайских языках как морфема мн. числа и 2-го л.; конечные -t, -s существовали в ст. провансальском и ст. французском и сохраняются в Сардинии и в Сев. Калабрии и Лукании. Дифтонг au сохранился в провансальском, в балкано-романских языках и в юж. ит. диалектах: *лат.* audite > *прав.* auzir, *рум.* auzi(re), а в старофранцузском исчез уже после того, как его начальный элемент успел палатализовать предшествующий взрывной согласный заднего ряда: *лат.* gaudia > *jaudie > joie; causa > *chause > chose.

Свидетельство надписей в Помпеях позволяет утверждать, что преобразование долготы/краткости латинских гласных в тембровое различие закрытости/открытости и связанное с этим совпадение по тембру долгого ē и краткого ĭ, долгого ō и краткого ŭ происходило уже в I в. н. э. Однако, несмотря на свою древность и широту распространения, это изменение не является общим для всей Романии, как это следует из сравнения романских языков:

	лат.	*ит.*	*исп.*	*прав.*	*фр.*	*рум.*	*сард.*
I	sītis	sete	sed	set	scif > soif	sete	sičis
	fīlum	filo	hilo	fil	fil	fir	filu
II	bŭcca	bocca	boca	boca	bouche	bucă	bucca
	luna	luna	luna	luna	lune	lună	luna

Очевидно, изменение ĭ > ē распространилось по всей Романии после языковой (и социальной) изоляции Сардинии, и предшествовало изменению ŭ > ō, которое могло распространиться только после изоляции Дакии.

Надписи, обнаруженные на всей территории Романии, показывают, что к IV в. н. э. в интервокальной позиции взрывные глухие согласные начали озвончаться, а заударные гласные в трехсложных («дактилических») словах имели тенденцию исчезать уже в I в. к. э. Тем не менее, каждая область Романии реализовала эти общие тенденции в разной степени и в разной последовательности. Так, во французском языке в дактилических словах типа mănica 'рукав', cŏllŏcat 'ставит' заударный гласный исчез до озвончения интервокального согласного, который, не успев озвончиться, дал в позиции перед [a] звук [tʃ]: manica > manca > manche; collocat > colcat > colche(t) > cosche 'он укладывает'. В испанском языке выпадение заударного гласного произошло после озвончения интервокального согласного: manica > manega > manga; collocat > cologat > cuelga > cuelga 'он вешает'.

Последовательность фонетических изменений, выводимая как чисто логически, так и путем сопоставления романских языков, носит название *относительной хронологии*. Относительная хронология фонетических явлений дает гораздо более точное представление об их временных границах, чем их прямая датировка, которая зачастую может просто отсутствовать. Так, свойственная большинству романских языков дифтонгизация гласных [ǫ] и [ɛ] в открытом слоге под ударением в народно-латинских письмен-

ных памятниках не засвидетельствована. Нет дифтонгов в глоссах Рейхенау и в «Страсбургских клятвах» (842 г.). Первые памятники итальянского языка – «Тяжбы монастыря Монтекассино» (960 г.) также их не содержат. Большинство исследователей рассматривают дифтонгизацию как явление сравнительно позднее (V–VI вв.), возникшее под влиянием германского суперстрата и протекавшее независимо в каждом романском языке. Однако исследования, основанные на данных относительной хронологии фонетических явлений, позволили установить следующее:

1. Дифтонгизация гласных ĕ и ŏ происходила не одновременно. Первым расщепился гласный ĕ > ie, т.к. этот дифтонг засвидетельствован в большинстве романских языков: pĕtra 'камень' > *ит.* pietra, *исп.* piedra, *фр.* pierre, *рум.* piatră. Поскольку дифтонг ie свойствен испанскому, французскому, итальянскому и румынскому, т.е. имеет длинную непрерывную изоглоссу, он должен был появиться до обособления Дакии, т.е. до середины III в. н. э. (Отсутствие дифтонгизации ĕ > ie, ŏ > uo в Португалии, в Юж. Италии и Сардинии объясняется периферийностью этих областей относительно центра инноваций, а отсутствие спонтанной, т.е. позиционно необусловленной дифтонгизации в провансальском – устойчивостью латинской культурной традиции в этой области). Дифтонгизация распространилась на гласный ŏ в открытом слоге после 271 г., т.к. дифтонг ǫ > ue, uo отсутствует в румынском, ср.: *лат.* fŏcu(m) > *исп.* fuego, *фр.* feu, *ит.* fuoco, *рум.* foc. Вместе с тем, дифтонгизация ǫ > uo, не произошла не позже IV в., т.к. мы находим в ст. французском дифтонг в таких словах, как mobile(m) > *ст. фр.* mueble > *фр.* meuble; populu(m) > *ст. фр.* puehle > *фр.* peuple; juvene(m) > jovene > *ст. фр.* juene > *фр.* jeune, где он мог возникнуть только в открытом слоге, т.е. только до выпадения заударных гласных в дактилических словах (это последнее явление датируется IV веком).

2) Широкое распространение фонетического изменения и его древность не исключают специфических особенностей его проявления в каждом романском языке. Так, в румынском и испанском дифтонг ę > ie имел место не только в открытых, но и в «закрытых» слогах, ср.: *лат.* terra > *ит.* terra, *фр.* terre, *исп.* tierra, *рум.* țară (из *tieara); *лат.* testă 'горшок', *ит.* testa 'голова', *фр.* tête, *исп.* tiesta 'голова', *рум.* țeastă 'череп'. Это расхождение объясняется различными принципами слогоделения: *ит.* tes/ta, *исп.* tie/sta, *рум.* țea/stă.

3. Как показывает географическое распределение явлений сохранности или исчезновения конечного -s, латинского дифтонга au, дифтонгизации ę > ie, совпадения или несовпадения $\bar{i} = \bar{e}$, $\bar{o} = \bar{u}$, некоторые фонетические процессы принимали различную направленность в разных областях Романии с того момента, когда побежденные народы заговорили на языке своих победителей[1].

В заключение следует заметить, что для каждого звука (или группы звуков) период его преобразования в другой звук обычно не совпадает с временными границами других фонетических изменений. Причины различ-

---

[1] См.: *Сергиевский М.В.* Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания // Вестник МГУ. – 1946. № 1.

ной длительности и неодновременности фонетических изменений можно искать как в социальных явлениях, так и в консервативных тенденциях языка, не допускающих одновременной замены большого количества звуков. Вместе с тем, не всегда удается объяснить, почему в каком-либо языке одни фонетические законы сохраняются как «живые», т.е. автоматически действующие, тогда как другие прекращают свое действие.

ГЛАВА II

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛАТИНСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РАЗНЫХ ОБЛАСТЯХ РОМАНИИ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

§ 73. Просодическая структура слова. Ударение. Его характер в латинском и романских языках. Просодическая структура латинского слова отличается от просодической структуры слов в романских языках характером ударения и различительными признаками долготы/краткости слога. Все латинские слова, в зависимости от их ритмического исхода, делятся на 1) окситонные (oxytona), т.е. имеющие ударение на конечном гласном; к ним принадлежат только односложные слова, напр., cor 'сердце', res 'вещь', sal 'соль' и т.п.; 2) парокситонные (paroxytona) с ударением на втором слоге от конца; к ним принадлежат все двусложные слова, напр., vīta 'жизнь', и трехсложные типа catēna 'цепь' или pedēster 'пеший', где предпоследний слог – долгий, т.е. содержит долгий гласный или краткий гласный в закрытом слоге; 3) дактилические или пропарокситонные (proparoxytona) с ударением на третьем слоге от конца типа sacĕllum, ocŭlus, palpĕbra, celŭbra, где предпоследний слог – краткий, так как содержит краткий гласный в открытом слоге (группа согласных, содержащая взрывной и плавный, так называемая muta cum liquida, всегда относится в латинском и романских языках к последующему гласному, оставляя предшествующий слог открытым).

Относительно типа ударения в латинском языке наука не располагает точными данными. Предполагается, что в архаической латыни сосуществовали два ударения – силовое (экспираторное, динамическое) и музыкальное. Первое имело разграничительную функцию и падало на начальный слог слова. Место второго зависело от количества слогов в слове и от долготы/краткости предпоследнего слога, т.е. также было фиксированным и поэтому не несло смыслоразличительной функции. Второстепенная роль ударения в латинской фонетической системе отразилась на правилах латинского стихосложения, где метрический рисунок основан только на чередовании долгих и кратких слогов, независимо от места ударения в словах.

При распространении латыни за пределы Лациума как на Апеннинском п-ове, так и за его пределами, эти сложные просодические нормы не были усвоены иноязычным населением и подверглись перестройке: музыкальное ударение заменилось более энергичным экспираторным, ударные гласные

в открытом слоге стали произноситься как более долгие по сравнению с ударными гласными в закрытом слоге и тем более по сравнению с безударными. Эти изменения были заложены в самой системе латинского языка, где долгие по природе гласные вызывали упрощение двойных согласных, т.е. «открывание» закрытого слога (*арх. лат.* caussa > *кл. лат.* causa, med + com > mecum > mecum). Таким образом, если в классической латыни долгота/краткость гласного не зависела от типа слога, то в народной латыни постепенно долгота гласного закрепилась за открытым, а краткость за закрытым слогом.

Кроме того, в поздней народной латыни в результате действия аналогии со стороны наиболее распространенной акцентной модели латинского языка – paroxyton – в ряде случаев происходило перемещение ударения с третьего от конца слога на предпоследний. Это слова: 1) содержащие зияние: filiólus > *н. лат.* filiólus > *ит.* figliólo 'ребенок'; parĭétem > *н. лат.* pariéte, parête > *ит.* paréte, *исп.* paréd 'стена'; petĭólus 'стебелек' > *н. лат.* petiólus > *рум.* picĭór 'нога'; 2) содержащие в предпоследнем слоге группу mute cum liquida: cólubra > *н. лат.* colobra > *исп.* culébra, *фр.* couléuvre 'уж'; integrum > *н. лат.* integru > *исп.* entéro, *фр.* entier 'целый'; cathĕdra > *н. лат.* cathēdra > *порт.* cadeira, *фр.* chaire, chaise 'кафедра', 'стул'.

Другим случаем перемещения ударения была так называемая «рекомпозиция» (перенос ударения с приставки на корень и восстановление редуцированного корневого гласного) – явление не чисто фонетическое, связанное со стремлением разговорной речи к выделению основной значимой части слова и выравниванию по звучанию однокоренных слов: cónvĕnit > *н. лат.* convénit > *ит.* conviène 'подходит'; récipit > *н. лат.* recĕpit > *ит.* riceve, *исп.* recibe, *фр.* reçoit 'получает'; incĭpit > *н. лат.* incĕpit > *рум.* incépe 'начинает'.

Аналогичными причинами, возможно, объясняется перемещение ударения в формах перфекта 3-го л. мн. ч.: amavĕrunt > *н. лат.* amá(ve)runt > *ит.* amárono, *исп.* amáron, *фр.* aimèrent; dixĕrunt > *н. лат.* dixérunt > *ит.* díssero, *фр.* dirent, *рум.* zíseră, fuĕrunt > *н. лат.* fúĕrunt, *ит.* fúrono, *фр.* fúrent, *рум.* fúră. С другой стороны, можно предположить, что здесь имело место не перемещение ударения в поздней народной латыни, а сохранение в народном языке архаической формы с ударением на основе. В своем последующем развитии из народной латыни романские слова непрерывной устной традиции не изменяли места ударения, что является важной типологической чертой романских языков (в отличие, например, от славянских).

В поздней народной латыни музыкальное ударение повсеместно вытесняется экспираторным ударением, которое приобретает наибольшую силу в областях, где влияние германского суперстрата было наиболее длительным и глубоким, т.е. в Сев. Италии и Сев. Галлии (Франция).

Сила экспираторного ударения способствовала дифтонгизации ударных гласных в открытых слогах, расщепляя долгий однородный звук на два элемента, и, выделяя ударные гласные за счет безударных, приводила к редукции последних (см. ниже, § 74).

§ 74. Изменения в ударном вокализме. Типы дифтонгизации. Романские максимальные системы гласных. Изменения в ударном вокализме

затрагивают прежде всего различительный признак долготы/краткости, свойственный латыни и отсутствующий в романских языках. Система латинских гласных под ударением и в безударных позициях одна и та же. Она содержит 10 простых фонем, которые различаются по степени подъема (верхний, средний и низкий), по ряду (передний, средний, задний) и по количеству (долгие и краткие). Кроме того, существовали три дифтонга au, ae, oe. Между долгими и краткими гласными существовали сопутствующие тембровые различия: первые были закрытыми, вторые открытыми. В народной латыни, в связи с постепенным закреплением долготы за ударным открытым слогом, противопоставление по долготе/краткости теряет свою различительную функцию (дефонологизируется). Эта функция переносится на другой артикуляторный признак – закрытость/открытость, который из сопутствующего превращается в ведущий, т.е., наоборот, фонологизируется. Так, в минимальных парах различие, ранее осуществлявшееся за счет одного фонологически релевантного признака – долготы/краткости гласного, сохраняется благодаря другому – закрытости/открытости. Например, mālum 'зло'/mălum 'яблоко'; lēvis 'легкий'/lĕvis 'гладкий, скользкий'; ōs 'рот'/ŏs 'кость'; pōpulus 'тополь'/pŏpulus 'народ', а также грамматические противопоставления vēnit, 'fūgit 'идет, бежит'/vĕnit, fŭgit 'пришел, убежал', casă *Nom.* casā *Abl.* 'домик'.

Почти одновременно с дефонологизацией долготы/краткости и фонологизацией закрытости/открытости происходило совпадение смежных по ряду фонем и стяжение дифтонгов (оба явления отчасти объясняются воздействием на разговорный латинский язык италийских диалектов). Только совпадение ă, ā > a и стяжение oe > ē и ae > ē распространились на всей территории Романии. Остальные сдвиги в вокализме народной латыни, протекавшие по-разному в разных областях, разделили Романию на четыре неравные зоны: западную (Сев. Италия и Этрурия, т.е. Тоскана, Галлия, Испания, Реция), восточную (Дакия, Далмация), сицилийскую и сардинскую. Наиболее распространенным был западнороманский тип, развитие которого схематически выглядит так:

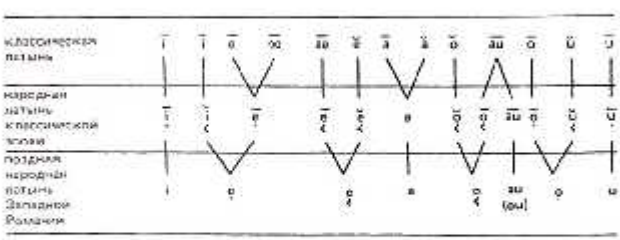

Таблица 1

Соотношение всех четырех типов вокализма, лежащих в основе системы гласных соответствующих романских языков, можно представить следующим образом:

Типы	народная латынь классической эпохи	ī	i	ĭ	ē ≤ ae	ă	au > ō	ō	ū	ŭ	11 фонем
Западный	позднен. народная латынь Тосканы, Северной Италии, Галлии, Испании	i		e	ę (ę > ie)	a	ǫ (ǫ > uo)	ǫ		u	7 фонем
Восточный	позднен. народная латынь Южной Италии, Далмации, Дакии	i		e	ę (ę > ie)	a	o		u		6 фонем
Сицилийский	позднен. народная латынь Южной Калабрии, Сицилии		i		e	a	o	u			5 фонем
Сардинский	поздняя народная латынь Северной Калабрии, Сардинии		i		e	a	o			u	5 фонем

Таблица 2

Примечание. Дифтонг ae сливался в долгое открытое ę, которое, противопоставляясь долгому закрытому ę, образовало первую фонологическую оппозицию по признаку открытость/закрытость уже в классическую эпоху. Стяжение ae > ę умбрский диалектизм, встречавшийся у Плавта; дифтонг au стянулся в долгое открытое ǫ тоже сначала на территории Умбрии. Простое o вместо au встречается в «Письмах» Цицерона. Дифтонг au сохранился в румынском, молдавском, провансальском, остороманском и в южно-ит. диалектах; в галисийском и в португальском au ассимилировался в ou (в совр. португальском ou > o).

Примеры:

лат. звуки	*лат.*	*н. лат.*	*ит.*	*порт.*	*исп.*	*кат.*	*фр.*	*рум.*	*сиц.*	*сард.*
ī	filum	filu	filo	fio	hilo	fil	fil	fir	filu	filu
i	sitis	site(s)	sete	sêde	sed	set	soif	sete	siti	sidis
e	cera	cera	cera	cêra	cera	cera	cire	ceară	cira	kera
ĕ	fel	fele	fiele	fel	hiel	fel	fiel	fiere	feli	fele
a	caput	capu	capo	cabo	cabo	cap	chef	cap	capu	kabu
ŏ	rota	rota	ruota	roda	rueda	roda	roue	roată	rota	roda
o	sol	sole	sole	sol	sol	sol	soleil	soare	suli	sole
ŭ	bucca	bucca	bocca	bôca	boca	boca	bouche	bucă	vucca	bukka
ū	luna	luna	luna	lua	luna	lluna	lune	lună	luna	luna
				западнороманский тип				вост.	сиц.	сард.

Итак, при усвоении латыни разноязычным населением Римской империи произошло упрощение классической латинской системы гласных.

Во всех проторомансских зонах не изменили своего места в системе только три гласных: ī, a, ū, представляющие максимально отличные друг от друга фонемы.

В результате смещений образовались три разных системы простых гласных:

а) четырехступенчатая, семифонемная в западной зоне:

б) трехступенчатая пятифонемная в Сицилии и Сардинии:

в) несимметричная шестифонемная восточной зоны:

Одинаковые по составу простых гласных системы, сицилийская, сардинская и испанская, дают разное распределение гласных в словах, из-за различной истории одинаковых латинских фонем в разных языках: *лат.* sole > *сард.* sole, *сиц.* sule, *исп.* sol.

Все типы протороманского вокализма, существовавшие на всем протяжении Романии, были представлены в диалектах Италии. Это служит иллюстрацией того не раз отмечавшегося факта, что диалектные различия всегда более ярко выражены в области первоначального распространения какого-либо языка, чем в областях его позднейшей экспансии.

Вторым этапом на пути становления романского вокализма явилось расщепление ударных гласных [ę] и [ǫ] на восходящие дифтонги ie и uo, ue.

В стороне от этого процесса остались такие периферийные области как Сардиния, Сицилия и Португалия. В Окситании и Каталонии дифтонгизация этих гласных происходила только перед палатальным согласным или йот, т.е. была позиционно обусловлена: nocte(m) > *пров.* nuoit, nueit, nuech, *кат.* nit; oculum > oclu > *пров.* uolh, uelh, *кат.* ull; lectum > *пров.* lieit, liech, *кат.* llit (в каталанском эти дифтонги стянулись). В южноитальянских диалектах дифтонгизация латинских ẽ, ǫ̃ происходила только перед латинскими конечными гласными ī, ū, т.е. была обусловлена ассимилирующим метафоническим воздействием закрытых гласных следующего слога. Поскольку в большинстве южноитальянских диалектов все конечные гласные слились в неясном гласном [ə], чередование гласных корня, возникшее благодаря метафонии, приняло на себя морфологическую нагрузку флексии: bonus > *неап.* buonə, bona > *неап.* bonə; venīt (3-е л.) > vene > *неап.* venə, но venis 2 л. > veni > *неап.* vienə.

В Балканской латыни распространился только один спонтанный (т.е. позиционно необусловленный) дифтонг ę > ie (как в открытом, так и в закрытом слоге). Гласные [ǫ] и [ǫ] слились в одну фонему, которая не давала спонтанного дифтонга. Однако, подобно южно-итальянским диалектам, румынский располагает метафоническими дифтонгами [ę], [ę] > [ea], [ǫ] > [oa], которые возникли под действием конечного латинского –

[a] (первый) и конечных латинских — [a] и [e] (второй). Чередование гласных корня в румынском также несет морфологическую нагрузку (образование рода, числа существительных, 1-е, 2-е и 3-е л. у глаголов). Спонтанный дифтонг ę́ > ie также попадает под действие конечного [a] и через стадию [iea] превращается в [ia]: pĕtra > pietra > pieatra > piatră. Все дифтонги в румынском возможны как в открытом, так и в закрытом слоге.

В итальянском языке (тосканском диалекте) существует только спонтанная дифтонгизация ę > ie, ǫ > uo и только в открытом слоге. В испанском языке существует так же, как в итальянском, только спонтанная дифтонгизация ę > ie, ǫ > uo > ue, но так же, как в румынском, она распространяется на открытый и на закрытый слоги.

Во французском языке спонтанная дифтонгизация затронула сначала (IV–V в.) только два открытых гласных в открытых слогах: ę > ie, ǫ > uo > *ст. фр.*, ue > совр. [œ]; однако после франкского нашествия (V–VIII в.) дифтонгизировали в открытых слогах еще три гласных: ǫ > ou > eu > *совр. фр.* [ø]; ę > ei > oi > [oe] *совр. фр.* [wa], и гласный a > ae, который еще в дописьменный период стянулся в [e].

Различные условия дифтонгизации латинских гласных в основных романских языках представлены в следующей таблице:

звуки / *языки*	*откр. сл.* ę	*закр. сл.* ę	*откр. сл.* ę	*закр. сл.* ę
лат.	mel	ferrum	credit	sĭcca
порт.	mel	ferro	cre	seca
ит.	miele	ferro	crede	secca
исп.	miel	hierro	cree	seca
рум.	miere	fier	crede	seacă
фр.	miel	fer	croit	sèche
перевод	'мед'	'железо'	'верит'	'сухая'

звуки / *языки*	*откр. сл.* ǫ	*закр. сл.* ǫ	*откр. сл.* ǫ	*закр. сл.* ǫ
лат.	focum	fortem	florem	forma
порт.	fogo	forte	flor	forma
ит.	fuoco	forte	fiore	forma
исп.	fuego	fuerte	flor	horma
рум.	foc	foarte	floare	(forma)
фр.	feu	fort	fleur	forme
перевод	'огонь'	'сильный'; 'очень'	'цветок'	'форма'

§ 75. Изменения в безударном вокализме. Романские минимальные системы гласных. Изменения в безударном вокализме, общие для всей Романии, кроме Сардинии, где латинские долгие и краткие гласные попарно совпали как в ударных, так и в безударных слогах, *сводятся к трем типам сокращений гласных:* 1) полная редукция, т.е. синкопа заударных или предударных и апокопа конечных; 2) совпадение фонем путем нейтра-

лизации противопоставления по степени подъема; 3) образование в безударных слогах неясных (беглых) гласных среднего ряда.

Заударные и предударные гласные. Синкопа заударных. Наиболее ранние случаи синкопы имели место уже в архаической латыни: *н. лат.* dēdĕrunt > dedro (CIL, I, 2378); domĭna > domna; calĭdus > calcus у Плавта. В народной латыни синкопе подвергались заударные гласные в пропарокситонных словах, находящиеся между взрывной и плавной или плавной и взрывной, т.е. между согласными, образующими уже существующие в классической латыни группы kl, pl, ld, rd, st, sc, sp и т.п. Ср., напр., App. Probi : oculus non oclus, vetulus non vechus, calĭca non calda, viridis non virdis. Это – протороманская синкопа, т.к. все эти «ошибочные» формы разговорного латинского языка лежат в основе соответствующих романских слов:

it. occhio, vecchio, caldo, verde
исп. ojo, viejo, caldo, verde
фр. œil, vieil, chaud, vert

Дальнейший процесс исчезновения заударных гласных в пропарохутона проходил в разных областях Романии с различной интенсивностью. В Сев. Галлии (Франция) заударные исчезли во всех словах устной традиции еще в дописьменный период, т.е. к IX в., тогда как в народной латыни Прованса и на Пиренейском п-ве многие слова сохранили заударный гласный, утратив конечный: *лат.* iuvĕnis 'молодой' > н. лат. *jovene > *juevene > *juevne > *cf. фр.* jeune > *фр.* jeune [ʒœn], но *провanс.* jove, *исп.* jóven [χowen]; arbŏrem 'дерево' > *фр.* arbre, но *исп.* árbol, *порт.* arvore. В сардинском, южно-итальянских диалектах, в итальянском и в румынском заударные гласные, не исчезнувшие в народной латыни к IV в. н. э., обычно сохраняются. Таким образом, синкопа заударных – регулярный фонетический закон только для Сев. Галлии, тогда как в других областях речь идет лишь о большем или меньшем количестве пропарохутона, утративших этот гласный:

лат.	*н. лат.*	*фр.*	*исп*	*сард.*	*it.*	*рум.*
hŏmines 'люди'	hŏmines homines	hommes [ɔm]	hombres [ombres]	omines	uomini	oameni
pectĭnem 'гребень'	pectne pectine	peigne [peɲ]	peine	pettene	pettine	pieptene

В румынском и молдавском языках сохраняются некоторые пропарохутона, превратившиеся в итальянском в парохутона после утраты заударного гласного (большая консервативность румынского объясняется изолированным положением Дакии и ее «периферийностью» относительно очага народнолатинских нововведений – Средней и Северной Италии):

лат.	*рум.*	*ит.*
púlicem 'блоха'	púrice	púlce
dígitum 'палец'	déget	díto
nébúlam 'туман'	négură	nébbia

Точно так же португальский, как язык удаленной области по сравнению с испанским, проявляет, точнее, проявлял до XVI в., большую консервативность, зачастую сохраняя заударный гласный в словах, где он был утрачен в испанском, ср. homines *исп.* hombres из *н. лат.* hommes, но *порт.* homens из *лат.* homines.

Синкопа предударных неначальных гласных характерна для галлороманских и иберо-романских языков, в отличие от сардинского, итальянского, румынского.

лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*
collocare 'помещать', 'ставить'	entricare 'укладывать'	colgar 'вешать'	coucher 'укладывать'
masticare 'жевать'	masticare	mascar	mâcher
judicare 'судить'	giudicare	juzgar	juger

В некоторых сев.-ит. диалектах (пьемонтский, эмилиано-романьольский) синкопируются все предударные, в том числе и начальные:

pectinare 'причесывать' > *ит.* pettinare, *болон.* pner;
stomachum 'желудок' > *ит.* stomaco, *болон.* stmeg;
peccatum 'грех' > *ит.* peccato, *болон.* pca;
hospitalem 'приют', 'гостинать' > *ит.* spedale, *болон.* sbdel.

Апокопа гласных, в отличие от синкопы, не регистрировалась поздними латинскими грамматиками и не отражена в надписях. По-видимому, она должна была начаться в галло-романском варианте народной латыни в период франкского и лангобардского нашествия (V–VI вв.), т.к. именно во Франции и в Сев. Италии она представлена наиболее широко. Апокопа всех конечных гласных кроме [a] является регулярным фонетическим законом для французского, провансальского, каталанского и большинства сев. ит. диалектов. Конечный [a] во французском языке превратился в неясный гласный [ə], который в современном языке замолк; в провансальском конечный [a] сохранился или превратился в [o]. **В испанском** языке апокопе подвергался только гласный ~ [e] в абсолютном исходе слова и только после сонорных n, l, r и фрикативных [ʧ] и [θ]; встречающаяся

в староиспанском апокопа ~ [e] после -nt- галлицизм. В португальском языке возможна также только апокопа ~ [e] после сонорных согласных m, r, l, реже после z и d (ср. sĭtis 'жажда' > *исп.* sed, *порт.* sêde); после r, l она также может отсутствовать (ср. *лат.* arborem > *порт.* arvore, *исп.* árbol). В итальянском языке как признак слова апокопа отсутствует. Она возникает только после плавных r, l, n в фоносинтаксисе, внутри слитных синтаксических групп, эквивалентных слову (amor proprio 'самолюбие', bel canto 'бельканто', buon giorno 'добрый день', parlar bene 'говорить хорошо'). В раннем румынском, как и в итальянском, апокопа отсутствовала. Однако в процессе образования современного языка произошло постепенное замолкание конечного [u] и конечного [i], исчезнувшего после смягчения предшествовавшего согласного (*лат.* lupi 'волки' > *рум.* lupi [lup']. Кроме того, в румынских инфинитивах произошла апокопа последнего слога -re (во французском и каталанском замолкание r в инфинитивах произошло после апокопы [e], тогда как в румынском конечное [e] апокопе не подвергалось). Примеры:

лат.	siti(m)	fele(m)	lupu(m)	cantare	domina(m)
ит.	sete	fiele	lupo	cantare	donna
рум.	sete	fiere	lup	cînta [kînta]	doamnă
порт.	sêde	fel	lôbo	cantar	dona
исп.	sed	hiel	lobo	cantar	dueña, doña
кат.	set	fel	llob [λop]	cantar [canta]	dona
фр.	soif	fiel	loup [lu]	chanter [ʃãte]	dame 'госпожа'
	'жажда'	'желчь'	'волк'	'петь'	'женщина'

Превращение синкопы и апокопы в регулярные фонетические законы и расширение сферы их действия связаны с усилением экспираторного ударения, которое во Франции и Сев. Италии и в меньшей степени в Испании было обусловлено как кельтским субстратом, так и германским суперстратом. Области, изолированные и не подвергавшиеся существенному воздействию германского суперстрата, как Португалия, Дакия и особенно Сардиния, а также Тоскана и Юг Италии, сохраняют в своих языках и диалектах ритмическую структуру латинских слов.

В итальянском языке (тосканском диалекте), где максимальная система состоит из 7-ми гласных, в безударных неконечных слогах возможно противопоставление лишь 5-ти гласных, а в конечном неударном слоге — 4-х гласных o, a, i, e. В сицилийском диалекте, где максимальная система состоит из 5-ти гласных, минимальная – для конечных неударных слогов – сведена к трем: a, u, i. Сравните:

н. лат.	*ит.*	*сиц.*
bellu	bello	beddu – 'красивый'
bella	bella	bedda – 'красивая'
belli	belli	beddi – 'красивые'
belle	belle	beddi – 'красивые'

В литературном итальянском языке (и диалектах Тосканы) и в сицилийском диалекте неясных гласных нет.

В южноитальянских диалектах, где под ударением различается 7 или 6 гласных, в неударных слогах противопоставляется 4 или 3 гласных, а в конечном слоге (в абсолютном исходе) в большинстве диалектов все гласные слились *в неясном звуке* [ə]. При этом морфологическая нагрузка (род, число) переносится на чередование гласных корня, вызванное метафоническим воздействием конечных латинских [i] и [u], слившихся позднее в гласном [ə]: bonus > *неап.* buonə, но bona > bonə.

В португальском языке, где максимальная система состоит из 8 или 7 гласных, минимальных систем несколько: в абсолютном начале слова различаются 4 гласных i, a, o, u; в предударном и заударном неконечном 2 гласных – неясный гласный [ə] и [u], которые стремятся к полной редукции (например, слова arbore(m) 'дерево' > *порт.* arvore [arvurə] > [arvrə]; persona 'лицо' > *порт.* pessoa [pəsoa] > [psoa]; в конечном слоге три гласных – a, u, ə.

В каталанском языке, где система-максимум состоит из 7 гласных, в минимальной системе неконечных слогов представлены три гласных: [i], неясный гласный [ə], в котором нейтрализованы фонемы /a/, /ę/, /ę/ максимальной системы, и гласный [u], который также представляет три фонемы /u/, /ǫ/, /ǫ/. В конечном слоге возможны (не считая нисходящих дифтонгов) только два гласных – [ə] и [i].

Во французском языке, после обязательной синкопы всех заударных и большинства предударных неначальных, а также апокопы всех конечных, кроме [a], которое дало [ə], оставшиеся неударные гласные не сокращали количества своих различительных признаков, так что система гласных для ударных и неударных слогов одна и та же. В отличие от перечисленных выше систем с колеблющимся вокализмом и неясным гласным (что акустически производит эффект нечеткости, смазанности произношения), французский язык обладает устойчивым вокализмом.

В испанском и румынском языках также нет неясных гласных и почти не различается ударный и неударный вокализм.

§ 76. Общероманские изменения согласных. Этапы палатализации. Образование аффрикат и мягких согласных. Система латинских согласных выглядит следующим образом:

место образования, способ образования	губные и лабиодентальные	зубные и альвеолярные	переднеязычные (апикальные)	среднеязычные (палатальные)	заднеязычные	
					велярные	лабиовелярные
взрывные	p, b	t, d			k, g	qu, gu
фрикативные	f, v		s	j	h	
сонорные	m	n	r, l			

Каждый согласный (кроме h, j, qu и gu) имел фонологический признак долготы/краткости, другими словами, простые согласные противопоставлялись геминатам.

Первым и основным новшеством явилось образование в народной латыни (в III в. н. э.) отсутствовавших в классической латыни аффрикат [ts], [dz], [tʃ], [dʒ] — пока только как позиционных вариантов фонем /t/ и /d/ перед полугласным йот [j]. Сама фонема /j/, известная классической латыни, расширила сферу своего употребления благодаря сужению гласных [i] и [e] в зиянии (vinea non vinia, lancea non lancia, App. Pr.).

При этом звуки [dj], [gj], [j] слились в аффрикате [dʒ] — в некоторых областях [dz] или [j] (в надписях zebus CIL, XIV, 1137 вм. diebus, Dat. Abl. Pl. 'день') ср.: medi(u)m 'середина' > *ит.* mezzo [meddzo], *порт.* meio [meju], radius 'луч' > *ит.* raggio [raddʒo] 'луч' и *лублет* razzo [raddzo] 'ракета', *исп.* rayo [rajo], *фр.* rayon [rejõ]. В свою очередь, звуки [tj] и [kj] в некоторых областях совпали (в надписях terminaciones, definiciones CIL, VII, 8812 вм. terminationes, definitiones) и образовали аффрикаты [ts] — в некоторых областях [tʃ], [iz] ср.: lancea 'копье' > *н. лат.* lancia [lantʃja] > *ит.* lancia [lantʃa], *исп.* lanza [lanθa], *фр.* lance [lãs]; rationem 'разум' > *ст. фр.* raison [raizõn] > *совр. фр.* [rezõ].

Вторым, почти одновременным первому, процессом была палатализация согласных g, k перед гласными переднего ряда i, e. Звук g + e, i дал в Галлии, Испании, Италии и Дакии аффрикату [dʒ]; звук k + e, i преобразовался в аффрикату [tʃ] в Тоскане, Центральной и Южной Италии и в Дакии. Сардиния и Далмация, затронутые первой палатализацией (под влиянием йот), во второй палатализации участия не приняли и сохранили латинские велярные k, g в позиции перед e, i.

Третьим существенным изменением, также достаточно ранним, т.к. оно затронуло все области Романии, была палатализация сонорных l, n в позиции перед йот, давшая звуки [ʎ] и [ɲ].

В дальнейшем произошло ослабление артикуляций: аффриката [ts] упростилась: во *фр.* [s], в *порт.* [s], в *исп.* [θ]; аффриката [dʒ] упростилась: во *фр.* [ʒ], в *порт.* [ʒ], в *исп.* [x]; мягкое [ʎ] ослабилось в [j] в рум., фр., южных диалектах ит. языка. В сардинском палатализация сонорных приняла специфический характер, подчеркивающий обособленность этой лингвистической области.

Примеры трех общероманских палатализаций

	I		II		III	
лат. звуки / языки	[kj]	[tj]	[ke, ki]	[ge, gi]	[lj]	[nj, gn]
лат.	faciēs	patĕus	cera	gelum	palea	vinea
н. лат.	facija	patĕju	cera	gelu	palja	vinja
ит.	faccia [tʃ]	pozzo [ts]	cera [tʃ]	gelo [dʒ]	paglia [ʎ]	vigna [ɲ]
порт.	face [s]	poço [s]	cera [s]	gêlo [ʒ]	palha [ʎ]	vinha [ɲ]
исп.	haz [θ]	pozo [θ]	cera [θ]	hielo [j]	paja [x]	viña [ɲ]
кат.	feix [ʃ]	pou	cera [s]	gel [ʒ]	palla [ʎ]	vinya [ɲ]
фр.	face [s]	puits [j]	cire [s]	gêle [ʒ]	paille [j]	vigne [ɲ]
рум.	față [ts]	puț [ts]	ceară [tʃ]	ger [dʒ]	paie [j]	vie [j]
серд.	fattsa [ts] 'лицо'	puttsu [ts] 'колодец'	kera [k] 'воск'	gelu [ʤ] 'мороз'	paza [z] 'солома'	bindza [ndz] 'виноградник'

Последующее распространение палатализации на сочетания mj, bj, vj, cl, gl, ct, cs(x), g+ a, k + a, d + i, на геминаты ll и nn произошло уже после распада Римской империи, когда относительное единство разговорного латинского языка было нарушено, и каждая область по-своему продолжала эту общую тенденцию:

лат. звуки / языки	kl-	-kl-	-kt-	-ks-	-mj- -bj- -vj-	ka- ga-	ll, nn	di de
лат.	clavis	oculus	nox	coxa	rabies	cattus	vallis annus	dicere
н. лат.	clave	oclu	noete	coxa	rabia	catto gattu	valle annu	dicere
ит.	chiave [kj]	occhio [kj]	notte	coscia [ʃ]	rabbia	gatto	valle anno	dire
порт.	chave [ʃ]	olho [ʎ]	noite [it]	coxa [ʃ]	raiva [jv]	gato	vale ano	dizer
исп.	llave [ʎ]	ojo [x]	noche [tʃ]	cojo [tx]	rabia	gato	valle año [ʎ], [ɲ]	decir
кат.	clau [kl]	ull [ʎ]	nit [it]	coixa [ʃ]	rabia	gat	vall any [ʎ], [ɲ]	dir
фр.	clef [kl]	œil [j]	nuit [it])	cuisse [is]	rage [ʒ]	chat [ʃ]	val an	dire
рум.	cheie [k'] 'ключ'	ochi [k'] 'глаз'	лоарte [pt] 'ночь'	coapsă [ps] 'ляжка'	– 'бешенство'	– 'кот'	vale, an 'долина' 'год'	zice [z] 'говорить'

Как видно из этой таблицы, палатализация получила наибольшее распространение во французском и испанском языках; наименьшее – в итальянском и румынском. Первые четыре группы – начальное [kl], интервокальное -kl-, -kt- и -ks – так или иначе изменились во всех романских языках, тогда как mj, bj, vj, ka, ga палатализовались только во французском (частично в провансальском), ll, nn – только в испанском, di, de – только в румынском (в интервокальном положении также и в провансальском: videre > vezer). Палатализация привела не только к возникновению новых звуков, но и к упрощению консонатных групп внутри слова и, следовательно, к превращению многих закрытых слогов в открытые.

§ 77. Развитие согласных и групп согласных в интервокальной позиции. Следующим важным изменением на пути превращения латинской системы согласных в романские явилось *ослабление интервокальных согласных* (взрывные > фрикативные; глухие > звонкие; геминаты > простые согласные).

Одним из первых проявлений этого процесса была, по-видимому, фрикативизация интервокального -b- > -w- > -v-, из-за которой согласные [b]ᵎ и [v] в некоторых областях Романии (в центре и на Юге Италии и в Испании) слились в одну фонему с двумя позиционными вариантами: b – в начале слова, -w- или -v- в интервокальном положении. В результате латинские сло-

ва, начинавшиеся с v-, заменили его на b- (явление, называемое «бетацизмом».) Это народнолатинское изменение не получило всеобщего распространения (во многих южноитальянских и сицилийских диалектах b в начале слова или слога превратилось в v: barba > *сиц.* variva; carbone > carvone (что засвидетельствовано в памятнике XI в. – надписи в церкви Сан-Клементе в Риме). Следы бетацизма остались в таких словах, как *ст. ит.* bocе (вм. voce) < *лат.* vocem. *исп.* boda 'свадьба' < *лат.* vota. Однако в испанском языке, где b и v – позиционные варианты одной фонемы (ср. vivir [biwir] и beber [bewer]), эта артикуляторная особенность является до сих пор живым фонетическим законом. В других романских языках народнолатинский закон -b- > -v-, рано прекративший свое действие (ранние латинизмы типа cibum > *ит.* cibo 'пища' ему уже не повинуются), успел, однако, охватить наиболее частотные слова народной устной традиции:

лат. habere, debere; *ит.* avere, dovere; *фр.* avoir, devoir; *рум.* (a)avea. Во французском, провансальском, каталанском и румынском интервокальное -v- в большинстве случаев вокализуется и совсем исчезает: bibere > *прав.* beure, *фр.* boire, *рум.* (a)bea.

Вторым по времени и по широте своего географического распространения был закон озвончения глухих взрывных интервокальных -p-t-c > -b-d-g, и фрикативного s > z, возникший, судя по надписям, в IV в. и охвативший Сев. Италию, Францию и Испанию. В Тоскане, несмотря на большое количество заимствованных с Севера слов с озвонченным согласным (ripa > *ит.* riva 'берег', recipere > *ит.* ricevere 'получать', см. выше §§ 69, 70) в исконнотосканском словарном фонде озвончения не было, так же, как и в Дакии. Озвончение глухих согласных сопровождалось в Галлии и на Иберийском п-ове фрикативизацией или исчезновением звонких, с одной стороны, и упрощением геминат, с другой. В Тоскане и в Дакии латинские звонкие интервокальные сохранялись; что касается геминат, то они сохранились в итальянском языке, но упростились в румынском, так же, как в Сев. Италии, Франции и Испании:

лат. звуки / языки	p	t	c	d	g	tt	cc
лат. (*и лат.*)	lupa	vita	acutu	nudu credere	rega	gattu, caltu	siccus, sicca
ит.	lupa	vita	acuto	nudo, credere	rega	gatto	secco secca
рум.	lupă	(viaţă)	acut	credea	–	–	sec seacă
исп.	loba	vida	agudo	nudo creer	arruga	gato	seco seca
порт.	lôba	vida	agudo	nu crer	rua	gato	seco seca
кат.	lloba	vida	agut	nu creure	arruga	gat	sec seca
фр.	louve	vie	aigu	nu croire	rue	chat	sec sèche
	'волчица'	'жизнь'	'острый'	'голый' 'верить'	'морщина', 'улица'	'кот'	'сухой', 'сухая'

Более ограниченный характер имели изменения сонорных согласных в интервокальном положении. Согласный **r** — самый устойчивый из согласных звуков в романских системах. Его исчезновение отмечается лишь в тосканском диалекте (и литературном итальянском) только в суффиксе **-arius** > *ит.* -aio (в ит. словах южного происхождения — aro; ср. carbonarius > *ит.* carbonaio 'угольщик', carbonaro 'карбонарий'); а также во французском и каталанском, где интервокальное **-r-**, ставшее конечным после апокопы гласного, замолкло: cantare > *фр.* chante(r), *кат.* canta(r). Исчезновение интервокальных [l] и [n] — фонетический закон португальского языка: caelum > *порт.* ceu 'небо', luna > *порт.* lua. В румынском языке простой интервокальный [l] превратился в [r]: caelum > cer [tʃer].

Развитие сонорных геминат также имеет свою специфику: в испанском и португальском упростились все геминаты, кроме одной — [rr], противопоставление которой простому [r] фонологически значимо. В испанском языке геминаты [ll] и [nn] упростились путем их палатализации: [ll] > [λ], [nn] > [ŋ], в сицилийском и сардинском [ll] дал геминату [ḍḍ] — какуминальный звук, образуемый кончиком языка, загнутым внутрь (stella > *сиц.* stiḍḍa); в гасконском [ll] дал [r]: gallina > garina.

Интервокальная позиция, где происходили описанные выше изменения, с точки зрения структуры слога и слова является сильной, и согласные, ее занимающие, несут высокую различительную нагрузку. Однако с точки зрения фонетических условий эта позиция согласных благоприятствует их ассимиляции гласным (ослаблению их артикуляции), что вызывает своего рода конфликт между структурной важностью позиции и ее фонетической неустойчивостью.

Как полагают некоторые исследователи, упрощение геминат в Западной Романии, приводящее к образованию омонимов, требовало создания новой материальной базы для функциональной нагрузки совпадавших фонем и вызвало изменение простых согласных в сторону их озвончения; в свою очередь, угроза совпадения озвонченных глухих с первоначальными звонкими заставили последние отступить, т.е. превратиться в фрикативные, аспираты или исчезнуть. Таким образом, возникла последовательная цепочка изменений интервокальных согласных, типичных для Франции, Сев. Италии и Испании: tt > t, t > d, d > z, đ, ð.

Хотя эта идеальная «цепная реакция» в действительности для каждого ряда звуков имела свою хронологическую последовательность (так, фрикативизация интервокального **-b-** > **-v-** началась до озвончения **-p-** > **-b-** и продолжала действовать в некоторых областях и после озвончения глухих, ср. *лат.* debere > *ит.* dovere, *фр.* devoir, но *лат.* sapere > *ит.* sapere, *фр.* savoir), и хотя в некоторых языках, как, например, в румынском, после упрощения глухих геминат простые глухие согласные не озвончились (откуда омонимы типа *лат.* casa > *рум.* casă 'дом' и *лат.* capsa > cassa > *рум.* casă 'ящик'), все же нельзя отрицать того факта, что артикуляторные изменения в общих чертах регулируются функциональной нагрузкой. Так, описанное выше упрощение сонорных латинских геминат [nn] и [ll] в испанском, португальском и румынском почти нигде не привело к их совпадению с простыми [n] и [l]:

н. лат.	[nn] – [n],	[ll] – [l]:	arnnu	– luna,	calle	celu
исп.	[ɲ] – [n],	[ʎ] – [l]:	año	luna,	calle	– cielo
порт.	[n] – [ɲ],	[l] – [ʎ]:	ano	lua,	cale	– ceu
рум.	[n] – [n],	[l] [r]:	an	– lună,	cale	cer

Таким образом, функциональная нагрузка латинской оппозиции nn/n, ll/l была пропорционально перенесена на другую звуковую базу в разных романских языках.

Столь же разнообразным было развитие групп согласных – как в начале слова (где они сохранялись лучше), так и в интервокальной позиции, где первый согласный закрывал слог (находился в слабой – имплозивной – позиции), а второй открывал слог (занимал сильную – эксплозивную – позицию). Наиболее ранним и общероманским было упрощение группы ns > s, которое было свойственно еще архаической латыни (в надписях cosol вм. consul, meses вм. menses). Устранение имплозивных согласных путем их вокализации или ассимиляции другому согласному, в том числе путем палатализации обоих, есть проявление тенденции большинства разговорных языков к открытому слогу. Эта тенденция, типичная для испанского и старопортугальского, скрещиваясь с тенденцией к устранению неударных гласных, приводит к образованию новых групп согласных и, следовательно, новых закрытых слогов, как это произошло в галло-романских языках еще на раннем этапе их развития, и происходит в настоящее время в португальском и в разговорном французском.

Ритмическое чередование открытых и закрытых слогов, ударных и четких неударных гласных характерно для итальянского языка, где ассимиляция в консонантных группах приводит к образованию геминат и не вызывает изменений в структуре слога.

Различия в развитии групп согласных видны на следующей таблице:

лат. звуки	*начальные*				*интервокальные*			
языки	kl-	pl-	bl-	-kl-	-kt-	-ks-	-gn-	-lt-
н. лат.	clave	plenu	blancu (герм.)	oclo	lacte	dixit	lignu	altru
ит.	chiave [kj]	pieno [pj]	bianco [bj]	occhio [kkj]	latte [tt]	disse [ss]	legno [ɲ]	altro [lt]
рум.	cheie [k']	plin [pl]	(alb)	ochi [k']	lapte [pt]	zise [s]	lemn [mn]	alt [lt]
исп.	llave [ʎ]	lleno [ʎ]	blanco [bl]	ojo [x]	leche [tʃ]	dijo [x]	leño [ɲ]	otro [t]
порт.	chave [ʃ]	cheio [ʃ]	branco [br]	olho [ʎ]	leite [it]	disse [s]	lenho [ɲ]	outro [u:]
кат.	clau [kl]	ple [pl]	blanc [bl]	ull [ʎ]	llet [t]	digué	llenya [ɲ]	altre [lt]
фр.	clef	plein	blanc	œil	lait *ст. фр.* [it]	dist *ст. фр.* [s]	leigne *ст. фр.* [ɲ]	autre [t]
	[kl] 'ключ'	[pl] 'полный'	[bl] 'белый'	[j] 'глаз'	'молоко'	'сказал'	'дерево', 'другой' 'бревно'	

§ 78. **Развитие конечных латинских согласных.** Эволюция конечных латинских согласных связана с судьбой латинских именных и глагольных флексий. В конце слова встречались согласные r, l, n, c, m, t, s, из которых только три последних имели морфологическую нагрузку (если не считать пассива на -r, не популярного в разговорной народной речи и не оставившего следов в романских языках). Согласные -m, -t, -s, входя в состав флексий, возникали в речевой цепи гораздо чаще, чем -r, -l, -n, -k и были подвержены редукции, несмотря на свою высокую функциональную нагрузку.

Согласный -m был слабым («беглым») уже в классической латыни: содержащий его слог при стихосложении подвергался элизии (апокопе). Оформляя винительный падеж ед. ч. всех существительных м. и ж. родов, конечный -m обладал очень высокой частотностью (предсказуемостью) и исчез раньше других, не оставив никаких других следов в романских языках кроме *N.* res. – *Acc.* rem 'вещь' > *фр.* rien 'ничего' и cum с > *исп., ит.* con. Согласный -s, столь же частотный, как и -m, редуцировался в архаической латыни, но в литературном и разговорном языке классического периода был восстановлен и вместе с языком римской администрации закрепился в провинциях Сардинии, Испании и Галлии. В сардинском -s сохраняется как морфема 2-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн. ч. глаголов, мн. числа существительных и прилагательных, а также у некоторых существительных в ед. числе: *лат.* sitis 'жажда' > *сард.* sidis, *лат.* tempus > *сард.* tempus. В испанском, португальском, каталанском языках согласный -s сохраняется как морфема 2-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн. ч. глаголов и мн. числа всех существительных. У существительных ед. ч. конечный -s не сохранился, за единичными исключениями (*кат.* cos, *лат.* corpus, но *исп.* cuerpo, *порт.* corpo; *исп.* Dios, *порт.* Deus – латинизмы, в отличие от *кат.* Deu). В старофранцузском и старопровансальском помимо вышеуказанных морфем числа и лица глаголов, конечное -s оформляло также именительный падеж ед. ч. и косвенный падеж мн. числа, восходящий к латинскому винительному. После исчезновения двухпадежной системы (XIV в.) в галло-романских языках замолкает также конечное -s[1]. Конечное -t, входившее в состав глагольных морфем 3-го л. ед. и мн. числа, сохраняется в сардинском языке, в диалекте сев. Кампании – юж. Лукании и присутствовало в старофранцузском и старопровансальском, где оно замолкло к XIV в. В иберороманских языках конечное -t не сохранилось. В итальянском и румынском конечные -t и -s не оставили следов.

Сохранение -s и, частично, -t в Галлии и на Иберийском п-ове иногда объясняют характером романизации этих областей, которая совершалась не только за счет военных поселений, но и путем приобщения местного населения к римской культуре и администрации, т.е. принесла с собой латинский язык классической эпохи во всех его функциональных стилях. Преподавание латинского языка в школах пропагандировало литературную норму, где ослабевающие согласные восстанавливались, и, очевидно, выговаривались с особой четкостью. Труднее объяснить сохранение -t и -s в Сар-

[1] В современном французском языке конечные -s и -t сохраняются в случае liaison, т.е. на стыке двух слов, из которых второе начинается с гласного.

линии, где среди колонистов превалировали сельские слои населения. В Италии среди необразованных слоев населения конечные согласные -s и -t ослабли, видимо, почти повсеместно ко времени завоевания Дакии (106 г. н. э.). Дакия же, получив латинский язык преимущественно устным путем, через солдат и колонистов, приняла его наиболее народный стилистический вариант. Конечное -t исчезло в Италии гораздо раньше, чем конечное -s, как об этом свидетельствуют помпейские надписи (quisquis ama valia). Как полагает Г. Рольфс, замолкание -s произошло уже в период раннего средневековья, т.к. в некоторых говорах сев.-зап. Тосканы до сих пор существует множественное число la capra (*ит.* le capre), do finestra (*ит.* due finestre), омонимичное единственному, восходящее к латинскому *Acc.* illas capras, duo finestras. Кроме того, обязательное удвоение начального простого согласного после слов tre *лат.* tres 'три', и più *лат.* plus 'больше' в итальянском языке Тосканы и всей Центральной и Южной Италии – tre cani [treccani], più caro [piuccaro] свидетельствуют о сравнительно недавнем присутствии конечного -s, ассимилированного последующему согласному.

Что касается конечных r, l, n, c и s, которые встречались у латинских существительных в именительном падеже с нулевой падежной флексией (cor, amor, animal, nomen, lac, tempus), их сохранение в романских языках зависело от сохранения того или иного слова в форме именительного падежа (как cor *фр.* coeur, *прав.* cor), а не в форме общего косвенного падежа, лежащего в основе большинства романских слов (напр., ámor – amór(em) > – *исп.* amór, *фр.*, *прав.* amour, *ит.* ,amore; lac – lacte(m) > *ит.* latte, *порт.* leite, *исп.* leche, *фр.* lait и т.п. В итальянском литературном языке и южно-итальянских диалектах все слова (за исключением предлогов in, per, con) имеют вокалический исход. Поэтому в тех случаях, когда конечный латинский согласный сохраняется, к нему добавляется эпитетический гласный, напр., *лат.* cor > *ит.* cuore, *лат.* dabat > *сев. калабр.* davati; (tu) vides > *сев. калабр.* vidisi.

В иберо-романских и галло-романских языках большое количество слов имеют (или имели до замолкания согласных) **консонантный исход** в результате апокопы конечных гласных кроме -a. Поэтому многие латинские согласные, бывшие эксплозивными интервокальными, стали имплозитивными конечными. В испанском языке – это согласные l, r, d; (dolorem > dolor, fidelem > fiel, par(i)etem > pared), в ст. французском и ст. про-

звуки	*первичные конечные*			*образование вторичных конечных*				
языки	m	t	s	n	r	l	c	t
лат.	eaelum	videt	magis plus	bonum	ferrum	melum	siccum	acutum
сард.	kelu	videt	pius	bonu	ferru	melu	sikku	agudu
исп.	cielo	ve	mas	bueno	hierro	miel	seco	agudo
фр.	ciel	voi(t) [vwa]	plu(s) mai(s)	bo(n) [bɔ̃]	fer	miel	sec	aigu
кат.	cel	veu	mes	bo	ferro	mel	sec	agut
рум.	cer	vede	mai	bun	fier	miere	sec	acut
ит.	cielo	vede	mai, più	buono	ferro	miele	secco	acuto

вансальском — это практически любой латинский согласный; если в латинском языке такой согласный был звонким, то в галло-романских языках, попав в абсолютный исход слова, он оглушался: *н. лат.* clave 'ключ' > *ст. фр.* clef; *н. лат.* nudu > *ст. фр., пров.* nut. Во французском, провансальском и каталанском языках большинство конечных согласных — будь то первичных, восходящих к латинским конечным, или вторичных, ставших конечными после апокопы гласных — замолкло, так что получила преобладание тенденция к вокалическому исходу слова.

Трактовка конечных латинских согласных и образование новых конечных согласных отражены в таблице на с. 180.

В результате описанных изменений гласных и согласных звуков латинские слова народной устной традиции получили в каждом романском языке своеобразный фонетический облик.

§ 79. **Сравнительная характеристика фонетических систем романских языков.** Даже при беглом сопоставлении фонетической формы слов в латинском и в разных романских языках видно, что латинское наследие лучше всего сохранилось в итальянском языке (тосканском диалекте). Для того, чтобы объективно установить степень удаленности какого-либо языка от общего языка-основы, нужно определить во времени, в пространстве и в его социальной принадлежности то состояние этого «праязыка», относительно которого какие-то явления, предшествовавшие этому состоянию, но сохранившиеся в отдельных областях, можно было бы назвать архаичными, отражающие без изменений это состояние — консервативными, развивающие далее заложенные в нем тенденции — инновативными и отклоняющиеся от этих тенденций — специфическими.

Наиболее удобной для последующего сопоставления языков точкой отсчета будет, очевидно, народная латынь Этрурии (Тосканы), которая не испытала никакого влияния со стороны неродственного и рано исчезнувшего этрусского языка-субстрата, в отличие от латыни в самом Лациуме, где сильно чувствовалось оскское, умбрское, сабеллъское влияние. Во временном отношении оптимальным синхронным срезом этого условного «праязыка — эталона» будет IV — начало V вв. н. э., когда Дакия уже отделилась от Римской империи, а германские нашествия еще не расчленили Западную Римскую империю на ряд обособленных государств, так что между Центральной Италией, Галлией и Испанией сохранялись тесные, в том числе и языковые, контакты. Социальная принадлежность этого синхронного среза — разговорная речь неграмотной народной массы, инновации (т.е. ошибки) которой все глубже проникают в разговорный язык культурных слоев населения и в письменный язык христианских авторов IV–V вв.

Фонетические черты народной латыни вообще, отличавшие ее в целом от классической: 1) устранение корреляции по долготе/краткости у гласных и ее замена корреляцией по открытости/закрытости, 2) замена музыкального ударения экспираторным, 3) образование йот в сочетаниях из i, e + voc., 4) 1-я палатализация t, d, k, g перед йот, 5) замолкание аспираты h, 6) замолкание конечного -m, 7) исчезновение n перед s, 8) упрощение дифтонгов ae > ę, oe > ę — не могут служить критерием при сопоставитель-

ной характеристике романских языков, т.к. они лежат в основе всех романских языков без исключения.

Мерилом степени архаичности, консервативности, инновативности и специфичности в развитии романских фонетических систем будут, очевидно, более частные черты народной латыни Центральной Италии, свойственные не только этой области и выводимые из сопоставления итальянского языка с западнороманскими и восточнороманскими языками. Наиболее существенные из этих черт следующие:

1. Класс. лат. ĭ совпало с ē и дало e.
2. Класс. лат. ŭ совпало с ō и дало o.
3. Класс. лат. ĕ дало в открытом слоге дифтонг ie.
4. Класс. лат. ŏ дало в открытом слоге дифтонг uo, ue.
5. Класс. лат. au дало o.
6. Класс. лат. a, o, e, утратив фонологическую долготу, сохранились без изменений как в открытом слоге, так и в закрытом.
7. Класс. лат. ū, утратив фонологическую долготу, сохранился без изменений.
8. Класс. лат. гласные в позиции перед носовым согласным – voc. + n, m сохранились без изменения.
9. Класс. лат. безударные гласные в второпрохутопа подвергдись синкопе только в позиции между muta cum liquida (oculu > oclu) и между s и t (positus > postus).
10. Класс. лат. конечные гласные сохранились.
11. Класс. лат. k, g перед e, i палатализовались и дали аффрикаты ʦ(tʃ) и dʒ.
12. Класс. лат. плавные геминаты ll, nn и т.п. сохранились без изменений.
13. Класс. лат. взрывные геминаты сохранились без изменений.
14. Класс. лат. взрывные глухие в интервокальной позиции сохранились без изменений.
15. Лабиовелярные qu, gu сохранились без изменений.
16. Класс. лат. согласный l + cons. (alt, ult) сохранился без изменений.
17. Класс. лат. группа ct в интервокальной позиции сохранилась без изменений или имела тенденцию к ассимиляции.
18. Класс. лат. начальная группа st сохранялась без изменений или имела вариант с протетическим i, e, зарегистрированный со II в. н. э.
19. Класс. лат. начальная группа kl смягчалась: k'l'
20. Класс. лат. интервокальная группа kl также смягчалась: k l'–.
21. Класс. лат. согласный l перед йот (из зияния i, e + voc.) смягчался в [λ].
22. Класс. лат. согласный n перед йот (из зияния) смягчался в [ɳ].
23. Класс. лат. группа -gn- ассимилируется и смягчается в [ɳ].
24. Класс. лат. конечный согласный -t исчезает (факт, зарегистрированный с I в. н. э.).
25. Класс. лат. конечный согласный s со ияется без изменений.

Все перечисленные черты были свойственны поздней народной латыни в ее наиболее распространенном центральном варианте и могут быть доста-

точными для характеристики романских языков в терминах консервативности, архаичности, инновативности или инновативной специфичности.

1. **Итальянский язык** сохраняет 21 признак поздней народной латыни из избранных 25, в трех случаях вносит минимальную инновацию -kt- > -tt-, k'l'- > kj-, -k'l'- > -kj- (продвигает развитие звука на один шаг) и лишь в одном случае совершает радикальную инновацию: -s > -i. Основным, преобладающим свойством итальянской фонетической системы является поэтому **консервативность.**

2. **Румынский язык** сохраняет 10 признаков поздней народной латыни (из них №№ 3, 6, 10 частично, в зависимости от позиции), имеет 2 архаических признака – сохранение дифтонга au и отсутствие спонтанной дифтонгизации o; 6 инновативных признаков – из них три (-s > -i, k'l' > kj в обеих позициях) – общие с итальянским и три (упрощение геминат ll, tt, йотизация lj, апокопа конечного -u) – общие с западнороманскими языками; и 7 специфических признаков. Специфическое развитие обнаруживается в метафоническом влиянии конечного -a, -e (*рум.* ă) на дифтонгизацию ударных гласных o, e; в суживающем воздействии носовых согласных на предшествующие гласные e, o, a; в диссимилятивном развитии групп -kt- > -pt-, -gn- > -mn-, в своеобразном упрощении лабиовелярных -aqua > *рум.* apă, lingua > *рум.* limbă, которое напоминает их трактовку в сардинском: aquă > *сард.* abbă, lingua > *сард.* limba. Поэтому преобладающей чертой румынской фонетической системы является **специфичность.**

3. **Французский язык** консервативен в 6 случаях; сохранил одну архаическую черту – начальную группу kl- (изменившуюся в испанском, в португальском, в итальянском и в румынском) и имел на ранней ступени развития другую архаическую черту – конечное латинское -t. В 2 случаях – переход a > ä и назализация voc.+ m, n – проявляет специфичность, т.е. вносит своеобразную инновацию, «не предусмотренную» общими для большинства романских языков тенденциями развития, и в 14 случаях обнаруживает инновативные черты, выражающиеся в расширении и углублении уже существовавших романских типов изменений: дифтонгизация ударных гласных o, e в открытом слоге распространяется также на гласные o, e, a; все дифтонги, за частичным исключением ie, подвергаются дальнейшим ассимилятивным или диссимилятивным преобразованиям, заударные и конечные гласные полностью исчезают; ослабление интервокальных согласных представлено на всех участках: геминаты упрощаются, глухие озвончаются, звонкие и озвонченные глухие исчезают, согласные в имплозии и в абсолютном исходе исчезают, в том числе и большинство вторичных конечных согласных, образовавшихся после апокопы гласных. В результате большинство французских слов народной традиции – односложные и двусложные. Отсюда – широкое распространение омонимии, а также большое количество так называемых «минимальных пар», т.е. слов, где замена лишь одной фонемы ведет к образованию фонетической оболочки нового слова:

bas	[ba]	'низкий'	pas	[pa]	'шаг'
banc	[bã]	– 'скамья'	pan	[pã]	– 'пола'
baie	[be]	– 'бухта'	paix	[pe]	– 'мир'

bain	[bɛ̃]	–	'купание'	pain	[pɛ̃]	–	'хлеб'
beau	[bo]	–	'красивый'	peau	[po]	–	'кожа'
bon	[bɔ̃]	–	'хороший'	pont	[pɔ̃]	–	'мост'
bis	[bi]	–	'серый'	pie	[pi]	–	'сорока'
bu	[by]	–	'выпитый'	pu	[py]	–	прич. II от гл. 'мочь'
boue	[bu]		'грязь'	poux	[pu]	–	'вошь'

Сведéние к минимуму фонетической оболочки слова доводит до максимума функциональную нагрузку каждого звука-фонемы. Отсюда – четкость артикуляции фонем и возрастание зависимости идентификации слова как значимой единицы от контекста (в отличие от латыни и других романских языков, где различительная нагрузка распределяется на два или три слога, ср. *н. лат.* muru 'стена' > *фр.* mur [myr], *ит., исп.* muro; *н. лат.* maturu 'зрелый' > *фр.* mûr [myr], *ит.* maturo, *исп.* maduro).

Отпадение всех безударных и конечных гласных в современном французском языке закрепляет место ударения за последним слогом слова, так что все слова становятся окситонными. Кроме того, постепенное замолкание конечных согласных окончательно разрушает флексию, грамматическая функция которой переносится на служебные слова и порядок слов. Таким образом, фонетическая инновативность французского языка тесно связана с эволюцией его грамматической системы.

4. **Испанский** язык лишен архаических черт, в 4 случаях обнаруживает специфическую направленность развития (№№ 11, 12, 20, 21), в 14 случаях консервативен и в 12 случаях инновативен. Из них в 8 случаях (№№ 4, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 18) – испанский (вместе с португальским, исключая № 4) отражают «пройденный этап» эволюции, или неполную реализацию фонетических законов, получивших дальнейшее развитие в галло-романских языках и, особенно, во французском: ŏ > *исп.* ue, *фр.* eu [œ]; -t- > *исп., порт.* -d-, *фр.* Ø; que, gue > *исп., порт., кат., фр.* [kɛ], [gɛ], но qua gua > *исп., порт., кат.* [kwa, gwa], *фр.* [ka, ga]; -alt- > *исп., порт., фр.*, aut > out > ot (altariu 'холм', > *исп.* otero, *порт.* outeiro 'холм', *фр.* autel 'алтарь'), но сохранение группы -alt-, -ald в таких исконных словах, как *исп., порт.* alto 'высокий', caldo 'горячий' (*фр.* haut [o] и chaud [o]; st- > *исп., порт., кат.* est- *фр.* et- и т.п. Только в трех случаях испанский проводит более глубокую многоступенчатую инновацию, чем французский и португальский, которая на последнем этапе оказывается специфической: -kt- > *фр., порт.* [it], *исп.* [tʃ]; -lj, k'l'- > *порт.* [ʎ], *фр.* [j], *исп.* [x], (oclu > *порт.* olho, *фр.* œil, *исп.* ojo; filia > *порт.* filha, *фр.* fille, *исп.* hija).

Специфичным для испанского является также не отраженное в перечисленных 25 пунктах изменение начального f > h > Ø.

Итак, в испанской фонетической системе преобладают консервативные черты в сочетании с умеренной инновативностью и умеренной специфичностью. Вместе с тем, испанский, как и другие иберо-романские языки, отличается от французского, итальянского, румынского неустойчивостью своего консонантизма. В разговорном испанском (иногда лишь в региональных вариантах) продолжают действовать такие «давно прошедшие»

ция французского фонетические законы, как выпадение интервокальных взрывных (amatu > amado > amaðo > amao), отпадение конечного -s (в андалусийском диалекте), йотизация палатального [λ] (йеизмо), устранение противопоставления между [θ] и [s] (сесео или seseo), выпадение или вокализация имплозивных согласных, например, в группе -kt- в книжных словах; caracter *исп.* разг. caraúter, caraíter, carater.

5. **Португальский язык**, разделяя с испанским многие его характеристики, отличается от него наличием архаических черт – отсутствием дифтонгизации ǒ и ĕ и сохранением (в сев. диалектах) дифтонга ou < au. В инновациях португальский только в двух случаях (№№ 14 и 19) обнаруживает более радикальное изменение по сравнению с испанским: утрачивает простые сонорные -l- и -n- и преобразует начальное kl- (и pl-) в [ʃ]. В большинстве же случаев инновация португальского сохраняет «пройденный этап» инноваций испанского, напр., altariu > *autairo > *порт.* outeiro > *исп.* otero; или nocte > *порт.* noite > *исп.* noche; или muliere > *порт.* mulher > *исп.* mujer (mudʒer > muʒer > muʃer > muxer).

Специфической чертой португальского являются назализованные гласные, а также гармонизация гласных (метафония), в связи с которой прямое соответствие между *н. лат.* ę̃, ǫ̃ и *порт.* ę, ǫ нарушается. Кроме того, португальский отличается неустойчивостью вокализма, подвергающегося активному процессу редукции безударных гласных, а также своеобразным позиционным варьированием шипящих и свистящих согласных (четыре фонемы [s], [z], [ʃ], [ʒ], противопоставленные в интервокальной позиции, реализуются только как [ʃ] перед глухим согласным и в абсолютном исходе слова и только как [ʒ] перед звонким согласным.

6. **Каталанский язык** разделяет с испанским и португальским основные консервативные и инновативные черты иберо-романских языков; имеет два архаических признака: отсутствие спонтанной дифтонгизации ǒ, ĕ под ударением (подобно португальскому) и сохранение начальной группы kl- без изменения (подобно французскому и провансальскому). Инновации №№ 9, 10, 14, 17 в каталанском имеют более радикальный характер, чем в двух других иберо-романских языках, сближая его с галло-романскими языками, особенно с провансальским: с португальским его сближает неустойчивость вокализма (частичная редукция гласных в безударных позициях). Специфические черты каталанского: 1) дифтонгизация [ę], [ǫ] перед йот в дописьменный период (подобная провансальскому) и дальнейшее стяжение дифтонгов (в отличие от провансальского): oc(u)lu > oklu > oil > *прав.* uolh, uelh > *кат.* ull; nocte > noite > *прав.* nueit > *кат.* nit; factu > *прав.* fait, feit > *кат.* fet и 2) палатализация геминаты ll > [λ] как в испанском, и аналогичная палатализация начального l > [λ]: lectu > *прав.* lieit, *кат.* llit 'кровать'.

7. **В сардинском языке** (логудорском диалекте) преобладают архаические (№№ 3, 4, 11, 19, 24) и особенно специфические (№№ 1, 2, 5, 12, 15, 19, 20, 21, 22, 23) черты. Таким образом, все сардинские инновации, кроме двух – ассимиляции групп kt, pt > tt и озвончения интервокальных согласных – являются специфическими. Некоторые из них встречаются также в других романских языках и диалектах: № 12 объединяет сардинский (логудорский диалект) с сицилийским: stella > *сард.* stedda, *сиц.*

stidda, № 15 — с румынским: aqua > *сард.* abba, *рум.* apă; lingua > *сард.* limba, *рум.* limbă, № 19 — с португальским, где начальное kl-, особенно в книжных словах, дает не [ʃ], а [kl], однако № 20, т.е. интервокальное -kl- > -kr- только сардинское явление: oc(u)lu > *сард.* okru; № 21, т.е. filiu > fidzu напоминает один из этапов развития группы lj в испанском — [dʒ]. Наиболее яркими архаическими чертами сардинского являются сохранение конечного -t и отсутствие палатализации k, g перед гласными переднего ряда.

§ 80. Латинские и романские звуки-фонемы и их графическая передача. Преобразование латинской фонетической системы в романские повлекло за собой изменение соотношения между звуками и их буквенным изображением.

Латинские буквы, применявшиеся для записи народной романской речи, могли:

а) оказаться лишними, когда они, сохраняясь как «воспоминание» о графическом образе соответствующего латинского слова, не обозначали уже никакого звука, например, буква h в *исп.* hombre, *фр.* homme;

б) изображать звуки, отличные от закрепленных за ними в латинском языке, например, буква u = *фр.* [ü], двойная буква ll = *исп.* [λ];

в) передавать различные звуки в зависимости от фонетического (и графического) окружения, например, c + a, o, u и c + i, e во всех романских языках;

г) образовывать сочетания для передачи звуков, не свойственных латыни, например, lh = *порт.* [λ], ch = *фр.* [ʃ];

д) сопровождаться добавочными диакритическими знаками (акцентами, тильдой).

В ранних памятниках заметны колебания в буквенном обозначении новых романских звуков, особенно палатальных согласных и аффрикат. Так, в старопровансальском звук [ɲ] имеет пятнадцать графических вариантов: nh, gn, ign, ing, innh, ngn, nn, n, in, ng, ynh, ni, ny, nyh, inh, а звук [tʃ] — шесть вариантов: ch, g, ich, ig, h, gz. В современных языках устранено свободное варьирование графем, изображающих один и тот же звук в одном и том же слове.

Однако взаимооднозначного соответствия между буквой и звуком-фонемой нет ни в одном романском (и не только романском) языке. Между графемой (изображающим) и звуком (изображаемым) обнаруживаются те же виды асимметрии языкового знака, что и в отношениях между означающим и означаемым лексических и грамматических единиц:

1) «свободная синонимия» — один и тот же звук-фонема, независимо от фонетического окружения, изображается разными буквами или сочетаниями букв в разных словах, например, *фр.* ô, au, eau [o] в словах hôte < hospite(m) 'гость', 'хозяин', paume < palma 'ладонь', peau < pelle(m) 'кожа'; или *порт.* s, z передают звук [z] в словах pesar 'печаль' и prazer 'удовольствие';

2) «позиционно обусловленная синонимия» — один и тот же звук в зависимости от следующего за ним звука изображается разными буквами, например, *ит.* и *рум.* [k] перед a, o, u передается графемой c, перед

e, i сочетанием букв ch: *ит.* casa, *рум.* casă 'дом', но *ит.* chiaro 'ясно', *рум.* chiar 'действительно';

3) «свободная полисемия» — одна и та же буква, независимо от окружения, соответствует двум звукам-фонемам, например, в итальянском, каталанском, португальском звуки-фонемы [e] и [ɛ] передаются одной графемой e, звуки-фонемы [o] и [ɔ] передаются одной графемой o;

4) «позиционно обусловленная полисемия» — одна и та же буква в зависимости от следующей за ней графемы изображает разные звуки, например, во всех романских языках c + a, o, u соответствует [k], тогда как c + e, i соответствует свистящему или шипящему (фрикативному или аффрикате);

5) «аналитизм» — две (или более) буквы соответствуют одному звуку, например, *фр., порт.* ch = [ʃ], *ит.* gli = [ʎ], *кат.* ny = [ɲ], *ит., фр.* gn = [ɲ] и т.п.;

6) «синтетизм» — одна буква соответствует двум звукам, например, x = [ks] в совр. фр. и совр. исп.;

Гласные звуки — фонемы (в ударном слоге)

Транскрипция	Написание						
	лат.	*ит.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*кат.*	*рум.*
i	i	i	i	i	i	i	i
ĩ	–	–	–	–	im	–	–
u(y)	–	–	u	–	–	–	–
ĩ	–	–	–	–	–	–	ĩ, (ã)
e (ɛ)	e	e	é, e	e	é, e	e	e
ẽ	–	–	–	–	en, em	–	–
œ (ø)	–	–	eu, œ	–	–	–	–
œ̃	–	–	un, um	–	–	–	–
ɛ̃(ẹ)	e	e	è, é, e, ai		e	e	–
ẽ	–		in, im, ein		em	–	–
ĩ (ə)	–	–	–	–	–		ă
a	a	a	a	–	a	–	–
ã	a	–	a, (â)	a	a	a	a
ã	–		en, em, an, am		an, am	–	–
ɔ(o)	o	o	o	–	o	o	o
õ	–	–	on, om	–	on, om	–	–
o (o)	o	o	o, ô, au, eau	o	o, ô, ou	o	–
u	u	u	ou	u	u (o)	u	u
ũ	–	–	–	–	un, um	–	–

7) «десемантизация» — буква не соответствует никакому звуку, как, например, h в начале слова во французском, испанском, португальском (homme, hombre, homem) или s в конце слова во французском (les maisons).

Первый и последний случаи нарушения однозначного соответствия «буква — звук» объясняются отставанием написания слов от звуковых

изменений, а также намеренной этимологизацией (латинизацией) графики. Орфографическая консервативность характерна для французского языка, где стремительная фонетическая эволюция сочеталась с давней литературной традицией и глубокой латинизацией лексики. Кроме того, во французском (как и в английском) варьирование графем имеет смыслоразличительную функцию в письменной речи, позволяя формально дифференцировать многочисленные омофоны, возникшие в результате фонетических изменений и сокращения фонемного состава слова, ср. например, *лат.* murus > *фр.* mur [mür] 'стена', но *лат.* maturus > *фр.* mûr [mür] 'зрелый'.

Этимологизированной орфографии противостоит фонетическая орфография, типичная для итальянского и румынского, где расхождения между написанием и произношением минимальны. В итальянском устойчивость соответствия «буква — звук» объясняется тем, что общий литературный язык, сложившийся на базе флорентийского диалекта XIV в., существовал до конца XIX в. лишь как письменный образец и поэтому не подвергался естественной фонетической эволюции. В румынском и в молдавском латинский алфавит заменил кириллицу в конце XIX в. и был специально усовершенствован для передачи чуждых латыни звуков.

Согласные звуки-фонемы

Транскрипция	Написание						
	лат.	*ит.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*кат.*	*рум.*
p	p	p	p, (pp)	p	p	p	p
t	t	t	t, (tt), th	t	t	t	t
k	c (k)	c (ch)	c (qu)	c (qu)	c (qu)	c (qu)	c (ch)
b	b	b	b, (bb)	b (v)	b	b (v)	b
d	d	d	d, (dd)	d	d	d	d
g	g	g (gh)	g, (gu)	g, (gu)	g, (gu)	g, (gu)	g, (gh)
m	m	m	m, (mm)	m	m	m	m
n	n	n	n, (nn)	n	n	n	n
ɲ (n')	–	gn	gn	ñ	nh	ny	–
r	r	r	r, (rr)	r	r	r	r
l	l	l	l, (ll)	l	l	l	l
ʎ (l')	–	gli	–	ll	lh	ll	–
f	f	f	f, (ph)	f	f	f	f
v	v	v	v	–	v	–	v
j	j, i	i	il, ill	y	y	j	i
h	–	–	–	–	–	–	h
x	–	–	–	j, g (+ i, e)	–	–	–
s	s	s	s, ss, ç c (+ i, e)	s	s, ss, ç c (+ i, e)	s, ss, ç, c (+ i, e)	s
θ	–	–	–	z, c (+ i, e)	–	–	–
z	–	s	s, z	–	s, z	s, z	z
ʃ (š)	–	sc (+ i, e)	ch	–	ch, x	x, tx	ş
ʒ (ž)	–	–	j, g (+ i, e)	–	j, g (+ i, e)	j, g	j
ts	–	z	–	–	–	ts	ţ
dz	–	z	–	–	–	tz	–
tʃ (tš)	–	c (+ i, e)	–	ch	–	tx, tg	c (+ i, e)
dʒ (dž)	–	g (+ i, e)	–	–	–	tg, tj	g (+ i, e)

Выше приводятся таблицы звуковых и буквенных соответствий для гласных и согласных в романских языках. Латинские звуки-фонемы даны в их позднем разговорно-латинском варианте, где различительный признак долготы/краткости заменился признаком открытости/закрытости, дифтонг ae > [ɛ] дифтонг oe > [e], а согласный h перестал произноситься. Варианты транскрипций и графем помещены в скобках.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГРАММАТИКА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ РОМАНИЗМЫ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Все протороманские инновации возникали не в письменной латыни — будь то классической или поздней, а в устной латинской речи любого стилистического регистра, естественным продолжением которой явились бесписьменные романские диалекты — rustica romana lingua, сохранявшие свой чисто разговорный статус на протяжении нескольких веков. Именно это обстоятельство наводит на мысль о том, что в настоящее время для лингвистов поиски единого прародителя романских языков менее актуальны, чем отыскание признаков единой направленности развития от народной латыни к романским языкам, иначе говоря, установление «типологических романизмов», редких и случайных в письменной латыни, но типичных для латинской разговорной речи и поэтому отраженных во всех романских языках.

Сопоставление грамматических систем латыни и романских языков показывает, что грамматические романизмы затрагивают почти все категории как имени, так и глагола. Относительно норм классической латыни общероманские изменения представляются как а) обновление формы выражения грамматической категории (см. будущее время), б) изменение значения формы (см. плюсквамперфект конъюнктива), в) устранение многозначности какой-либо формы путем создания новых средств выражения для одного из значений этой формы (см. перфект), г) полное или частичное исчезновение какой-либо грамматической категории из системы (см. падеж), д) возникновение новой грамматической единицы в системе (см. артикль, неавтономные личные местоимения), е) устранение формальных различий, не поддержанных смысловым противопоставлением (см. средний род, отложительные глаголы).

При сравнении текста, написанного на классической латыни, с его переводом на любой романский язык можно заметить, что латинский оригинал содержит меньшее количество слов. Лаконичность латыни — прямое следствие синтетизма ее грамматического строя, которому противостоят более «аналитические» романские системы, где грамматические отношения слов в предложении чаще передаются не флексией словоформы, а служебными словами — предлогами, артиклями, местоименными частицами. Кроме того, в романских языках больше «аналитических словоформ», образованных из сочетания служебного глагола с именной формой спрягаемого

глагола – причастием, инфинитивом, герундием, например, *ит.* sono venuto 'я пришел', *исп.* he venido 'я пришел', *сард.* has a passare 'ты пройдешь', *рум.* va cînta 'он будет петь', *ит.* sta scrivendo, *исп.* está escribiendo 'он находится в процессе писания'.

Латинская глагольная система также содержит аналитические формы: пассив перфекта, плюсквамперфекта и футурума II (punitus sum, eram, ero), а также два «перифрастические» спряжения: conjugatio perifrastica activa (ornaturus sum 'я собираюсь украшать') и conjugatio perifrastica passiva (mihi pugnandum est 'мне нужно сражаться'). Однако ни одна из них не перешла в романские языки: перфектные формы пассива изменили свое временное значение, которое, очевидно, уже в народной латыни совпало с временным значением служебного глагола esse. Осмысление пассивного перфекта как презенса, а плюсквамперфекта как имперфекта сблизило эти формы с именным сказуемым, где глагольная и именная части несут независимо друг от друга грамматическое и лексическое значение.

В тот период, когда формы пассивного перфекта est + p.p. стали обозначать наличие результата действия в настоящем, в народной латыни распространилась перифраза habeo (teneo) + p.p. для обозначения обладания результатом действия, совершенного над объектом: habeo epistulam scriptam (ср. совр. *исп.* tengo escrita la carta). Этот оборот, встречавшийся уже у Плавта, был воспринят всеми романскими языками, и получил в них значение результативного перфекта (в португальском – длящегося в настоящем результатива). Постепенно во многих романских языках по образцу результатива habeo scriptum образовались результативные аналитические формы плюсквамперфекта и футурума II, а также инфинитива и деепричастия, которые приобрели значение относительных временных форм, выражающих предшествование. Таким образом, в таких языках, как испанский, итальянский, французский, каждая простая глагольная форма имеет соответствующую сложную (аналитическую).

Следует заметить, что форма сложного романского перфекта (*фр.* j'ai fait, *ит.* ho fatto, *исп.* he hecho, *рум.* am făcut), войдя в систему глагольных форм, изменила свой первоначальный смысл «обладания в настоящем времени результатом какого-либо действия» и морфологизировалась.

Поскольку значение этой формы уже не складывается из суммы значений составляющих ее слов, она теряет свой смысловой аналитизм («описательность», смысловую членимость) и из синтактико-аналитической превращается в морфолого-аналитическую.

Слияние бывшей синтактико-аналитической формы могло быть не только смысловым, но и формальным. Так, латинский синтетический футурум I (amabo, credam) в народной латыни замещался более экспрессивными перифразами volo (debeo, habeo) + inf. или inf. + habeo: dicere habeo 'я имею сказать'. Далее элементы сочетания inf. + habeo во французском и итальянском с самых ранних памятников, а в испанском – с XIV в. сливаются, и глагол habeo, habes, habet (he, has, ha) превращается в окончание синтетического будущего времени: *исп.* cantaré, cantarás, cantará.

Замена синтетической формы будущего на «описательную», а далее на морфолого-аналитическую происходит и в сформировавшихся романских языках. Так, в испанском и португальском существуют так называемые

tiempos de obligación, обозначающие будущее с оттенком намерения (или без этого оттенка): *исп.* he de hacer, *порт.* hei-de fazer и т. п.

Таким образом, вытеснение старых синтетических форм и замена их более прозрачными по значению аналитическими с их последующей морфологизацией — процесс, свойственный всем флективным языкам и поэтому отнюдь не типичный для романских языков в отличие от латыни. Более того, можно сказать, что в системе форм глагола основные грамматические категории сохранились, хотя и заменили в некоторых случаях форму выражения за счет переосмысления старых латинских форм или морфологизации описательных оборотов.

Сравним, для иллюстрации сказанного, систему личных форм латинского глагола с системами итальянского, испанского и румынского языков (3-е л. ед. ч.):

	Активная форма	*лат.*	*ит.*	*исп.*	*рум.*
Индикатив					
1.	praesens	cantat	canta	canta	cîntă
2.	perfectum	cantavit habet cantatum	cantò ha cantato	cantó ha cantado	cîntă a cîntat
3.	imperfectum	cantabat	cantava	cantaba	cînta
4.	plusquamperf.	canta(ve)rat	aveva cantato	(cantara) había cantado	cîntase
5.	futurum I	cantabit	canterà	cantaré	va cînta va fi cîntat
6.	futurum II	cantaverit	avrà cantato	habré cantado	cîntat
		лат	*ит.*	*исп.*	*рум.*
Конъюнктив					
7.	praesens	cantet	canti	cante	să cînte
8.	perfectum	cantaverit	abbia cantato	haya cantado	să fi cîntat
9.	imperfectum	cantaret	cantasse	cantase, cantara	–
10.	plusquamperf.	canta(vi)sset	avesse cantato	hubiese cantado, hubiera cantado	–
11.	futurum conjunctivi	–	–	cantare hubiere cantado	–
12.	conditionalis (potentialis)	–	canterebbe avrebbe cantato	cantaría habría cantado	ar cînta ar fi cîntat

глагола – причастием, инфинитивом, герундием, например, *ит.* sono venuto 'я пришел', *исп.* he venido 'я пришел', *сард.* has a passare 'ты пройдешь', *рум.* va cînta 'он будет петь', *ит.* sta scrivendo, *исп.* está escribiendo 'он находится в процессе писания'.

Латинская глагольная система также содержит аналитические формы: пассив перфекта, плюсквамперфекта и футурума II (punitus sum, eram, ero), а также два «перифрастические» спряжения: conjugatio perifrastica activa (ornaturus sum 'я собираюсь украшать') и conjugatio perifrastica passiva (mihi pugnandum est 'мне нужно сражаться'). Однако ни одна из них не перешла в романские языки: перфектные формы пассива изменили свое временное значение, которое, очевидно, уже в народной латыни совпало с временным значением служебного глагола esse. Осмысление пассивного перфекта как презенса, а плюсквамперфекта как имперфекта сблизило эти формы с именным сказуемым, где глагольная и именная части несут независимо друг от друга грамматическое и лексическое значение.

В тот период, когда формы пассивного перфекта est + p.p. стали обозначать наличие результата действия в настоящем, в народной латыни распространилась перифраза habeo (teneo) + p.p. для обозначения обладания результатом действия, совершенного над объектом: habeo epistulam scriptam (ср. совр. *исп.* tengo escrita la carta). Этот оборот, встречавшийся уже у Плавта, был воспринят всеми романскими языками, и получил в них значение результативного перфекта (в португальском – длящегося в настоящем результатива). Постепенно во многих романских языках по образцу результатива habeo scriptum образовались результативные аналитические формы плюсквамперфекта и футурума II, а также инфинитива и деепричастия, которые приобрели значение относительных временных форм, выражающих предшествование. Таким образом, в таких языках, как испанский, итальянский, французский, каждая простая глагольная форма имеет соответствующую сложную (аналитическую).

Следует заметить, что форма сложного романского перфекта (*фр.* j'ai fait, *ит.* ho fatto, *исп.* he hecho, *рум.* am făcut), войдя в систему глагольных форм, изменила свой первоначальный смысл «обладания в настоящем времени результатом какого-либо действия» и морфологизовалась.

Поскольку значение этой формы уже не складывается из суммы значений составляющих ее слов, она теряет свой смысловой аналитизм («описательность», смысловую членимость) и из синтактико-аналитической превращается в морфолого-аналитическую.

Слияние бывшей синтактико-аналитической формы могло быть не только смысловым, но и формальным. Так, латинский синтетический футурум I (amabo, credam) в народной латыни замещался более экспрессивными перифразами volo (debeo, habeo) + inf. или inf. + habeo: dicere habeo 'я имею сказать'. Далее элементы сочетания inf. + habeo во французском и итальянском с самых ранних памятников, а в испанском – с XIV в. сливаются, и глагол habeo, habes, habet (he, has, ha) превращается в окончание синтетического будущего времени: *исп.* cantaré, cantarás, cantará.

Замена синтетической формы будущего на «описательную», а далее на морфолого-аналитическую происходит и в сформировавшихся романских языках. Так, в испанском и португальском существуют так называемые

tiempos de obligación, обозначающие будущее с оттенком намерения (или без этого оттенка): *исп.* he de hacer, *порт.* hei-de fazer и т. п.

Таким образом, вытеснение старых синтетических форм и замена их более прозрачными по значению аналитическими с их последующей морфологизацией – процесс, свойственный всем флективным языкам и поэтому отнюдь не типичный для романских языков в отличие от латыни. Более того, можно сказать, что в системе форм глагола основные грамматические категории сохранились, хотя и заменили в некоторых случаях форму выражения за счет переосмысления старых латинских форм или морфологизации описательных оборотов.

Сравним, для иллюстрации сказанного, систему личных форм латинского глагола с системами итальянского, испанского и румынского языков (3-е л. ед. ч.):

Активная форма	*лат.*	*ит.*	*исп.*	*рум.*
Индикатив				
1. praesens	cantat	canta	canta	cîntă
2. perfectum	cantavit	cantò	cantó	cîntă
	habet cantatum	ha cantato	ha cantado	a cîntat
3. imperfectum	cantabat	cantava	cantaba	cînta
4. plusquamperf.	canta(ve)rat	aveva cantato	(cantara), había cantado	cîntase
5. futurum I	cantabit	canterà	cantaré	va cînta
6. futurum II	cantaverit	avrà cantato	habré cantado	va fi cîntat
	лат.	*ит.*	*исп.*	*рум.*
Конъюнктив				
7. praesens	cantet	canti	cante	să cînte
8 perfectum	cantaverit	abbia cantato	haya cantado	să fi cîntat
9. imperfectum	cantaret	cantasse	cantase, cantara	–
10. plusquamperf.	canta(vi)sset	avesse cantato	hubiese cantado, hubiera cantado	–
11. futurum conjunctivi	–	–	cantare hubiere cantado	–
12. conditionalis (potentialis)	–	canterebbe avrebbe cantato	cantaría habría cantado	ar cînta ar fi cîntat

Пассивные формы	*лат.*	*ит.*	*исп.*	*рум.*
Индикатив				
1. praesens	cantatur	è cantato, si canta	es cantado, se canta	este cîntat, se cîntă
2. perfectum	cantatum est	fu cantato, è stato cantato	fué cantado ha sido cantado	fu cîntat a fost cîntat
3. imperfectum	cantabatur	era cantato si cantava	era cantado se cantaba	era cîntat se cînta
4. plusquamperf.	cantatum erat	era stato cantato	había sido cantado	fusese cîntat
5. futurum I	cantabitur	sarà cantato si canterà	será cantado se cantará	va fi cîntat
6. futurum II	cantatum erit	sara stato cantato	habrá sido cantado	va fi fost cîntat

Как показывают таблицы, расхождения между латинской и романскими системами касаются главным образом формы выражения. В романских языках есть лишь форма кондиционала, отсутствующая в латинском. Кроме того, в испанском в отличие от других языков существуют две пары форм для конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта и формы futuro de subjuntivo (существующие также и в португальском); напротив, в румынском система конъюнктива сведена к двум формам. Обращают на себя внимание следующие формальные смещения: исчез латинский имперфективный пассив на -r, -ris, -tur, передав свое значение переосмысленным перфектным формам; латинская форма plusquamperfectum indicativi в итальянском исчезла (замещалась морфолого-аналитической), в испанском она сохранилась как архаизм в прежнем значении (и сохраняет это значение как широко употребительное в португальском), но основная ее функция в испанском языке метрополии — дублирование форм конъюнктива имперфекта и кондиционала. В румынском форма плюсквамперфекта индикатива cîntase указывает на скрещение в народной латыни Дакии двух форм: *лат.* plusquamp. indic. canta(ve)rat и *лат.* plusquamp. conjunct. canta(vi)sset. Форма canta(vi)sset в Италии, Испании и Галлии стала употребляться в значении имперфекта конъюнктива, значение же плюсквамперфекта конъюнктива взяла на себя в большинстве романских языков соответствующая сложная форма. Формы перфекта конъюнктива и футурума II, почти полностью омонимичные еще в классической латыни, лежат в основе исп. и порт. формы будущего конъюнктива: *исп.* cantare, *порт.* cantar (архаичной в испанском, употребительной в португальском).

Дополнительно к формам конъюнктива, унаследованным от латыни, в романских языках возникло новое ирреальное наклонение — кондиционал, образованный, как и форма будущего, с помощью инфинитива и служебного глагола в имперфекте (cantare habebat > *исп.* cantaría) или в перфекте (cantare habuit > *ит.* canterebbe). В румынском и молдавском, где будущее состоит из презенса глагола a voi > *н. лат.* volere + *слав.* voliti (eu voi cînta, tu vei cînta, el va cînta), кондиционал образуется по той же мо-

цели, но с другим служебным глаголом (eu aş cînta, tu ai cînta, el ar cînta). Поскольку кондиционал взял на себя некоторые функции конъюнктива в независимом (главном) предложении, его появление существенно не нарушило подобия латинской и романских глагольных систем.

Гораздо более радикальные изменения мы наблюдаем в грамматическом оформлении существительного:

I. **Исчезновение** морфологической категории среднего рода. Существительные м.р. и ср. р. II латинского склонения совпали по звучанию после отпадения конечных согласных -m и -s в народной латыни; несколько лат. существительных ср. рода мн. ч. были осмыслены как ед. ч. ж. рода из-за окончания -a: *лат.* ед. ч. folium — мн. ч. folia, *исп.* ед. ч. hoja, *ит.* foglia, *фр.* feuille.

II. **Исчезновение** морфологической категории склонения у существительных. Благодаря воздействию аналогии и фонетическому ослаблению окончаний в народной латыни сокращается количество склонений, сокращается количество падежей, как, например, в ст. фр. и ст. пров., где противопоставлены две формы — N. murus > murs и *Acc.* murum > mur, или в румынском и молдавском языках, где противопоставлены другие две формы: N. = Acc/Gen. = Dat. Наконец, в итальянском, испанском, португальском, каталанском, сардинском с самых ранних памятников существует единая форма имени, восходящая, как правило, к лат. форме Acc. = Abl. (совпавших во II скл. по звучанию). Такая нейтральная форма принимает показатели своей синтаксической функции только как член предложения, а не как часть речи.

В связи с редукцией падежей возрастает роль предлогов, порядка слов, объектных местоименных частиц при глаголе, выражающих синтаксические связи слов в простом предложении.

III. **Появление определенного артикля**, указывающего на контекстные связи существительного, которые в безартиклевых языках выясняются из общего смысла текста и знания ситуации. Романский артикль восходит к адъективно употребленным указательным местоимениям *лат.* ille > *исп.* el, *ит.* il, *н. лат.* illus > *ит.* lo, *рум.* -(u)l или *лат.* ipse, *н. лат.* ipsus > *сард.* su. Артикль, как всякое неавтономное слово, имеет фиксированную позицию: во всех романских языках, кроме балкано-романских, он предшествует именной группе; в румынском, молдавском, арумынском — следует за именем, сливается с ним подобно флексии и изменяется по падежам.

Основные различия в способах оформления существительного:

лат.	*ит.*	*исп.*	*рум.*
N. (ille) lupus (illus)	il lupo	el lobo	lupul
Acc. (illum) lupum (illum)			
G. (illius) lupi (illuius)	del lupo	del lobo	lupului
D. (illi) lupi (illui)	al lupo	al lobo	
Abl. (illo) lupo (illo)	da. lupo	por el lobo	de lup

У прилагательных также происходит замена латинских синтетических форм сравнительной (и относительно-превосходной) степени на аналитические романские: longior – *ит.* più lungo, *исп.* más largo.

Возникает вопрос, можно ли рассматривать перечисленные выше изменения функций грамматических единиц, замены форм их выражения, их исчезновение или возникновение как сумму не связанных между собой явлений, случайно возникших в разговорном латинском языке, или же есть основания предполагать, что все эти «романизмы» как-то соответствовали природе народного латинского языка, который, начиная с V в., все более резко отдалялся от письменной латыни по своей структуре, дифференцировался и превращался в романские диалекты. При этом единственным письменным языком, общим для всей Европы, долгое время оставалась латынь. Характерная для раннего средневековья диглоссия отражала социальную ситуацию, которую можно было бы назвать глубоким многовековым кризисом народного образования.

Так, например, в работе немецкого романиста К. Фосслера «Новые формы мышления в народной латыни»[1] говорится, что народная или «так называемая вульгарная латынь была просто более удобной, более неприязательной и тем самым более бедной разновидностью латинского языка» и что основное ее отличие от классической литературной нормы «заключалось в самом обеднении, в отказе от стилистической изобретательности со стороны говорящего ради того, чтобы быть понятым слушателем». Язык стал лишь средством общения, а не средством художественного выражения, отсюда стремление к упрощению, конкретизации, экономии различительных средств. Эти общие положения К. Фосслер иллюстрирует конкретными грамматическими фактами: исчезновение пассива на -r и вообще пассивных конструкций (при сохранении конструкций с participium perfecti, обозначающих состояние) объясняется Фосслером как результат установления естественного соответствия между агенсом и подлежащим, исчезновение среднего рода – как уравнивание форм в согласии с естественным полом, вытеснение простой формы будущего времени и распространение на его месте перифраз с модальными глаголами получает не только фонетическое, но и психологическое обоснование: «простой человек воспринимает будущие события как то, чего он хочет, чего боится, на что надеется»; теми же тенденциями простонародной речи к экспрессивности и конкретизации объясняется распространение в народной латыни суффиксов субъективной оценки, замена инфинитивных оборотов дополнительными придаточными и т. п. Несмотря на то, что многие объяснения Фосслера кажутся справедливыми и стали даже хрестоматийными, остается неясным, действительно ли структурное отличие народной латыни от классической сводится лишь к количественному обеднению последней, в какой степени перечисленные Фосслером тенденции связаны с многовековым культурным упадком средневековья, привязаны ли они к данному языковому коллективу и его историческим судьбам и насколько они свойственны именно простонародной речи (известно, например, что форма будущего времени

[1] *Vossler K.* Geist und Kultur in der Sprache. Neue Denkformen im Vulgärlatein // Meisterwerke der romanischen Sprachwissenschaft. – München, 1930. – Bd. II. – S. 310.

всегда имеет дополнительный модальный оттенок, меняющийся в зависимости от лица глагола: *я пойду* — «намерение, обещание», *ты пойдешь* — «приказание, просьба», *он пойдет* — «предположение»). Ответ на подобные вопросы очевидно можно найти путем сопоставления народно-латинских романизмов, являющихся отклонением от классической латинской нормы, с аналогичными фактами расхождений между разговорной речью и письменной нормой других языков.

Первым, и до сих пор не утратившим своей ценности, исследованием типологии таких расхождений была «Грамматика ошибок» А. Фрея, который, систематизировав ошибки в письмах людей, не владеющих письменной нормой французского языка, установил постоянно действующие в разговорной речи тенденции к аналогии и экономии выразительных средств. Опираясь на известную обоим собеседникам ситуацию, «разговорный язык часто прибегает к неопределенным выражениям, не отмечая при помощи точных, специализированных слов различные оттенки смысла»[1]. Отсюда — более высокая частотность слов общего значения (*homme, chose, faire, avoir*) и смысловых нейтрализаций (напр., нейтрализация лица через расширение сферы употребления *on*) и т.п. Исходя из того общепризнанного факта, что разговорная речь является постоянным источником инноваций, Фрей назвал обнаруженные им тенденции «константами языкового развития» вообще. Нельзя не заметить, что материал, послуживший Фрею источником для наблюдений, не давал оснований для таких обобщений, во-первых, потому, что разговорный (или просторечный) вариант устной французской речи лишь проглядывал сквозь неумелое использование письменной нормы (подобно романизмам в латинских текстах) и, во-вторых, потому, что разговорный язык и письменная норма кодифицированного литературного языка имеют разные «константы развития». Непосредственное изучение разговорной речи (на всех ее стилистических ярусах) стало возможным лишь через ее прямую регистрацию, которая в настоящее время проводится в лингвистических центрах Франции, Италии, Советского Союза.

Первичными условиями существования языка является прямое устное общение. Косвенная речь представляет собой преобразование, где возникают специальные грамматические отметки чужой речи. Еще более глубокой перестройке подвергается форма речи при возникновении письменности. Поэтому письменный вариант литературного языка со всеми его стилистическими разновидностями представляет собой трансформированную структуру по отношению к разговорному варианту. В этой связи уместно вспомнить замечание А.С. Пушкина: «Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** (выделено Пушкиным) обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны»[2]. При создании письменных романских языков «готовые механические формы» классической латыни служили

[1] *Frei H.* La grammaire des fautes. – Paris, 1929. – P. 139.
[2] *Пушкин А.С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Полн. собр. соч. АН СССР. – М.–Л., 1949. Т. VII. – С. 31.

в известной мере источником заимствований и образцом для аналогичных романских образований: причастные и деепричастные обороты, инфинитив с аккузативом, согласование времен. Однако в целом грамматическая структура письменной нормы современных романских языков сложилась в результате действия константных закономерностей развития письменной нормы литературного языка, противоположных тенденциям, свойственным спонтанной разговорной речи:

Обиходная разговорная речь:	*Кодифицированная письменная норма:*
1. Тенденция к устранению позиционных ограничений на употребление форм.	1. Сохранение позиционного варьирования форм.
2. Распространение свободного варьирования функционально идентичных форм.	2. Устранение нефункционального многообразия единиц.
3. Формальная невыраженность и семантическая недифференцированность логико-синтаксических связей во фразе.	3. Эксплицитность и дифференцированность семантико-синтаксической структуры фразы.
4. Распространенность структурного соответствия между означающим и означаемым.	4. Распространенность расхождений между структурой означаемого и структурой означающего.
5. Стремление к формальной расчлененности выражения смысла (аналитизм номинаций).	5. Стремление к компактности выражения смысла.
6. Преимущественное употребление неотмеченных семантически нейтральных форм.	6. Закрепление форм за определенными контекстами, специализация форм.

Как пишет А.С. Пушкин в той же статье, «Простонародное наречие необходимо должно было отделяться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». Сближение норм письменного и устного литературного языка, начавшееся в XIX в. и характерное для всех современных языков, происходило и происходит благодаря расширению социальной базы литературного языка и демократизации его норм. Тем не менее, структурные различия разговорного и письменного литературного языка будут, очевидно, сохраняться.

ГЛАВА I

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ: СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, НАРЕЧИЯ, МЕСТОИМЕНИЯ В ЛАТИНСКОМ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 81. Существительные. Их словообразовательные и семантические подклассы. Основу именных частей речи составляют конкретные имена нарицательные, обозначающие материальные предметы, которые можно классифицировать по их общим признакам (одушевленности – неодушев-

ленности, роду, числу) или по их более частным признакам (размер, вес, внешний вид, цвет), характеризовать по их роли в ситуации (производитель действия, объект действия, адресат, часть целого, место действия) и, наконец, указывать на них пальцем, уточняя их близость или удаленность от говорящих, их известность или новизну. Для всех этих мыслительных операций язык имеет устоявшиеся формы: выражения – морфемы рода, числа, а иногда и падежа у существительного, служебные слова – предлоги, местоимения, артикли, а также подчиненный существительному класс прилагательных, имеющий синтаксические (зависимые) категории рода, числа, а иногда и падежа, и собственную категорию степени интенсивности качества. Наречия представляют собой или указательные местоимения и имена места и времени с закрепленной за ними синтаксической функцией «обстоятельства» (здесь, там, сейчас, вчера, дома, днем, ночью) или качественные прилагательные, перемещенные («транспонированные») в синтаксическую группу глагола, утратившие способность изменяться по роду и числу, но сохраняющие грамматическую категорию степени сравнения.

По своей морфологической структуре конкретно-предметные существительные, в том числе имена пространственных понятий, массы и материала, неоднородны. Среди них выделяются:

1. Непроизводные имена: aer, aqua, arbor, caelum, campus, cor, domus, homo, luna, lupus, sanguis, silva, sol, terra, и т.п. – слова большей частью унаследованные романскими языками.

2. Производные имена с суффиксами субъективной оценки (морфемы лексической деривации, близкие к словоизменительным): **-ulus, a** – nepotulus 'внучек', **-icus, -iculus, a** – nepticula 'внученька', muliercula 'самочка', **-ellus, a** – fratellus 'братец'. Все эти суффиксы сохранили в романских языках слабую продуктивность: **-ellus** > *ит.* **-ello** – paese 'деревня' и paesello 'деревенька', *ст. исп.* **-iello**, *исп.* **-illo** – ave 'птица' и avecillo 'птичка'; *рум.* **-el** – băiat 'мальчик' и băieţel 'маленький мальчик'; **-icus, a** > *исп.* **-(c)ico, a** – ave 'птица' – avecică 'птичка', *рум.* **-ică** – bucată 'кусок' – bucăţică 'кусочек'.

Многие слова с латинскими уменьшительными суффиксами, обладавшие высокой частотностью в разговорном латинском языке, вытеснили соответствующие нейтральные формы и перешли в разряд непроизводных слов (где суффиксы субъективной оценки уже не выделяются в синхронном плане):

	лат. и *н. лат.*	*ит.*	*исп.*	*фр.*
'пчела'	apis-apicula	ape	abeja	abeille
'солнце'	sol–soliculu	sole	sol	soleil
'ухо'	auris–auricula	orecchio	oreja	oreille
'колено'	genus–genuculu	ginocchio	hinojo	(ст.) genoil > genou
'брат'	frater–fratellus	fratello[1]	(hermano)*	frère
'птица'	avis–avicellus	uccello	ave**	(ст.) oisel > oiseau

[1] Слово frate в итальянском языке также существует, но в значении «монах»; * слово fraile 'монах' в испанском языке – заимствование из ст. провансальского; ** слово ave в испанском – книжного происхождения, его стилистически нейтральный синоним – pájaro от *лат.* passer 'воробей'.

3. Производные с суффиксами коллективности:

лат. -amen, -umen, -imen, -alia: *ит.* foglame 'листва'; *исп.* foliame 'листва'; *ит.* vasellame 'посуда'; *порт.* vasilhame 'посуда'; *рум.* studenţime 'студенчество'; *рум.* ţărănime 'крестьяне'; *ит.* cinaglia 'сброд'; *фр.* ferraille 'железный лом'.

4. Производные с суффиксами, указывающими на роль предмета в ситуации, синкретично представленной корневой морфемой (формы синтаксической деривации, образующие конкретные имена от глагольных корней или от корней конкретных имен, но с приращением значения действия, как в слове «сапожник», *ит.* calzolaio, *исп.* zapatero и т. п.).

Роли, обозначаемые суффиксами:

а) Производитель действия (человек или машина): -(t)or, -arius. Оба латинские суффикса сохраняют высокую продуктивность от латыни вплоть до современных романских языков.

б) Место действия, вместилище: -arium, напр., *лат.* gallinarium 'курятник' или panarium 'корзина для хлеба' (в романских языках, из-за исчезновения конечных m, s совпал по звучанию с суффиксом -arius); *ит.* pollaio, *фр.* poulaillet 'курятник', но *исп.* gallinero, *порт.* galinheiro 'курятник' и 'торговец курами'.

в) Объект, возникающий в результате действия: -ura: *лат.* pictura 'живопись', 'картина' > *ит.* pittura, *фр.* peinture, *исп.*, *порт.* pintura. Однако наиболее распространенной формой обозначения конкретного результата действия, как в латыни, так и в романских языках, является субстантивация причастий: *лат.* scriptum 'письмо' > *ит.* lo scritto 'записка', 'манускрипт'; *лат.* factum > *исп.* el hecho, *ит.* il fatto, *фр.* le fait, *рум.* faptul

5. Продуктивными суффиксами абстрактных имен действия в латинском языке являются -tione(m), -sione(m) и -mentum, сохранившие высокую продуктивность также в романских языках.

Суффикс -tionem (в отличие от -mentum) в романских языках сохранился как продуктивный только в своем книжном варианте *ит.* -zione (-sione), *исп.* -ción (-sion), *фр.* -tion (-sion).

6. Для производства имен абстрактного качества в латинском языке существовало несколько полностью синонимичных суффиксов, унаследованных романскими языками (иногда в двух вариантах — народном и ученом): -tate(m), -itia, -udine(m), -antia, -entia, -ura, -orc(m).

Это синонимичные суффиксы в каждом из романских ареалов различаются по своей сочетаемости и продуктивности. Отсюда частые случаи несовпадения суффиксов у однокоренных и однозначных слов в разных романских языках: *ит.* bianchezza (< itia), *исп.* blancura (< ura), *фр.* blancheur (< ore) 'белизна'.

Семантическая классификация существительных, основанная на их противопоставлении по важнейшим смысловым признакам абстрактности — конкретности, одушевленности (личности) — неодушевленности, счисляемости — несчисляемости не находит себе регулярного соответствия в морфологической классификации, а морфологическое членение слова обычно не соответствует его членению на семантические компоненты (классемы и семы). Принадлежность существительного к тому или иному семантическому классу регулярно отражается не в его морфологии, а в его

синтаксической сочетаемости и непосредственно связана с семантической и формальной структурой предложения. Так, например, принадлежность слова к подклассу имен лиц или к подклассу имен предметов предопределяет его семантико-синтаксическую роль как косвенного дополнения или как обстоятельства места при глаголах перемещения и передачи типа adducere, dare, mittere 'приводить', 'давать', 'посылать', ср. *лат.* hominem alicui adducere 'привести кому-нибудь человека' и adducere exercitum ad urbem 'привести войско к городу'.

Отсутствие четкого объективного разграничения между заинтересованным лицом-адресатом и местом его пребывания способствовало распространению в народной латыни предлога ad также перед именами лиц, напр., adducam hunc ad te (Pl., Ep. 294), ср. то же и по-русски: *Я тебе (к тебе) его приведу.*

Различие в сочетаемости имен лиц и имен неодушевленных предметов сохраняется, естественно, и в романских языках, где оно получает специфические формы проявления:

1) В южноитальянских диалектах, в испанском, румынском и молдавском языках имена одушевленных лиц и местоимения лица в роли прямого дополнения вводятся предлогами «целенаправленности»:

исп. a < ad, *рум.* pe < per, в отличие от имен предметов:

исп. veo una casa; veo a Juan;

рум. văd o casă; (îl) văd pe Ion;

русск. вижу дом; вижу Ивана.

2) Во французском и в итальянском обстоятельство места оформляется по разному в зависимости от одушевленности – неодушевленности имени:

русск.	'я иду в библиотеку'	– 'я иду к Ивану'
фр.	je vais à la bibliothèque	– je vais chez Jean;
ит.	(io) vado in biblioteca	– (io) vado da Giovanni;
исп.	(yo) voy a la biblioteca	– (yo) voy a casa de Juan;
порт.	(eu) vou à biblioteca	– (eu) vou a João;
рум.	(eu) merg la bibliotecă	– (eu) merg la Jon.

В португальском и в румынском различие по признакам «одушевленность – неодушевленность» в этой позиции формально не отмечается.

§ 82. **Грамматические категории имени: род и число.** Род и число существительных, близкие по семантике к категориям «одушевленности» и «коллективности», отличаются от этих последних тем, что в латинском и во всех романских языках они образуют грамматические оппозиции, т.е. существуют в виде форм словоизменения.

Хотя род существительных, так же как одушевленность – неодушевленность, закреплен за лексическим значением слов и как бы составляет его часть, смысловой компонент «рода» имеет регулярное морфологическое выражение в флексии имен 1-го и 2-го латинских склонений (rosa, lupus, vinum). Все латинские существительные распределены по трем родам (трем формальным классам), условно называемым «мужской», «женский» и «средний». Это деление не находится в однозначном соответствии

с семантической классификацией имен на одушевленные и неодушевленные. Последние могут принадлежать ко всем трем родам, хотя средний род закреплен за существительными, обозначающими неодушевленные понятия (за исключением родового названия животных – animal, n.).

Парадигматическое противопоставление существительных по роду возможно только у имен лиц и некоторых животных. Это противопоставление передается:

а) чисто лексически: pater – mater, bos – vacca;

б) при помощи суффиксов: genitor – genetrix;

в) при помощи флексии: filius – filia, lupus – lupa.

Только флективные показатели рода позволяют рассматривать противопоставленные пары как формы одного слова, образующие грамматическую оппозицию.

При переходе от латинской системы к романским происходят следующие сдвиги.

1. В результате ослабления конечных согласных m и s, средний род, не обоснованный семантически, исчез. Переход в мужской род отдельных имен ср. рода отмечался уже у Плавта (collus вм. collum, dorsus вм. dorsum) и у Петрония (vinus вм. vinum, caelus вм. caelum). В поздней народной латыни многие имена на -e и -men также колебались в выборе рода; так, *лат.* lumen *n* > *ит.* lume *m*, *исп.* lumbre *f*, *лат.* mare *n* > *ит.* mare *m*, *исп.* mar *m* (f), *фр.* mer *f*; *лат.* lacte *n* > *ит.* latte *m*, *порт.* leite *m*, *фр.* lait *m*, *исп.* leche *f*, *кат.* llet *f*.

2. Некоторые имена ср. рода во мн. числе благодаря окончанию -a, характерному для всех имен ср. рода, были осмыслены как имена ж. рода ед. числа. При этом ед. число таких латинских существительных или исчезло или, будучи осмыслено как имя м. рода, образовало отдельную лексическую единицу:

лат.	*фр.*	*исп.*	*ит.*
N. – Acc. Sing. folium	–	–	foglio *m sing.* ('лист' бумаги)
N. – Acc. Plur. folia	feuille *f sing.*	hoja *f* sing.	foglia *f sign.* ('лист' дерева)

Значение коллективности, свойственное латинским именам ср. рода, иногда сохраняется у романских слов ж. рода ед. числа, восходящих к мн. числу ср. рода, например, *лат.* ova *n pl* 'яйца' > *исп.* hueva *f sing.* 'икра', или *лат.* gesta *n. pl* 'совершенные деяния' > *ст. фр.* geste *f sing.* 'подвиги', или *лат.* bracchia *n. pl* 'руки' > *ст. фр.* brace *f sing.* 'объятия' (Li Reis ad pris Tierri entre sa brace. Rol. 3939 «Король обнял Тьерри»).

3. Все же имена ср. рода не распределились полностью между мужским и женским родом. Хотя сам класс имен ср. рода исчез везде, в некоторых романских языках на его базе возникли новые грамматические подклассы.

В Италии и в балкано-романском ареале существуют имена «обоюдного рода» – в ед. числе мужского, а во мн. числе женского, что отражается также и на согласованных с ними по роду прилагательных: il dito lungo *m* 'длинный палец' – le dita lunghe *f* 'длинные пальцы'.

В итальянском это – закрытая непродуктивная группа имен, многие из которых имеют две формы мн. числа, различные по роду и по смыслу: il membro 'член' – le membra 'члены тела', i membri 'члены общества'.

В румынском это – высоко продуктивный класс, пополняющийся за счет названий неодушевленных предметов. Во мн. числе румынские имена обоюдного рода имеют три варианта флексии: -ă, -uri, -e.

Флексия -ă (< -a) *pl neutr.* сохранилась только у одного частотного слова: *лат.* ovum > *рум.* ou 'яйцо', *лат.* ova > *рум.* ouă 'яйца'.

Флексия -uri (*ст. рум.* -urĭ) возникла в результате переразложения лат. имен ср. рода типа corpus – corpora, tempus – tempora, где -ora было осмыслено как окончание мн. числа и распространено на другие имена ср. и м. рода (-ora как флексия мн. числа имен обоюдного рода существует также в юж. ит. диалектах: tempora, luogora, fuocora);

	лат.	*рум.*
N. sing.	tempus – 'время'	timp – 'время'
	lucrum 'нажива'	lucru 'вещь'
N. plur.	tempora, lucra	timpuri, lucruri

Флексия -e (> -ae) является морфемой мн. числа имен. ж. рода I склонения, перенесенной по аналогии на имена, восходящие к ср. роду:

лат.	*рум.*
N. sing. conventum 'соглашение'	cuvînt 'слово'
N. plur. conventa	cuvinte
N. sing. monumentum 'памятник'	mormînt 'могила'
N. plur. monumenta	morminte

Число существительных, образующее грамматическую оппозицию только у имен счисляемых, выражалось в латинском языке разными морфемами, в зависимости от типа склонения (морфемы числа нередко сливались с основой).

В результате аналогических уравниваний, привещих к сокращению количества склонений и количества падежных противопоставлений (см. ниже), все романские языки устранили частично или полностью позиционное варьирование морфем числа. Показателем мн. числа в галло- и иберороманских языках стала морфема s для всех существительных. Однако в современном французском, после исчезновения конечного s (сохранившегося лишь перед гласным следующего слова в синтаксических группах), оппозиция «ед. число/мн. число» передается чередованием гласных, изменением фонетической формы детерминативов (cheval, -aux):

le chat [lə ʃa] – les chats [le ʃa]
mon chat [m$\tilde{ɔ}$ ʃa] – mes chats [me ʃa]
l'enfant [lɑ̃fɑ̃] – les enfants [lezɑ̃fɑ̃]
mon enfant [m$\tilde{ɔ}$nɑ̃fɑ̃] – mes enfants [mezɑ̃fɑ̃]
ce chat [sə ʃa] – ces chats [se ʃa].

В Италии и в балкано-романском ареале оппозиция «ед. число/мн. число» передается чередованием конечного гласного по образцу I и II латинских склонений:

	лат.	*ит.*	*рум.*
N. sing.	casa	casa	casă
N. plur.	casae	case	case
N. sing.	lupus	lupo	lup(u)
N. plur.	lupi	lupi	lupi [lup']
N. sing.	frater	frate	frate
N. plur.	fratres	frati	fraţi [frats']

Флексия мн. числа часто подкрепляется чередованием звуков корневой морфемы. В итальянском это явление затрагивает лишь слова, содержащие в последнем слоге взрывные заднеёбные согласные, которые превращаются в аффрикаты (только в словах м. рода): amico [ko] – amici [tʃi], filologo [go] – filologi [dʒi].

В румынском языке чередование не только согласных, но и гласных корня (апофония, или внутренняя флексия) регулярно сопровождает флексию окончания:

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
'хвост'	coadă [koadə]	cozi [koz']
'смерть'	moarte [moartə]	morţi [morts']
'улица'	stradă [stradə]	străzi [strəz']

Апофония[1], возникающая не только при образовании форм числа, но и форм рода (ср. frumos : 'красивый' – frumoasă 'красивая', sec 'сухой' – seacă 'сухая') типична для балкано-романских языков. (То же явление, но выраженное слабее, существует в южных и северных итальянских диалектах: *калабр.* pede – piedi 'нога – ноги'). Апофония при образовании рода (но не числа) встречается также в северных испанских диалектах: *астур.* pitu 'пес' – perra 'собака'.

§ 83. **Склонение существительных и прилагательных.** Нормативная латинская грамматика различает пять типов склонений существительных. Первые два, соответствующие делению имен по родам (-a, -us, -um), были наиболее продуктивными и включали как существительные, так и прилагательные (bonus ventus, bona aqua, bonum vinum) и служили образцом для аналогических образований. Третье склонение объединяло существительные всех трех родов, все прилагательные одного и двух окончаний и несколько прилагательных трех окончаний. При этом принадлежность к муж-

[1] Внутренняя флексия в данном случае является результатом метафонии (дистантной прогрессивной ассимиляции гласных), см. §§ 65, 73.

скому, женскому или среднему роду у существительных III скл. и способность изменяться по родам у прилагательных III скл. никак не отмечены формально и поэтому непредсказуемы (напр., navis ж. р., но canis м. р.; ventus saluber, aqua salubris, vinum salubre, но: homo vetus et pauper – mulier vetus et pauper – oppidum vetus et pauper). Кроме того, у многих имен третьего склонения основа именительного падежа по своему фонемному составу и (или только) по месту ударения отличается от основы других падежей. Другими словами, имена III склонения могут быть 1) равносложными с фиксированным ударением (*N.* canis, *G.* canis). 2) неравносложными с фиксированным ударением (*N.* homo, *G.* hóminis). 3) неравносложными с подвижным ударением (*N.* léo, *G.* leónis).

При этом ничто в форме именительного падежа не позволяет предугадать, по какому из четырех вариантов следует склонять имя. Таким образом, в отличие от имен I и II склонений, разнообразные формальные подтипы III склонения не только не соответствовали смысловой классификации существительных по родам, но даже препятствовали ее установлению. Естественно, что разговорная латынь часто нарушала классические нормы, переводя прилагательные III склонения в первое и второе. Так, прилагательное vetus 'старый' заменилось уменьшительной формой vetulus > vectus, изменяющейся по родам (ср. *ит.* vecchio, vecchia, *исп.* viejo, vieja); прилагательное pauper также приобрело в разговорной латыни эту способность, судя по App. Pr.: pauper mulier non paupera mulier и по свидетельству итальянского языка: povero, povera (хотя *исп.* и *порт.* pobre для обоих родов восходит к классической норме: *Acc., Abl.* paupere (m) *н. лат.* pobere > pobre).

Именительный падеж неравносложных имен III склонения уравнивался в народной латыни по косвенным падежам уже в доклассический период: *N.* carnis (вм. caro) 'мясо', *N.* bovis (вм. bos) 'бык'.

Существительные непродуктивного IV склонения перешли в основном во II склонение; существительные непродуктивного V склонения, принадлежавшие к ж. роду, за исключением слова dies, примкнули в народной латыни к III склонению или перешли в I склонение (варианты типа materies/materia существовали еще в классической латыни).

Помимо сокращения числа склонений, воздействие аналогии привело также к унификации некоторых позиционных вариантов падежных флексий:

а) Возникновение у существительных III склонения м. рода в номинативе мн. ч. флексии -i, по аналогии с II склонением. Этот этап развития н. лат. склонения нашел продолжение в старофранцузском и старопровансальском, где еще сохранялось различие флексий N. и Acc.

	кл. лат.	*н. лат.*	*ст. фр.*	*ст. пров.*
II	*N. pl.* lupi	lupi	leu	lop
	Acc. pl. lupos	lupos	leus	lops
III	*N. pl.* patres	patres, patri	pere (pères)	paire (paires)
	Acc. pl. patres	patres	peres	paires

б) Уравнивание падежных флексий N. и Acc. у существительных II склонения во мн. ч. по аналогии с III склонением. Этот, более поздний этап отражен в итальянском, сардинском, в иберо-романских и в балкано-романских языках:

	кл. лат.	*н. лат.*	*ит.*	*исп.*
III	*N. pl.* patres	patres, patri	padri	padres
	Acc. pl. patres	patres, patri		
II	*N. pl.* lupi	lupos, lupi	lupi	lobos
	Acc. pl. lupos	lupos, lupi		

Иберо-романские языки и сардинский избирают более ранний унифицированный вариант -s, итальянский и балкано-романские языки — унифицированный вариант -i, очевидно распространившийся в н. латыни к моменту завоевания Дакии.

в) Уравнивание падежных флексий N. и Acc. во мн. ч. у существительных ж. рода I склонения под влиянием существительных ж. р. III склонения, отраженное во всех романских языках:

	кл. лат.	*н. лат.*	*ит.*	*исп.*	*ст. и собр. фр.*
III	*N. pl.* matres	matres	madri	madres	mères
	Acc. pl. matres	matres			
I	*N. pl.* rosae	rosas, rosae	rose	rosas	roses
	Acc. pl. rosas	rosas, rosae			

Унификация N. и Acc. произошла сначала в пользу формы -as, которая была свойственна языкам италиков и получила распространение в разговорной латыни начиная с III в. до н. э. Форма -as закрепилась в Сардинии, Галлии, Испании. Унифицированная форма -ae (e) возникла в Италии, очевидно, к началу II в. н. э., так как была принесена в Дакию римскими колонистами. Утрата мн. ч. ж. рода на -as в Италии произошла не одновременно в разных ее областях. О сравнительно недавнем его существовании в говорах сев.-зап. Тосканы свидетельствует омонимия форм единственного и множественного числа у имен ж. рода в этой области: illa domina > la donna; illas dominas > la donna.

Аналогические уравнивания позиционных вариантов (алломорфов) одного и того же падежа привели таким образом к сокращению количества падежных противопоставлений в парадигме, т.е. явились одной из предпосылок исчезновения падежей.

Другим, упоминавшимся уже выше, источником омонимии падежных форм были фонетические изменения. Отпадение конечного -m привело к слиянию аккузатива и аблатива в ед. числе имен всех склонений, чему способствовало также исчезновение фонологических различий гласных

по долготе/краткости и совпадение по звучанию ō = ŭ в нар. латыни всей Западной Романии, в том числе в Сев. Италии и Центр. Италии (Тоскана).

Однако само ослабление и исчезновение согласного -m было, очевидно, обусловлено тем, что в латинском языке большинство предлогов (36 из 40) управляло только одним падежом – аккузативом (ad, ante, apud, per, versus etc.) или аблятивом (cum, sine, pro, de, ab, ex etc.), так что падежная флексия дублировала смысл предлога и не несла различительной нагрузки. По аналогии с ед. числом аккузатив и аблятив перестали различаться и во мн. числе, где они фонетически не могли совпасть. Таким образом, в народной латыни всей Романии вместо аккузатива и аблятива образовался косвенный падеж, так называемый casus obliquus, употреблявшийся со всеми предлогами, а также без предлога в функции прямого дополнения. Как было сказано выше, этот падеж в поздней народной латыни всей Романии, кроме галло-романского ареала, совпал с именительным падежом, который утратил конечный согласный -s (также не по чисто фонетическим причинам, а в силу необходимости противопоставить единственное число множественному).

	кл. лат.	*н. лат.*	*ит.*	*исп.*
Singularis	*N.* lupus, panis *Acc.* lupum, panem *Abl.* lupo, pane	lupo, pane	lupo, pane	lobo, pan
Pluralis	*N.* lupi, panes *Acc.* lupos, panes *Abl.* lupis, panibus	lupos, panes или lupi, pani	lupi, pani	lobos, panes

На примере романских существительных, восходящих к латинским именам неравносложным III склонения, видно, что образцом для обобщенной формы N.–Acc.–Abl., как правило, служила форма Acc.–Abl., а не форма именительного падежа:

кл. лат.	*н. лат.*	*ит.*	*исп.*
N. civitas *Acc.* civitatem *Abl.* civitate	*civ(i)tate	città	ciudad
N. leo *Acc.* leonem *Abl.* leone	*leone	leone	león

Тем не менее, отдельные слова в некоторых областях обобщили форму именительного падежа. Сравнить:

н. лат.	*ит.*	*рум.*	*сард.*	*исп.*	*порт.*
N. (h)omo	uomo	om	–	–	–
Acc.–Abl. (h)om(i)ne	–	–	omine	hombre	homem
N. sanguis	sangue	sînge	–	–	–
Acc.–Abl. sanguine	–	–	sambene	sangre	sangre

Совпадение форм родительного и дательного падежей, омонимичных в ед. ч. у имен ж. р. I склонения и ставших омонимичными у имен III скл. всех родов после замолкания конечного -s и исчезновения корреляции гласных по долготе – краткости, распространилось по аналогии и на имена II склонения.

Фонетические изменения и воздействие аналогии, приведшие к унификации генитива и датива, оказались возможными благодаря семантической близости (дополнительности) этих падежей в сфере выражения отношений принадлежности: Genetivus possessivus – domus patris 'дом отца' обозначал в группе имени те же отношения, которые неуправляемый глаголом Dativus possessivus обозначал в составе простого предложения, например, est patri meo domus букв. «Это дом моему отцу».

Совпавшие по форме, генитив и датив в народной латыни имели тенденцию заменяться предложными конструкциями de + *Abl.* (*Obl.*) и ad + *Acc.* (*Obl.*). Первым шагом на пути проникновения конструкции de + *Abl.* в позицию определения к имени было ее употребление – свойственное и классической латыни – для обозначения материала и части от целого: templum de marmore 'мраморный храм', sucus de quinquefolio 'сок пятилистника', unus de multis 'один из многих'. Однако даже в народной латыни значение принадлежности лицу продолжало выражаться формой беспредложного генитива или датива, так что «на протяжении всей истории собственно латинского языка liber Petri никогда не заменялось на liber de Petro» [1].

Более того, отношение принадлежности лицу продолжает выражаться формой генитива – датива в балкано-романских языках (*рум.* carlea elevului 'книга ученика').

Свидетельством позднего исчезновения генитива принадлежности служит также регулярное беспредложное оформление посессивного определения с именем лица в старофранцузском: «Li nies Marsilie il est venuz avant» (Rol. 860) – «Племянник Марсилия вышел вперед», или «Hum sui Roland» (Rol. 803) – «Я человек Роланда». Кроме того, в «Песни о Роланде» встречается даже морфологический генитив мн. числа в сочетаниях типа Tenseigne paienur (Rol. 1220) *лат.* insigna paganorum 'знамена язычников' или Il est escrit en la geste Francor (Rol. 1443) «Записано в деяниях франков».

Замена дательного падежа конструкцией ad + *Acc.* зарегистрирована уже у Плавта: hunc... ad carnificem dabo (Pl. Cap. 1019) «его отдам палачу». Особенно часто эта конструкция встречается в позднелатинских христианских текстах после глагола dicere, требующего адресата – лица. Известную роль в ее распространении сыграло, очевидно, частое употребление иноязычных имен собственных, не поддававшихся латинскому склонению: dixit ad Joseph (Vulgata), откуда, по аналогии, та же конструкция встречается и с именами нарицательными: dixit Jesus ad discipulos (Vulgata). Тем не менее, в поздней народной латыни дательный падеж (омонимичный родительному) не утратил полностью свою первичную функцию дополнения-адресата при глаголах речи и передачи. В румынском языке оно до сих пор

[1] *Ernout A., Thomas F.* Syntaxe latine. Paris, 1964. P. 40. (В дальнейшем сокращенно Ernout).

оформляется родительно-дательным падежом (zise elevului 'он сказал ученику'). В старофранцузском изредка встречается беспредложное оформление косвенного дополнения-адресата: Ne bien ne mal sun nevuld ne respunt (Rol. 216) – «Он ничего не отвечает своему племяннику».

Таким образом, в поздней народной латыни количество членов падежной парадигмы сильно сократилось, и их состав не был единообразным в разных областях Романии.

В самой Италии и на Иберийском п-ове падежи у существительных и прилагательных исчезли очень давно и не оставили никаких следов даже в самых ранних памятниках итальянского и иберо-романских языков.

В галло-романских языках сохраняется вплоть до XIV в. противопоставление двух падежей – именительного (N.) и косвенного (Obl.), форма которого возникла из слияния Аккузатива и Аблятива. Имена ж. рода, восходящие к I склонению, по падежам не различаются.

н. лат.	*ст. фр.*
Singularis	**Singularis**
N. murus, rosa	murs, rose
Obl. muro, rosa	mur, rose
Pluralis	**Pluralis**
N. muri, rosas	mur, reses
Obl. muros, rosas	murs, roses

Омонимия падежных форм внутри парадигмы, аналогическое воздействие имен ж. рода и функциональная «избыточность» падежной флексии в связи с переносом различительной функции на другие, неморфологические средства (предлоги и фиксированный порядок слов) привели к постепенному исчезновению склонения также и в галло-романском ареале (XIV в.). Оставшаяся единая форма слова в современном французском и современном провансальском языках восходит обычно к форме косвенного падежа, хотя многие имена лиц обобщили форму номинатива (особенно в провансальском языке), напр., *фр.* traître 'предатель', *прав.* sartre 'портной', *прав.* escreveire 'писатель', cercaire 'исследователь' и т. п.

Только в балкано-романских языках сохранилась двухпадежная (или трехпадежная, если считать вокатив) парадигма, отличающаяся от ст. французской и ст. провансальской следующими особенностями:

1) Здесь, как в Италии и в Испании, формы номинатива и аккузатива-аблятива совпали, но, в отличие от всех прочих ареалов, сохранилась генитивно-дативная форма. При этом, формальное различие между падежами N. (Acc.) и G. (Dat.) сохранилось только у имен ж. рода и только в ед. числе:

н. лат.	*рум.*
N. –Acc. casa, lupu	(o) casă, (un) lup
G. Dat. case, lupu	(unei) case, (unui) lup

2) Ведущим и (исключая имена ж. р. ед. ч.) единственным средством выражения падежных противопоставлений является не флексия имени, а падежные изменения его местоименных определителей, в том числе и артиклей, так как существительное без детерминативов вообще не склоняется, т.е. имеет нейтральную форму. Поэтому реликтовая флексия имен ж. рода ед. ч. есть лишь форма согласования с падежом детерминатива (т.е. позиционно обусловленное чередование звуковой формы слова).

3) Определенный артикль, в отличие от прочих детерминативов энклитически примыкает к имени и имеет тенденцию к превращению в флексию существительного:

	нар. лат.	*рум.*
Singularis		
N. + *Acc.*	= lupu illu, casa illa	lupul, casă
G. + *Dat.*	= lupu *illui, case *illei	lupului, casei
Pluralis		
N. + *Acc.*	= lupi illi, case ille	lupii, casele
G. + *Dat.*	= luporum illorum (case illarum)	lupilor, caselor

Все же, морфологизации определенного артикля препятствует тот факт, что подобно артиклю в других романских языках, он оформляет не существительное, но именную позицию в целом и сливается с первым словом именной группы, будь то существительное или прилагательное: lupul frumos – frumosul lup 'красивый волк'.

Перенос на детерминативы имени его падежных показателей соответствовал сохранению категории падежа в именной группе. Напротив, в ст. французском и ст. провансальском языках артикль и другие детерминативы имели недостаточно отчетливые падежные различия и утратили их одновременно с именем. Галло-романское склонение было прямым продолжением (в сокращенном виде) латинского типа склонения, основанного на флексии имени. Балкано-романское артикулированное склонение, напротив, представляет собой не архаизм, а романскую инновацию.

Падежные противопоставления сохранились во всех романских языках без исключения у класса личных местоимений (см. ниже).

§ 84. Прилагательные. Качественные и относительные прилагательные. Грамматические категории прилагательных. Прилагательное – часть речи, предназначенная для выражения вневременных свойств и качеств; выражение отношения к предмету или действию для прилагательных вторично. Поэтому качественные прилагательные, в основном, непроизводны или соединяются с суффиксами субъективной оценки («лексическая» деривация, не переключающая слово в другой семантико-грамматический подкласс), напр. -ulus, -ellus (bellulus 'хорошенький', misellus 'бедненький'). В романских языках средства выражения уменьшительности обновились: в испанском распространился суффикс -ito, -cito (pequeñito 'малюсенький', pobrecito 'бедненький'), в итальянском – суффикс -ino (piccino 'малюсень-

кий', poverino 'бедненький'). Во французском прилагательные за редкими исключениями лишены суффиксов субъективной оценки.

Относительные прилагательные, в отличие от качественных, образуются от глагольных или именных основ путем «синтаксической» деривации, суффиксальной или конверсивной (адъективизация причастий или существительных).

Представляя собой одно из средств сжатого выражения предикатных отношений, относительные прилагательные употребляются и создаются главным образом в письменно-литературных стилях. Поэтому суффиксы относительных прилагательных вошли в романские языки в составе латинизмов:

-alis – mortalis 'смертный', *ит.* mortale, *исп.* mortal, *фр.* mortel;

-ilis – hostilis 'враждебный', *ит.* ostile, *исп.* hostil, *фр.* hostil;

-ivus – lucrativus 'выгодный', *ит.* lucrativo, *исп.* lucrativo, *фр.* lucratif;

-abilis, -ibilis – credibilis 'достоверный', *ит.* credibile, *исп.* creíble, *фр.* croyable;

-osus – famosus 'знаменитый', *ит.* famoso, *исп.* famoso, *фр.* fameux;

-ista, – -isticus: *греч.* – sophista, sophisticus > *ит.* sofista, sofistico, *исп.* sofista, *фр.* sophistique.

Книжное происхождение этих суффиксов не препятствовало их продуктивности в литературных романских (и не только романских) языках.

Что касается степеней сравнения, то данная грамматическая категория свойственна только качественным прилагательным, а также относительным прилагательным в переносном окачествленном значении.

В латинском языке существовали три способа передачи градаций качества:

1) суффиксальный, т.е. синтетический:
fortis – fortior – fortissimus;

2) суффиксально-супплетивный с заменой корня (у четырех наиболее употребительных прилагательных – magnus, parvus, bonus, malus);

3) аналитический, с помощью наречий magis (plus) 'более' и maxime 'в высшей степени': idoneus – magis idoneus – maxime idoneus.

Последний способ, редкий в латинском, становится регулярным в романских языках:

ит. forte – più forte – il più forte, fortissimo
исп. fuerte – mas fuerte – el mas fuerte, muy fuerte (fortísimo)
фр. fort – plus fort – le plus fort, très fort.

В старофранцузском и особенно в старопровансальском языках сохраняя некоторое время слабую продуктивность также первый чисто суффиксальный способ: altior(em) > *ст. прав.* aussor, *bellatior(em) > *ст. прав.* bellazor и др.

Суффикс абсолютной превосходной степени – issimus до сих пор нормативен и продуктивен в итальянском во всех стилях речи (alto – altissimo); в испанском и португальском этот суффикс менее продуктивен и встречается главным образом в книжных словах (antiquísimo, fidelísimo, crudelísimo).

	положит. степень	сравнит. степень	превосх. относит. степень	превосх. абсолют. степень
лат.	bonus	melior	optimus	optimus
ит.	buono	migliore	il più buono il migliore	ottimo buonissimo
исп.	bueno	mejor	el mejor el mas bueno	muy bueno bonísimo
порт.	bom	melhor	o melhor	ótimo
фр.	bon	meilleur	le meilleur	très bon
рум.	bun	mai bun	cel mai bun	foarte bun

Все романские языки, кроме румынского и молдавского, сохранили супплетивные формы сравнительной, а иногда и превосходной степени четырех латинских прилагательных bonus, malus, magnus, parvus (хотя в положительной степени последних трех латинских слов произошла замена лексемы).

В румынском языке аналитические формы являются единственным способом выражения степеней сравнения у всех прилагательных.

Формы рода и числа (в латинском языке также и падежа) у прилагательных служат для выражения их синтаксической зависимости от существительных.

Способность согласовываться по роду (в отличие от согласования по числу и падежу) свойственны не всем латинским прилагательным. Наиболее многочисленным и продуктивным типом являются прилагательные трех окончаний, относящиеся к I и II склонениям (filius bonus, filia bona, vinum bonum). Небольшая и непродуктивная группа прилагательных трех окончаний относится к III склонению (acer – acris – acre), остальные, относящиеся к III склонению, или противопоставляют общую форму м. и ж. рода форме ср. рода (fortis – forte), или вовсе не изменяются по родам (vetus, pauper, dives, felix, sapiens и др.).

В романских языках исчезновение грамматического подкласса имен ср. рода привело к превращению прилагательных трех окончаний в прилагательные двух окончаний: bonu(m) – bona(m), а прилагательные двух окончаний перестали различаться по роду: acre(m), grande(m), felice(m).

В том случае, если флексия существительного нейтральна относительно рода, флексия прилагательных I и II склонений служит, наряду с детерминативами, средством его дистантного выражения в именной группе:

лат.	ит.	исп.	фр.
pater bonus	un padre buono	un padre bueno	un père bon
mater bona	una madre buona	una madre buena	une mère bonne

Различительные возможности прилагательных двух окончаний и их многочисленность притягивают к ним по аналогии многие прилагательные одного окончания. Этот процесс, начавшийся в народной латыни (pauper mulier non paupera mulier App. Pr.), наиболее широко распространился в галло-романском ареале и в Каталонии в романский период:

	лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*кат.*
(m)	dulcis	dolce	dulce	doux	dolç
(f)	— »	»	»	douce	dolça
(m)	grandis	grande	grande	grand	gran
(f)	— » —	— » —	— » —	grande	granda
(m)	fortis	forte	fuerte	fort	fort
(f)	— » —	— » —	— »	forte	forta

В латинском языке порядок слов в группе «существительное + прилагательное» был свободным. В стихах и эмоционально окрашенной речи часто встречается гипербат (hyperbaton), т.е. разрыв синтаксической группы не относящимися к ней словами: iniquus es in me judex (Цицерон) «несправедливый ты мне судья». В нейтральных условиях прилагательное в ограничительной (специфицирующей) функции большей частью непосредственно следует за существительным (res publica, bellum civile), в оценочной (характеризующей) функции предшествует имени (clarissimus vir).

В романских языках группа «существительное + прилагательное» становится более связанной: исчезает гипербат, препозиция и постпозиция прилагательного более регулярно, чем в латинском, закрепляются за двумя разными функциями – оценочной и специфицирующей.

§ 85. **Качественные наречия.** Качественная оценка в группе имени по смыслу часто относится не к предмету как таковому, а к действиям, в которых он участвует в роли субъекта или объекта (ср. «хорошая курица – та, которая хорошо несет яйца или та, которую едят с удовольствием). Перенос оценочной лексемы из группы имени, где она выражена прилагательным, в группу глагола сопровождается в латинском языке:

а) заменой самой лексемы: bonus – bene

б) заменой окончания: malus – male

в) появлением суффикса -ter: acer – acriter

(от прилагательных III склонения),

г) закреплением в обстоятельственной функции прилагательных ср. рода в форме Nom. = Acc. (multum, paulum, facile, impune) или в форме Abl. (falso, raro), т.е. конверсией прилагательных в наречия;

д) образованием (в поздней латыни) описательных оборотов с существительным **mens** + *adjectivum* в творительном падеже (Ablativus modi): mala mente 'дурным образом'.

В романских языках нашли свое продолжение только последние два способа.

В сардинском, юж. ит. диалектах и в балкано-романских языках качественные наречия образуются путем конверсии из прилагательных: *рум.* este prost 'он глупый' – cîntă prost 'он поет плохо'.

Омонимия прилагательных и наречий в румынском открывает путь и для обратного направления словообразовательного процесса: некоторые слова, изначально принадлежавшие только к наречиям, конвертируются в прилагательные, например, *лат.* deorsum 'внизу', 'вниз'; *рум.* jos 'внизу' – jos 'низкий' (о casă joasă 'низкий дом'). Лишь наиболее частотное прилагательное bonus и соответствующее ему наречие bene сохраняют в румынском

языке унаследованное от латыни формальное различие: bun 'хороший', bine 'хорошо', подобно большинству романских языков (ср. *ит.* buono – bene, *исп.* bueno – bien, *фр.* bon – bien и т.п.). Исключение составляют лишь некоторые южноитальянские диалекты, где bonus, конвертируясь в наречие, вытеснило bene: facisti buonu «ты хорошо сделал». В литературном итальянском, испанском, португальском, французском языках есть несколько устойчивых сочетаний, где прилагательное закреплено в обстоятельственной функции, напр.: *ит.* parla chiaro, veloce, forte, piano; *исп.* habla claro,rapido; *порт.* fala baixo, *фр.* il parle bas, il crie fort.

В основных романских языках при образовании наречий от прилагательных используется суффикс -mente, восходящий к латинскому существительному ж. рода mens в творительном падеже – mente. Суффикс -mente унаследовал от существительного сочетаемость с прилагательными в форме ж. рода (если прилагательное изменяется по родам): *исп., ит., порт.* falsamente, *фр.* fausse ment и т. п. Отсутствие суффикса -mente в сардинском, румынском и юж. итальянских диалектах говорит о сравнительно поздней морфологизации этой модели, которая сохраняет следы былой аналитичности в испанском языке в сочинительных сочетаниях типа rápida y discretamente 'быстро и разумно'.

Степени сравнения качественных наречий, так же как и прилагательных, заменили синтетические латинские формы на аналитические романские. Четыре наиболее употребительные наречия bene, male, multum, paucum с супплетивными формами степеней сравнения, сохранились почти во всех романских языках (в скобках даны формы, не восходящие к данной латинской форме):

	Положительная степень				*Сравнительная степень*			
1. *лат.*	bene	male	multum	paucum	melius	peius	magis; plus	minus
2. *ит.*	bene	male	molto	poco	meglio	peggio	più	meno
3. *фр.*	bien	mal	(beaucoup)	peu	mieux	pis	plus;	moins
4. *исп.*	bien	mal	mucho	poco	mejor	peor	más	menos
5. *порт.*	bem	mal	muito	pouco	melhor	pior	mais	menos
6. *рум.*	bine	(rău)	mult	(puțin)	mai bine	(mai rău)	(mai mult)	(mai puțin)

Примечания: 1. лат. ср. степень magis более древняя, чем plus. 2. ит. лучше всего сохранил латинское наследие. 3. фр. заменил ст. mult на совр. beaucoup; plus вытеснил конкурировавшее с ним в ст. фр. mais (mes), которое сохранилось в устойчивом выражении je n'en puis mais «я ничего не могу поделать». 4–5. исп. формы mejor, peor и порт. melhor, pior восходят к соответствующим формам прилагательных. 6. рум. все степени сравнения образует аналитически; лексема male заменилась прилагательным rău < *лат.* reus 'подсудимый'; ср. в *ст. ит.* reo, rio в значении 'злой', 'плохой'.

§ 86. **Местоименные актуализаторы.** Помимо существительных и прилагательных, именная группа включает показатели отношения к речевому акту, который создается определенным лицом, называемым «я», в момент речи «сейчас» и в месте нахождения говорящего «здесь». Эти три идеальных «предмета», создаваемые самим конкретным речевым актом, служат ориентиром для всех остальных актуализаторов как имени, так и глагола.

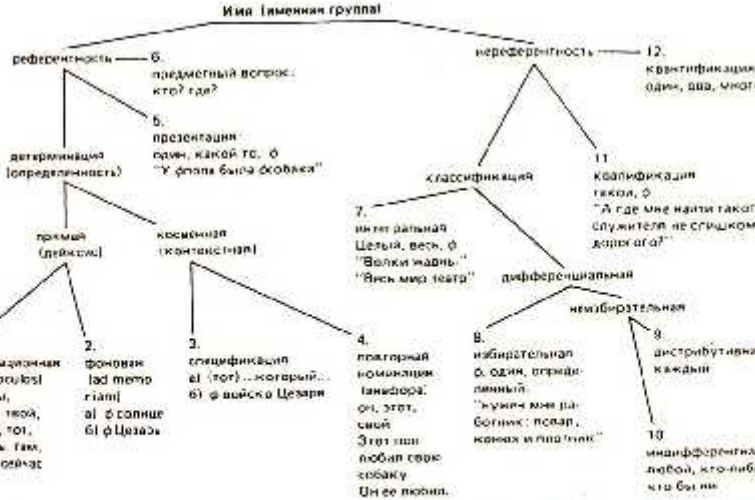
Основными функциями местоименных слов являются:

1) указание на участников акта коммуникации (я, ты, мы, вы), противопоставленных всем прочим «третьим лицам», известным или неизвестным, одушевленным или неодушевленным (он, она, это, кто? что?, кто-то, все и т.п.);

2) указание на референтный статус имени (референтными считаются имена «известных» объектов, существующих в поле зрения говорящих, в их памяти, или определяемые как «известные» речевым контекстом, при повторном наименовании объекта или при отнесении имени к единичному событию или уже известному объекту: «дом, в котором он живет», «войско Цезаря»; частично референты имена объектов, известных только говорящему: «Я хочу познакомить тебя с одним человеком» или только слушающему: «Кто там?», «Где ты живешь?» и т.п.; нереферентны имена, обозначающие понятия класса предметов и их качественные и количественные модификации);

3) указание на наличие или отсутствие кореферентных связей между именными группами в тексте, где проявляются связующая и разграничительная функции местоименных слов. Например, *un* (и др. романские языки): Amo una bella ragazza, ma la ragazza mi odia — «Я люблю одну красивую девушку, но девушка меня ненавидит», где замена определенного артикля на неопределенный ведет к разрыву смысловой связи между двумя предложениями.

В общих чертах типы референции именных групп могут быть представлены схематически следующим образом:

В каждой из областей референции специализируется один или несколько подклассов местоименных слов; некоторые актуализаторы обслужи-

вают несколько областей, как, например, в русском языке «один, этот, тот», или нулевой показатель актуализации: $\emptyset$.

Местоименные слова могут занимать

1) приименную позицию, где актуализатор оформляет группу существительное + прилагательное (место каждого из них может быть пустым): «одна (красивая) женщина»;

2) приглагольную позицию, где актуализатор представляет при сказуемом всю именную группу в целом и не допускает определений: «кто-то здесь тебя ждет».

В обеих позициях некоторые актуализаторы могут терять свою синтаксическую автономность и превращаться в приименные или приглагольные частицы.

Противопоставление именных групп по признакам реальности (референтности) – нереальности (нереферентности), отмеченное актуализаторами, аналогично противопоставлению по тем же признакам индикативной и неиндикативной модальности в группе предиката; ср. quidam dixit 'кто-то сказал' – quisquam dixerit 'кто-нибудь, возможно, скажет'.

Связывая именную группу прямо или косвенно с речевым актом, актуализаторы гораздо чаще встречаются в разговорной речи, чем в письменном литературном языке. Однако увеличение их частотности в непринужденном устном рассказе происходит главным образом за счет личных и особенно указательных местоимений, так как именно они обеспечивают связность текста путем подчеркивания единой предметной отнесенности (кореферентности) у нарицательных имен лиц и предметов, о которых ведется повествование. То же явление наблюдается в сочинениях малограмотных людей. Образцом подобного текста может служить Peregrinatio Aetheriae ad loca sancta (цифры указывают типы референции на схеме): ...«montes illi (*3a*), inter quos ibamus, aperiebant et faciebant (*5*) vallem infinitam, ingens planissima et valde pulchram, et trans (*4*) vallem apparebat (*3б*) mons sanctus Dei Syna. Hic (*3a*) autem locus, ubi se montes aperiebant, iunctus est cum eo (*3a*) loco quo sunt memoriae concupiscentiae... ...Habebat autem de eo (*4*) loco ad (*3б*) montem Dei forsitan quattuor milia totum (*12*) per valle illa (*3a–4*) quam dixi ingens. Vallis autem ipsa (*4*) ingens est valde, iacens subter (*3б*) latus (*3б*) montis Dei... Ipsam (*4*) ergo vallem nos traversare habebamus, ut possimus (*4*) montem ingredi» «...горы эти, среди которых мы шли, раскрывались и образовывали долину бесконечную, очень ровную и красивую, а за долиной виднелась божественная гора Синай. Это место, где горы расступались, соединено с тем местом, где гробы повапленные... Было от этого места до божественной горы мили четыре по той долине, которую я назвала громадной. Долина эта великая лежит по одну сторону божественной горы.... Эту долину мы должны были пересечь, чтобы подойти к горе»...

Этот небольшой отрывок достаточен для иллюстрации следующих двух процессов, характерных для поздней народной латыни:

1. Указательные актуализаторы hic, ille, ipse конкурируют с анафорическим is 'он, этот' в условиях анафоры и спецификации с определительным придаточным, где они утрачивают контрастные значения, свойственные им

в их первичной дейктической функции (hic 'этот', близкий к говорящему, ille 'тот', удаленный от обоих собеседников, ipse – 'сам').

2. Анафорический повтор и спецификация с определительным придаточным очень часто, но не всегда отмечаются указательным местоимением.

Подсчет всех случаев употребления is, hic, ille, ipse в полном тексте Peregrinatio показывает, что наиболее употребительными являются два последние местоимения, причем в данном тексте ipse встречается чаще, чем ille; оба местоимения встречаются одинаково часто как в препозиции, так и в постпозиции к имени.

Когда один из актуализаторов – ille или ipse в приименной позиции становится обязательным сопроводителем имени, хотя бы в условиях анафоры и спецификации, закрепляется в этой роли и ушерб другим конкурентам, жестко фиксируется в препозиции или в постпозиции и утрачивает способность в данной фонетической форме к автономному употреблению, можно говорить о возникновении артикля.

Когда один из актуализаторов – ille или ipse в приглагольной позиции закрепляется в функции нейтральной анафоры и теряет способность к дейктическому употреблению (напр., в условиях выбора: «этот, а не тот»), можно говорить о возникновении «личного» местоимения третьего лица, т.е. местоимения, обозначающего только замещение имени при его повторном упоминании.

Наконец, в связи с сокращением и исчезновением падежных различий у существительных естественно возрастает роль личных местоимений как показателей падежных отношений, ср., напр., *ст. фр.*: Ceste bataille bien la poum tenir (Rol. 1238) – «Это сражение мы его сможем выдержать» или L'Empereür tant li dunez aveir (Rol. 570) «Императору столько ему дайте добра», где форма косвенного падежа l'empereür не позволяет отличить прямого дополнения от косвенного, или *ст. исп.*: El a las niñas tornó las a catar (Cid. 371) – «Он снова взглянул на девочек», где предложное оформление именной группы "a las ninas" также недостаточно (в испанском языке) для противопоставления прямого дополнения косвенному при именах одушевленных.

Фиксация места личных местоимений непосредственно перед глагольной формой (проклиза) или непосредственно после нее (энклиза), утрата ими способности нести фразовое ударение и обязательность их употребления в определенных синтаксических условиях приводят к возникновению личных местоименных частиц, указывающих в составе синтактико-аналитической формы глагола на лицо и синтаксические функции именных членов предложения. Ср. *лат.* Calidorus: – Dabisne argenti mi hodie viginti minas? Pseudolus: – Dabo. (Pl. Ps. 117) «Калидор: – Ты дашь мне сегодня двадцать мин серебром? Псевдол: – Дам», *ит.* Cal.: – Mi darestí oggi venti mine d'argento? Ps.: Te le darò.

Итак, наиболее радикальные изменения в латинской системе именной актуализации, приведшие к возникновению новых грамматических единиц – определенного артикля, личного местоимения 3-го лица и личных местоименных частиц – произошли на участке указательных и личных местоимений, в связи с увеличением их нагрузки как связующих элементов речи.

В других местоименных подклассах отличия романских языков от латыни касаются лишь означаемого или означающего отдельных единиц, почти не затрагивая системы неопределенных актуализаторов в целом.

§ 87. **Личные местоимения.** У личных местоимений 1-го и 2-го лица ego – tu отношения между означающим и означаемым не изменились со времен индоевропейской общности.

Личные местоимения – единственный именной подкласс, сохранивший падежную парадигму во всех романских языках. У местоимения 1-го лица она образуется супплетивно как во всех индоевропейских языках, ср. *русск.* я – меня, *лат.* ego – me, *ит.* io – me и т. п. (в совр. французском языке все автономные формы личных местоимений лишены падежных форм).

Косвенный падеж личных местоимений во всех романских языках имеет автономные и неавтономные варианты.

Во французском языке оба варианта 1-го л. ед.ч. косв. падежа восходят к одной и той же латинской падежной форме, получившей различное фонетическое развитие в ударной и безударной позиции: *лат.* Acc. – Abl. me > *ст. фр.* mei > *фр.* moi [mwa] (авт.), но *лат.* Acc. – Abl. me > *фр.* me [mə] (неавт.). В итальянском, испанском и португальском они восходят к двум разным латинским падежам, превратившимся в позиционные варианты одной падежной формы: *лат. Dat.* mihi, mi > *ит.* mi (неавт.), но *исп.* mi, *порт.* mim (авт.); *лат. Acc.* – *Abl.* me > *ит.* me (авт.), но *исп., порт.* me (неавт.). Ср.: *ит.* il padre mi da il libro a me, но *исп.* el padre me da el libro a mí, *порт.* o pai me dá o livro a mim.

Почти во всех романских языках автономные местоимения первых двух лиц имеют двучленную парадигму – прямой (именительный) и косвенный падеж; исключение составляют балкано-романские языки, где дательный падеж и аккузатив – аблятив не слились и поэтому парадигма содержит три противопоставленные формы: *N.* eu, tu; *Acc.* mine, tine; *Gen. Dat.* mie, ţie.

Почти во всех романских языках прямой падеж представлен только автономным вариантом; исключение составляет современный французский язык (и северо-итальянские диалекты), где именительный падеж представлен только неавтономным вариантом (je, tu), тогда как в качестве автономной формы в функции подлежащего распространилась форма косвенного падежа (moi, toi). Другими словами, во французском языке автономные формы местоимений 1-го и 2-го лица (так же, как и местоимения 3-го лица (см. ниже)) по падежам не изменяются.

Следующая таблица иллюстрирует сказанное выше на примере местоимения «я»:

лат.	*ит.*		*исп.*		*порт.*		*фр.*		*рум.*	
	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.
N. ego, eo	io	–	yo	–	eu	–	(moi)	je	eu	–
G. mei	–	–	–	–	–	–	–		mie	
D. mihi, mi		mi	mí		mim					îmi, mi

Продолжение таблицы

лат.	*ит.*		*исп.*		*порт.*		*фр.*		*рум.*	
	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.
Acc. me *Abl.* me	mé			me		me	moi	me	mine	mă

Примечание. В каталанском языке автономные местоимения имеют два падежа – прямой и косвенный только для 1-го лица ед. ч.: jo mi; неавтономные объектные местоимения имеют три позиционных варианта: me, em, 'm; te, et, 't, например: el busquen – 'тебя ищут'; visitarte – 'посетить тебя'.

Личное местоимение 3-го лица, отсутствовавшее в латыни, восходит почти во всех романских языках к указательному местоимению ille 'тот', в сардинском языке – к указательно-усилительному местоимению ipse 'сам'; итальянский язык для автономных форм сохраняет рефлексы обоих местоимений: *лат.* ille, *н. лат.* illi > *ит.* egli 'он' только для антропонимов и только в письменном литературном языке, *лат.* ipse, *н. лат.* ipsu > *ит.* esso 'он' главным образом для неантропонимов, *лат.* ipsa > *ит.* essa 'она' для любых имен, так же как и ipsi > essi 'они', ipsae > esse 'они' ж.р.

Латинское местоимение ille имело в народной латыни вариант illus. Кроме того, параллельно с класс. лат. парадигмой склонения *N.* ille (m), illa (f), *G.* illius (m), (f), *D.* illi (m), (f), в Италии, Галлии и в балкано-романском ареале распространилась парадигма *N.* illi (m), illa (f), *G.* illuius (m), illeius (f), *D.* illui (m), illei (f), (отчасти по аналогии с парадигмой вопросительно-относительного местоимения *N.* quis, qui, *G.* cuius, *D.* cui).

Местоимения среднего рода illud, *illum, а в Дакии, в Провансе и Сев.-вост. Испании (будущей Каталонии) также и hoc, продолжали употребляться для анафорического повтора предложений и именной части сказуемого (ср., напр. в *ит.* Sei già nonna? Sì, lo sono. – «Ты уже бабушка? – Да, я бабушка» или *кат.* Qui t'ha dit tot això? – el pare m'ho ha dit – «Кто тебе все это сказал? – Мне это сказал отец»).

Наречие inde в Италии, Галлии и Сев.-вост. Испании закрепилось в функции партитивного личного местоимения (ср. *катал.* tens diners? – Sí, en tinc. «У тебя есть деньги? – Да, есть»).

Наречия hic, hice, ibi в тех же ареалах распространились как местоимения-локативы, замещающие обстоятельства места пребывания и назначения (напр., *фр.*: j'y vais – «я туда иду»).

Наконец, в галло-романском ареале слово homo, употреблявшееся также и в неопределенно-личном смысле, превратилось в субъектное нейтрально-личное неавтономное местоимение on.

Распределение романских форм (для ед. числа) и их латинский источник отражены на табл. 1 (в скобках помещены формы, этимологически не связанные с латинской формой соответствующего ряда и распространившиеся в данной функции позднее; курсивом даны старые или диалектные формы).

(Старые и диалектные формы выделены курсивом)

	К.л. и *пар. лат*	*ит.*		*исп.*		*порт.*		*фр.*		*рум.*	
		авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.	авт.	неавт.
N.	ille	(lui)	*e'*	él *elle*		ele		*il*	il		
	*illus		*i'*							el	–
	*illi	egli		*elli*							
	*ipsu-s	esso						(lui)			
	illa	ella (lei).	*la*	ella		ela	–	elle	elle	ea	–
	ipsa	essa									
G.	illius	–		–							
	*illuius										
	*illeius										
D.	illi		*li* gli		*li*			*li*	*li*		*îi, i*
	*illui	a lui *loi*		(a él)	(le)	(a ele)	(lhe)	a lui *lui*	lui	lui	
	*illei	a lei *lei*	le	(a ella)	le	(a ela)	lhe	(a elle) *lei*	(lui)	ei	(îi, îi
Acc.	illa(m)	(lui)	lo	(a él)	le (le)	(ele)	o	(lui)	le	e'i	îi, l
	illa(m)	*ella*	la	(a ella)	la (le)	(ela)	a	elle	la	ea	(o)
Abl.	illo	(lei)									
N.	illud		lo		lo		o		le		
	*illu(m)										
Acc.	*ipsu(m)	esso		eso							o
	huc										
Part.	inde		ne		*ende*		*ende*		en		
Loc.	ibi		vi								
	hic				*i*		*hi*		y		
	*hice		ci								
	(homo)				*home*		*home*		on		

Место неавтономных местоименных частиц во всех романских языках, кроме португальского, фиксировано и зависит от формы глагольной лексемы (а в старых языках и в совр. португальском от начального или неначального положения личной формы глагола во фразе). Дательная и винительная формы частиц, употребляемые совместно, почти во всех языках образуют амальгаму, где один или оба элемента изменяют свою фонетическую форму (см. табл. 2).

	личн. форма	императив	инфинитив	герундий	лат. + вин.
фр.	je le vois	laisse-la!	il commence à l'écrire	en le voyant	je le lui dorne
ит.	lo vedo	lasciala!	comincia a scriverlo	vedendolo	(gli + le); glie'lo do
исп.	lo veo	déjala!	empieza a escribirlo	viéndole, viéndolo	(le + lo); se lo doy
порт.	o vejo, vejo-o	deixe-a! a deixe!	começa a escrevê-lo	vendo-o o vendo	(lhe + o); lho dou
кат.	ho veig	deixa-la!	comença a escriure'l	veient-lo	(lo + li); l'hi dono
рум.	o văd 'я это вижу'	lasă-e! 'оставь ее!'	incepe a-l scrie 'он начинает его писать'	văzîndu-l 'видя его'	(îi + îl); i-l dau 'я ему его даю'

Примечания к таблицам 1 и 2:

1. Функционально идентичные романские местоимения могут восходить к различным стилистическим вариантам соответствующих латинских форм. Например, местоимение él в испанском (elle в старояспанском), ële в португальском происходят от *класс. лат.* ille, тогда как румынское el ведет начало от *н. лат.* illus (если бы *рум.* : el [iel] восходило к ille, это местоимение сохранило бы, согласно фонетическим законам, конечный гласный [e], ср. *лат.* bene > *рум.* bine). Ср. также местоимение «это» в *порт.* o < illu, но в *рум.* o < hoc.

2. Внутри парадигмы наблюдаются функциональные смещения. Например, н. лат. форма дательного падежа *illui, *illei дала формы того же падежа в ст. итальянском — lui, lei, в ст. французском lui, lei и в румынском lui, ei. Значение дательного (без предлога) эти формы сохранили только в совр. румынском, тогда как в совр. итальянском lui, lei без предлога употребляются в функции прямого дополнения, а в разговорном языке и в функции подлежащего (кроме того, Lei является формой вежливого обращения для обоих родов, напр., Lei è occupato? — «Вы заняты?»). В совр. французском форма lei исчезла, а форма lui сохранила значение дательного падежа только в неавтономном употреблении, для обоих родов, на месте исчезнувшей формы li; автономное местоимение lui закрепилось как единая форма местоимения 3-го л. м. рода, подобно форме lui в разговорном итальянском, ср.: *фр.* lui, il ne vient pas, *ит.* lui non viene — «он-то не придет».

В румынском языке автономные формы lui, ei функционируют в группе имени как родительный падеж, а в группе глагола как дательный, ср.: fiul lui 'его сын', но lui nu-i place nimic 'ему ничто не нравится'.

Интересно также распространение *рум.* o < hoc 'это' на сферу употребления illa(m) 'ее'. Очевидно, форма ср. рода ед. ч. hoc, вытеснив форму ср. рода мн. ч. illa в значении непредметного обобщенного местоимения «это» (не изменяющегося по числам), по аналогии заменила также омонимичную форму illa(m) 'ее'. Труднее объяснить, каким образом форма

hoc могла заменить также неопределенное местоимение (артикль) ж. рода ед. ч. una. В современном румынском языке в форме **o** совмещены три грамматических омонима: неопределенный артикль ж. рода, неавтономное местоимение ж. рода в винительном падеже и непредметное неавтономное местоимение ср. рода 'это', закрепленное в функции прямого дополнения.

Таким образом, в романских языках совпадающие по своей этимологии и по звуковой оболочке формы могут функционально не совпадать и занимать разное место в системе местоименных актуализаторов.

3. Народно-латинские формы *illui, *ille: возникли сравнительно поздно (но до IV в.) и не успели закрепиться на всей территории Романии: в иберороманских языках их «потомков» вообще нет.

4. В испанском языке, в связи со стиранием формальных различий между косвенным и прямым дополнениями у существительных-антропонимов, вводимых в обоих позициях предлогом a, нейтрализуется также противопоставление форм дательного и винительного падежей у неавтономных местоимений, замещающих антропонимы (обычно форма le вытесняет форму lo, реже — наоборот, т.н. leísmo и loísmo). Таким образом, язык формально выражает семантическое противопоставление по признакам антропонимичность–неантропонимичность, но нейтрализует функциональное противопоставление по падежам. Ср.: *исп.* le doy un libro – 'я ему даю книгу', le veo – 'я его вижу', lo veo – 'я это вижу, я его (предмет) вижу'.

5. Автономные и неавтономные местоимения имеют разные тенденции развития.

У автономных местоимений в большинстве романских языков (в испанском, португальском, каталанском, французском, в разговорном итальянском) произошла унификация падежных форм, так что ударные местоимения 3-го лица, подобно существительным, лишены категории падежа.

Неавтономные местоимения, напротив, имеют от двух (в совр. португальском и в совр. испанском) до шести (во французском и итальянском) форм, отмечающих различные синтаксические функции именной группы в составе глагола. Эти местоименные частицы по своей грамматической нагрузке сближаются с личной флексией глагола, с которой они находятся в дополнительном распределении (для указания на лицо и функцию субъекта — флексия, для указания на лицо и функции объектов, в том числе и обстоятельства места — местоименные частицы). Во французском языке (и в некоторых сев. итальянских диалектах и в тосканском) существуют также субъектные частицы — *фр.* je, tu, il, ils; *тоск.* i', t', e', le, заменяющие частично исчезнувшую личную флексию глагола (во фр.) или дублирующие ее (в тоск. диал.).

Помимо определенно-личных субъектных частиц je, tu, il (elle) во французском существует нейтрально-личная субъектная частица **on** и безличная субъектная частица **il** (которые, в отличие от je, tu, il, не имеют объектных форм). Объектные частицы во всех романских языках передают контраст между прямым и косвенным дополнением, а во французском, провансальском, каталанском и итальянском включают также показатели партитивности (*ит.* ne, *фр.*, *кат.* en) и показатели локальности (*ит.* ci, vi, *фр.* y, *кат.*

hi). Безударные местоименные частицы, как субъектные, так и объектные и обстоятельственные, не употребляются без глагольной формы. Отмечая в составе глагола синтаксическую функцию именных членов предложения, неавтономные местоимения отчасти компенсируют утрату падежных форм у существительных. Однако возникновение и распространение неавтономных местоимений было обусловлено не разрушением флексии имени (во французском также и личной флексии глагола в ед. числе), а определенными ритмическими характеристиками романского предложения. Одна из них — повтор (реприза) имен, обозначающих детерминированные понятия («тему»), анафорическими местоимениями при глаголе. Такая конструкция часто встречается в ст. французском, где еще сохраняются падежи существительных (прямой и косвенный): **Li quens Rollanz** l'ad il e prise et fraite (Rol. 663) — «Роланд он ее взял и разрушил (крепость)». Li niés Marsilie il est venuz avant (Rol. 860) — «Племянник Марсилия он вышел вперед». Отсутствие жесткой причинной зависимости между исчезновением именного склонения и местоименной репризой подтверждается данными современного румынского языка, где при сохранении падежных показателей в группе имени реприза темы при глаголе распространена местоименными частицами как нейтральная литературная модель: femeii îi era milă – 'женщине ей было жалко', banii îi luase cu sine – 'деньги он их взял с собой'. Функция приглагольных местоименных частиц — указание на связи действия с основными его участниками.

Объединение в одном глагольном узле формальных показателей основных синтаксических связей делает глагол конструктивным центром предложения. Старые романские языки еще сохраняют следы структурной необязательности личного глагола, типичной для языков с ярко выраженной падежной флексией, ср. напр.: *ст. фр.* «E jo od vus» ço dist li quens Gualtiers (Rol. 800) — *совр. фр.* «Et j'irai avec vous» – dit le comte Gautier — *русск.* «И я с вами», — сказал граф Готье».

§ 88. **Определенный артикль.**

А. **Формы артикля в романских языках и их этимология.** Личное местоимение 3-го лица и определенный артикль во всех романских языках имеют общий этимон — латинское указательное местоимение ille (*illi, *illus) или — в сардинском — ipse (ipsus). Общность этимологии этих форм объясняется идентичностью их первичной сферы распространения — анафоры (повторной номинации), а также и тем обстоятельством, что субстантивный заместитель имени имел в латинском языке ту же форму, что и его адъективный аналог: video hominem... ille (homo)... . Первоначально за позицией анафоры в латыни было закреплено нейтральное местоимение is (ea, id), которое чередовалось с более выразительным указательным местоимением hic (haec, hoc). В поздней латыни они уступили место указательным местоимениям ille и ipse. Конкуренция всех четырех форм в условиях анафоры, представленная в Peregrinatio Aetheriae, скорее всего не отражает истинного положения вещей в разговорной речи IV–V вв. н. э., где к этому времени is, ea, id, должны были выйти из употребления.

Наряду с определенным артиклем, во французском и в итальянском языках (приблизительно к началу XIV в.) возник так называемый парти-

тивный артикль, восходящий к сочетанию *предлог* de + ille и представляющий собой адъективный аналог партитивного неавтономного местоимения *фр.* en, *ит.* ne <*лат.* inde.

Во всех романских языках, кроме балкано-романских, артикль закреплен в препозиции к именной группе и не имеет падежных форм (в ст. французском падежи у артикля исчезли вместе с исчезновением склонения имен).

В балкано-романских языках артикль обладает рядом специфических особенностей:

1) определенный артикль закреплен в постпозиции к первому слову именной группы, существительному или прилагательному, с которым фонетически сливается, подобно флексии: băiatul frumos – frumosul băiat;

2) определенный артикль, как и все местоименные заместители и определители имени, склоняется (см. § 83);

3) наряду с определенным артиклем, существует также адъективный (детерминативный) артикль, восходящий к сочетанию ecce + ille > cel, ecce + illa > cea, как и указательные местоимения (см. ниже);

4) в группе *определяемое + именное определение в родительном падеже* в некоторых случаях необходим особый показатель связи, называемый «посессивным артиклем», который скорее всего восходит к сочетанию ad + illi > al, ad + illa > a, ad + illi > ai, ad + illae > ale.

Формы артиклей м. р. ед. ч. и их латинский источник (в скобках даны формы, не восходящие к данному латинскому источнику, курсивом – старые и диалектные формы)

Примечания к таблице:

1. Итальянский артикль м. рода имеет два позиционных варианта – il (мн. ч. i) перед именами, начинающимися с простого согласного, lo (мн. ч. gli) перед гласным и группой s + *согласный*, ср. il cane – i cani, lo scolaro – gli scolari. Диалектные формы артикля м. р. весьма разнообразны:

	лат. и н. лат.	*ит.*	*исп.*	*порт.*	*ст. фр.*	*фр.*	*рум.*
N.	ille *illus *illi	*el, er* lo il	el *lo*	o	*li*	(le)	-le -l
G.	illius *illuius	–	–	–	–	–	–
D.	illi *ilui						-lui
Acc.	illu(m)				*lo*, le		
Abl.	illo						
N.	illu(d)	*lo*	lo	–		–	–
Acc.							

Продолжение таблицы

лат. и н. лат.	*ит.*	*исп.*	*порт.*	*ст. фр.*	*фр.*	*рум.*
de + ille	del	–		–	du	–
ecce + illu	–			–		eel
ad + illu	–	–	–	–		al

el (венец., ломб., сиенск.), er (римск.), o (неаполит.), lu (сицил.). Кроме того, в Умбрии и некоторых других южных диалектах есть артикль среднего рода lo, сопровождающий имена вещества: lo latte 'молоко'.

Партитивный артикль del (ж. р. della) употребляется со времен Данте перед несчисляемыми именами вещества для указания на конкретную, но неопределенную количественно часть: domandar del pane (Dante. Inf. 33, 39). Распространение этой формы на имена счисляемые во множественном числе для обозначения неопределенного, но конкретно-референтного множества произошло значительно позже (совр. è andato via con degli amici 'он ушел с товарищами').

2. В современном французском языке партитивный артикль сочетается не только с именами материала, как в итальянском (donner du pain – 'дать хлеба'), но и с именами абстрактного качества: «De la musique avant toute chose» (Верлен) – «Прежде всего нужна музыкальность», и даже с именами собственными, которые превращаются таким путем в окказиональные имена качества: il y a du Verlaine dans ses vers – 'в его стихах есть что-то от Верлена'.

Сочетание предлога de с артиклем при именах счисляемых во мн. числе вытеснило ст. фр. форму неопределенного артикля мн. числа uns и употребляется не только с референтно употребленными именами (как в итальянском, напр., *фр.* je vois des fourmis, *ит.* vedo delle formiche – 'я вижу муравьев'), но и при обозначении класса предметов (напр., ils travaillent comme des fourmis, ср. *ит.* lavorano come formiche – 'они работают как муравьи').

3. В испанском (кастильском) артикль м. р. el противостоит артиклю м. р. lo в диалектах Леона и Арагона: el fuego – lo fuego 'огонь'. В самом кастильском артикль lo < illud имеет функцию окказионального субстантиватора прилагательных «mezclando lo humano con lo divino» (Cervantes) – «смешивая человеческое с божественным». Этот артикль не имеет мн. числа и может сочетаться с предлогами в выделительных оборотах типа los quiero por lo buenos que son. – 'я их люблю за то, что они добрые'.

4. Португальский артикль м. рода ед. ч. o и местоимение 3-го лица êle восходят соответственно к вариантам латинского местоимения – *н. лат.* illu(s) и *кл. лат.* ille (в отличие от испанского артикля el).

5. Румынский адъективный артикль употребляется в строго ограниченных условиях: при образовании относительной превосходной степени прилагательных, при выделении постпозитивных прилагательных fiul cel mic – 'младший сын' и при субстантивации определений, в том числе и определительных придаточных.

Румынский посессивный артикль может быть назван артиклем лишь условно, исходя из его этимологии – ad + illu. Это знак притяжательной связи при именных определениях в родительном падеже, отделенных

от определяемого прилагательным или соединенных с неопределенным определяемым, ср. elevul dracului – 'ученик дьявола', un elev al dracului – 'один ученик дьявола', elevul cel vrednic al dracului – 'усердный ученик дьявола', где со словом elev согласуются в роде и числе три артикля (ср. мн. ч.: elevii cei vrednici ai dracului – 'усердные ученики дьявола'). Выражение отношений принадлежности лицу с помощью предлога ad > a (заменившего латинский дательный притяжательный типа mihi liber est) известно и французскому: le fils à papa. Однако своеобразие румынской конструкции состоит в том, что слитный с предлогом артикль согласуется в роде и числе не с определяющим, а с определяемым существительным.

6. Во всех романских языках (за исключением балкано-романских, где артикль постпозитивен) определенный артикль образует с наиболее частотными предлогами так называемые «артикулированные предлоги», которые можно рассматривать как своего рода склонение артикля. Характерно, что наиболее устойчивыми и распространенными оказываются амальгамы ad + ille и de + ille, соответствующие дательному и родительному падежам.

Б. Сферы употребления определенного артикля в старых и современных романских языках. Ранние романские литературные памятники, например, «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», показывают, что определенный артикль распространился к XI–XII вв. далеко за пределы своей первоначальной сферы возникновения – анафоры и ее «перевернутого» варианта – спецификации с определительным прилагочным.

Формы артикулированных предлогов и их латинский источник
(Курсивом даны старые и диалектные формы)

лат.	*ит.*	*исп.*	*порт.*	*фр.*
ad + ille	al, allo	al	ao	**au**
ad + illa	alla	a la	à	**à la**
de + ille	del, dello	del	do	**du**
de + illa	della	de la	da	**de la**
in + ille	nel, nello	*enno*	no	*el, eu, au**
in + illa	nella	*enna*	na	*en la*
sub + ille	sul, sullo	*sol*	–	–
sub + illa	sulla	–	–	–
per + ille	*pel*	*pol*	pelo	–
per + illa	*pella*	–	pela	–
cum + ille	col, collo	*co!*	–	–
cum + illa	*colla*	*conna*	–	–

*Во французском языке артикулированный предлог en + le > el > eu, ou, au > > [o] исчез, так как в результате фонетических изменений совпал по звучанию с артикулированным предлогом a + le > au [o]. В сочетаниях с артиклем предлог en заменился предлогом dans < лат. de + intus, ср.: avoir bien en main и avoir dans la main. Реликт en + le > au сохраняется в выражении croire au diable – 'верить в черта', (но croire en Dieu 'верить в бога', так как слово Dieu во французском и других романских языках не имеет артикля, в отличие от le diable); во мн. ч. этот артикулированный предлог сохраняется в устойчивом сочетании le docteur ès lettres (sciences), где ès = en + les.

В старых романских языках определенный артикль обычно сопровождает все имена нарицательные, функционирующие в тексте как имена соб-

ственные, т.е. имена уникальных объектов, все свойства которых предполагаются известными обоим собеседникам (автору и читателям) из фонда общих знаний или из контекста.

Так, определенный артикль, как правило, имеют имена единичных природных объектов и явлений, напр., *ст. фр.* «Clere est la noit e la lune lusante» (Rol. 2512) — «Ясна ночь и сверкает луна», *ст. исп.* "Ya vedes que entra la noch" (Cid, 137); абстрактные имена качеств и действий, резюмирующие уже известную ситуацию (анафора) или отнесенные к конкретному предмету или лицу (спецификация), напр.: «La bataille est merveilleuse e commune» (Rol. 1320) — «Сражение удивительно и повсеместно» или "El amor de mio Cid ya lo ivan provando" (Cid, 1247) «Любовь моего Сида они уже испытывали на себе».

Как и в современных языках, определенный артикль регулярно сопровождает конкретно-предметные имена, связанные с другим именем отношением устойчивой или неотторжимой принадлежности, т.е. в тех условиях, где притяжательный детерминатив опущен (части тела, предметы одежды, экипировки и т.п.), напр., *ст. фр.* «Trenchet la teste e la brunie e lo cors, La bone sele ki est gemmée ad or» (Rol. 1543) — «Он разрубил (ему) голову, кольчугу и тело и отличное седло, оправленное золотом», или *ст. исп.* "El astil a crebado e metió mano al espada" (Cid., 2387) — «Он сломал копье и схватился за шпагу». Артикль отсутствует только в некоторых устойчивых сочетаниях, типа *ст. исп.* meter mano, *ст. фр.* mettre mano — 'принимать(ся) за', где имя лишено семантической автономности, а также в тех случаях, когда при сохранении референтности имени, на первый план выдвигается его содержательная сторона, напр.: "Espada tienes en mano e veo't aguijar, Asi commo semeja en mi la quieres ensayar" (Cid., 2414) — «В руках у тебя шпага и ты пришпориваешь коня; как видно, ты хочешь ее испробовать на мне».

Как показывают последние два примера, один и тот же предмет — шпага в руках у рыцаря — может, в зависимости от точки зрения говорящего, рассматриваться или как обычный предмет экипировки, и тогда определенный артикль отмечает самоочевидный факт ее принадлежности к сфере «рыцаря», или как предмет, привлекающий внимание своей качественной, содержательной стороной, и тогда отсутствие артикля в старых романских языках (и неопределенный артикль в новых) отмечает рематическую (предикативную) функцию имени. Позиция главного слова в реме-сказуемом и ее эмфатическое выделение отодвигает на второй план предметную отнесенность существительного и меняет его референтный статус.

По определению Амадо Алонсо[1] имя с определенным артиклем предполагает существование (existencia) обозначаемого, имя же без артикля имеет в виду содержание понятия (esencia). Первое связано с позицией темы, синтаксической функцией подлежащего, конкретно-предметным значением слова. Второе — с позицией ремы, синтаксическими функциями именного сказуемого, прямого дополнения, обстоятельства и с абстрактным, нереферентным значением слова. При скрещивании признаков первого и второго

[1] *Alonso A.* Estudios lingüísticos. Temas españoles. — Madrid, 1967. — P. 134.

ряда возникают неустойчивые условия, где наблюдаются расхождения в употреблении артикля в старых и современных языках, а также в нормах современных языков.

Наиболее важные из этих расхождений следующие:

1. Конкретно-предметные имена нарицательные в значении «класса предметов» в старых языках, в отличие от современных, лишены артикля, напр.: *ср. фр.* (XV в.): «Oncq **enfant** ne resembla mieulx a pere» (Pathelin, 140) — «Никогда ребенок не походил более на своего отца»; *ст. ит.* (XIV в.): "E gran senno è cercar d'amar sempre **donna** di più alto legnaggio ch'egli non è" (Boccaccio, Dec. 1, 5) — «Разумно стараться любить женщину более высокого происхождения, чем ты сам», или *ср. исп.* (XVI в.) "...esperando que algún enano se pusiese entre las almenas a dar señal con alguna trompeta de que llegaba caballero al castillo" (Cervantes, II) — «...ожидая, что какой-нибудь карлик выглянет между зубцов стены и подаст сигнал трубой, что к замку подъезжает рыцарь». В современных испанском и итальянском языках еще сохранились следы подобного употребления в позиции дополнения после некоторых глаголов, напр. *исп.* busco criada – 'ищу прислугу', *ит.* cerco moglie (marito) – 'ищу жену (мужа)'. Норма современных языков требует при имени в условиях «классификации» определенного или неопределенного артикля, напр. *исп.* "La viuda era la mujer seria" (Gomez de la Serna) «Вдова была воплощением типа серьезных женщин», era una mujer seria – «была одной из класса серьезных женщин». Ср. также перевод на современный французский следующей фразы из «Песни о Роланде»: «Hum sui Rollart, jo ne le dei laissier» (800) — «Je suis l'homme de Roland et ne dois point lui faillir» — «Я — человек Роланда и не должен его покидать».

2. Абстрактные имена вне условий анафоры и спецификации в старых языках также лишены артикля, особенно в функции ремы (в позиции прямого дополнения или подлежащего): «Bataille font nostre hume» (Rol. 1755) — «Наши люди ведут сражение», «Pitiet l'en prent» (Rol. 825) — «Его охватила жалость», то же и в *ит.* и *исп.*: "Pietà mi vinse" (Dante), "Moviólos piadat" (Berceo).

В современных языках следы былой нормы сохраняются в лексикализованных аналитических эквивалентах простых глаголов, типа *ит.* ha paura, *фр.* il a peur, *исп.* tiene miedo, *порт.* tem mêdo – 'он боится'; *ит.* ha voglia di, *фр.* il a envie de, *исп.* tiene ganas de, *порт.* tem ganas de – 'ему хочется'. Кроме того, в испанском отсутствие артикля при именах несчисляемых в реме до сих пор является нормой свободного синтаксиса, напр., *ср. ит.* faccia accendere la luce! (Pirandello) и исп. перевод: diga que nos den luz! – «Скажите, чтобы дали свет»; то же в позиции подлежащего-ремы: "Por el portón entrabase olor a rosas" (Perez de Ayala) – «Через открытые ворота проникал запах роз».

Абстрактные имена в общих суждениях лишены артикля в старых языках и сопровождаются артиклем в современных, ср. *ст. фр.* «Car vasselage par sens nen est folie» (Rol. 1724) и перевод на *совр. фр.*: Le courage sensé n'a rien de commun avec la démence» – «Разумную храбрость нельзя считать безумием».

3. Имена собственные без определений в старых языках лишены артикля, как например, названия стран: France, Espagne и т. п. В современных

языках – итальянском, французском, португальском названий стран приобрели артикль, в испанском остались без артикля.

4. Имена в сопровождении притяжательных местоимений в старых языках имели факультативный артикль, ср.: *ст. исп.* "De las sus bocas todos dizian una razon" (Cid., 19) – «Все своими устами высказывали одно мнение», но: "En Burgos del entró su carta" (Cid. 23) – «В Бургос пришло от него его письмо», или (реже) в *ст. фр.* «Od mil Franceis de France la lur tere» (Rol. 808) – «С тысячей французов из Франции их земли». Употребление артикля при притяжательных детерминативах закрепилось как нормативное в итальянском, румынском и португальском: *порт.* o meu caderno, *ит.* il mio quaderno, *рум.* caietul meu – 'моя тетрадь', но было утрачено в совр. французском и совр. испанском. В каталанском существуют оба варианта: la meva casa и ma casa. Интересно отметить, что артикль перед притяжательным исчез как раз там, где возникли неавтономные притяжательные детерминативы, занявшие при существительном позицию артикля.

5. При названиях частей тела с определением (т.е. при совмещении детерминации и квалификации), в старых языках наблюдается неустойчивое употребление артикля: «Cors ad mult gent e le vis fier e cler» (Rol. 895) – «У него красивая фигура и гордое и ясное лицо». В современных французском и итальянском языках здесь предпочитается определенный артикль, тогда как в испанском – неопределенный: *фр.* il avait le visage pâle, *ит.* aveva il viso pallido, *исп.* tenía una cara pálida.

6. Наконец, в позиции обстоятельства места и образа действия (где скрещивается референтное употребление с семантической необязательностью индивидуализации имени) старые языки предпочитают после предлогов неартикулированное имя. Все современные языки сохраняют прообраз старых норм в аналитических формах наречий, например, *ит.* in mano 'в руках', *фр.* sur pied 'на ногах', *фр.* en ville 'в городе' (но à la campagne 'в деревне'), *исп.* a casa 'домой', *фр.* à pied 'пешком', *ит.* a cavallo 'верхом' и т. п. Кроме того, в итальянском и в румынском, в отличие от французского и испанского, предлог *ит.* in, *рум.* în образует также свободные сочетания с референтно употребленным именем без артикля:

ит.	*рум.*	*исп.*	*фр.*	*русск.*
è entrato in casa	a intrat în casă	ha entrado en la casa	Il est entré dans la maison	Он вошел в дом.
ha in tasca una mela	are în buzunar un măr	tiene una manzana en el bolsillo	Il a une pomme dans sa poche.	У него в кармане яблоко.
è rimasto in camera	a rămas în cameră	se ha quedado en la habitación	Il est resté dans la chambre.	Он остался в комнате.
è qua in piazza	este în piaţă	está en la plaza	Il est ici sur la place.	Он здесь на площади.

Из сказанного следует:

Старые и современные романские языки отличаются степенью генерализации и десемантизации артикля: в старых языках он указывал на детерминированность имен нарицательных (на известность и индивидуальность

обозначаемых ими понятий), тогда как в современных языках он, с одной стороны, распространяется на область имен собственных и, с другой – на нереферентные области употребления имен нарицательных.

Во французском языке определенный артикль распространяется на максимальное количество условий употребления имени и поэтому превращается, по выражению Л. Фуле, в «une sorte de simple signe grammatical qui annonce un substantif, à peu près comme la terminaison -er indique un verbe» – «в своего рода грамматический признак существительного, подобный окончанию -er у глаголов»[1].

Испанский язык, напротив, почти не расширил сферу употребления определенного артикля по сравнению со староиспанским.

Формы и функции артикля складывались в каждом языке в тесной связи с формами и функциями других референтных актуализаторов – личных, указательных и притяжательных местоимений.

§ 89. Указательные местоимения. В латинском языке указательные местоимения были соотнесены с 1-м, 2-м и 3-м лицами: hic 'этот', близкий к говорящему, iste 'тот', близкий к слушающему, ille 'тот', удаленный от участников коммуникации, а также ipse – 'сам, самый'. Все эти местоимения имели разговорные варианты с частицей eccu, ecce (уже у Плавта eccille, ecciste, eccos из eccu + illos и др.) и вступали между собой в устойчивые комбинации, например, iste + ipsu *ит.* stesso 'сам, самый'; (ego)met + ipse > *ст. прав.* meteis, mezeis, *кат.* mateix; (ego)met + ipsimus > *ст. фр.* meisme, *фр.* même 'сам, самый' и т. п.

Почти все классические и народные формы имели продолжение в различных романских языках, но ни одна из них не сохранила нигде своей первоначальной сферы употребления. Основной, общероманский сдвиг в сферах употребления указательных местоимений связан с вытеснением местоимения hic, на месте которого распространилось местоимение iste или его разговорный вариант ecciste, *eccuistu; кроме того, место ille, превратившегося в артикль, занял его разговорный нариант eccille, *eccuille.

Формы указательных местоимений (м. рода ед. числа) и их латинский источник (курсивом даны старые формы)

к.л. и н. лат.	*ит.*	*ст. фр.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*рум.*
N. ecce+hic	*ci*	*ci*	-*ci*	–	–	–
N. ecce+hoc	*ciò*	(*i*)*ço*	*ce*	–	–	–
N. iste, istu	*esto*	*ist*	–	este	*êste*	*ăst*(разг.)
N. eccu+istu	*questo*	(*i*)*cist*	*ce*(*t*)	*aqueste*		*N.*acest
D. eccu+istui	*costui*	(*i*)*cestui*	–	–	–	*D.*acestui
N. ille, illu		артикль				
N. eccu+illu	*quello*	(*i*)*cil*	–	aquel	aquêle	*N.*(a)cel
D. eccu+illui	*colui*	(*i*)*celui*	*celui*	–	–	*D.*(a)celui
N. ipse, ipsu	*esso*			ese	*êsse*	–

[1] *Foulet L.* Petite syntaxe de l'ancien français. – Paris, 1930. – P. 49.

Продолжение таблицы

кл. и н. лат.	*ит.*	*ст. фр.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*рум.*
N. ecce+ipse	–			*aquese*	*aquesse*	
N. iste+ipsu	stesso			–		–
N. ille+ipsu				*eleiso*		
N. ecce+*d*+ista	codesto					–
N. met+ipsimus	medesimo	meisme	même	mismo	mesmo	–

Примечания к таблице:

1. Испанский, португальский и отчасти итальянский сохранили свойственную латыни трехчленную систему указательных местоимений, но на базе разных означающих:

лат.	*исп.*	*порт.*	*ит.*
1. hic	este	êste	questo
2. iste	ese	êsse	арх. codesto
3. ille	aquel	aquêle	quello

В румынском и совр. французском эта система двучленна (для противопоставления 'этот', а не 'тот' во французском к единой форме указательного местоимения с двумя позиционными вариантами – субстантивным celui и адъективным ce (t) добавляются частицы -ci и -là: celui-ci, celui-là, ce livre-ci, ce livre-là).

2. Только румынский сохранил двухпадежное склонение указательных местоимений. В испанском и португальском формы, восходящие к родительно-дательному падежу вообще отсутствуют. В итальянском языке формы, восходящие к двум разным падежам одной латинской лексической единицы обособились и превратились в разные лексические единицы: questo – 'этот' – субстантивная и адъективная форма широкого функционального диапазона; costui – разг., уничижит. 'он', 'этот тип', только антропоним; в свою очередь, quello – 'тот' – субстантивная и адъективная форма широкого диапазона; colui – лит. 'тот человек,... который', разг. уничижит. 'он', 'этот тип', только антропоним.

В совр. французском некогда парадигматически противопоставленные формы разных лексических единиц превратились в позиционные варианты одного смыслового инварианта *фр.* celui – бывший дательный падеж ст. фр. местоимения cil – закрепился в субстантивной функции, тогда как *фр.* ce(t) – бывший винительный падеж ст. фр. местоимения cist – закрепился в адъективной функции.

3. Артикль и указательный детерминатив несовместимы в одной именной группе во всех языках, кроме румынского, где указательные местоимения acesta, acela, а также сокращенный вариант последнего – cel («детерминативный» или «адъективный» артикль), находясь в постпозиции к имени, обусловливают его артикулированную форму, ср. acel om – omul acela, omul cel mai bun.

4. Функционально и этимологически близкие друг к другу, указательные местоимения и артикль во многих случаях или взаимозаменяемы в одной позиции как полные синонимы или дополняют друг друга в разных позициях. Так, например, в условиях анафоры артикль и указательное местоимение выступают большей частью как позиционные варианты, обусловленные лексическим подклассом существительного, его функцией в предложении и др. Тем не менее, существуют условия, в которых артикль и указательный (а также притяжательный) детерминатив противопоставлены парадигматически в одном и том же контексте (см. § 90).

§ 90. Притяжательные местоимения

кл. лат.	*нар. лат.* полные/краткие	*ит.*	*фр.* авт./неавт.	*исп.* авт./неавт.	*порт.*	*рум.*
meus	meus, mus	mio	mien, mon	mío, mi	meu	meu
mea	mea, ma	mia	mienne, ma	mía, mi	minha	mea
tuus	tuus, tus, teus;	tuo	tien, ton	tuyo, tu	teu	tău
tua	tua, tea; ta	tua	tienne, ta	tuya, ta	tua	ta
suus	suus, sus, seus;	suo	sien, son	suyo, su	seu	său
sua	sua, sea; sa	sua	sienne, sa	suya, su	sua	sa
eius *m*	illuius	suo	sien, son	suyo, su	seu	lui
eius *f*	illeius	sua	sienne, sa	suya, su	sua	ei
noster	nostru(s)	nostro	notre	nuestro	nosso	nostru
nostra	nostra	nostra	notre	nuestra	nossa	noastră
vester	vostru(s)	vostro	votre	vuestro	vosso	vostru
vestra	vostra	vostra	votre	vuestra	vossa	voastră
suus	suus, seus, sus			suyo, su	seu	
sua	sua, sea, sa	loro	leur	suya, su	sua	lor
eorum				suyo, su	seu	
earum	illorum			suya, su	sua	

Примечания к таблице:

1. Форма *N.* meus, *Acc.* meum, общая для классической и народной латыни, имела продолжение во всех романских языках.

2. Кл. лат. формы tuus, suus лежат в основе соответствующих испанских и итальянских форм, тогда как *фр.* tien, sien, *порт., катал., пров.* teu, seu, *рум.* tău, său продолжают н. лат. формы *N.* teus, seus, *Ac.* teum, seum, возникшие по аналогии с meus, meum.

3. Краткие к. лат. формы, которые упоминаются у грамматика V в. Виргилия (*N.* mus, *G.* mi, *D.* mo, *Acc.* mum), имели продолжение во французских, провансальских и каталанских проклитиках mon, ma, ton, ta, son, sa, а также в юж. ит. энклитических формах mo, ma, to, ta, so, sa (madrema, padreto и т. п.). Следует заметить, что испанские проклитики mi, tu, su образовались в результате апокопы полных форм, восходящих к классическому образцу.

4. Н. лат. форма voster, встречавшаяся уже у Плавта, повсеместно вытеснила *кл. лат.* vester.

5. *Кл. лат.* *N*, noster, vester повсеместно преобразовались в nostru(s), vostru(s), по образцу косвенных падежей.

6. Притяжательно-возвратное местоимение 3-го л. suus, sua 'свой, своя' во всех романских ареалах, кроме балканского, распространилось в сфере употребления родительного падежа указательного местоимения *кл. лат.* eius, *нар. лат.* illoius, illeius, так что формальное различие притяжательного детерминатива по признаку «рефлексивность/нерефлексивность» оказалось нейтрализованным. Напр., *фр.* Pierre voit son frère может значить «Петр видит своего брата, его брата, ее брата». В румынском языке, благодаря сохранению родительно-дательного падежа у всех местоимений сохраняется также противопоставление (el) vede pe fratele său – 'он видит своего брата', pe fratele lui – 'его брата', pe fratele ei – 'ее брата'.

7. Н. лат. форма illoru(m) – т.е. род падеж мн. числа м. рода местоимения ille, распространилось во всех ареалах, кроме иберо-романского как единая форма притяжательного местоимения мн. числа 3-го лица «обладателя». В испанском и португальском сохраняется свойственная классической латыни нейтральность местоимения suus, sua относительно числа «обладателя». Например, *исп.* su libro – 'его, ее, их книга', в отличие от *ит.* il suo libro 'его, ее книга', il loro libro 'их книга'.

8. В старых романских языках притяжательные детерминативы в именных группах могли вводиться артиклем. В современных языках норма закрепила употребление артикля в этих условиях только в итальянском, румынском и португальском (исключая имена близкого родства), что позволяет противопоставлять именные группы с притяжательным детерминативом по признаку определенность/неопределенность, например, *ит.* il mio amico – un mio amico. (В старофранцузском un mien ami).

9. Во всех романских языках, кроме французского, притяжательный детерминатив в именной группе может как предшествовать имени, так и следовать за ним. При этом во всех языках, кроме румынского, нейтральной является препозиция, эмфатической – постпозиция. В румынском, напротив, обычна постпозиция; ср.: *фр.* mon camarade – un de mes camarades; *исп.* mi compañero – un compañero mío; *порт.* o meu camarada – um camarada meu; *ит.* il mio compagno – un compagno mio; *рум.* tovarăşul meu, un tovarăş al meu (где al – притяжательный артикль, см. выше).

Употребление притяжательных местоимений в ряду других средств выражения отношений принадлежности

В сфере отношений принадлежности в зависимости от семантики имен «обладателя» и «обладаемого» различаются следующие функциональные области: а) неотторжимая принадлежность (часть и целое), б) устойчивая соотносительность предметных понятий (напр., отношения родства); в) устойчивая пространственная смежность предметных понятий (человек и его одежда, человек и его имущество, предмет и его обычное место); г) отнесенность имени действия или качества к лицу субъекта (мой приход, его бледность и т.п.); д) отнесенность к обладателю, совпадающему с подлежащим (рефлексивность) или не совпадающему с подлежащим.

Формами выражения этих отношений могут быть: притяжательные

местоимения, личные или указательные местоимения в родительном падеже (или в эквивалентной ему конструкции с предлогом de), личные – в том числе и возвратные местоимения в дательном падеже, т.е. dativus possessivus (или в эквивалентной ему конструкции с предлогом ad), артикли и, наконец, нулевой показатель принадлежности. Функциональные области по-разному распределены между формальными показателями в разных романских языках. Для старых языков типична конкуренция синонимов; так, например, в «Песни о Роланде» чередуются 1) реликтовый морфологический генитив: la geste Francor (1443) – 'подвиги франков', 2) предлог ad: frère à l'rei (880) – 'брат короля', 3) соположение, т.е. нулевой знак: Li nies Marsilie (860) – 'племянник Марсилия', 4) предлог de: «De cels de France les corns avuns oït» (2132) – «Мы слышали звук рогов тех, что из Франции».

В современном французском языке притяжательные местоимения распространены в таких условиях, где другие романские языки предпочитают артикль, например, *лат.* «in philosophiae studio *aetatem* consumpsi» (Cic., Of. 1, 21 – «я провел *жизнь* в изучении философии», *фр.* j'ai passé *ma vie* dans l'étude de la philosophie, *ит.* ho passato la vita nello studio della filosofia. Иногда французский притяжательный детерминатив соответствует в других языках сразу двум показателям: определенному артиклю и дательному притяжательному личного (возвратного) местоимения, ср.: *фр.* il enlève son chapeau, *ит.* (egli) si leva il cappello, *исп.* (el) se quita el sombrero, *рум.* (el) își ia pălăria – 'он снимает шляпу'.

Наиболее широкое распространение «дательный притяжательный» получает в румынском, ср.: *рум.* (eu) îți cunosc părinții – *фр.* je connais tes parents, *ит.* (io) conosco i tuoi genitori – 'я знаю твоих родителей'.

10. Притяжательный детерминатив находится с указательным детерминативом и артиклем или в отношении дополнительности (когда выбор одной из трех форм обусловлен различием контекстов), или в отношении значимого противопоставления в одном и том же контексте, напр.: *фр.* j'ai manqué le train, ce train, mon train, *ит.* ho perso il treno, questo treno, il mio treno – 'я опоздал на поезд, на этот поезд, на мой поезд'. В первом случае речь идет о единственном поезде, во втором подразумевается существование и других поездов, в третьем подчеркивается привычность, устойчивость связи между субъектом «я» и объектом «поезд».

§ 91. Указательные наречия места и времени. Дейктические наречия места и времени объединяют в своем означаемом прямое указание 1) на отношение к речевому акту («это», «то»), 2) на семантическую функцию «локализатора» во времени или в пространстве («место», «время», 3) на синтаксическую функцию «обстоятельства» (здесь = *в* этом месте, там = *в* том месте и т. п.). См. таблицу на стр. 233.

Примечания к таблице:

1. Во всех языках, кроме иберо-романских, полностью нейтрализовалось свойственное латыни противопоставление наречий по признаку «место нахождения» – «место назначения», hic/huc – 'здесь'/'сюда', illic/illuc – 'там'/'туда'. В испанском (и португальском) наречия aquí/acá, allí/allá и особенно вопросительно-относительные donde/adonde (см. ниже) пока

ще не являются полностью синонимичными (в отличие от полных синонимов *ит.* qui = qua, li = là). Таким образом, испанский и португальский оказываются также и на этом участке системы актуализаторов более архаичными, т.е. более близкими к латыни, чем другие романские языки.

Важнейшие латинские указательные наречия и их романские переходные эквиваленты

	лат.	*ит.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*рум.*
«здесь»	hīc, hāc	qui < eccu hic qua < eccu hac	ici < ecce hic	aquí < eccu hic	aquí	aici < ecce + hic
«сюда»	huc	«	«	acá < eccu hac	cá	«
«отсюда»	hinc	di qui, di qua	d'ici	de aquí	daquí	de aíci
«там»	ibi, illic, illāc	ivi, vi, li là	là	allí < ad illic	alí	acólo < eccu + illoc
«туда»	illuc, illāc	«	«	allá < ad illac	allá (арх.) lá	«
«оттуда»	inde illinc	ne di là	en de là	de allá	dalí	de acólo
«сейчас»	nunc hora	ora < hora adesso	maintenant	ahora < ad horam	agora < hac hora	acum < eccu + modo
«тогда»	tunc	allora < ad illa hora	alors	entonces < in + tunc + ce	então < in + tunc	atunci < ad + tunc + ci
«сегодня»	hodie < hoc die	oggi	aujourd'hui	hoy	hoje	ástăzi < ista die
«завтра»	cras	domani < de + mane	demain	mañana < *maneana	cras (арх.) amanhã	mîine < mane
«вчера»	heri	ieri	hier	ayer	ontem < ad noctem	ieri

2. В итальянском, французском, провансальском и каталанском языках сохраняется прямой рефлекс латинского inde в виде неавтономного партитивного местоимения и наречия ne, en — 'из этого', 'об этом', 'отсюда' (см. Личные местоимения). Однако для обозначения чисто локального «места отправления» все романские языки без исключения прибегают к аналитической конструкции с предлогом de (или de + ab *ит.* da).

3. Только латинское слово heri 'вчера' сохранило неизменным отношение между означаемым и означающим во всех романских языках (исключая совр. португальский, где старое eiri уступило место наречию ontem < ad noctem).

§ 92. Неопределенный артикль, неопределенные местоимения и наречия. Вопросительно-относительные местоимения и наречия. Неопределенный артикль восходит к латинскому числительному unus, una 'один', 'од-

на', которое уже в архаической и классической латыни употреблялось как неопределенное местоимение при «введении предмета в рассмотрение» (презентация), например, ibidem una aderit mulier lepida (Pl., Ps. 948) – 'также будет (там) одна красивая женщина'; или при обозначении нереферентного представителя класса предметов: «sicut unus pater familias his de rebus loquor» (Cic. de Or. I, 132) – «как отец семейства я говорю об этих вещах». Закрепление местоимения unus как обязательного сопроводителя имени в этих условиях превращает его в неопределенный артикль.

Старые языки закрепили unus первоначально в функции презентации и выделения из класса подобных предметов. Тогда как в условиях принадлежности к классу или квалификации (подчеркивания качественной стороны понятия) имя употребляется без артикля, например, *ст. фр.* «Uns clercs si pert se frankise per espouser en sainte eglise feme ki est autre baron» (XIII в., цит. по Фуле, 56) – «Служитель культа теряет свои права, обвенчавшись в святой церкви с женщиной, бывшей замужем». В современном французском языке неопределенный артикль распространяется на большинство нереферентных употреблений имени, хотя в синтаксической позиции именной части сказуемого сохраняется противопоставление нулевого знака неопределенному артиклю, отмечающее различие между «квалификацией» и «классификацией», ср. *фр.* il est ouvrier/il est un ouvrier.

Важнейшие неопределенные и относительно-вопросительные местоимения и наречия в латинском и в романских языках

лат.	*ит.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*рум.*
«один»	unus	uno, un	un	uno, um	un
«некий»	quidam	un certo	un certain	cierto	oarecare
«весь»	totus	tutto	tout	todo	tot
«целый»	integer, omnis	intero	entier	entero	întreg
«каждый»	quisque, *cata	ogni	chaque	cada	fiecare
«	*cata unus	ognuno	chacun	cada uno	cada qual	«
«другой»	alter	altro	autre	otro	outro	alt
«какой»	qualis	quale	quel	cual	qual	care
«такой»	talis	tale	tel	tal	tal	cutare
«кто»	quis, qui	chi	qui	quien	quem	cine
«что»	quid	che(cosa)	quoi	que	que	ce
«никто»	nemo	nessuno	personne	nádie	ninguém	nimeni
«ничто»	nihil	nulla, niente	rien	nada	nada	nimic
«никакой»	nullus	nessuno	aucun	ningún	nenhum	nici un
«кто-то»	quidam	qualcuno	quelqu'un	álguien	alguém	cineva
«какой-то»	aliquis unus	qualche	quelque	alguno	algum	vreun
«кто-нибудь»	quisquam	qualcuno	quelqu'un	álguien	alguém	cineva
«какой-нибудь»	ullus	qualche	quelque	alguno	algum	vreun
«кто угодно»	quilibet	qualunque	quiconque	quienquiera	quem quer	oricine
«кто бы ни»	quicunque	chiunque	quiconque	quienquiera	quem quer	oricine

лат.		*ит.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*рум.*
«какой бы ни»	qualis-cunque	qualsiasi	quelconque	cualquiera	qualquer	oricare, orice
«где»	ubi	dove	où	donde	onde	unde
«куда»	quo	dove	où	adonde	aonde	unde
«откуда»	unde	di dove	d'où	de donde	donde	de unde
«нигде»	ubique	dovunque, dappertutto	partout	en todas partes	por toda a parte	pretutindeni
«где-либо»	ubicumque	da qualche parte	quelque part	en alguna parte	em alguma parte	undevá
«нигде»	nusquam	in nessuna parte	nulle part	en ninguna parte	em nenhuma parte	nicăieri
«когда»	quando	quando	quand	cuando	quando	cînd
«всегда»	semper	sempre	toujours	siempre	sempre	totdeauna
«когда-нибудь»	unquam	un giorno	un jour	un dia	um dia	cîndvá
«никогда»	nunquam	mai	jamais	nunca	nunca	niciodată
«сколько»	quantum	quanto	combien	cuanto	quanto	cît
«столько»	tantum	tanto	tant	tanto	tanto	atît
«много»	multum	molto	(ст. mult), beaucoup	mucho	muito	mult
«мало»	paucum	poco	peu	poco	pouco	puţin

Многие единицы заменили латинское синтетическое означающее (т.е. слово) романским аналитическим (т.е. словосочетанием); в современных романских языках эти словосочетания большей частью снова слились в одно слово, например, *фр.* toujours, *ит.* qualsiasi, *исп.* cualquier(a).

Примечания к таблице:

1. Латинская система неопределенных местоимений и наречий содержит большее количество противопоставленных друг другу по смыслу единиц, чем соответствующие романские системы. Так, ни один романский язык не сохранил специальных местоимений для обозначения понятий uter 'и тот и другой' и neuter 'ни тот ни другой'. Все романские языки нейтрализовали противопоставление референтно-неопределенного quidam 'кто-то' и нереферентно-неопределенного quisquam 'кто-нибудь'. Все языки, кроме испанского и португальского, утратили противопоставление ubi 'где' – quo 'куда'. Начало нейтрализации отмечено уже в поздней латыни: ubi ducis asinum istum (Apuleius, Met. 9, 39) 'куда ведешь этого осла'.

2. Смещение формы относительно функции произошло в таких случаях, как *лат.* omnis 'целый' > *ит.* ogni 'каждый', или *лат.* unde 'откуда' > *рум.* unde, *порт.* onde 'где'. В ст. испанском onde и donde имели значение 'откуда', потом onde вышло из употребления, тогда как donde, вытеснив ст. исп. форму o < ubi 'где', приняло ее значение. Вытеснение *ст. исп.* o 'где' объясняется тенденцией к устранению омонимов, способных встречаться в одинаковых контекстах, так как *лат.* aut 'или' в испанском также звучало как o.

Однако омонимия aut > ou [u] 'или' и ubi > où [u] 'где' сохраняется во французском языке.

3. Повсеместная замена означающего у всех отрицательных местоимений объясняется экспрессивным подчеркиванием негации в разговорном языке. Так, *ит.* nessuno восходит к н. лат. сочетанию nec + ipse + unus; *ит.* niente восходит к *н. лат.* nec + entem (*лат.* ens, entis – 'существо'). *Ст. фр.* rien 'вещь' (из *лат.* res, rem) вначале было одним из многочисленных слов – усилителей отрицания, как pas < passus 'шаг', mie < mica 'крошка' и др. *Совр. фр.* rien 'ничто' полностью утратило свое первоначальное значение. Аналогичный путь проделало французское слово personne: 1) 'лицо', 2) 'никто'; однако, в отличие от rien, возникновение второго значения здесь не привело к утрате первого. В испанском и португальском nada 'ничто' < nata 'рожденная', возникло из сочетания res nata букв. 'рожденная вещь', которое, в свою очередь, возникло по аналогии с сочетанием homines nati, persona nata 'живая душа' (natus встречается в роли усилителя отрицательного местоимения 'никто' – nemo уже у Плавта: alienum reddunt nato nemini, Ps. 297 – «ни одной живой душе не отдают долгов»). *Исп.* nadie 'никто', *ст. исп.* nadi: – que nadi nol diessen posada, Cid. 25 – 'чтобы никто не давал ему пристанища' – восходит к *лат.* (homines) nati 'рожденные (люди)'.

Только в румынском и молдавском языке сохраняется прямой потомок латинского местоимения 'никто' *N.* nemo, *G.* neminis, *D.* nemini > *рум.* nimeni. Румынское nimic 'ничто' восходит к *лат.* nec + mica 'ни крошки'.

В большинстве романских языков понятия «везде», «где-нибудь», «нигде» передаются словосочетаниями.

§ 93. Предлоги. Предлоги, как и падежи, указывают на семантико-синтаксические функции именной группы. В латинском языке с помощью предлогов конкретизируются значения двух падежей – аккузатива и аблатива. Только при двух предлогах – in 'в' и sub 'под', допускавших оба падежа, выбор аккузатива или аблатива отмечал значимое противопоставление «места назначения» (in urbem 'в город') и «места пребывания» (in urbe 'в городе'). Остальные предлоги были закреплены за одним из падежей, так что предложные аккузатив и аблатив в классической латыни, не противопоставленные друг другу по смыслу, выступали как позиционные варианты одной морфемы. В народной латыни позиционное варьирование сменилось свободной взаимозаменой обоих падежей после любого предлога и их слиянием в одной форме косвенного падежа после отпадения конечного -m.

Романские предлоги со стороны этимологии их означающего являются либо прямым продолжением латинских означающих, более или менее измененных фонетически, например, *лат.* inter > *ит.* tra, *лат.* super > *рум.* spre, либо восходят к народно-латинским и ранне-романским новообразованиям. Источником новых романских предлогов могли быть:

1) чаще всего сочетания двух или нескольких латинских предлогов, например, de + ab + ante > *ит.* davanti, *фр.* devant 'перед'; de + in + antea > *ит.* dinnánzi, *рум.* dinaĭntea 'перед'; de + intro > *ит.* **dentro**, *исп.* **dentro** 'внутри', in + ad + intro > *рум.* înăĭntrul 'внутри'; de + retro > *ит.* **dietro**, *фр.*

Значение	лат.	ит.	фр.	исп.	рум.
Предлоги пространственных отношений					
«в», «на»	in	in, a(d)	en, dans, à,	en	în, la
«внутри»	intra	dentro	dans	dentro de	înăuntrul
«между»	inter	tra, fra	entre	entre	între
«под»	infra	al di sotto di	au-dessous de	debajo de	sub
«под»	sub, subter	sotto	sous	so, bajo	sub
«над», «на»	supra, super	sopra, su	sur	sobre, en	deasupra, pe
«вдали от»	procul	lontano da	loin de	lejos de	departe de
«около»	prope	accanto a	près de	junto a	lîngă, aproape de
«вокруг»	circa	attorno a	autour de	alrededor de	împrejur
«перед»	ante	davanti a	devant	delante de	înaintea
«сзади», «за»	post, retro	dietro	derrière	detrás de	după
«к», «до»	ad	a(d), in	à	a	la
«вплоть до»	adusque	fino a (d)	jusqu'à	hasta	pînă la
«по напр. к»	versus	verso	vers	hacia	spre, către
«через»	per	per, attraverso	par, à travers	por, a través de	peste, prin
«с (чего)»	de	da	de	de, desde	de pe
«из»	ex	da	de	de, desde	dintre, din
«от»	a, ab	da	de	de, desde	de la
«у», «при»	apud	a, appo, da	chez	en casa de	la
Предлоги временных отношений					
«до»	ante	prima di	avant	antes de	înaintea
«после»	post	dopo	après	después de	după
«в течение»	per, in	per, in	pendant	por	în timpul
Предлоги объектных и логических отношений					
«за, из-за»	ob, propter, prae	per	par	por	pentru
«за», «вместо»	pro	per	pour	por	pentru
«для», «ради»	per	per	pour	para	pentru
«против»	contra	contro	contre	contra	împotriva
«кромеь, «исключая»	foris de, praeter	fuori di	hors de, sauf,	fuera de	afară de,
	exceptus	eccetto +	excepté	excepto	cu excepţie
«несмотря на»	*Abl. abs.*	malgrado	malgré	a pesar de	împotriva
«без»	sine	senza	sans	sin	fără
«с (кем)»	cum	con	avec	con	cu
«о (ком)»	de	di, su	de	de, sobre	despre
(кем)	a, ab	da	par	por	de
(чем)	*Abl.*, cum	con, a(d)	avec, à	con	cu
(кому)	*Dat.*, ad	a(d)	à	a	*Gen.-Dat.*, la
(чей)	*Gen.*	di	de	de	*Gen.-Dat.*, de
(какой)	*Gen.*, de	di	de	de	de
(какой)	*Abl.*	da	à	de	de

derrière 'сзади'; de post > *ит.* **dopo**, *рум.* **după** 'после'; de + ab > *ст. ит.* dab > *ит.* **da** 'от', 'из'; de + ex + de > *исп.* **desde** 'от', 'из'; per + in > *рум.* **prin** 'по', 'через'; de + in > *рум.* **din** 'от', 'из';

2) латинские наречия и сочетания предлога с наречием или местоимением: illac 'там' > *рум.* la 'в', 'на', 'к'; foris 'снаружи' > *ит.* fuori di, *фр.* hors de 'вне', foras 'наружу' > *исп.* fuera de 'вне', *рум.* fără 'без'; apud + hac > *фр.* avec.

3) латинские существительные или существительные с предлогом: casa 'дом' > *фр.* chez 'у', 'к'; facie ad > *ст. исп.* faze a > *исп.* hacia 'к';

4) латинские прилагательные: bassus 'низкий' > *исп.* bajo 1) 'низкий', 2) 'под'; longus > *ит.* lungo 1) 'длинный', 2) 'вдоль';

5) причастия: durante(m) 'длящийся' > *ит., исп.* durante 'в течение'; exceptus 'извлеченный' > *ит.* eccetto 'кроме' (*фр.* excepté и *исп.* excepto – латинизмы).

Обновление состава предлогов продолжается и в современных романских языках по тем же образцам, например, *ит.* per via (букв. «через путь») 'из-за', или *ит.* grazie a, *фр.* grâce à, *исп.* gracias a 'благодаря' и т.п.

Сравнение латинских и романских предлогов показывает, что 1) наиболее устойчивым оказалось означающее у высокочастотных предлогов – **ad, in, de, sub, super, supra, inter, cum, per, sine, contra**, имеющих свое прямое продолжение во всех или почти во всех романских языках; 2) частотные аналитические нар. лат. означающие упростились (de + ab > *ит.* **da** 'из', 'от', de + ex + de > *исп.* **desde** 'из', 'от'); 3) более редкие, специализированные по значению предлоги заменились аналитическими новообразованиями, которые представляют в развернутом виде семантику отношения, например, *лат.* coram = *ит.* in presenza di, *фр.* en présence de 'в присутствии' или *лат.* calm = *ит.* all'insaputa di, *фр.* à l'insu de 'тайком от'.

Большинство предлогов, как в латинском, так и в романских языках, обозначают пространственные и временные отношения, т.е. сопровождают именную группу в синтаксической позиции обстоятельства места или времени. О семантических сдвигах в системе предлогов см. § 103.

ГЛАВА II.

ГЛАГОЛ

Глагол в индоевропейских языках, как и прилагательное, обозначает свойства предметов – абсолютные или проявляющиеся в отношениях между предметами. Однако в отличие от прилагательного, глагольные лексемы прежде всего обозначают события, т.е. признаки, развивающиеся во времени.

Глагол существует в языке в виде личных и неличных (именных) форм. Хотя в словарях глагол представлен инфинитивом, исходной формой является личная, так как только она обладает специфическими предикативными категориями лица, наклонения и времени, однозначно привязывающими глагольную лексему к функции сказуемого.

Сказуемое, как известно, единственный обязательный член всякого предложения. Поскольку личная форма глагола предназначена только на роль сказуемого, в глагольных предложениях она является грамматичес-

ким минимумом предложения. Ведущие же грамматические категории личной формы – лицо, наклонение, время – являются морфологически выраженными синтаксическими категориями предложения.

§ 94. Семантические подклассы глагола, их формальные проявления. Глаголы (и вне- – предикаты) разбиваются на следующие наиболее общие семантические подклассы: бессубъектные и субъектные (pluit/dormit – 'дождит'/'спит'); внутри субъектных различаются абсолютные и относительные (dormit/venit ad urbem, amat filium – 'спит'/'подходит к городу', 'любит сына'); внутри относительных различаются локальные и объектные (venit ad urbem/amat filium); внутри объектных предикатов с одушевленным субъектом различаются неактивные и активные (habet librum/legit librum – 'имеет книгу'/'читает книгу').

В связи с асимметрией языкового знака семантическая классификация глаголов не совпадает с формально-синтаксическим их разделением на непереходные и переходные и с их морфологической классификацией в латинском языке на «активные» (movere), «пассивные» (moveri) и местоименные (movere se). В дальнейшем, термины «активный» и «пассивный», относящиеся только к форме, а не к содержанию глагола, будут даваться в кавычках.

Рассмотрим подробнее каждый из этих семантических подклассов.

1. *Бессубъектные явления* природы в латинском языке выражены простыми бесподлежащными глаголами 3-го л. ед. ч. в «активной» и, реже, в «пассивной» форме. В романских языках сохранились без изменения лишь наиболее употребительные: *лат.* pluit, *ит.* piove, *исп.* llueve, *порт.* chove, *рум.* plouă, *фр.* il pleut (во французском грамматический субъект выражен безличным местоименным показателем). Большая часть латинских безличных глаголов исчезла, заменившись аналитическими конструкциями, например, *лат.* caletur, *фр.* il fait chaud, *ит.* fa caldo, *исп.* hace calor, *порт.* faz calor, *рум.* este cald.

2. *Абсолютные процессы*, замкнутые в сфере субъекта, передаются абсолютно-непереходными глаголами, не требующими обязательных дополнений и обстоятельств. Локальные и объектно направленные действия передаются косвенно-переходными (venire ad + Acc) и прямопереходными (amare + Acc.) глаголами. Хотя непереходные глаголы могли иметь в латинском языке все три формы – «активную» на -re (dormire, ridere – 'спать', 'смеяться'), «пассивную» на -ri (-i) (laetari, mori – 'радоваться', 'умирать') и местоименную (continere se – 'сдерживаться'), две последние были типичны для абсолютно-непереходных, а первая для переходных глаголов. «Пассивная» форма у семантически относительных и синтаксически переходных глаголов, например, hortari, partiri – 'ободрять', 'делить', воспринималась как отклонение от общего правила, откуда и название таких глаголов «отложительные». Закрепленная за большинством абсолютно-непереходных глаголов, называемых традиционно медиальными (nasci, mori, laetari), форма на **-ri (-i)**, осмысленная в латинском языке как показатель непереходности, служит средством образования (деривации) медиальных глаголов от «активных» переходных: movere – moveri 'двигать' – 'двигаться', lavare – lavari 'мыть' – 'мыться', exercitare – exercitiari 'мучить' – 'мучить-

ся', mutare – mutari 'менять' – 'меняться'. Непереходные «пассивные» деривaты от переходных глаголов называются часто медиопассивами.

Когда при «пассивном» преобразовании «активных» переходных глаголов объект действия, принявший форму подлежащего, не переосмысляется в субъект абсолютного (медиального) действия, а сохраняет свою смысловую функцию «объекта», форма на -ri (-i) из словообразовательного аффикса превращается в показатель страдательного залога, т.е. в форму словоизменения переходных глаголов (см. ниже § 97).

Несмотря на свою широкую употребительность, латинская форма на -ri исчезла, не оставив следов в романских языках. Основной причиной ее исчезновения было синтагматическое воздействие «активной» формы на -re, которая была нейтральна по отношению к семантике глаголу и проникала во все семантические подклассы. Кроме того, у формы на -ri (-i) был уже в классической латыни сильный конкурент в виде местоименной формы глагола, которая появилась прежде всего там, где существенно было подчеркнуть обращение действия на сам субъект (рефлексивность): lavare – 'мыть' – lavari; lavare se 'мыться'; vertere – 'поворачивать' – verti; vertere se 'поворачиваться'.

Эта словообразовательная функция местоименной частицы se сохранилась во всех романских языках без исключения, ср.: *лат.* se continere, *фр.* se contenir, *ит.* contenersi, *исп.* contenerse, *рум.* a se contine.

В дальнейшем местоименная форма глагола унаследовала все основные функции формы на -ri. Местоименная частица se также была осмыслена как морфологический показатель непереходности; ее добавление к непереходным глаголам было широко распространено в старых романских языках, где «местоименная» и «активная» формы многих непереходных глаголов чередовались как свободные варианты, например, *ст. фр.* dormir = se dormir. В современных языках подобные пары или упрощаются, или лексически дифференцируются, например, *исп.* reír 'смеяться' = reírse 'насмехаться'. Другим, известным уже латинскому языку способом образования непереходного глагола от переходного был нулевой морфологический показатель перемещения бывшего объекта-дополнения на роль субъекта-подлежащего, например, mutare aliquid 'менять' – mutari (наряду с mutare) 'меняться'. (Ср. tempora mutantur 'времена меняются', но и mores mutaverunt 'нравы изменились'). Глаголы, совпадающие по форме, но противопоставленные по семантико-синтаксическому признаку переходности/непереходности называются иногда симметричными. Число их, ограниченное в латинском, возрастает в романских языках за счет того, что синтаксическое «обращение» становится возможным в обоих направлениях: от переходной лексемы к непереходной (ср. changer 'менять' и changer 'меняться') и от непереходной лексемы к переходной (*фр.* sortir 'выходить' и sortir 'выводить'; см. ниже о каузативах).

3. Локальность устанавливаемого отношения (venit ad urbem 'он приходит к городу'), в отличие от *объектности* (aedificavit urbem 'он построил город'), никак не затрагивает свойств «места пребывания» или «места отправления» и характеризует только субъект. Поэтому оно сближается с абсолютным действием, отношение которого к «месту» выражено предлогом. Отсюда непереходность (косвенная переходность) большинства глаголов

локализации. Исключение составляют, во-первых, глаголы, значение которых выражает чистое локальное отношение, не осложненное характеристикой способа совершения действия, например, sequor aliquem 'следую кому-либо, за кем-либо', который семантически равен предлогу post 'после', 'за', и, во-вторых, некоторые глаголы, включившие предлог локального отношения в состав лексемы как префикс, например, ire sub montem → subire montem 'подняться на гору', currere per urbem → percurrere urbem 'бегать по городу'.

Префиксальные производные от непереходных глаголов движения могут сохранять свою непереходность, управляя предлогом, повторяющим форму и (или только) значение префикса, например, Profecto nullo pacto possum vivere, si illa a me abalienatur atque abducitur (Pl., Ps. 95) – «Конечно, я не в состоянии жить, если ее у меня отнимают и уводят». В романских языках наиболее употребительные префиксальные глаголы движения упростились, утратив морфологическую членимость или в связи со сдвигом в значении, например, *лат.* subire 'подниматься' > *фр.* subir, *ит.* subire 'претерпевать', или благодаря исчезновению из языка соответствующего простого глагола, например, *лат.* exire > *ит.* uscire, *ст. фр.* eissir 'выходить' (глагол ire не сохранился ни во французском, ни в итальянском).

Все типы локальных глаголов – непереходные и переходные префиксальные были унаследованы романскими языками. Следует отметить, что переходные типы получили наиболее широкое распространение во французском в связи с общей тенденцией этого языка к прямопереходной структуре предиката. Все же, прямопереходное управление глагола даже во французском языке характерно прежде всего для объектного отношения, тогда как наиболее употребительные глаголы локализации непереходны (точнее, косвеннопереходны): *фр.* aller à... 'идти в'..., venir à... 'приходить в'.

4. *Неактивность* предполагает нецеленаправленность состояния или действия одушевленного субъекта (reri, timere – 'думать', 'бояться'), в отличие от активности действия одушевленного субъекта. Если семантическое различие по признакам локальности–объектности формально проявляется в предложном или беспредложном управлении, то признаки неактивности–активности влияют на оформление субъекта: у неактивных глаголов он может быть выражен как номинативом, так и аккузативом или дативом (или в романских языках соответствующими предложными конструкциями), у активных же глаголов он может быть выражен только номинативом (или, при страдательной конструкции, дополнением агента), ср.: *лат.* dolet mihi, doleo – 'мне жаль', 'я сожалею', me pudet, pudeo – 'мне стыдно', 'я стыжусь', но только: scribo, lego, dico – 'я пишу', 'я читаю', 'я говорю'.

К неактивным глаголам относятся модальные глаголы необходимости, чувства, эмоций, состояний лица, а также глаголы отношений принадлежности (утраты, недостаточности). По своей морфологической структуре они могут быть а) чаще всего медиальными (или местоименными) – excruciari, excruciare se 'мучиться', б) «активными» чаще всего II спряжения: timere, ridere, dolere 'бояться', 'смеяться', 'страдать', в) безличными (часто аналитическими) – opportet 'следует', interest 'важно', necesse est 'необходимо'. На протяжении истории латинского языка безличные или одноличные фор-

ся', cutare – mutari 'менять' – 'меняться'. Непереходные «пассивные» деривaты от переходных глаголов называются часто медиопассивами.

Когда при «пассивном» преобразовании «активных» переходных глаголов объект действия, принявший форму подлежащего, не переосмысляется в субъект абсолютного (медиального) действия, а сохраняет свою смысловую функцию «объекта», форма на *-ri* (*-i*) из словообразовательного аффикса превращается в показатель страдательного залога, т.е. в форму словоизменения переходных глаголов (см. ниже § 97).

Несмотря на свою широкую употребительность, латинская форма на *-ri* исчезла, не оставив следов в романских языках. Основной причиной ее исчезновения было аналогическое воздействие «активной» формы на *-re*, которая была нейтральна по отношению к семантике глагола и проникала во все семантические подклассы. Кроме того, у формы на *-ri* (*-i*) был уже в классической латыни сильный конкурент в виде местоименной формы глагола, которая появилась прежде всего там, где существенно было подчеркнуть обращение действия на сам субъект (рефлексивность): lavare – 'мыть' – lavari: lavare se 'мыться': vertere – 'поворачивать' – verti: vertere se 'поворачиваться'.

Эта словообразовательная функция местоименной частицы se сохранилась во всех романских языках без исключения, ср.: *лат.* se continere, *фр.* se contenir, *ит.* contenersi, *исп.* contenerse, *рум.* a se contine.

В дальнейшем местоименная форма глагола унаследовала все основные функции формы на *-ri*. Местоименная частица se также была осмыслена как морфологический показатель непереходности: ее добавление к непереходным глаголам было широко распространено в старых романских языках, где «местоименная» и «активная» формы многих непереходных глаголов чередовались как свободные варианты, например, *ст. фр.* dormir = se dormir. В современных языках подобные пары или упрощаются, или лексически дифференцируются, например, *исп.* reír 'смеяться' = reírse 'насмехаться'. Другим, известным уже латинскому языку способом образования непереходного глагола от переходного был нулевой морфологический показатель перемещения бывшего объекта-дополнения на роль субъекта-подлежащего, например, mutare aliquid 'менять' – mutari (наряду с mutare) 'меняться'. (Ср. теперь mutantur 'времена меняются', но и mores mutavarunt 'нравы изменились'). Глаголы, совпадающие по форме, не противопоставленные по семантико-синтаксическому признаку переходности/непереходности называются иногда симметричными. Число их, ограниченное в латинском, возрастает в романских языках за счет того, что синтаксическое «обращение» становится возможным в обоих направлениях: от переходной лексемы к непереходной (ср. changer 'менять' и changer 'меняться') и от непереходной лексемы к переходной (*фр.* sortir 'выходить' и sortir 'выводить'; см. ниже о каузативах).

3. Локальность устанавливаемого отношения (venit ad urbem 'он приходит к городу'), в отличие от *объектности* (aedificavit urbem 'он построил город'), никак не затрагивает свойств «места пребывания» или «места отправления» и характеризует только субъект. Поэтому оно сближается с абсолютным действием, отношение которого к «месту» выражено предлогом. Отсюда непереходность (косвенная переходность) большинства глаголов

локализации. Исключение составляют, во-первых, глаголы, значение которых выражает чистое локальное отношение, не осложненное характеристикой способа совершения действия, например, sequor aliquem 'следую кому-либо, за кем-либо', который семантически равен предлогу post 'после', 'за', и, во-вторых, некоторые глаголы, включившие предлог локального отношения в состав лексемы как префикс, например, ire sub montem → subire montem 'подняться на гору', currere per urbem → percurrere urbem 'бегать по городу'.

Префиксальные производные от непереходных глаголов движения могут сохранять свою непереходность, управляя предлогом, повторяющим форму и (или только) значение префикса, например, Profecto nullo pacto possum vivere, si illa a me abalienatur atque abducitur (Pl., Ps. 95) – «Конечно, я не в состоянии жить, если ее у меня отнимают и уводят». В романских языках наиболее употребительные префиксальные глаголы движения упростились, утратив морфологическую членимость или в связи со сдвигом в значении, например, *лат.* subire 'подниматься' > *фр.* subir, *ит.* subire 'претерпевать', или благодаря исчезновению из языка соответствующего простого глагола, например, *лат.* exire > *ит.* uscire, *ст. фр.* eissir 'выходить' (глагол ire не сохранился ни во французском, ни в итальянском).

Все типы локальных глаголов – непереходные и переходные префиксальные были унаследованы романскими языками. Следует отметить, что переходные типы получили наиболее широкое распространение во французском в связи с общей тенденцией этого языка к прямопереходной структуре предиката. Все же, прямопереходное управление глагола даже во французском языке характерно прежде всего для объектного отношения, тогда как наиболее употребительные глаголы локализации непереходны (точнее, косвенно-переходны): *фр.* aller à... 'идти в'..., venir à... 'приходить в'.

4. *Неактивность* предполагает нецеленаправленность состояния или действия одушевленного субъекта (reri, timere – 'думать', 'бояться'), в отличие от активности действия одушевленного субъекта. Если семантическое различие по признакам локальности–объектности формально проявляется в предложном или беспредложном управлении, то признаки неактивности–активности влияют на оформление субъекта: у неактивных глаголов он может быть выражен как номинативом, так и аккузативом или дативом (или в романских языках соответствующими предложными конструкциями), у активных же глаголов он может быть выражен только номинативом (или, при страдательной конструкции, дополнением агента), ср.: *лат.* dolet mihi, doleo – 'мне жаль', 'я сожалею', me pudet, pudeo – 'мне стыдно', 'я стыжусь', но только: scribo, lego, dico – 'я пишу', 'я читаю', 'я говорю'.

К неактивным глаголам относятся модальные глаголы необходимости, чувства, эмоций, состояний лица, а также глаголы отношений принадлежности (утраты, недостаточности). По своей морфологической структуре они могут быть а) чаще всего медиальными (или местоименными) – excruciari, excruciare se 'мучиться', б) «активными» чаще всего II спряжения: timere, ridere, dolere 'бояться', 'смеяться', 'страдать', в) безличными (часто аналитическими) – opportet 'следует', interest 'важно', necesse est 'необходимо'. На протяжении истории латинского языка безличные или одноличные фор-

мы, например, non te haec pudent? (Ter. Ad. 754, Ernout, 211) букв. «тебе не стыдны эти вещи?», все чаще заменяются личными глаголами того же корня, например, ita nunc pudeo (Pl.. Cas. 877, Ernout, 211) «я этого теперь стыжусь»; одноличные обороты принадлежности с глаголом esse, типа mihi liber est вытесняются переходной конструкцией с глаголом habere – habeo librum.

Замена безличных глаголов их личными (т.е. трехличными) вариантами, образованными от той же лексемы, как в случае mihi dolet – doleo 'мне жаль – я жалею' затрагивала не только способность глагола принимать окончания всех трех лиц, но и способ оформления субъекта действия, который при личных глаголах всегда имеет форму номинатива (подлежащего). Отсюда возникло название «номинативный» применительно к структуре предложения, типичного для индоевропейских языков. Номинативный строй предложения в отличие, например, от эргативного, нейтрален по отношению к семантическим признакам абсолютности – относительности и неактивности – активности предиката. Модель «именительный падеж (подлежащее) + личный глагол (сказуемое)» допускает глаголы любого семантического подкласса и любых морфологических и синтаксических свойств. Ср.: 'дождь идет', 'он болеет', 'он занимается', 'он идет домой', 'он строит дом' и т.п. Распространение номинативного типа предложения тесно связано с экспансией глагола habere за счет esse как в самой латыни (замена mihi liber est на habeo librum), так и в романских языках[1]. Ср., например, итальянский перевод двух фраз из комедии Плавта «Pseudolus»: face me certum quid tibist (= tibi est), Pl. Ps. 18 – «скажи мне, что с тобой», *ит.*: dimmi che hai – букв. «скажи мне, что ты имеешь»; или: do id quod mihi est (Pl. Ps. 83) – «я даю то, что у меня есть», *ит.*: ti do quello che ho – 'я тебе даю то, что имею'.

Тем не менее, в латинском и в меньшем количестве в романских языках сохраняется целый ряд глагольных лексем и их аналитических эквивалентов, которые обозначают неактивные непроизвольные процессы в сфере субъекта – лица и требуют его оформления в косвенных падежах. Ср.: *фр.* il me faut... 'мне нужно', il m'arrive de... 'мне случается' ..., il me reste... 'мне остается'...; *ит.* mi viene voglia 'мне хочется', mi manca... 'мне нехватает', mi piace 'мне нравится', mi pare 'мне кажется'; *исп.* me hace falta 'мне нехватает', me gusta 'мне нравится' (но *порт.* eu gosto в том же значении) и т.п. Наиболее широко эти глаголы и глагольные выражения распространены в румынском и молдавском языке, где они поддерживаются влиянием славянских языков, ср.: e voie 'можно' nu e voie 'нельзя', îmi pare bine 'я рад', îmi pare rău 'мне жаль', mi-e ciudă 'мне досадно', mi-e milă de tine 'мне жаль тебя', mi-e frig 'мне холодно', mi-e frică 'мне страшно' и т.п.

5. В отличие от неактивных, семантически *активные* глаголы обозначают целенаправленные действия, связанные с затратой усилий. Большая часть семантически активных глаголов обозначает воздействие человека на окружающий его мир лиц и предметов. Глаголы активного воздействия

---

[1] См.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 203; *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. – М., 1966. – С. 296.

на объект носят название каузативов, так как они вызывают (каузируют) у объекта новые свойства. Все каузативы переходны: facere 'делать', dare 'давать', dicere 'говорить', aedificare 'строить'.

Для образования каузативных глаголов от однокоренных абсолютных глаголов в латинском языке нет устойчивых морфологических или синтаксических средств. Встречаются следующие слабопродуктивные или непродуктивные модели: а) словосложение с facere у глаголов II спряжения, обозначающих состояние: calere 'быть горячим' – calefacere 'разогревать'; б) противопоставление по типу спряжения: jacēre 'лежать' – jacĕre 'бросать', fugēre 'бежать' – fugare 'обращать в бегство'; в) противопоставление глаголов eo 'иду' и do 'даю' в составе основы: pereo 'я гибну' – perdo 'я гублю.'

Стандартизовано только образование глаголов-каузативов от предикатов-прилагательных: оно происходит или путем прямого соединения корня прилагательного с морфемами глагола I спряжения, или с помощью суффикса -ficare: liber esse 'быть свободным' – liberare 'освобождать'; amplus esse 'быть широким' – ampliare, amplificare 'расширять'. Оба способа сохранились и в романских языках.

Важным нововведением поздней народной латыни, возникшим под влиянием греческого, было распространение сочетания каузативного глагола facere с инфинитивом, не свойственного классической латыни. Грамматизованное сочетание facere + inf. позволяет всем романским языкам (за исключением румынского) производить аналитические каузативы от любого глагола, ср.: *it.* entrare – far entrare, *фр.* entrer – faire entrer, *исп.* entrar – hacer entrar, 'входить' – 'впускать', 'вводить'.

Румынский язык из-за вытеснения инфинитива придаточным дополнительным выражает отношения каузации более расчлененно: mă faci să cînt букв. «ты меня заставляешь, чтобы я пел». – конструкция, полностью соответствующая латинской с глаголами каузации facere, iubere, cogere и пр., управляющими дополнительным придаточным с ut objectivum: facis ut cantem.

Наконец, в романских языках (особенно во французском) распространился чисто синтаксический способ производства каузативов от непереходных глаголов путем конверсии: Jean tombe – 'Жан падает', Jean tombe son adversaire – 'Жан валит своего противника'; Il sort – 'Он выходит', Il sort son chien – 'Он выводит свою собаку'.

Итак, ни в латыни, ни в романских языках не существует единообразных морфологических или синтаксических показателей, указывающих однозначно на семантический подкласс глагола. Тем не менее, семантические подклассы глагола отличаются друг от друга определенным рядом формальных проявлений, и мы можем проследить их эволюцию от латыни к романским языкам. Основные сдвиги в этой области:

1) утрата «пассивной» формы на **-ri** (-i) и замена ее местоименной формой глагола;

2) распространение «активной» формы глагола на -re, нейтральной относительно семантических подклассов глагола;

3) распространение «номинативного» типа предложения, нейтрального по отношению к семантическим подклассам предиката;

4) возникновение аналитических каузативных форм facere + inf.

§ 95. **Формальные группы глаголов. Их смысловая нагрузка. Позиционное варьирование и аналогическое уравнивание позиционных вариантов в системе глагола.** Выше было показано, что принадлежность глагола к тому или иному семантическому подклассу не отражается непосредственно на его морфологической структуре. Точно так же во всех индоевропейских языках существует четко выраженное формальное разделение глаголов на морфологические группы, которому не сопутствует никакое смысловое противопоставление.

Так, все латинские глаголы делятся на четыре спряжения в зависимости от огласовки основы: I спр. – а –, II спр.– е –, III спр.–ноль или u, IV спр.– i –. Тип спряжения предопределяет позиционное варьирование морфем: 1) Imperfectum indicativi I и II спр.–суффикс -ba, III и IV спр.–суффикс -eba; 2) Futurum I и II спр.–суффикс -b, III и IV спр.–суффикс -a/e 3) Praesens conjunctivi I спр.–замена гласного основы а на e, II, III, IV спр.–суффикс -a, добавляемый к основе; 4) Participium praesentis I и II спр.–суффикс -nt, III и IV спр.–суффикс -ent. Кроме того, нестандартные глаголы формально различаются по типам образования основ перфекта и супина. К нестандартным перфектам относятся: 1) перфекты на -i с удвоением (cano – cecini 'пою – спел', cado – cecidi 'падаю – упал' и др.); 2) перфекты на -i с растяжением гласного основы (vĕnio – vēni 'прихожу – пришел', făcio – fēci 'делаю – сделал', video – vīdi 'вижу – увидел' и др.), 3) перфекты на -i без изменения основы: (accendo – accendi 'зажигаю – зажег' и др.), 4) перфекты на -si (scribo – scripsi 'пишу – написал', dico – dixi 'говорю – сказал' и др.), 5) перфекты на -ui, -vi (habeo – habui 'имею – имел', cresco – crevi 'расту – вырос' и др.).

Отсутствие смысловой нагрузки у всех этих формальных различий не привело, однако, к их устранению.

В народной латыни и, далее, в романских языках можно отметить лишь сокращение количества латинских типов глагольного формообразования, наряду с возникновением новых романских подтипов. Основные сдвиги в этой области к началу появления первых романских памятников:

1. Исчезновение отложительных и медиопассивных глаголов, принявших «активную» или местоименную форму (mori – morire, nasci – nascere, lavari – se lavare).

2. Исчезновение III спряжения, распределившегося между II и IV. Только форма инфинитива в итальянском, румынском, провансальском и каталанском языках сохраняет следы различия между II и III спряжениями; ср.:

лат. vidēre II спр., *ит.* vedére, *рум.* a vedeá,
пров. vezér
лат. crescĕre III спр., *ит.* créscere, *рум.* a créște
кат. créixer,

Во французском из-за исчезновения ударных гласных это различие стерлось. В испанском и португальском все инфинитивы бывшего III спряжения сместили ударение на последний слог: ср.: *лат.* crēscere, *исп.* crecér, *порт.* crescér, *лат.* cădere, *исп.* caér.

При этом часто отмечались переходы лексем из одного спряжения в другое, например, *лат.* capĕre 'брать' > *ит.* capíre 'понимать', *лат.* tĭdēre >

ит. ridere, *фр.* rire 'смеяться'; *лат.* cadĕre > *ит.* cadére 'падать', *порт.* cair и т. п.

3. Возникновение группы глаголов с суффиксом -sc, который, утратив свойственное ему в латыни значение «начинательности», получил продуктивность у глаголов II и IV спряжений во всех романских языках.

При этом, в испанском и португальском языках суффикс -sc прочно входит в состав основы глаголов на -ecer (-escer), во французском он присутствует в презенсе и имперфекте, в итальянском и румынском — только в презенсе, ср.:

исп. florecer	*ит.* fiorire	*фр.* fleurir
1. florezco	fiorisco	je fleuris
2. floreces	fiorisci	tu fleuris
3. florece	fiorisce	il fleurit
4. florecemos	fioriamo	nous fleurissons
5. florecеis	fiorite	vous fleurissez
6. florecen	fioriscono	ils fleurissent

4. Среди нестандартных («сильных») перфектов группа на -i представлена в романских языках лишь двумя-тремя глаголами (*лат.* vidi > *ит.* vidi, *фр.* je vis, *исп.* vi 'я увидел'; *лат.* feci > *ит.* feci, *фр.* je fis, *исп.* hice 'я сделал'; *лат.* veni > *исп.* vine, *фр.* je vins 'я пришел'). За счет i- перфектов увеличилось количество ui- перфектов и si- перфектов, например, в основе *ит.* venni 'я пришел' лежит не классическая форма veni, а *н. лат.* venui; в основе *ит.* caddi 'я упал' лежит не *кл. лат.* cecidi, а *н. лат.* cadui; *фр.* je pris, *ит.* presi также восходят к *н. лат.* prensi, prĕsi, а не к *кл. лат.* prĕhendi, prendi 'я взял'.

Румынский перфект отличается от перфекта других романских языков тем, что его основа обычно совпадает с основой причастия прошедшего времени как у сильных, так и у слабых глаголов, ср.:

	inf.	perf.	p.p.
ит.	fare, scrivere	feci, scrissi	fatto, scritto
исп.	hacer, escribir	hice, escribí	hecho, escrito
фр.	faire, écrire	je fis, j'écrivis	fait, écrit
рум.	a face, a scrie	făcúi, scrisĕi	făcut, scris

5. Причастие прошедшего времени в романских языках сократило количество вариантов: исчез суффикс **-ĭtus** (pĕrditus); в итальянском, французском, румынском широко распространился народно-латинский суффикс **-utus** для глаголов II и III спряжений, вытеснивший нестандартные формы; в иберо-романских языках, утративших формы, восходящие к суффиксу **-utus**, продуктивные еще в XIII в. (*ст. исп.* perdudo, *совр. исп.* perdido), стандартизировался суффикс **-ĭtus** для глаголов II, III и IV спряжений: ср. *лат.* cadere, *p.p.* casum, *ит.* p.p. caduto, *ст. фр.* cheü, *рум.* căzut, но *исп.* caído, *порт.* caído.

§ 96. Категория лица. Формальные варианты личной флексии. Личная флексия является грамматическим показателем подлежащего в составе

глагола-сказуемого. Первое и второе грамматические лица указывают на определенное подлежащее — лицо, участвующее в данном речевом акте как его производитель или адресат. Третье лицо указывает лишь на то, что подлежащее не является участником диалога. Это может быть определенное лицо, неопределенное или обобщенное лицо (кто-нибудь, все люди), конкретно-предметное понятие, абстрактное понятие и, наконец, чисто грамматическое понятие «субъектности», лишенное самостоятельного референта (в безличных предложениях типа *лат.* pluit).

В латинском языке личная флексия имела три позиционных варианта:

а) «активный»: 1. -o (-m), 2. -s, 3. -t, 4. -mus, 5. -tis, 6. -nt (-unt);

б) «медиальный» («пассивный»): 1. -r, 2. -ris, 3. -tur, 4. -mur, 5. -mini, 6. -ntur (-untur);

в) «активный» перфектный: 1. -i, 2. -isti, 3. -it, 4. -imus, 5. -istis, 6. -erunt, не имевший «пассивного» аналога, так как перфект «медиальной» («пассивной») формы отличался от «активного» не личным окончанием, а формой образования (аналитической), ср.: venit 'он пришел'; profectus est 'он отправился'; amavit 'он любил'; amatus est 'он был любим'.

Личная флексия латинских глаголов, отделенная от основы и ее временных и модальных аффиксов, предназначалась только для выражения противопоставлений по лицу и числу. Только у «активных» переходных глаголов «активный» и «пассивный» варианты флексий, помимо лица числа, служат также для выражения категории залога, т.е. образуют залоговую парадигму: amat 'он любит' — amatur 'он любим'. Позиционный вариант личной флексии у перфекта не входит ни в какие другие парадигмы, кроме личной, даже у переходных глаголов.

В отличие от падежной флексии имени личная флексия латинского глагола сохранилась во всех романских языках, утратив лишь «(медио) пассивный» вариант.

В связи с исчезновением «пассивной» флексии -r, -ris, -tur и т. п., личная флексия переходных глаголов перестала выражать залоговое противопоставление. См. таблицу на с. 249.

Примечания к таблице:

1. Первое лицо презенса индикатива некоторых глаголов II и IV спряжений уже в народной латыни потеряло характерный гласный основы -e-, -i-, по аналогии с глаголами первого и третьего спряжений:

	кл. лат.	*н. лат.*	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
I	canto	canto	canto	canto	je chante	cînt
II	video	vedo	vedo	veo	je vois	văd
III	credo	credo	credo	creo	je crois	cred
IV	dormio	dormo	dormo	duermo	je dors	dorm

Поэтому в романских языках по первому лицу нельзя определить тип спряжения.

Кроме того, в 1 л. ед. ч. возникают изменения в корневой морфеме, вызванные следующими фонетическими и аналогическими процессами:

а) У некоторых глаголов II и IV спряжения характерные гласные -e- и -i- перед окончанием -o в народной латыни не исчезли, а превратились в полугласный j, который палатализовал предшествовавший согласный корня. Это явление характерно для португальского, каталанского, провансальского, отчасти для итальянского. Ср. *лат.* 1. video, 2. vides...; *порт.* 1. vejo, 2. vês...; *кат.* 1. veig, 2. veus...; *ит.* (*тоск.*) 1. veggio, 2. vedi... .

б) Тот же полугласный j перед окончанием -o вызывал закрывание ударного гласного корня на одну ступень (метафония, апофония) — явление, характерное для иберо-романских языков, ср.: *лат.* 1. servio, 2. servis...; *порт.* 1. sirvo, 2. serves...; *исп.* 1. sirvo, 2. sirves... (в испанском измененный гласный по аналогии распространяется на все три лица ед. ч.).

в) По аналогии с латинскими глаголами III спряжения с корнем, оканчивающимся на -rg-, -ng- (porgo, plango) многие глаголы II, III и IV спряжений принимают в н. латыни согласный -g- перед окончанием -o (явление, типичное для итальянского и испанского), ср.: *лат.* 1. pono, 2. ponis...; *ит.* 1. pongo, 2. poni...; *исп.* 1. pongo, 2. pones...; или *лат.* 1. venio, 2. venis...; *ит.* 1. vengo, 2. vieni...; *исп.* 1. vengo, 2. vienes...; *кат.* 1. vinc, 2. vens... .

2. Чередование звуков корневой морфемы, создающее избыточные различия в плане означающего личной парадигмы, возникало не только под влиянием полугласного j, но и в связи с подвижностью ударения, так как ударные гласные развивались иначе, чем безударные. Ср.:

лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
1. venio	vengo	vengo	je viens	vin
dormio	dormi	duermo	je dors	dorm
2. venis	vieni	vienes	tu viens	vii
dormis	dormo	duermes	tu dors	dormi
3. venit	viene	viene	il vient	vine
dormit	dorme	duerme	il dort	doarme
4. venimus	veniamo	venimos	nous venons	venim
dormimus	dormiamo	dormimos	nous dormons	dormim
5. venitis	venite	venís	vous venez	veniți
dormitis	dormite	dormís	vous dormez	dormiți
6. veniunt	vengono	vienen	ils viennent	vin
dormiunt	dormono	duermen	ils dorment	dorm

В румынском языке чередование гласных корня в личной парадигме глагола связано как с перемещением ударения, так и с метафоническим воздействием конечных гласных a, e, вызывающих дифтонгизацию e > ea, o > oa:

лат. porto, plico > *рум.* port, plec 'ношу, ухожу'

...

лат. portat, plicat > *рум.* poartă, pleacă 'носит, уходит'.

3. Морфемы лица-числа, добавляемые в латинской парадигме к неизменяемой основе с ее модальными и временными аффиксами, в романских парадигмах часто сливаются с характерной гласной или с аффиксами времени и наклонения. Поэтому часто трудно решить, следует ли рассматривать данный звук как личную флексию или как последний звук основы. См., напр., *ит.* 1-е л. мн. ч. индикатива и конъюнктива -iamo или *фр.* imperf. je

chantais и др. Результатом формального слияния личной флексии с показателями времени и наклонения оказывается содержательное усложнение личного окончания, которое входит не только в парадигму лица-числа, но и в парадигмы времени и наклонения (ср. *ит.* canto: canti 'я пою': 'ты поешь', но и 'я пою': 'я пел бы', или *исп.* cantan: cantamos 'они поют': 'мы поем', но и cantan: cantaron 'они поют': 'они пели'). Наиболее консервативными в отношении морфологической структуры личной парадигмы являются сардинский, испанский и португальский, где флексия лица-числа в большинстве модально-временных парадигм четко отграничена от характерного гласного и от морфем времени — наклонения.

4. Многие личные флексии подвергались в процессе образования романских языков аналогическому уравниванию. Так, латинской флексии 1-го л. мн. ч. – mus соответствует *фр.* -ons, которое распространилось на все спряжения под влиянием частотного глагола *sumus* *ст. фр.* sons, *фр.* (nous) sommes. В итальянском окончание 3-го л. мн. ч. – ono, восходящее к лат. окончанию III и IV спр. -unt, распространилось на глаголы II спряжения, вытеснив окончание -ent; напротив, в испанском латинское окончание II спр. – ent > en распространилось на глаголы III и IV спряжения, вытеснив окончание -unt.

Во французском существует два окончания 3-го л. мн. ч.: окончание **-ont** < *лат.* -unt, сохранившееся у наиболее архаичных частотных глаголов: *лат.* sunt > *фр.* sont, *лат.* hab(e)unt > *фр.* ont, *лат.* vadunt > *фр.* vont, *лат.* fac(i)unt > *фр.* font, а также у формы будущего времени, образованной из infinitivus + habeo; и непроизносимое более в совр. французском окончание **-ent** < *лат.* -ent у всех прочих глаголов всех времен и наклонений, за исключением формы perfectum (– passé simple). Сардинский язык, устранив окончание -(i)unt, заменил его для III (романского) спряжения окончанием -in, где представлен характерный гласный основы.

Ср. формы флексий 3-го л. мн. числа у глаголов четырех латинских и трех романских спряжений:

	лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*
I	cantant	cantano	cantan	ils chantent
II	tenent	tengono	tienen	ils tiennent
III	credunt	credono	creen	ils croient
IV	dormiunt	dormono	duermen	ils dorment

Таким образом, на некоторых участках системы личных парадигм романские языки имеют меньше позиционных вариантов, чем латынь.

5. Во французском языке в роли показателей лица глагола, наряду с личной флексией, закреплены субъектные неавтономные формы личных местоимений, в том числе неопределенно-личное **on** и безличное il. Поэтому французский язык – единственный из романских языков, имеющий в составе личной парадигмы глагола грамматическое противопоставление по степени определенности лица (il parle 'он говорит', on parle 'говорят', il pleut 'дождит').

Латинская личная флексия и ее романские эквиваленты

(на примерах четырех модельно-временных форм глагола)

	лат	*ит.*	*исп.*	*порт.*	*фр.*	*рум.*
praesens indicativi	1. cant-o	cant-o	cant-o	cant-o	je chante-	cînt-
	2. canta-s	cant-i	canta-s	canta-s	tu chante-s	cînţi-
	3. canta-t	canta-	canta-	canta-	il chante-	cîntă-
	4. canta-mus	cant-iámo	canta-mos	canta-mos	nous chant-ons	cînta-m
	5. canta-tis	cantá-te	cantá-is	canta-is	vous chant-ez	cînta-ţi
	6. canta-nt	cánta-no	canta-n	canta-m	ils chante-nt	cîntă-
praesens conjunctivi	1. cante-m	canti-	cante-	cante-	que je chante	să cînt-
	2. cante-s	canti-	cante-s	cante-s	que tu chante-s	să cînţi-
	2. cante-t	canti	cante-	cante-	qu'il chante-	să cînte-
	4. cante-mus	cant-iámo	cante-mos	cante-mos	que nous chanti-ons	să cîntă-m
	5. cante-tis	canti-ate	canté-is	cante-is	que vous chanti-ez	să cînta-ţi
	6. cante-nt	cánti-no	cante-n	cante-m	qu'ils chante-nt	să cînte-
perfectum indicativi	1. cantaba-m	cantav-o	cantaba-	cantava	je chantai s	cîntá-m
	2. cantaba-s	cantav-i	cantaba-s	cantáva-s	tu chantai-s	cîntă-i
	3. cantaba-t	cantáva-	cantaba-	cantava-	il chantaï-t	cîntă-
	4. cantaba-mus	cantavá-mo	cantába-mos	cantáva-mos	nous chanti-ons	cîntá-m
	5. cantaba-tis	cantavá-te	cantába-is	cantave-is	vous chanti-ez	cîntá-ţi
	6. cantaba-nt	cantáva-no	cantaba-n	canta-va-m	ils chantaie-nt	cîntá-u
imperfectum indicativi	1. cantav-i	canta-i	cant-é	cant-ei	je chant-ai	cîntá-i
	2. cantav-isti	canta-sti	canta-ste	canta-ste	tu chant-as	cînta-şi
	3. cantav-it	cant-ò	cant-ò	cant-ou	il chant-a	cînt-á
	4. cantav-imus	canta-mmo	canta-mos	canta-mos	nous chant-âmes	cînta-răm
	5. cantav-istis	canta-ste	canta-steis	canta-stes	vous chant-âtes	cîntă-răţi
	6. cantav-erunt	canta-rono	canta-ron	canta-ram	ils chant-èrent	cînta-ră

В сев. ит. диалектах, где так же как и во французском языке личная флексия подвергалась частичной редукции, субъектные несвтономные частицы, иногда сразу и в проклизе и в энклизе, являются обязательной

частью личной формы глагола, например, *миланск.* (i te dórmet < *ie te dormis tu 'ты спишь'.

Аналогичное наращивание личной флексии при помощи местоименных частиц (субъектных и даже объектных) встречается в ретороманских диалектах, напр., *курсельск.* 1-е л. ед. ч. cantel < canto + illu; *нижн. энгадинск.* 2-е л. ед. ч. chantast < cantas + tu.

Итак, в целом, романские личные парадигмы глагола отличаются от латинской большей степенью «синтетичности», проявляющейся в слитности морфем лица-числа с основой слова и модально-временными морфемами, а также в позиционной вариативности корневой морфемы, избыточно «согласованной» с флексией. Исключение составляет французский, где основную роль в выражении противопоставления по лицу-числу играет не флексия (отсутствующая у большинства членов парадигмы), а обязательный местоименный показатель. Французский язык создает новое аналитическое означающее; сардинский, испанский, португальский лучше других сохраняют латинскую структуру означающего.

Содержательное различие предложений по степени определенности лица субъекта во всех языках (включая французский) передается не только и не столько личными флексиями глагола, сколько конструкцией предложения в целом. Каждый язык располагает своей системой средств выражения «определенности — неопределенности — устраненности» лица-субъекта, среди которых ведущая роль принадлежит «пассивной» глагольной форме и «страдательной» конструкции предложения.

§ 97. Формы выражения неопределенности и устраненности субъекта. Категория залога. Изменение ее означающего. В латинском языке, как и в других индоевропейских языках, объективная неизвестность субъекта может быть выражена лексически — неопределенным местоимением aliquis и др. Грамматическая же форма неопределенности лица субъекта или его устраненности может относиться как к неизвестному, или обобщенному, так и к определенному, известному из ситуации субъекту. В латинском языке в функции «устранения определенного указания на субъект» использовались:

1. 3-е л. мн. числа: dicunt, narrant 'говорят, рассказывают';

2. 3-е л. ед. числа «пассивной» формы, как от переходных, так и от непереходных глаголов: itur 'ходят, можно пройти', dicitur 'говорится'. При этом определенный субъект может быть очевиден из ситуации и нарочито устранен из сообщения, как например, у Плавта в «Псевдоле» (273), когда на вопрос quid agitur, Calidore? «как (у тебя) дела, Калидор?», влюбленный и оставшийся без денег Калидор отвечает: amatur atque egetur acriter «как у человека, который влюблен и сильно нуждается». Когда определенно-личная форма на -tur у переходных глаголов сопровождалась объектом, она согласовывалась с ним в лице и числе, превращая его тем самым в подлежащее. Эта грамматическая переориентация глагола, не изменяющая его смысла, и представляет собой ту конструкцию, которую принято называть «пассивной» («страдательной»): dabitur tibi amphora (Pl., Cas. 121, Ernout, 206) — «Тебе будет дана амфора».

Пассивная конструкция, сохраняя в значении сказуемого сему отноц»

ния к субъекту-лицу, не содержит его дальнейшей характеристики как известного; неизвестного или обобщенного. Сам факт отсутствия агентного дополнения субъекта в этой конструкции доказывает, что она противопоставлена исходной «активной» форме предложения прежде всего по признаку наличия–отсутствия определенной информации о субъекте действия.

Хотя при этом значение формы на -tur остается неопределенно субъектным; ее грамматическая функция меняется: она приобретает способность изменяться по лицу и числу в зависимости от лица-числа подлежащего и, противопоставляясь активной форме (amat – amatur) – отмечает соответствие подлежащего не субъекту, а объекту действия. Таким образом, переходный глагол приобретает парадигму «залога», отсутствующую у непереходных «активных», у отложительных и у медиопассивных глаголов.

Отложительные, медиопассивные глаголы и пассивные преобразования активных переходных глаголов имеют в латинском языке общую форму, отличающуюся тем, что ее имперфективные словоформы образуются синтетически (с окончаниями -r, -ris, -tur и т. п.), а ее перфективные словоформы представляют собой морфолого-аналитические образования, грамматическое значение которых не вытекает из суммы значений составляющих (amatus est – не 'есть любим', а 'был любим').

В поздней народной латыни и, соответственно, в ранних романских языках сохранилась неопределенно-личная форма dicunt > *ит.* dicono, *исп.* dicen, *ст. фр.* dient (в совр. фр. она исчезла в связи с закреплением за глаголами обязательных субъектных неавтономных местоимений); в галлороманском ареале оказалась продуктивной форма homo dicit > *фр.* on dit, существующая в каталанском (hom diu) и встречавшаяся в ст. испанском (ome dize); исчезнувшая форма на -r, -ris, -tur повсеместно заменилась местоименной: dicitur = se dicit > *ит.* si dice, *исп.* se dice, *фр.* (cela) se dit, *рум.* se zice 'говорится, говорят'. Та же местоименная форма, согласуясь в лице и числе с подлежащим – объектом действия, образовала залоговое противопоставление с неместоименной формой переходных глаголов: *ит.* scrivo un libro – si scrive un libro, *исп.* escribo un libro – se escribe un libro, *рум.* scriu o carte – se scrie o carte 'я пишу книгу – пишется книга'. Местоименная романская форма пассива, в отличие от латинской формы на -r, -ris, -tur, образуется от всех временных форм. Существует, однако, общее для всех романских языков ограничение на употребление пассива-рефлексива: семантический объект действия, выраженный формой подлежащего, должен быть третьим лицом, так как иначе форма приобретает собственно-возвратное или медиальное значение.

Перфектные морфолого-аналитические формы пассива в народной латыни изменяют свою структуру и вместе с ней свое временное значение: временная форма глагола esse приобретает независимую от причастия временную отнесенность, так что бывший перфект – amatus est – становится презенсом, а бывший плюсквамперфект – amatus erat – имперфектом. Форма amatus fuit, иногда встречавшаяся в арх. и кл. латыни в значении плюсквамперфекта, закрепляется в роли перфекта и т.п. Таким образом, возникает вторая полная парадигма пассива, структурно сближающаяся с именным сказуемым.

Предпосылки для переосмысления формы пассивного перфекта и его превращения в именное сказуемое, обозначающее состояние, существовали уже в архаической и классической латыни: поскольку собственно перфектное (не аористное) значение перфектной формы (см. ниже § 99) обозначало результат законченного действия, длящийся в настоящем, глагол est легко осмыслялся как связка, а participium perfecti – как именная часть сказуемого, которая часто обозначала состояние, семантически не связанное с действием какого-либо лица, отличного от субъекта этого состояния. (напр., Gallia est omnis divisa in partes tres – «Галлия вся разделена на три части». Иногда связь с действием полностью теряется и причастие превращается в прилагательное «состояния», например, at haec (securis) retunsast (= retunsa est) Pl. Ps., 159 – 'а он (топор) тупой', где retunsa по форме – пассивное причастие от глагола retundere 'притуплять'.

Все же, в архаической и классической латыни сочетание связки esse с адъективированным причастием встречается редко, и значение состояния передается обычно простыми глаголами, в отличие от романских языков, ср.:

лат. cubat, *ит.* è disteso, *фр.* il est couché, *исп.* está tumbado
лат. sedet, *ит.* è seduto, *фр.* il est assis, *исп.* está sentado
лат. patet, *ит.* è aperto, *фр.* il est ouvert, *исп.* está abierto
лат. stat, *ит.* è in piedi, *фр.* il est debout, *исп.* está de pie.

Эквивалентность простых «активных» глаголов состояния и именного сказуемого, возникавшего из пассивного перфекта уже в архаической латыни, хорошо видна в следующей фразе из «Псевдола» Плавта (423): occisa est haec res, haeret hoc negotium – «загублен этот замысел, застряло это дело».

Таким образом, в романских языках существуют две формы пассива, которые выступают то как позиционные, то как свободные варианты: рефлексивный пассив, везде ограниченный 3-м лицом и, как правило, неодушевленностью подлежащего, а также преимущественно имперфективной временной формой, и аналитический пассив, который имеет значение «пассива действия» в перфективных временах, а в имперфективных сохраняет значение «действия» или принимает значение «состояния» в зависимости от «предельности» (терминативности) – «непредельности» (дуративности) глагольной лексемы (ср. *ит.* è amato – è aperto, *исп.* es amado – está abierto 'он любим' – 'он открыт').

Различие между «пассивом действия» и состоянием выражено грамматически только в испанском языке, при помощи чередования связочных глаголов бытия ser <*лат.* sedere + esse и estar <*лат.* stare. Однако, сочетаясь с причастием, эти глаголы не противопоставляются друг другу в одном окружении: ser закреплен за причастиями непредельных глаголов всех временных форм и перфективными временами предельных глаголов, estar – **за причастиями предельных глаголов в имперфективных временных формах**, где и возникает значение «состояния», ср.:

Pres. es amado	'он любим'	está abierto	– 'он открыт'
Imperf. era amado	– 'он был любим'	estaba abierto	– 'он был открыт'

Perf. fué amado	— 'он был любим'	fué abierto	— 'он был (кем-то) открыт'

Для выражения незавершенности предельного действия в пассиве употребляется, как и в русском языке, рефлексивный пассив: se abre 'он открывается', se abría 'он открывался'.

В итальянском языке в сочетании с причастиями предельных глаголов в простых временах нейтральной связке essere противопоставлены два факультативных варианта: глагол stare, для подчеркивания состояния: è aperto 'он открыт' — sta aperto 'он открытый', и глагол venire, для подчеркивания незавершенности действия и его направленности извне: è aperto 'он открыт' — viene aperto 'открывается кем-то'. Кроме того, синонимом viene aperto является рефлексивный пассив si apre 'открывается'.

Латинские, п. латинские (со звездочкой) и романские формы устранения сведений о субъекте действия (с учетом переходности (vt) и непереходности (vi) глагола и дуративности (d) и терминативности (t) лексемы):

лат. и п. лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
1. dicant (vt)	dicono	dicen	–	
2. itur (vi), (vt)	–	–	–	–
3. *se vadit (vi)	si va	se va	–	–
4. *se dicit (vt)	si dice	se dice	cela se dit	se zice
5. amatus est (d)	è amato	es amado	il est aimé	este iubit
6. scriptus est (t)	è scritto	–	il est écrit	este scris
7. *scriptus stat	sta scritto	está escrito	–	–
8. *scriptus venit	viene scritto	–	–	–
9. *homo dicit (vi), (vt)	–	–	on dit	–
10. *unus dicit (vi), (vt)	uno dice	uno dice	–	–

Примечания к таблице:

1. Наибольшее количество вариантов существует в итальянском языке, наименьшее — в румынском.

2. Основной семантической функцией пассивной формы является умолчание о субъекте действия, в том случае, если он неизвестен, безразличен или очевиден из контекста, так что «безличный» и «личный» пассив отличаются лишь формально. Более того, в разговорном испанском, в разговорном итальянском и в литературном французском пассивная форма переходного глагола часто не согласуется с объектом-дополнением, если оно следует за глаголом и обозначает не «данное», а «новое» в сообщении: *исп.* se venden periodicos, *ит.* si vende giornali, букв. «продается газеты», *ит.* mi fu comperato una nuova bicicletta «мне было куплено новый велосипед», *фр.* il a été vendu cinquante exemplaires de ce journal «было продано пятьдесят экземпляров этой газеты».

Когда к пассивной конструкции добавляется дополнение агента, она теряет свою основную функцию и становится стилистическим синонимом активной (ср.: мы заметили... — нами было замечено...). Поскольку в народной латыни, как во всяком разговорном языке, дополнение агента при пас-

сиве (вводимое в кл. латыни предлогом ab) было неупотребительно, романские языки расходятся в выборе предлога при этом члене предложения: *исп.* por <*лат.* pro; *фр.* par <*лат.* per; *ит.* da <*лат.* de + ab, *рум.* de <*лат.* de.

4. На осмысление формы аналитического пассива est + p.p. как в латыни, так и в романских языках, оказывает влияние видовой оттенок предельности (терминативности) — непредельности (дуративности), закрепленный за глагольной лексемой. Терминативные глаголы обозначают процесс, последняя фаза которого является его логическим пределом, без которого действие не доведено до конца (scribere 'писать' и 'написать'); дуративные глаголы обозначают действия, последняя фаза которых не отличается качественно от предыдущей и их логический предел часто обозначается антонимом ('плакать' — 'смеяться'), или терминативным глаголом близкого значения (quaerere 'искать' — reperire 'находить, найти'). Participium perfecti passivi терминативных глаголов обозначает свойство, явившееся результатом законченного действия (factus, scriptus, occisus, mortuus — 'сделанный', 'написанный', 'убитый', 'мертвый'), та же форма у дуративных глаголов обозначает свойство быть объектом незавершенного действия (amatus, quaesitus — 'любимый', 'искомый'). Поэтому perfectum passivi терминативных глаголов уже в архаической и классической латыни мог обозначать как прошедшее действие, так и настоящее состояние (est divisus 'был разделен' и 'разделен'), тогда как perfectum passivi дуративных глаголов в латинском языке имел только значение прошедшего действия (amatus est 'он был любим') и его отнесение к настоящему, т.е. переосмысление в praesens passivi (*ит.* è amato, *исп.* es amado, *фр.* il est aimé) произошло в поздней разговорной латыни, вместе с исчезновением синтетической формы praesens passivi — amatur.

§ 98. Формы выражения видовых значений в латыни и в романских языках. Видовые значения, сопровождающие глагольную лексему, не связаны, в отличие от временных, с моментом речи, так как определяют действие с точки зрения характера его протекания, подчеркивая ту или иную его фазу.

Два лексических «вида» глаголов — терминативный (предельный) и дуративный (непредельный) ни в одном индоевропейском языке не имеют специальных морфем для своего выражения и лишь влияют на смысловые оттенки залоговых и временных форм.

Морфологическое выражение имеют в латинском языке, как и в других индоевропейских языках, так называемые «способы протекания действия», представляющие действие как завершенное (перфективное), обращенное вспять или повторяющееся (итеративное), начинающееся (инхоативное), или интенсивное.

1. Перфективность передается разнообразными префиксами ex-, con-, per-, ob-, которые помимо видового значения, привносят добавочные смысловые оттенки.

facere 'делать' — efficere 'творить', создавать', perficere «завершать»; conficere 'изготовлять';

fundere 'лить' — effundere 'изливать, опорожнять';

legere 'читать' – pellegere 'прочитать по книге';
caedere 'бить' – occidere 'убить' и т.п.

Глаголы с перфективными приставками, более конкретные и выразительные, в народной латинской речи часто вытесняли соответствующую простую форму, напр. edere 'есть' – comedere 'съесть' (уже у Плавта) > *исп.* comer 'есть'. Следствием вытеснения оказывалось опрощение производного слова как в *исп.* comer или в *рум.* a spăla 'мыть', восходящего к *н. лат.* ex + per + lavare, или в *ит.* cominciare, *исп.* comenzar, *фр.* commencer < *н. лат.* com + initiare 'начинать', (заменившее *к.л. лат.* incipere, к которому восходит румынское a începe 'начинать'). Латинские перфективные приставки теряют в романских языках свою продуктивность.

2. Повторность или обращенность действия вспять обозначалась в латинском языке префиксом re-: removere 'отодвигать', 'удалять', remittere 'посылать обратно, redimere (red + emere) 'выкупать', referre 'нести назад', reducere 'отводить назад', reficere (re + facere) 'снова делать, восстанавливать' и т. п. Эта приставка сохраняет свою высокую продуктивность во всех романских ареалах.

3. Многократная повторяемость (итеративность) и интенсивность действия передавались глаголами I спряжения, образованными от participium perfecti passivi исходной лексемы: jacĕre 'бросать' – jactum – jactare 'метать', canĕre 'петь' – cantum – cantare 'петь', salire 'прыгать' – saltum – saltare 'плясать', dicĕre 'говорить' – dictum – dictare, dictitare 'часто говорить' и т. п. В народной латыни некоторые итеративы вытеснили исходную форму и легли в основу таких романских глаголов, как *ит.* gettare, *фр.* jeter, *исп.* echar 'бросать' < *лат.* jactare, или *ит.* cantare, *фр.* chanter, *исп.* cantar, *рум.* a cînta < *лат.* cantare. Другие итеративно-интенсивные глаголы обособились от исходных по значению, как например, *лат.* salire 'прыгать' > *ит.* salire 'подниматься', *исп.* salir 'выходить', *лат.* saltare 'часто прыгать, плясать' > *ит.* saltare, *исп.* saltar 'прыгать' или *лат.* dicere > *ит.* dire, *исп.* decir 'говорить', *лат.* dictare > *ит.* dettare, *исп.* dictar (латинизм) – 'диктовать'.

Латинский способ производства итеративов в романских языках не сохранился. На его месте в некоторых романских языках получили продуктивность суффиксы, объединяющие видовое значение с модально-оценочным ('часто' + 'мало', 'плохо', 'слабо', или 'часто' + 'много', 'сильно', 'грубо'), например, *ит.* rubare 'воровать' – rubacchiare 'подворовывать', sputare 'плевать', sputacchiare 'поплевывать', cantare 'петь' – canticchiare 'напевать', innamorarsi 'влюбиться' – innamorazzarsi 'влюбиться по уши' и т. п. Эти суффиксы близки по форме и по смыслу к именным суффиксам субъективной оценки.

4. Латинский инхоативный суффикс -sc, обозначающий «вхождение в действие или состояние», образовывал дериваты главным образом от глаголов II спряжения, обозначающих состояние:

pallere 'быть бледным' – palescere 'бледнеть',
rubere 'быть красным' – rubescere 'краснеть'
marcere 'быть увядшим' – marcescere 'увядать'
callere 'быть мозолистым, нечувствительным' – callescere 'черстветь, грубеть'

calere 'быть горячим' — calescere 'горячеть, теплеть'.

В романских языках, в связи с исчезновением большинства латинских глаголов состояния и их заменой именным сказуемым est + p.p., произошло переосмысление инхоативных глаголов, которые, утратив значение «вхождения в состояние», сохранили значение «динамичности», «процессуальности». Ср.:

	состояние	вхождение в состояние
лат.	pallet, callet	pallescit, callescit
	marcet	marcescit
ит.	è impallidito,	impallidisce,
	è incallito	incallisce
	è marcito	marcisce
	результат	*процесс*

Суффикс -sc, утратив инхоативное значение, включается в основу глагола, характеризуя нефункциональный морфологический разряд глаголов II и III спряжений.

Латинские аффиксальные формы выражения способа протекания действия были заменены в романских языках грамматизованными сочетаниями «фазовых» глаголов с инфинитивом или герундием:

1. «преддверие действия», (непосредственное будущее): *фр.* aller + inf.; *исп.* ir a + inf., estar por + inf.; *ит.* stare per + inf.;

2. «вхождение в действие» (инхоативность): *фр.* commencer (se mettre) à + inf.; *исп.* empezar (comenzar, ponerse) a + inf.; *ит.* cominciare (mettersi) a + inf.;

3. «протекание действия» (дуративность): *исп.* estar + gerund., ir + gerund.; *ит.* stare + gerund., stare a + inf.; *порт.* estar a + inf., *ст. фр.* estre + p.pr. (...Carles, ki est as porz passant, Rol. 1071), *ст.* и *совр. фр.* aller + gerund. (il va chantant);

4. «повторение действия» (аналог приставки re-); *ит.* tornare a + inf.; *исп.* volver a + inf.;

5. «завершение действия» (терминативность): *фр.* finir de + inf., *ит.* finire di + inf., *исп.* terminar de + inf.;

6. «выход из действия» (непосредственное прошедшее): *фр.* venir de + inf.; *исп.* acabar de + inf.;

7. «состояние как результат действия»: *фр.* être + p.p., *ит.* essere + p.p., *исп., порт.* estar + p.p., *рум.* a fi + p.p.

Все эти описательные формы выражения характера протекания действия, в отличие от временных форм глагола, обязательно соотнесены с конкретным процессом, локализованным во времени и в пространстве.

В латинском и в романских языках вид как словоизменительная категория глагола существует лишь в составе временной парадигмы, где видовые значения «завершенности — незавершенности» служат основанием для противопоставления некоторых глагольных времен. Однако «истинным, конституирующим содержанием глагольных форм является вид. . Понятие

момента во времени не может само по себе составить никакого содержания качественного порядка; речь здесь идет прежде всего об указательном элементе, подобном определенному артиклю... Значения nunc и tunc, присущие западноевропейским временам, могут быть также поставлены в параллель с местоимениями ближнего и дальнего указания: celui-ci/celui-là и т. п.[1] »

§ 99. Временные формы индикатива в латинском и в романских языках. Выражение временной определенности действия, прямо или косвенно соотнесенного с моментом речи, является основной характеристикой индикатива.

Латинская и романские системы времен построены по единому принципу. В их основе лежит противопоставление форм по трем парам различительных признаков:

1) Ориентация действия на «актуальный» момент речи (nunc, hodie – 'сейчас', 'сегодня') или на объективно представленный «исторический» момент в прошлом (tunc, olim, heri – 'тогда', 'прежде', 'вчера'). Выбор «актуального» или «исторического» временного ориентира часто (но не обязательно) связан с установкой на беседу или на рассказ.

2) Предшествование (ретроспективность), одновременность и следование (перспективность) по отношению к временному ориентиру. «Одновременность» может быть представлена как нейтральность (неретроспективность и неперспективность).

Ориентиром может быть момент, совпадающий с моментом речи (nunc, hodie 'сейчас', 'сегодня'), совпадающий с моментом в прошлом (tunc, olim, heri 'тогда', 'некогда', 'вчера') и с моментом в будущем (cras 'завтра'). Для последнего существуют только формы одновременности и ретроспективности. Формы, ориентир которых совпадает с моментом речи, называются абсолютными временами, все прочие – относительными временами.

	Ориентир	Ретроспективность		Нейтральность		Перспективность	
		лат.	*исп.*	*лат.*	*исп.*	*лат.*	*исп.*
Абсолютность	nunc, hodie	feci, (faciebam)	he hecho, (hacía)	facio	hago	faciam	haré
Относительность	tunc, olim, heri	feceram	había, hecho	feci, faciebam	hice, hacía	facturus eram	habría
	cras	fecero	habré, hecho	faciam	haré	–	–

[1] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 142–143.

Предшествование по отношению к настоящему (актуальное прошедшее) и совпадение с ориентиром в прошедшем (историческое прошедшее) в латинском языке выражены одной и той же формой. В испанском и некоторых других романских языках сложный перфект закреплен за первой, а простой перфект (претерит) за второй функцией.

3) Завершенность (перфектность) и незавершенность (инфектность) действия или только отрезка времени протекания действия, если оно не имеет логического предела. Видовременной признак завершенности предполагает комплексное обозначение всех фаз действия.

В некоторых контекстах у предельных глаголов последняя фаза действия, т.е. его результат, выдвигается на первый план.

По признакам инфектности – перфектности в латинском языке противопоставлены формы от основы praesentis формам от основы perfecti:

infectum: faciebam – facio – faciam
perfectum: feceram – feci – fecero

Пропорциональность этих парных противопоставлений в плане выражения не опирается на столь же четкие различия в плане содержания: по видовому признаку инфектности – перфектности имперфекту (faciebam) в тексте обычно противостоит не плюсквамперфект (feceram), а перфект (feci): «quem quidem hercle ego, in exilium quom iret, redduxi domum; nam ibat exulatum. – An abiit? (Pl. Mercator, 980) – «которого, когда он отправлялся в изгнание, я возвратил домой; ибо он уже отправлялся в изгнание – Или уже отправился?» Вопрос an abiit? показывает, что из ibat еще не ясно, дошло ли действие до конца или нет»[1].

В свою очередь, плюсквамперфект противопоставлен имперфекту и перфекту не по признаку законченности, а по временному признаку ретроспективности (относительного предшествования), ср.: et prius quam hinc abiit quindecim miles minas dederat (Pl. Ps. 53) «прежде чем (он) отсюда ушел, воин дал пятнадцать мин». Кроме того, плюсквамперфект и перфект, противопоставленные презенсу как времена «завершенного действия» могут различаться между собой по признаку «актуальности»: «неактуальности», ср. один и тот же факт представлен в репликах Каллифона и Псевдола двумя разными временными формами:

Call. Quin rus ut irem iam heri **constitueram**.

Ps. At **nunc** disturba quas statuisti machinas (Pl. Ps. 550)

«Однако я уже вчера решил, что поеду в деревню.

– А теперь ты нарушишь то, что задумал».

Поскольку в форме латинского перфекта совпали две единицы плана содержания – собственно перфект («актуальное» время) и аорист («неактуальное» прошедшее время), в случае необходимости их формального разграничения функцию аориста берет на себя плюсквамперфект (constitueram – statuisti).

Таким образом, видовые различия уступают место более существенным для латинской системы временным противопоставлениям форм. Видовая

---

[1] *Сафаревич Л.* О совершенности и несовершенности в латинском языке // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С. 326.

оппозиция устанавливается и сохраняется вплоть до романских языков только у форм имперфекта и перфекта (или аориста). У всех остальных форм видовые оттенки значения вытекают из их временных различительных признаков.

Поскольку ведущей функцией простых форм, образованных от основы perfecti в активном залоге оказалось предшествование во времени (ретроспективность), для подчеркивания конечной фазы действия у терминативных переходных глаголов в латинском языке существовал результативный оборот habeo (habebam) + p.p., параллельный «пассивному» результативу est + p.p., ср., например, следующую фразу, где присутствуют обе результативные конструкции: Novo consilio nunc mi opus est, nova res haec subito mi objectast (= objecta est): hoc praevortar principio: illaec omnia missa habeo quae ante agere occepi (Pl., Ps. 601) — «новый план мне теперь необходим, новый и неожиданный случай мне **представляется**: сначала я обращу на него внимание; все, что я раньше начал делать, теперь я **откладываю**». Перифрастические формы objecta est и missa habeo, обозначающие результат действия, отнесенный к настоящему времени, противопоставлены перфекту occepi, обозначающему предшествование относительно настоящего момента (ante – 'раньше').

Результативные перифразы est (erat) + p.p. и habet (habebat) + p.p. были в кл. латыни эквивалентны в видовременном отношении, ср.: mihi consilium **captum** iamdiu est (Cic. Fa. 5, 19, 2, Ernout, 74) «у меня решение уже давно принято» и quam (fidem) **habent spectatam** iam et cognitam (Cic. Diu. Caec 11, Ernout, 223) «которую (честность) они уже заметили и узнали».

В соответствии с общероманской тенденцией к распространению «номинативного» строя предложения (где семантический субъект получает форму именительного падежа, т.е. подлежащего), «активная» перифраза типа consilium captum habeo расширяет сферу своего употребления за счет «пассивной» перифразы типа mihi consilium captum est. Возрастание частотности перифразы habeo (habebam) + p.p. в поздней латыни было связано также с общей ориентацией нормы языка на разговорную речь, где более конкретная аналитическая форма с видовременным оттенком результативности была, очевидно, более употребительна, чем простые временные формы от основы perfecti.

Кроме того, в поздней латыни многие непереходные «активные» глаголы движения и состояния, по аналогии с отложительными и медиопассивными глаголами сходной семантики стали принимать «пассивную» форму, особенно в перфекте, как во фразе из письма Траяна (Ernout, 213): praeteritus est dies «день прошел» — вместо praeteriit.

Когда «пассивная» форма от основы praesentis, т.е. форма на -r, вышла из употребления, «пассивный» перфект (и плюсквамперфект) остался у бывших отложительных и медиопассивных глаголов: natus est (erat), mortuus est (erat), mutatus (erat) est, а также у тех непереходных «активных» глаголов движения и состояния, которые его приняли по аналогии с отложительными, например, venire — ventus (*venutus, *venitus) est (erat), ire — itus est (erat).

Таким образом, в поздней народной латыни у простых форм перфекта и плюсквамперфекта — feci, feceram; veni, veneram – появились регулярные

аналитические варианты – habeo (habebam) factum; sum (eram) ventus (*venutus, venitus), подчеркивавшие видовременной смысл результативности. Постепенно под действием аналогии, аналитические результативные варианты были созданы почти для каждой простой формы всех времен и наклонений, так что в большинстве романских языков каждая простая форма, включая инфинитив и герундий, имеет соответствующую ей сложную.

Во всех ранних романских языках результативная конструкция habeo + p.p., образованная от переходных глаголов, сохраняла известную независимость составных элементов. Они могли находиться на дистанции, иметь обратный порядок слов – p.p. + habeo, наконец, причастие всегда было согласовано в роде и числе с дополнением, ср., напр., *ст. исп.* sos dones avien dados (Cid, 2259) 'свои подарки дали'; или *ст. фр.*: «Pris en ad or e aveir e deniers» (Rol. 1145) «Он у них взял золото, имущество и деньги».

У непереходных глаголов движения и состояния результативная конструкция, унаследованная от перфективных аналитических форм отложительных и медиопассивных глаголов – mortuus est, natus est, ventus (*venitus, *venutus) est, itus est и др. с самого начала обладала большей формальной слитностью, так как оба ее элемента – личный глагол и причастие – согласованы с подлежащим.

В дальнейшем включение этих конструкций в состав глагольной парадигмы, т.е. их морфологизация, сопровождались следующими изменениями:

1. Во всех романских языках закрепился порядок следования частей: habeo + p.p.

2. Замыкание между частями аналитической формы стало возможным лишь для небольшой группы наречий времени (типа «уже», «еще»).

3. У аналитических времен от переходных глаголов согласование причастия с дополнением полностью исчезло в иберо-романских (кроме каталанского) и балкано-романских языках. Во французском и в итальянском согласование сохраняется только при дополнении, выраженном неавтономным объектным местоимением.

Ср.: *исп.* Aquella carta, Juan la ha escrito

ит. Quella lettera, Giovanni l'ha scritta.

4. В совр. португальском (и в некоторых южит. диалектах) глагол tenere > *порт.* ter почти полностью заменил глагол habere в составе аналитических времен.

5. В современных иберо-романских и балкано-романских языках глагол esse у непереходных глаголов движения и состояния был вытеснен глаголом habere (в португальском – ter):

cantare	venire	cantare	venire
ит. ho cantato	sono venuto	*исп.* he cantado	he venido
фр. j'ai chanté	je suis venu	*порт.* tenho cantado	tenho vindo
пров. ai cantat	soi vengutz	*кат.* he cantat	he vingut
сард. appo cantau	so bènniu	*рум.* am cîntat	am venit

Сложные формы, для которых этимологически первичным было

результативное видовременное значение, постепенно закрепляются в функции времен, выражающих предшествование (ретроспективность), повторяя таким образом путь развития от вида к времени, когда-то пройденный латинскими перфективными формами.

Простые романские времена, продолжающие латинские формы praesens, imperfectum, perfectum, plusquamperfectum indicativi и сложные романские времена, восходящие к латинской результативной перифразе habeo (habebam) + p.p. и ее вариантам, имели в каждом романском языке свою судьбу и свои области употребления.

лат. и н. лат.	*ит.*	*фр.*	*исп.*	*порт.*	*рум.*
1. canto	canto	je chante	canto	canto	cînt
2. habeo cantatum	ho cantato	j'ai chanté	he cantado	tenho cantado	am cîntat
3. cantavi	cantai	je chantai	canté	cantei	cîntai
4. *habui cantatum	ebbi cantato	j'eus chanté	hube cantado	–	–
5. cantabam	cantavo	je chantais	cantaba	cantava	cîntam
6. *habebam cantatum	avevo cantato	j'avais chanté	había cantado	tinha cantado	–
7. cantaveram	–	–	cantara	cantara	(cîntasem)

Примечания к таблице:

1. Презенс canto и имперфект cantabam сохранили без изменений отношение между означающим и означаемым во всех романских языках.

2. Перфект cantavi и перифраза habeo cantatum, из которой возник сложный романский перфект, распределили по-разному сферы употребления:

а) наиболее близким к латыни оказывается португальский, где простой перфект употребляется в функциях как актуального, так и неактуального законченного прошедшего, тогда как сложный перфект встречается в специальном значении итеративности, или подчеркнутого продолжения результата в настоящем, хотя и в этом случае возможен простой перфект, ср. *порт.* Quem esperou até agora pode esperar um pouco mais – исп. перевод: Quien ha esperado hasta ahora puede esperar un poco más; – «Кто (про)ждал до сих пор, может подождать еще немного», или Quem tem trabalhado como eu não tem medo de trabalho и исп. перевод: El que ha trabajado como yo no tiene miedo a ningun trabajo – «Кто поработал так, как я, не боится никакой работы». Совмещение функций перфекта и аориста у простого перфекта и его широкое употребление в разговорном языке характерны также для южноитальянских диалектов и для испанского языка Латинской Америки.

б) В итальянском литературном языке (точнее, в его тосканском нормативном варианте), а также в испанском, в румынском и в провансальском, значение актуального законченного прошедшего закреплено за сложным перфектом, а неактуального законченного прошедшего – за простым перфектом. Это распределение функций уже является устойчивой нормой

для старопровансальского. Так, в «Биографиях трубадуров» (XIII в.) при обращении к слушателям (читателям) мы находим сложное прошедшее, в самом же рассказе о событиях жизни трубадура употреблен простой перфект: Dig vos ai de N'Alazais com enguanet Miraval e. l. traï et aucis si mezeissa (Vidas, 163). – «Я уже вам рассказал о даме Алазаис, как она обманула Мираваля и его предала и убила сама себя». Таким образом, выбор простой или сложной формы отражает установку говорящего на повествование или на контакт с собеседником.

в) Современный французский язык в его разговорном варианте исключил простой перфект из системы времен, так что сложный перфект объединяет обе функции – актуального и неактуального законченного прошедшего. Простой перфект представлен только в системе времен письменного языка.

3. Латинский плюсквамперфект индикатива cantaveram сохранился в иберо-романских и балкано-романских языках:

а) В португальском форма cantara имеет значение плюсквамперфекта индикатива и аориста. Она употребляется как свободный вариант сложной формы плюсквамперфекта индикатива и простого перфекта:

Ela saira (tinha saído) de casa antes de minha mãe chegar. – «Она вышла из дому до того, как пришла моя мать».

б) В старокастильском языке форма cantara также имела значение плюсквамперфекта индикатива, напр., Espanna que en ell otro tiempo fuera llagada por la espada de los romanos, pues que guareciera et cobrara por la melezina et la bondad de los godos, estonces era crebantada, pues que eran muertos et aterrados quantos ella criara (Primera Crónica General, 312, cap. 559) – «Испания, которая в давние времена была изранена мечом римлян, потом выздоровела и набралась сил благодаря заботам и храбрости готов, теперь была сломлена, потому что были мертвы и похоронены все те, кого она взрастила».

Тот же смысл форма на -ra сохраняет в испанском языке Латинской Америки, где она конкурирует как свободный вариант со сложным плюсквамперфектом индикатива, с простым перфектом, с имперфектом индикатива и конъюнктива и с кондиционалом, напр., Nadó al sitio donde dejara la tora (Gallegos Lara). – «Он плыл к тому месту, где оставил одежду», или Si tuviera miedo no lo esperara (Gallegos Lara). – «Если бы она боялась, она бы его не ждала».

В современном испанском языке метрополии форма на -ra перешла полностью в систему ирреальных наклонений и является свободным вариантом форм имперфекта конъюнктива (cantase) и кондиционала (cantaria); ее индикативное употребление звучит как намеренный архаизм.

в) В ст. французском, в самых ранних памятниках (Кантилена о св. Евлалии и др.) есть несколько форм, восходящих к латинскому плюсквамперфекту _avret <habuerat, voldret <voluerat, в значении аориста.

В ст. провансальском, ст. каталанском и юж. ит. диалектах форма cantara <cantaveram имела значение кондиционала.

г) В румынском языке форма плюсквамперфекта индикатива восхо-

ших в трех лицах ед. числа к соответствующим формам латинского плюсквамперфекта конъюнктива:

1. cîntasem < cantavissem
3. cîntaseşi < cantavisses
3. cîntase < cantavisset.

а в формах мн. числа присоединяет к конъюнктивной основе суффикс -ra, восходящий к латинскому плюсквамперфекту индикатива:

1. cîntaserăm < cantavissemus + cantaveramus
2. cîntaserăţi < cantavissetis + cantaveratis
3. cîntaseră < cantavissent + cantaverant

Контаминация форм plusquamperfectum conjunctivi и plusquamperfectum indicativi в румынском и изменение модального значения формы cantaveram в испанском, ст. провансальском, в юж. ит. диалектах объясняется тем, что в поздней латыни plusquamperfectum indicativi и plusquamperfectum conjunctivi употреблялись в главном предложении (аподосисе) ирреального условного периода как свободные варианты.

4. Количество форм плана прошедшего, объединенных видовым признаком завершенности и противопоставленных по этому признаку имперфекту, различно в разных романских языках.

Так, во французском кроме четырех времен, свойственных также испанскому и итальянскому (passé simple, passé composé, passé antérieur, plus-que-parfait), существует также passé surcomposé – сверхсложное прошедшее, выражающее в разговорном языке или несвязанное с настоящим прошедшее или предшествование по отношению к любой форме прошедшего, особенно с лексемой *finir*: «Lorsque mon dernier client a eu fini de se rajuster, je n'avais toujours rien trouvé de plausible» (F. Dard) – «Когда мой последний клиент кончил одеваться, я все еще не нашел никакого приемлемого оправдания». Или, у того же автора: Et quand le bus a été passé, elle s'est retournée. – «И когда автобус проехал, она обернулась».

В португальском отсутствует форма preterito anterior (*исп.* hube cantado также практически не употребляется), но зато есть два варианта плюсквамперфекта, простой – cantara и сложный – tinha cantado.

В румынском есть только одна сложная форма прошедшего – perfectul compus: am cîntat и две простые формы – perfectul simplu cîntai и mai mult ca perfectul: cîntasem.

Максимальное количество форм законченного прошедшего существует в каталанском:

а) простой перфект canti;

б) сложный перфект he cantat;

в) сложный претерит vaig cantar, восходящий к сочетанию vado + inf. (которое в испанском и французском лежит в основе форм непосредственного будущего);

г) сложный плюсквамперфект havia cantat;

д) сложное прошедшее непосредственное haguí cantat;

е) сверхсложное предпрошедшее, образованное от сложного претерита: vaig haver cantat.

5. В старых романских языках формы прошедшего времени с видовым оттенком законченности еще не приобрели устойчивых признаков

ретроспективности (относительного предшествования) и актуальности/неактуальности. (Исключение составляет старопровансальский, сложившийся уже в XII веке как литературный язык). Нечеткое функциональное разграничение прошедших времен проявляется в их свободном варьировании, ср., например, в «Песни о моем Сиде» чередование простого и сложного перфекта у однородных сказуемых и выражение ретроспективности относительно претерита формой сложного перфекта вместо плюсквамперфекта:

Ido es el comde, tornós el de Bivar.
juntós con sus mesnadas, conpeçós de alegrar
de la ganançia que han fecha, maravillosa e grand (Cid, 1083)
«Ушел граф, вернулся Сид де Бивар, соединился со своими приближенными, начал радоваться большой добыче, которую они получили» (*ст. исп.* перфект ido es соответствует *совр. исп.* ha ido; *ст. исп.* tornós, juntós... = tornóse, juntóse соответствует *совр. исп.* se tornó, se juntó). То же чередование простого и сложного перфекта типично и для «Песни о Роланде»:

De sa main destre l'ad asolt e seignet
Pois li livrat le bastun et le brief (Rol. 340)
«Своей правой рукой он его отпустил и перекрестил
Потом вручил ему посох и письмо».

Признаки актуальности/неактуальности и ретроспективности/неретроспективности, на которых основаны нормы согласования времен в классической латыни и в современных романских языках, более абстрактны и в большей степени предсказаны контекстом, чем видовременной признак завершенности (результативности)/незавершенности, по которому имперфект противопоставлен всем прочим прошедшим временам. Поэтому первые две пары временных различий могут или просто отсутствовать в системе языка, как например, в русском, или оставаться невыраженными в случае отклонения от литературной нормы латинского или романских языков. Относительные времена — позднее достижение организованного синтаксиса, где каждая временная форма закреплена за определенными функциями и образует с другими формами систему устойчивых противопоставлений. Напротив, народный разговорный язык часто пренебрегает грамматическим выражением релятивности двух действий. Соответственно, в старых языках релятивность не выражена там, где она кажется необходимой, и, наоборот, внешние «относительные» временные формы употребляются в таких условиях, где они не могут иметь релятивного смысла.

В отдельных романских языках до сих пор нет четкого противопоставления форм по признакам актуальности/неактуальности, относительности/абсолютности, как например, в румынском. В некоторых случаях полная система времен представлена не во всех функциональных и региональных вариантах языка. Так, разговорный французский устранил все «неактуальные» времена. В латиноамериканском варианте испанского стирается противопоставление форм по актуальности/неактуальности и по ретроспективности/неретроспективности (хотя сами формы, выражавшие это противопоставление, не исчезают, существуя в языке как свободные

варианты). Ср. чередование простого перфекта и плюсквамперфекта в условиях, предполагающих ретроспективный взгляд на действие, у Г. Гарсия Маркеса в его известном романе «Сто лет одиночества»: "Nunca se averiguó quien escribió la carta" – «так и не выяснилось, кто написал письмо» и "Le preguntó que había pasado con el proyecto que le expuso dias antes" – «Она спросила у него, что случилось с планом, который она ему изложила несколько дней назад». Или, у того же автора: "Ursula irrumpió trastornada en el taller: – Estalló la guerra! " – «Урсула вбежала расстроенная в мастерскую: – Началась война!», где прошедшее историческое и прошедшее актуальное выражены одной формой простого перфекта.

Формы будущего времени

В отличие от латинских форм настоящего и прошедшего, все простые и аналитические варианты латинского будущего в романских языках исчезли, за единичными исключениями.

1. Форма простого будущего, образованная от основы презенса с помощью суффикса -b у глаголов I и II спряжений и суффикса -a/e у глаголов III и IV спряжений не имела продолжения в романских языках. Только futurum от глагола esse, имевший индивидуальную парадигму (ero, eris, erit etc.) встречался в ранних ст. фр. и ст. пров. текстах: 1. er, 2. ers, 3. er, ert, iert. Исчезновение латинского простого футурума объясняется разными причинами: а) совпадением по звучанию с перфектом форм с суффиксом -b: perf. cantavit – fut. cantabit; б) совпадением форм 1-го л. ед. ч. с конъюнктивом у III и IV спряжений: vendam, audiam; в) конкуренцией формы praesens indicativi, часто применяемой для обозначения будущих событий; г) конкуренцией модальных перифраз с глаголами habeo, volo, debeo, venio + infinitivum, прямо выражающих значения необходимости, желания, возможности, готовности, всегда сопровождающие идею будущего в различных контекстах.

Исчезновение формы будущего времени из системы произошло в некоторых юж. ит. диалектах, где в функции будущего употребляется форма презенса.

Латинские модальные перифразы распределились следующим образом:

а) venio ad cantare лежит в основе формы будущего в сурсельвском диалекте ретороманского языка: jeu vegnel a cantar, ti vegns a cantar, el vegn a cantar etc.

б) debeo cantare встречается в сардинском: depro cantare, наряду с appo cantare;

в) volo cantare лежит в основе формы будущего в румынском (и других балкано-романских языках): *voleo cantare > voi cînta, velis cantare > vei cînta, *volet cantare > va cînta etc.;

г) habeo cantare > *сард.* appo cantare, habeo ad cantare > *юж. ит.* aggio a canda; habeo de cantare > *порт.* hei-de cantar, *исп.* he de cantar;

д) cantare habeo > *ит.* canterò, canterai, canterà...,
фр. je chanterai, tu chanteras, il chantera,
исп. cantaré, cantarás, cantará...,
кат. cantaré, cantarás, cantará... ,
порт. cantarei, cantarás, cantará...

(наряду с так называемым «будущим намерения» – *порт.* hei-de cantar, has-de cantar, ha-de cantar, *исп.* he de cantar, has de cantar, ha de cantar).

В португальском языке форма будущего cantarei, cantaras etc. еще не полностью утратила свой аналитический характер, так как между окончанием (бывшим глаголом habere в презенсе) и основой (бывшим инфинитивом) может помещаться неавтономное объектное местоимение, напр., dar-te-ei o livro amanhã – «я дам тебе книгу завтра». То же замыкание местоименных частиц между элементами формы будущего существовало в ст. испанском: doblar vos he la soldada (Cid, 80) – «я вам удвою жалование».

Подобно всем прочим простым или упростившимся романским формам, романское будущее имеет свою результативно-ретроспективную форму: ср. *ит.* canterò – avrò cantato, *исп.* cantaré – habré cantado etc.

2. Латинская форма futurum exactum, совпадавшая во всех лицах, кроме 1-го, с perfectum coniunctivi исчезла везде, кроме португальского и испанского, где она получила название futuro do conjuntivo (de subjuntivo):

лат. cantavero	*порт.* cantar	*исп.* cantare
лат. cantaveris	*порт.* cantares	*исп.* cantares
лат. cantaverit	*порт.* cantar	*исп.* cantare и т. д.

В португальском эта форма, употребительная во всех стилях, закреплена за определенным грамматическим окружением, в частности, за условным периодом после союза se 'если', относящимся к будущему – контекст, свойственный futurum exactum также и в раннем латинском языке, ср. *лат.* sciam, si dixeris (Pl. Pseudolus, 657), *порт.* saberei (hei-de saber), se disseres – 'я буду знать, если ты скажешь'.

В современном испанском форма futuro de subjuntivo, исключенная из системы общего литературного языка, сохраняет еще свои позиции в стиле юридических документов и в устойчивых сочетаниях, например: sea lo que fuere 'будь, что будет'.

3. Латинские перифрастические формы будущего (имевшие модальный оттенок необходимости) – т.е. coniugatio perifrastica activa: cantaturus sum, cantaturus eram; coniugatio perifrastica passiva: mihi cantandum est (erat, fuit) в романских языках не оставили никаких следов.

При этом пассивная конструкция заменилась активной, с субъектом действия в именительном падеже: mihi liber legendus est – (ego) librum legere habeo, в результате чего увеличилась частотность конструкции infinitivus + habeo среди прочих перифраз с футуральным значением.

Таким образом, одним из факторов, способствовавших распространению романских форм типа habeo (teneo, sum) + p.p. и inf. + habeo была тенденция к номинативному построению предложения, ср.:

лат.	*ит.* и др. ром. языки
1. mihi liber est/habeo librum	ho un libro
2. mihi rumor auditus est/rumorem auditum habeo	ho udito un rumore
3. mihi est faciendum/facere habeo	fare ho > farò

4. Будущее в прошедшем передавалось в латинском языке аналитической формой cantaturus erat. В поздней народной латыни эта форма вытесняется перифразой inf. + habebat (или habuit), которая лежит в основе романской формы будущего в прошедшем: cantare + habebat > canta + (hab)ea > *cantarea > *исп., ит., исп., порт., кат.* cantaría, *фр.* chanterait, *прав.* cantarie; cantare + habuit > *ит.* canterebbe. Романская форма будущего в прошедшем имеет, так же как и форма будущего, свою сложную ретроспективную пару: напр., *исп.* cantaría — habría cantado, *ит.* canterebbe — avrebbe cantato. В современном итальянском, в отличие от всех прочих романских языков, значение «будущего в прошедшем» закрепилось за сложной формой, утратившей свой ретроспективный смысл, ср.: *исп.* dijo que cantaría — *ит.* disse che avrebbe cantato "он сказал, что будет петь".

В румынской системе времен, не имеющей четкого противопоставления по признакам актуальности/неактуальности (абсолютности/относительности), форма «будущего в прошедшем» вообще отсутствует.

В большинстве романских языков форма будущего в прошедшем, как простая, так и сложная, имеет не только временное, но и модальное значение «потенциальности» и «ирреальности», обозначая действия, реализация которых зависит от допущения или условия.

§ 100. Ирреальные наклонения в латинском и в романских языках. В отличие от индикатива, указывающего на осведомленность говорящего о временных границах объективного действия, ирреальные наклонения предназначены для обозначения действий, существующих в представлении (мнении, желании) говорящего.

В латинском языке есть два ирреальных наклонения: императив и конъюнктив, в романских языках — три: императив, конъюнктив и кондиционал.

Кондиционал (условное наклонение)

В классической латыни в обеих частях гипотетического условного периода, т.е. в придаточном предложении (протасисе) и в главном (аподосисе) употреблялись времена конъюнктива: презенс (cantem) и перфект (cantaverim) при оценке событий как потенциальных, возможных в будущем; имперфект (cantarem) и плюсквамперфект (cantavissem) при оценке событий как ирреальных. В народной латыни на месте конъюнктива в главном (или независимом) предложении, обозначающем гипотетическое событие, начинает употребляться перифраза inf. + habebat, параллельная перифразе inf. + habet, обозначавшей «неминуемое» будущее. Один из первых примеров перифразы inf. + habebat на месте конъюнктива имперфекта обнаружен в проповедях Августина (начало V в. н. э.): Sanare te habebat Deus per indulgentiam si fatereris (Aug. Serm. 259,4) — «Исцелил бы тебя бог по своей милости, если бы ты покаялся». Sanare habebat является формальным и функциональным прототипом романского кондиционала: sanar(e hab)e (b)a(t) > *sanarea > *исп., порт., кат.* sanaría. Поскольку конкурентом лат. формы canta(vi)sset в аподосисе ирреального условного периода был также plusquamperfectum indicativi — canta(ve)rat, все три формы — cantasset, can-

tatat, cantat(hab)e(b)at были в народной латыни свободными вариантами выражения потенциально-ирреального смысла в главном предложении. В дальнейшем они распределились следующим образом:

1. Специальная форма кондиционала, отличная от конъюнктива, не существовала в латыни и до сих пор отсутствует в ретороманском языке, где в аподосисе условного периода употребляется конъюнктив.

2. В ст. французском основной формой для выражения потенциальности/ирреальности действия в независимом и главном предложении также был не кондиционал, а конъюнктив, ср. *ст. фр.* Quidas li guanz me caïst en la place (Rol. 764), *совр.фр.* tu croyais peut-être que je laisserais tomber le gant «ты может быть думал, что перчатка у меня упадет», где quidas восходит к *лат.* plusquamperfectum coniunctivi cogitasses; или в ирреальном условном периоде: *ст. фр.* Se il fust vifs, jo l'ousse amenet (Rol. 691), где еще возможна форма плюсквамперфекта конъюнктива в современном языке как стилистический архаизм: s'il eût été vivant, je vous l'eusse amené (перевод L. Gautier) – «если бы он был жив, я бы вам его привел». У французских грамматистов это употребление plus-que parfait du subjonctif получило название «conditionnel passé deuxième forme».

3. Кондиционал, восходящий к cantare habebat имеет самое широкое распространение: сев. и юж. ит. диалекты, испанский, португальский, каталанский, французский, провансальский.

4. Кондиционал, восходящий к cantare habuit, существует только в Тоскане и литературном итальянском языке.

5. Кондиционал, восходящий к canta(ve)rat был распространен в ст. провансальском, в ст. юж. ит. диалектах и до сих пор сохраняется в испанском, как дублетная форма кондиционала, восходящего к cantare habebat.

6. В румынском и молдавском языках кондиционал образован с помощью служебного глагола неясного происхождения (habuissem? voluerам?) и инфинитива: habuissem? + cantare > aş cînta; voluerat cantare > ar cînta.

7. В сардинском кондиционал образован с помощью имперфекта индикатива глагола debere и инфинитива: debebat cantare, *capd.* dla cantare.

Сводная таблица форм кондиционала трех современных романских языков:

лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*
1. canta(vi)sset	–	–	–
*habuisset cantatum		–	eût chanté
2. canta(ve)rat		cantara	–
*habuerat cantatum		hubiera cantado	–
3. cantare habebat	–	cantaría	chanterait
–		habría cantado	aurait chanté
4. cantare habuit	canterebbe	–	–
–	avrebbe cantato	–	–

Императив

Латинский императив I, включающий две формы – 2-е л. ед. ч. и 2-е л. мн. ч. – отличался от соответствующих форм презенса индикатива по типу флексии. Это различие сохраняется в иберо-романских языках, но сводится к минимуму в итальянском и в галло-романских языках, ср.:

	лат.		*исп.*		*ит.*	
	импер.	индик.	импер.	индик.	импер.	индик.
2-е л. ед. числа	I amā	amas	amá	amas	ama	ami
	II tene	tenes	ten	tienes	tieni	tieni
	III crede	credis	cree	crees	credi	credi
	IV veni	venis	ven	vienes	vieni	vieni
2-е л. мн. числа	I					
	II -te	tis	-d	is	-te	-te
	III					
	IV					

Латинский императив II с окончаниями -to, -tote не оставил следов в романских языках.

Конъюнктив

Латинский конъюнктив противостоял индикативу как форма, обозначающая зависимость действия от воли или допущения говорящего. В соответствии с этим в латинской грамматике различаются два основных смысловых типа: conjunctivus optativus и conjunctivus potentialis, которые в других языках (в том числе и в романских) могут иметь разные наклонения для своего выражения – сослагательное и условное (кондиционал).

Латинские формы конъюнктива и их романские продолжения, на примере 3-го л. ед. ч. глагола cantare (в скобках даны формы, резко изменившие свои функции в романских языках):

лат.	*ит.*	*исп.*	*порт.*	*фр.*
praes. cantet	canti	cante	cante	chante
perf. cantaverit	–	cantare	cantar	
imperf. cantaret	–		(cantar)	–
plus-quamp. cantasset	(cantasse)	(cantase)	(cantasse)	(chantât)

	рум.	сард.
praes. (?)		cantes
perf.		
imperf.		cantaret
plus.		
quamp. (cantavi)		–

Романские системы форм конъюнктива, на примере 3-го л. ед. ч. глагола cantare:

	ит.	исп.	порт.	кат.
praes.	canti	cante	cante	canti
perf.	abbia cantato	haya cantado	tenha cantado	hagi cantat
imperf.	cantasse	cantase cantara	cantasse	cantés
plusquamp.	avesse cantato	hubiese cantado hubiera cantado	tivesse cantado	hagués cantat
futur. I		cantare	cantar	
futur II	–	hubiere cantado	tiver cantado	–

	прок.	фр.	рум.
praes.	cante	qu'il chante	să cînte
perf.	aguè cantá	qu'il ait chanté	să fi cîntat
imperf.	cantesse	(qu'il chantât)	
plusquamp.	aguesse cantá	(qu'il eût chanté)	–
futur I	–		–
futur II	–	–	–

Примечания к таблицам:

1. Латинский praesens conjunctivi сохранился во всех романских языках без изменения отношений означающего к означаемому (отвлекаясь от сужения области употребления конъюнктива в романских языках).

2. Латинский perfectum conjuentivi и futurum exactum, совпадавшие по форме во всех лицах, кроме первого (cantaverim – cantavero), в народной латыни совместили свои функции и слились в единую форму, которая сохраняется до сих пор в португальском и как книжный архаизм в испанском. В ст. испанском эта форма принадлежала, очевидно, всем стилям речи, употреблялась, как и в совр. португальском, после союза si 'если', после союза cuando 'когда', в относительных придаточных с обобщенным (референтным) антецедентом, см., напр., "Si vos ploguiere, mio Cid, de ir somos guisados" (Cid, 1060) – «если вам будет угодно, мой Господин, мы охотно уйдем». Во всех прочих романских языках эта форма не оставила следов.

3. Латинский imperfectum coniunctivi сохранил свою форму и функции только в сардинском языке.

4. Латинский imperfectum coniunctivi, скрестившись с инфинитивом, образовал в португальском языке и в некоторых юж. ит. диалектах (напр., в неаполитанском) гибридную форму «личного инфинитива» (infinito pessoal). От инфинитива эта форма сохраняет способность сочетаться с артиклем, сочетаться бессоюзно с модальными глаголами (verba dicendi, putandi, sentiendi), образовывать с предлогами обстоятельственные обороты, ср.:

порт. Calou-se por não o acreditarem.

исп. Se calló porque no le creían.

«Он замолчал, потому что ему не верили».

порт. Digo-to para o saberes.

исп. Te lo digo para que lo sepas.

«Я тебе это говорю, чтобы ты это знал».

От латинского имперфекта конъюнктива infinito pessoal заимствовал только свое означающее. (Об условиях скрещивания обеих форм см. ниже).

5. Латинский plusquamperfectum coniunctivi во всех романских языках изменил свое означаемое. В румынском языке эта форма, как уже было сказано, перешла в систему времен индикатива. Во всех остальных романских языках (кроме сардинского, где эта форма исчезла) латинский plusquamperfectum conjunctivi лежит в основе формы имперфекта конъюнктива, у которой существует своя ретроспективная пара — аналитический плюсквамперфект конъюнктива: например, *ит.* cantasse – avesse cantato, *исп.* cantase – hubiese cantado, *порт.* cantasse – tivesse cantado и т. п. Случаи употребления латинской формы plusquamperfectum coniunctivi canta(v)isset в функции imperfectum coniunctivi (при обозначении ирреального действия в настоящем) встречались уже в классической латыни. Примером может служить известная фраза Веспасиана, обращенная к надушенному молодому воину: maluissem alium ololisses (Suet. Vesp. 8,4, Ernout, 244) «я предпочел бы, чтобы от тебя пахло чесноком». Смещение временной отнесенности формы canta(v)isset произошло одновременно с вытеснением формы имперфекта конъюнктива cantaret, которая, в результате фонетических изменений (отпадение конечных -m, -t, совпадение i = e, исчезновение слога -ve- в формах, образованных от основы perfecti) совпала по звучанию с инфинитивом в 1-м и 3-м лицах, а также с perfectum conjunctivi и с futurum exactum (только у глаголов со стандартными основами перфекта).

6. Романские системы форм конъюнктива неоднородны. Повторение латинской четырехчленной парадигмы, но на базе других означающих мы видим в итальянском, провансальском и сардинском. В каталанском имперфект и плюсквамперфект конъюнктива имеют два варианта (cantés = vagi cantar, hagués cantat = vagi haver cantat).

В испанском эти времена конъюнктива также имеют два варианта, восходящие к плюсквамперфекту конъюнктива (cantase) и к плюсквамперфекту индикатива (cantara). В португальском система осложнена специальной формой «будущего конъюнктива». Во французском разговорном языке существует только две формы — презенс и перфект, тогда как полная

система из четырех форм сохраняется только в письменном варианте литературного языка. Кроме того, форма конъюнктива во французском как бы срастается с показателем синтаксической зависимости — союзом que. Наконец, в румынском языке, как и в разговорном французском, есть только две формы — презенс и перфект (причем только первая из них изменяется по лицам). Сходство румынского и молдавского конъюнктива с французским проявляется также в морфологизованной связи форм конъюнктива с союзом să 'чтобы', возникшей из-за морфологической невыраженности различия между индикативом и конъюнктивом во всех лицах, кроме третьего. Ср.:

pres. indic.	*pres. conj.*
1. cînt	să cînt
2. cînți	să cînți
3. cîntă	să cînte

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНЪЮНКТИВА В НЕЗАВИСИМЫХ (ГЛАВНЫХ) И В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Как в латыни, так и в романских языках, конъюнктив отчетливо противопоставлен индикативу по смыслу только в независимых предложениях.

Семантические типы латинского конъюнктива в независимых (или главных) предложениях и их переводные эквиваленты в романских языках:

1. побуждение (с. imperativus)	2. пожелание (с. optativus)	3. предположение (с. potentialis)
лат. ne requiras	utinam viveret!	quis dubitet? quis dubitare potest?
ит. non cercare	magari vivesse!	chi potrebbe dubitare?
исп. no busques	ojalá viviese! (viviera)	quién podría (pudiera) dudar?
фр. ne cherchez pas	s'il vivait!	qui pouvait (pourrait) douter?
рум. nu căuta 'не ищи!'	dacă ar fi trăit! 'ах, если бы он был жив!'	cine ar putea îndoi? 'кто бы мог сомневаться?'

4. допущение (с. concessivus)	5. гипотеза (с. suppositivus)
лат. sit sane id malum	(roges me) ... nihil respondeam
ит. ammettiamo pure che questo sia un male	(supponiamo che mi domandi) ... non risponderei niente
исп. admitamos que sea un mal	(supongamos que me preguntes) ... no responderia nada
фр. admettons que ce soit un mal	(supposons que tu me demandes) ... je ne répondrais rien
рум. să presupunem că este un rău	(să presupunem că m-ai întreba ...) n-aș răspunde nimic
'допустим, что это зло', 'пусть это – зло'	('предположим, что ты бы меня спросил' ...), 'я бы ничего не ответил'

Примечания к таблице:

1. Coniunctivus imperativus сохраняется во всех романских языках как позиционный вариант собственно императива, обращенного к 3-му лицу: *it.* che entri! , *фр.* qu'il entre! , *исп.* que entre! 'пусть он войдет'. Кроме того, без союза che(que) эта форма в итальянском, испанском и португальском является императивом вежливого обращения ко 2-му лицу. В иберороманских языках отрицательный императив во всех лицах также заимствует свою форму у конъюнктива, как и в латинском языке.

2. Coniunctivus optativus (*русск.* 'пусть' или 'ах, если бы') сохраняется без лексических ограничений в итальянском, испанском, португальском языках только в сопровождении модальных слов magari, ojalá, oxalá. Без модального слова этот тип представлен во всех языках только в составе застывших формул пожелания, например, *фр.* Dieu le veuille!, *порт.* Deus queira!, *исп.* ¡Dios quiera! – 'дай бог', или *фр.* ainsi soit-il! – 'да будет так', или *фр.* vive la patrie! , *it.* evviva la patria! 'да здравствует родина' и т. п.

3. Coniunctivus potentialis заменился сочетанием модального глагола posse (*л. лат.* potere) + *infinitivus* или новым романским наклонением – кондиционалом.

4. Coniunctivus concessivus в романских языках обычно не встречается в независимом (главном) предложении. Следы этого типа сохраняются лишь в застывших клише, как например, *фр.* passe pour cette fois – 'на этот раз ладно, пусть уж', или *исп.* sea lo que fuera, *фр.* advienne que pourra – 'будь что будет', или *фр.* soit deux triangles... – 'пусть имеются два треугольника...'.

5. Coniunctivus suppositivus, обозначающий гипотетическое действие, зависящее от допускаемого (не реального) условия, во всех современных романских языках, кроме ретороманского, заменился формой кондиционала.

Таким образом, конъюнктив в независимых предложениях для романских языков – это реликт, напоминающий об их общем праязыке.

КОНЪЮНКТИВ В ЗАВИСИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Синтаксически выраженная подчинительная связь предложений (гипотаксис) возникла из более древнего и простого способа соединения предложений – соположения (паратаксиса), где сочинение и подчинение формально не различаются. Так, латинское предложение cave cadas сначала содержало две мысли «Остерегайся! Не упал бы ты!» (см. A. Ernout, 201). Однако, поскольку конъюнктив второго предложения семантически подчинен (согласован) с лексическим значением глагола первого предложения, которое, в свою очередь не закончено по смыслу без второго, между ними возникают отношения сильного взаимного притяжения. Поэтому конъюнктив, т.е. форма выражения ирреальности действия, приобретает чисто синтаксическую функцию показателя зависимости, подобно предлогу или союзу. Постепенно именно эта служебная, строевая роль становится для латинского конъюнктива преобладающей. Конъюнктив проникает в придаточные предложения времени, причины (cum historicum; cum causale), в уступительные предложения, в предложения следствия, в косвенный во-

que viene – creo que venga; *ит.* credo che viene – credo che venga – «я думаю (уверен), что он придет» – «я думаю (предполагаю), что он придет». Из этих примеров видно, что не только смысл модального глагола «управляет» выбором наклонения, но и сама форма наклонения служит для дифференциации значения глагола.

Общероманская тенденция к сокращению области употребления зависимого конъюнктива проявилась по-разному в разных романских языках. В итальянском, в испанском, в португальском конъюнктив сохраняется во временных предложениях с союзом quando (cuando), действие которых мыслится в будущем, после союза come (como) «как, насколько», в предложениях, передающих чужую речь (когда ее соответствие действительности не утверждается). Во французском и румынском в этих условиях распространился индикатив.

7. В балкано-романском ареале, на крайнем юге Италии и в сев.-вост. Сицилии под влиянием греческого адстрата инфинитив исчез почти полностью как форма подчинения и конденсации диктума. На его месте употребляются дополнительные придаточные с конъюнктивом (в румынском) или с индикативом (в юж. ит. диалектах, см. G. Rohlfs III, 103).

Ср.: *ит.* voglio mangiare 'я хочу есть'
юж. ит. vogghiu mu mangiu (mu <*лат.* modo)
рум. vreau să plec, букв. 'я хочу, чтобы я уехал'

В румынском языке инфинитив уступает место конъюнктиву даже в грамматизованных оборотах каузативного, модального и видового (фазового) значения: *рум.* ma faci sa sufar, *ит.* mi fai soffrire, *исп.* me haces sufrir 'ты меня заставляешь страдать': *рум.* ştiu sa cînt, *ит.* io so cantare, *исп.* yo sé cantar 'я умею петь': *рум.* stau sa plîng, *порт.* estou a chorar; *исп.* estoy llorando. *ит.* sto piangendo 'я нахожусь в состоянии плача в данный момент'.

В подобных контекстах конъюнктив утрачивает свое модальное значение, превращаясь в форму чистого подчинения.

Вытеснение инфинитива дополнительным придаточным – грамматический «балканизм», общий для греческого, албанского, болгарского, румынского.

8. В латинском языке дополнительные придаточные (синонимичные обороту accusativus cum infinitivo) после глаголов воли, боязни и приказа вводились союзом ut(ne) + V conj., а после глаголов мысли, речи, оценки, психических реакций – союзом quod (quia, quid) + V conj. (Vindic.). В народной латыни союз quod (quia) заменил союз ut (ne) во всех его употреблениях. Унификация союза при дополнительных придаточных не имела места на крайнем юге Италии и в балкано-романских языках, где выбор союза зависит от наклонения: при сказуемом в индикативе – союз ca 'что' < *лат.* quia 'что', 'так как', при сказуемом в конъюнктиве – союз sa 'чтобы' < *лат.* si 'если'.

Несмотря на широкое распространение в народной латыни союзов quod и quia, они сохранились лишь на окраинах Романии: quod > *юж. ит.* cu; quia > *рум.* ca, *юж. ит.* ca. В центре и на севере Италии, в галло-романских и иберо-романских областях в роли союза «что» закрепилось вопросительное местоимение quid 'что' > *ит.* che, *исп., порт.* que, *фр.* que. Источником

распространения quid в дополнительных предложениях был кл. лат. образец scio quid agas 'я знаю, что ты делаешь'.

§ 101. Неличные формы глагола. Латинские формы и их романские эквиваленты (во всех ареалах, кроме балкано-романского, существует сходная система неличных форм, представленная на таблице итальянским образцом):

Инфинитивы	*лат.*	*ит.*	*рум*
praes. act.	cantare	cantare	a cînta
praes. pass.	cantari	essere cantato	a fi cîntat
perf. act.	cantavisse	avere cantato	–
perf. pass.	cantatum esse	essere stato cantato	–
fut. act.	cantaturum esse	–	–
fut. pass.	cantatum iri	–	–
Причастия			
praes. act.	cantans	(cantante)	
perf. pass.	cantatus	cantato	cîntat
fut. act.	cantaturus	–	–
fut. pass.	cantandus	–	–
Супин			
supinum I	cantatum	–	(de) cîntat
supinum II	cantatu	–	–
Герундий (N. infinitivus):			
Gen.	cantandi	di	de
Dat.	cantando	per } cantare	cîntat
Acc.	(ad)cantandum	a	de
Abl.	(ab, de, ex, in) cantando	da	din cîntînd
		cantando	
		avendo cantato	

Примечания к таблице:

1. Все латинские формы инфинитива, кроме infinitivus praesentis activi, в романских языках исчезли. Романские залоговые и ретроспективные формы инфинитива были созданы заново.

2. Причастие прошедшего времени сохранилось во всех романских языках как в составе сложных форм глагола, так и в роли зависимого предиката в причастных оборотах: ср.: Testamento facto, mulier moritur (Cic. Caecin., 17, Соболевский, 331) – *ит.* Fatto il testamento, la donna muore, *исп.* Hecho el testamento, la mujer muere, *фр.* Le testament fait, la femme meure – «Составив завещание, эта женщина умирает».

3. Причастие настоящего времени в позиции простого определения превратилось в прилагательное или субстантивировалось, например, *лат.* pensare 'взвешивать' – pensans, pensante(m) > *ит.* pesante, *фр.* pesant 'тяжелый', *лат.* dolere 'болеть' – dolens, dolente(m) > *кат.* dolent 'плохой', *лат.* calere 'быть горячим' – calens, calente(m) > *исп.* caliente, *порт.* quente 'горячий' и т. п. В функции зависимого предиката, соответствующего обстоя-

тельственному предложению, participium praesentis заменился в народной латыни аблативом герундия: ср. у Григория Турского: mulieres simulter et viri plangendo (= plangentes) prosequebantur. О проникновении герундия в позицию определения, на место исчезнувшего participium praesentis, свидетельствуют отдельные редкие сочетания в романских языках, типа рум preţurile crescînde 'растущие цены', или *ит.* un vecchio venerando 'достойный почтения старец'.

4. Супин (совпавший по форме с participium perfecti) сохранился только в балкано-романских языках, где он взял на себя также функции герундия (в сочетаниях с предлогами).

5. Герундий как отглагольное существительное исчез. Только его аблативная форма, имевшая в латыни значение «средства, способа действия», превратилась в романское деепричастие (получившее во всех романских языках, кроме румынского, свою ретроспективную пару: *ит.* cantando : avendo cantato).

6. Из латинских «полупредикативных» оборотов с неличными формами в романских языках сохранились:

а) Ablativus absolutus с причастием прошедшего времени (в книжном стиле), *ит.* и другие романские языки, кроме балкано-романских: fatto il testamento la donna morì;

б) Accusativus cum infinitivo при глаголах восприятия, *ит.* и другие романские языки, кроме балкано-романских: lo vedo venire;

в) деепричастные обороты с бывшим аблативом герундия в обстоятельственных значениях, *ит.* и другие романские языки: entra cercando;

г) деепричастный оборот с аккузативом при глаголах восприятия в румынском языке: îl auzî pe Mihai gemînd în somn — «он услышал, как Михай стонет во сне», где gemînd лат. герундий gemendo заменил причастие настоящего времени gementе(m) в аналогичном кл. латинском обороте Acc. + p. I при глаголах восприятия: «audio eum gementem».

О функциях оборотов с неличными формами см. § 104.

§ 102. Союзы; относительные местоимения. Основные латинские союзы и их романские эквиваленты приведены в таблице на с. 279 (в скобках даны романские формы, этимологически не соответствующие латинским):

Примечания к таблице:

1. Союзы, в отличие от предлогов, подверглись значительной перестройке.

Только четыре латинских союза продолжаются в большинстве романских языков без значительных изменений отношения означающего и означаемого: et, nec, aut, si.

Отдельные союзы сохранились на окраинах Романии — *рум.* ca, *лат.* quam; *рум.* că < *лат.* quia; *кож. ит.* cu < *лат.* quod; некоторые союзы, сохранившись, изменили значение: *лат.* sic 'так' > *рум.* şi 'и', *лат.* si 'если' > *рум.* să 'чтобы'.

2. Большинство латинских союзов исчезло, точнее, сменило означающее. Новая форма для выражения различных сочинительных и подчинитель-

ных связей возникла на фоне первоначального бессоюзия из слов и словосочетаний обстоятельственного или местоименного значения.

Общей для большинства романских языков была замена союзов quod (quĭa) 'что' и cum 'когда' на вопросительные местоимения quid 'что' > *ит.* che, *исп.* que и т. п. и quando 'когда' > *ит.* quando, *исп.* cuando и т. д. Из вопросительного слова *лат.* quare 'почему' возник сочинительный союз причины *фр.* car 'ибо'. Из вопросительного сочетания quo modo 'каким образом' возник союз *ит.* come, *исп.* como, *фр.* comme 'как'.

3. Общей для романских языков тенденцией является производство союзов из предлогов, которые сохранились гораздо лучше союзов. Отношение деривации «предлог (наречие) – союз» существовало также в латыни, ср.: ante – antequam, однако, в романских языках эта словообразовательная модель получает почти неограниченную продуктивность.

лат.		*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
«и», «а»	et, -que, ac	e	y	et	(şĭ)
«также»	etiam quoque	(anche)	(tambiéṅ)	(aussi)	(şĭ)
«и не»,	nec,	ne	ni	ni	(nici)
«ни...ни»	neque	ne...ne	ni...ni	ni...ni	(nici)... nici)
«или»	aut	o	o	ou	(ori)
«или...или»	aut...aut	o...o	o...o	ou...ou	(ori...ori)
«либо»	vel,	(oppure)		(ou bien)	
«либо...либо»	sive... sive	(sia...sia)	(sea...sea)	(soit... soit)	(fie... fie)
«но»	sed	(ma)	(mas)	(mais)	(dar)
«зато»	at	(però)	(pero)	(par contre)	(dar)
«же»	autem	(poi)	(pues)		
«однако»	tamen	(però)	(pero)	(toutefois)	
«ибо, ведь»	nam, enim	(quindi)	(pues)	(car)	(căci)
«так как»	ita, sic (ita)...ut	(così, sì come)	(así, como)	(ainsi, si comme)	(aşa cum)
«чем»	quam	(che)	(que)	(que)	ca
«чтобы»	ut (ne) quod,	(che) *кож. ит.* ca	(que)	(que)	(să)
«что»	quia quid	*кож. ит.* ca che	*ст. исп.* ca que	que	că
«лишь бы»	dum, dummodo	(purché)	(para que)	(pourvu que)	
«для того, чтобы»	ut(ne)	(perché)	(para que)	(pour que, afin que)	(ca să)
«потому что»	quod, quia quoniam	(perché)	(porque)	(parce que)	(pentru că)
«если (бы)»	si	se	si	si	(dacă)
«если не»	nisi, si non	se non	si no	sinon	(dacă nu)
«хотя»	quamquam tametsi	(benché)	(aunque)	(quoique, bien que)	(deşi)
«даже если»	etiamsi	(anche se)	(aunque)	(même si)	(chiar dacă

Продолжение таблицы

лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
«как если бы»	velut, quasi	(come se)	(como si)	(comme si)	(ca şi) cum)
«когда»	quum(cum)	(quando)	(cuando)	(quand)	(cînd)
«(до) пока»	dum, donec	(finché)	(hasta que)	(jusqu'a ce que)	(pînă ce)
«в то время как»	dum	(mentre)	(mientras que)	(pendant que)	(pe cînd)
«после того как»	postquam	(dopo che)	(despues que)	(après que)	(după ce)
«прежде чем»	antequam, priusquam	(prima che)	(antes que)	(avant que)	(înainte ce)
«как только»	cum primum	(appena)	(apenas)	(à peine)	(îndată ce)

4. Многие непроизводные союзы и союзные слова классической латыни в разговорном языке дублируются для пояснения наречием или синонимичным союзом. Так, из сочетания dum + interim (interea) «пока + между тем» возник романский союз *ст. фр.* dementiers (или endementieres que), *исп.* mientras, *ит.* mentre 'в то время как', 'пока'. Или: *лат.* quam sic quomodo > *рум.* ca şi cum 'как будто'.

5. Многие временные, причинные, уступительные союзы, созданные в средневековых канцеляриях, вышли из употребления в современных языках из-за своей крайней тяжеловесности, как, например, ст. итальянский con cio sia cosa che, означавший «потому что» или «хотя».

Относительное местоимение представляет собой подчинительный союз, слитый с местоименной анафорой. Латинское относительное местоимение qui, quae, quod, 'который, которая, которое' изменяется по родам, числам и падежам. В большинстве романских языков это местоимение сохранилось в единственной неизменяемой форме, восходящей к *лат. Acc.* quem > *ит.* che, *исп.* que, *порт.* que, *рум.* ce; во французском языке сохранились две падежные формы: *N.* qui > *фр.* qui, *Acc.* quem > que.

Кроме того, все романские языки создали новое относительное местоимение, способное изменяться по числам и родам (а в румынском и по падежам) из сочетания вопросительного местоимения qualis с артиклем, *ит.* il quale, la quale, i quali, le quali; *исп.* el cual, la cual, los cuales, las cuales; *фр.* lequel, laquelle и т. п. В балкано-романских языках эта форма в именительно-винительном падеже обоих чисел лишена артикля – qualis, qualem > *рум.* care, а в родительно-дательном восходит к сочетанию qualis + illui, illei, illorum, *рум.* cărui, cărei, căror. Везде, кроме румынского, относительное местоимение, восходящее к qualis носит отпечаток книжности.

ГЛАВА III

СИНТАКСИС

§ 103. **Простое предложение** содержит одно предикативное ядро (сказуемое), которое может существовать само по себе (в односоставных предложениях типа *лат.* pluit, *ит.* piove, *исп.* llueve, *фр.* il pleut) или соотноситься

с одним или несколькими предметными понятиями, оформленными как подлежащее, прямое дополнение, дополнение адресата, инструмента, агенса (с их возможными определениями), обстоятельство времени, места, образа действия. Все члены простого предложения связаны «снизыми» синтаксическими связями управления, согласования или фиксированного (грамматизированного) порядка слов. Синтаксическая зависимость между членами простого предложения, определяющая также их синтаксическую функцию, может быть выражена с и н т е т и ч е с к и, т.е. грамматической формой самого слова (включая и «морфолого-аналитическую», значение которой не вытекает из простой суммы составляющих ее слов, как, например, *лат.* perfectum passivi amatus est и все «сложные» формы романских глагольных систем) или а н а л и т и ч е с к и, т.е. с помощью служебных и полуслужебных слов, а также путем грамматизации порядка слов. Замена многих синтетических форм выражения синтаксической связи на аналитические, характеризующая общее направление развития от латинского языка к романским, объясняется тем, что синтетическое представление смысла всегда идиоматично и при усвоении языка иноязычным населением подвергается расчленению, т.е. анализу, устанавливающему более четкое соответствие между смысловой и формальной структурой. При этом процесс анализа протекает от более общего, грамматического значения к более частному, выраженному лексически. Отсюда изменение порядка следования элементов: если в латинском языке грамматическая морфема обычно следует за лексической, то в романских языках грамматический показатель, как правило, предшествует лексеме: ср. *лат. N.* pater, *G.* patr-is, *D.* patr-i – *ит.* (и др. ром. яз., за исключением румынского и молдавского) il padre, del padre, al padre; или *лат.* ferreus 'железный' – *ит.* (и др. ром. яз.) di ferro, или insistenter 'настойчиво' – *ит.* (и др. ром. яз.) con insistenza (хотя и insistentemente).

Простое нераспространенное предложение не претерпело в ходе эволюции от латыни к романским языкам никаких существенных изменений. В предложениях с именным сказуемым следует отметить распространение в связочном употреблении глаголов состояния и движения – stare, sedere, ire, venire; глагол stare (exstare) конкурировал с глаголами esse(re) и sedere, обозначая преимущественно временное состояние. В этой функции он закрепился в испанском и других иберо-романских языках (*исп.* estar enfermo 'быть больным в данный момент, в отличие от ser inválido); во французском *лат.* stare > *ст. фр.* ester и *н. лат.* essere > *ст. фр.* estre смешались в одном глаголе être.

Отношения между двумя и более предметными понятиями могут быть локальными и объектными. Предлоги, выражающие наиболее общие локальные отношения, в большинстве романских языков являются прямым продолжением соответствующих латинских предлогов, см. § 93.

1. В области выражения пространственных отношений отмечаются два важных сдвига:

а) Исчезновение формального различия между аккузативом и аблативом в народной латыни привело к нейтрализации противопоставления между «местом пребывания» и «местом назначения» в системах большинства романских языков. Так, предлоги in, a(d), su в итальянском и соответству-

ющие им предлоги во французском и румынском употребляются и с глаголами движения и с глаголами пребывания; выбор одного из этих трех предлогов не зависит от типа глагола и определяется семантикой существительного. В испанском и португальском языках противопоставление между «местом пребывания» и «местом назначения» сохраняется благодаря употреблению разных предлогов (en — с глаголами пребывания и a — с глаголами движения):

ит.	*фр.*	*исп.*
'он на крыше'	è sul tetto	il est sur le toit	está en el tejado
'он в кафе'	è al caffè	il est au café	está en el café
'он в кухне'	è nella cucina	il est dans la cuisine	está en la cocina
'он поднимается на крышу'	«de sul tetto	il monte sur le toit	sube al tejado
'он идет в кафе'	va al caffè	il va au café	va al café
'он идет на кухню'	va nella cucina	il va dans la cuisine	va a la cocina

При обозначении «места отправления» во всех романских языках, кроме румынского, снимается противопоставление de, ex, ab 'с', 'из', 'от'. Нейтральный и многозначный предлог de вытесняет в нар. латыни своих более конкретных конкурентов — ab и ex. В итальянском предлог di <de был замещен в этой функции новообразованием de + ab > *ит.* dal; в испанском, наряду с de, употребляется и его подчеркнутый вариант: desde < de + ex + de. В румынском старое латинское противопоставление было воссоздано на базе новых означающих: de pe 'с', dinre, din 'из', de la 'от'.

2. В области предлогов, обозначающих логические отношения, возникает полная или частичная омонимия форм, обозначающих причину и цель. Источником омонимии явилась свободная взаимозамена в нар. латыни трех многозначных латинских предлогов — pro, prae, per — каждый из которых еще в кл. латыни мог употребляться в значении «ради». Отсюда — скрещение pro и per > *исп.* por, *фр.* pour (хотя в некоторых контекстах «цель» передается в испанском новообразованием: por + ad > *ст. исп.* pora, *исп.* para, а во французском отношение «причины» обозначается чаще предлогом par <*лат.* per). В итальянском языке предлог per, как и румынский pentru < per + intro, обозначает оба отношения. Специального «уступительного» предлога в латинском языке не было в связи с широким употреблением оборота Ablativus absolutus в этой функции (напр., neglectus admonitionibus eius 'несмотря на его упреки'). Все романские языки, утратившие абсолютный аблатив, создали свой уступительный предлог из романского материала: *ит.* malgrado, *фр.* malgré, *исп.* a pesar de, *рум.* împotriva.

3. Большая часть объектных отношений выражалась в латыни беспредложными падежными формами: объект — аккузативом: video puerum 'вижу мальчика'; адресат — дативом: scribere alicui 'писать кому-либо' (хотя уже у Плавта здесь встречается и предлог ad + *Acc.*); инструмент или средство — аблативом: gladiis pugnatum est (Caes. B. G. 1, 52, 4) — 'сражались мечами' (наряду с предложными конструкциями, напр., consuluisti me per litteras (Cic. Ph. 7, 10?) — 'ты мне давал советы письменно'.

Дополнение агента действия при пассиве вводилось предлогом a(b), который в нар. латыни мог совпадать по звучанию с предлогом a (d), создавая опасную омонимию. Предлог a (b) исчез, замещаясь в разных своих употреблениях различными предлогами. При дополнении агента вместо ab стал использоваться «инструментальный» предлог per > *фр.* par, *ст. ит.* per, *исп.* por, или сложный предлог de + ab > ст. ит. dab > *ит.* da или просто предлог de > *рум.* de.

В позиции определения латинский генитив обозначал «обладателя»: domus patris 'дом отца', а также абстрактный объект обладания (качество) «: vir magni ingenii – 'человек большого ума'; в сходной квалификативной функции встречается и беспредложный аблатив, ср. пример из Теренция, приведенный у А. Эрну (с. 89): illam virginem... aduncо naso – 'эту девицу с крючковатым носом'. Современные романские языки распространили предлог de в сферах употребления генитива, тогда как на месте аблатива качества в итальянском и французском закрепились другие предлоги – *ит.* da и *фр.* à, вводящие определение лица по какому-либо характерному физическому признаку, ср.:

лат. vir magni ingenii – illa virgo aduncо naso

ит. un uomo di grande ingegno – la ragazza dal naso curvo

фр. un homme de grand talent – la fille au nez crochu.

В области выражения объектных отношений можно отметить следующие соответствия (в таблице «N» обозначает имя в нейтральной форме, восходящей к латинским формам аккузатива или – реже – номинатива):

Синтаксическая функция	*лат.*	*ит.*	*фр.*	*исп.*	*рум.*
1. Подлежащее	Nom.	N	N	N	N
2. Прямое дополн.					
а) одушевленное	Acc.	N	N	a+N	pe+N
б) неодушевленное	Acc.	N	N	N	N
3. Косв. дополн.					
а) адресат (кому)	Dat.	a+N	à+N	a+N	Gen.=Dat
б) предмет мысли и речи (о ком, о чем)	de+Abl.	di+N	de+N	de+N	la+N despre+N
4. Дополнение агента (кем)	Abl. ab+Abl.	da+N	par+N de+N	por+N	de+N
5. Дополнение инструмента (чем)	cum+Abl. Abl.	con+N	avec+N	con+N	cu+N
6. Приименное дополн. (чей, какой)	Gen., Abl. de+Abl.	di+N da+N	de+N à+N	de+N	Gen.=Dat. de+N

Примечания к таблице:

а) В испанском (отчасти португальском) и румынском (молдавском) одушевленный и обычно определенный прямой объект обозначается существительным с предлогом;

б) В балкано-романских языках отношение к одушевленному адресату и отношение принадлежности (главным образом к одушевленному

обладателю) передаются падежной генитивно-дативной формой артикулированного имени.

Порядок слов в романских языках (наряду с грамматическим или смысловым согласованием подлежащего со сказуемым) служит единственным средством, позволяющим отличить подлежащее от прямого дополнения.

§ 104. Сложное (и усложненное) предложение содержит два (или более) предикативных ядра, между которыми устанавливаются различные сочинительные и подчинительные связи. «Сочинение» и «подчинение» — грамматические понятия, не заложенные сами по себе в связанных по смыслу предложениях. Бессоюзное соположение или соединение с помощью союза «и» незамкнутых перечислительных цепочек, называемое паратаксисом, характерно для разговорного языка и для ранних этапов развития письменного языка. Наиболее употребительным соединительным союзом был в поздней народной латыни союз et, вытеснивший остальные свои синонимы и сохранившийся во всех ареалах кроме балкано-романского, где бытовало сочетание et sic 'и так', сокращенное до sic *рум., молд.* şi. Подчинительная связь, называемая также гипотаксисом, возникшая позже соположения и сочинения, образует сложную систему устойчивых моделей только в развитом литературном языке. Разговорный язык ограничивается наиболее общими знаками зависимости. В поздней разговорной латыни такими показателями чистого подчинения были союзы quod, quia, местоимения quid и qui(quem), вводящие изъяснительные, следственные, относительные придаточные. Союзы quod и quia были замещены почти на всей территории Романии вопросительным quid > *ит.* che, *исп.* que, *фр.* que, *рум.* ce 'что'. Многие подчинительные и сочинительные союзы классической латыни, вышедшие из употребления в разговорном языке народов Романии, были воссозданы заново по мере развития письменных романских языков (см. табл. § 102). Помимо подчинительных союзов (наряду с ними или без них) подчиненность предиката выражалась формой конъюнктива, ср. *лат.* cave cadas 'смотри не упади'; volo etiam exquiras (Cic., Ar, 8, 12,6) — 'я хочу также, чтобы ты искал', *ит.* credo sia cosa interessante — 'я думаю, это интересно'. Наконец, наиболее «синтетическим» и компактным средством подчинения являются обороты с неличными формами глагола, широко употреблявшиеся в классической латыни: абсолютные обороты Accusativus cum infinitivo и Ablativus absolutus (имевшие собственный субъект, грамматически не управляемый глаголом главного предложения), а также герундиальные и причастные неабсолютные обороты. В отличие от союзного подчинения придаточного главному, подчинение в форме оборота подвергает предикативную единицу более глубокой перестройке, образуя структуры, составляющие основу синтаксической идиоматики каждого языка.

Рассмотрим основные особенности этой формы подчинения в латинском, французском, итальянском и испанском языках.

Accusativus cum infinitivo, служивший дополнением при глаголах речи, мысли, восприятия и чувства и являвшийся распространенным средством передачи косвенной речи, уже в народной латыни часто заменялся придаточ-

ным дополнительным с союзами quod и quia: Dixi quia mustella comedit (Petr. 46,4). – «Я сказал, что (птиц) съела ласка». В народных романских языках Accusativus cum infinitivo как абсолютный оборот исчез, оставив следы лишь после глаголов восприятия, где он потерял свой абсолютный характер (см. § 101). Абсолютные инфинитивные обороты при глаголах речи и мысли (где субъект инфинитива не может быть эксплицирован как прямое дополнение), встречавшиеся в ранних романских текстах, представляют собой синтаксические латинизмы, вышедшие из употребления в современных языках. Вместе с тем, романские языки (за исключением балканороманских) не только не сократили, но и расширили сферу употребления инфинитива как средства выражения зависимой предикации, создав конструкции, не имевшие прототипов в латыни. Так, в качестве дополнения после глаголов приказа и побуждения появляется инфинитив с субъектом в форме прямого или косвенного дополнения, управляемого глаголом главного предложения, например, *ит.* ti prego di venire, *фр.* je te prie de venir 'я прошу тебя прийти' (хотя испанский в этом случае сохраняет придаточное с конъюнктивом – te ruego que vengas, аналогичное латинскому rogo ut venias).

В португальском возникла гибридная форма спрягаемого инфинитива, способного сочетаться с предлогами (как именная форма) и согласовываться со своим субъектом по показателю лица: Apesar de leterem muito não aprendem. – «Хотя они читают много, но не усваивают».

В испанском и итальянском широко распространены абсолютные и неабсолютные конструкции с предложным инфинитивом, часто субстантивированным: *исп.* De seguir las cosas de aquella manera, iba a volverme loco o a morirme (R. Gallegos). – «Если бы дела и дальше так пошли, я мог бы сойти с ума или умереть». – *Ит.*: Si è stancato per il troppo correre. – «Он устал, потому что слишком много бегал».

Латинский оборот Ablativus absolutus, состоящий из субъекта в аблативе и согласованного с ним определения – прилагательного, причастия I или II, герундива – передавал «синтетически» различные обстоятельственные значения – временные, причинные, инструментальные, уступительные, точный смысл которых определялся из контекста. Например, Id (oppidum) paucis defendentibus expugnare non potuit (Caes., B.G., 2. 12,2) – il ne put enlever cette place malgré le petit nombre des défenseurs (Ernout, p. 283). – «Он не мог взять это укрепление, несмотря на немногочисленность защищающих» – уступительное значение конструкции в латинском представлено имплицитно, во французском (и в русском) – эксплицитно, предлогом malgré 'несмотря на'. Ablativus absolutus в народной латыни употреблялся с причастием II для обозначения законченного действия; сократив смысловую сферу употребления абсолютного аблатива, народный язык вместе с тем обогатил его состав формами причастия II от активных непереходных глаголов – *н. лат.* *ventus (venutus), *itus и др., которые отсутствовали в классической латыни. После исчезновения падежных флексий ablativus absolutus превратился в романских языках в абсолютный причастный оборот, употребляющийся наряду с неабсолютным причастным оборотом, в основном для передачи видо-временного отношения «результативного предшествования»: *фр.* Ces paroles prononcées, la femme entra dans la pièce,

исп.: Pronunciadas estas palabras, la mujer entró en la habitación, *ит.*: Pronunciate queste parole, la donna entrò nella stanza.

Как видно из этих примеров, порядок слов во французском обороте прямой, в испанском и итальянском обратный. Постпозиция существительного estas palabras, queste parole не означает, однако, что его можно интерпретировать как прямое дополнение к причастию, так как тот же порядок слов сохраняется и при причастии II непереходных глаголов: Muerto el padre, los hijos se casaron — Morto il padre, i figli si sposarono.

Судьба латинских **герундиальных конструкций и оборотов с причастием I** тесно между собой связаны.

Латинский герундий, по мере стирания падежных флексий в народном языке, был сведен к единой пока еще только простой форме на -ndo, способной сочетаться с предлогами in, ad, per и передававшей отношения причины, цели и чистой одновременности. В этих функциях он конкурировал с инфинитивом и причастием I, будучи единственной именной формой, популярной во всей Романии (до сих пор в румынском и молдавском языках предикативные обороты могут быть образованы только с герундием, который существует в этих языках исключительно в простой форме). Во французском, в результате апокопы конечных гласных и оглушения ставших конечными согласных герундий совпал по форме с причастием I еще в дописьменный период развития языка. При этом адъективизированные причастия сохранили морфемы числа, а впоследствии, по аналогии с прилагательными, и рода (распространив при этом окончание -ant на все три спряжения: le bois dormant, l'eau courante, une robe voyante, une personne croyante).

В случае же сохранения формой на -ant глагольного управления и, следовательно, способности к образованию предикативного оборота, она остается неизменяемой, какова бы ни была синтаксическая семантика оборота – определительная, дополнительная или обстоятельственная.

Форма на -ant широко употребительна в современном французском языке, как письменном, так и литературном разговорном, например: Les personnes désirant parler au directeur sont priées de remplir une fiche. (Maugel) – «Желающих поговорить с директором просят заполнить бланк». Ses affaires prenant un autre cours, on aurait pu l'aider. – «Если бы его дела приняли другой оборот, можно было бы ему помочь»; J'aperçois nos amis montant la côte. – «Я вижу наших друзей поднимающихся в гору». В случае подчеркивания значения процесса протекания зависимого действия к форме на -ant добавляется предлог en, и тогда она принимает название «герундия» (gérondif). Наконец, также широко употребительно в современном французском языке сочетание формы на -ant от вспомогательных глаголов avoir и être с причастием II переходных и непереходных глаголов – ayant vu, étant parti – получившее во французских грамматиках название participe passé composé – форма (если судить по ее названию), отсутствующая во всех прочих романских языках. На самом деле она представляет собой этимологически **сложный герундий**, не зарегистрированный в народной латыни и созданный по аналогии с другими сложными временами, так же как и сложный инфинитив. Эта форма получила широкое распространение в повествовательной прозе позднего средневековья,

особенно в Италии, хотя в современном итальянском является чисто книжной и мало употребительной. Она приводится и в испанских грамматиках, но почти отсутствует в испанских текстах. Ср.: *фр.* Il sonna, ayant oublié sa clef.; *ит.*: Suonó, avendo dimenticato la chiave, хотя в *исп.*: Sonó, por haber olvidado la llave. Трем французским примерам с простой формой на -ant, приведенным выше, в испанском в первом случае соответствует придаточное определительное, так как participio presente как глагольная форма в испанском языке отсутствует. В итальянском она возможна и носит книжный характер, являясь синтаксическим латинизмом. Вторые два примера формы на -ant переводятся на испанский формой герундия, в итальянском в последнем случае альтернативной инфинитиву (возможному во всех трех языках), может быть только придаточное предложение, ср.: *фр.* Je le vois montant la côte; *исп.*: Le veo subiendo la cuesta; *ит.*: lo vedo che sale la costa. Интересно, что в ненормативном испанском форма герундия проникает даже в позицию определительного придаточного, где во французском и итальянском возможно причастие I: te envío una caja conteniendo turrón – Эта фраза приводится в грамматике Рафаэля Секо (с. 297) как некорректная (censurable) – букв. «посылаю тебе коробку, содержа торт».

Итак, причастный оборот с причастием настоящего времени благодаря контаминации с достаточно «народной» формой герундия имеет во французском языке менее канцелярский оттенок, чем в итальянском. Сложная форма ayant fait, étant venu также вышла за пределы книжного письменного стиля, в отличие от аналогичных форм сложного герундия в испанском и итальянском.

§ 105. Порядок слов. В латинском языке нормой считается конечное положение глагола-сказуемого, которому предшествуют дополнения и подлежащее: verbe sensum cludere multo... optimum est; in verbis enim sermonis vis est (Quintilianus, Inst. orat. IX, 3, 26). – «лучше всего заканчивать фразу глаголом, ибо в глаголе заключена сама суть речи». Однако порядок «субъект + объект + глагол», или «объект + глагол» – (S)O V – не был в латинском языке единственным нейтральным расположением слов. Начиная с самых разных латинских надписей встречается немало примеров с центральной позицией глагола и с дополнением, следующим за глаголом – (S)V O. Распространенность порядка (S)V O в текстах, близких к разговорному языку – см., напр., прямая речь в «Пире Тримальхиона»: non perdamus noctem (Petr. 10,6); itaque dabimus operam (Petr. 137, 8). Notavimus etiam res novas (Petr. 27, 3) – свидетельствует о стилистической дифференциации двух моделей – традиционной классической SOV и более «аналитической» разговорной SVO, которая, по мнению некоторых лингвистов, отражает «естественный» ход мысли от известного к неизвестному, от определяемого к определению, и представляет более наглядное членение мысли на два элемента: субъект и предикат. Вместе с тем, количественное преобладание фраз с латинским порядком слов SOV в языке Плавта, Теренция и др. не позволяет рассматривать SOV как искусственную конструкцию письменной классической латыни и устанавливать единые общечеловеческие образцы «естественного» хода мысли, независимые от языковой формы.

Латинская норма (S)OV была, несомненно, свойственна также и разго-

ворному народному языку. Ее следы можно обнаружить в форме романского футурума cantare + habeo, где личный глагол следует за дополнением-инфинитивом, в придаточных предложениях, часто сохранявших в старых романских языках латинское словорасположение, в пословицах и устойчивых выражениях, например: *исп.* A buen entendedor pocas palabras bastan, *ит.* A buon intenditore poche parole bastano «Понимающему человеку достаточно несколько слов» и др.

Другой особенностью латинского словорасположения был так называемый гипербат, т.е. разъединение слов, образующих тесное синтаксическое единство. Широкое использование гипербата как риторического приема приводило к настоящей «mixtura verborum», порицаемой Квинтилианом (Inst. or. VIII, 2, 14), например: utinam inter ferrem nuda leones (Horatius, Carm. III, 27, 51) «пусть бы я блуждала обнаженная среди львов».

Романские языки, повинуясь тенденции к стяжению синтаксических групп, или вовсе не допускают их разрыва (например, включения каких-либо слов между предлогом и управляемым существительным: inter leones) или допускают замыкание лишь модальных и вводных слов или наречий времени. Стяжение синтаксических групп и исчезновение падежной флексии в романских языках ограничили не только возможности гипербата, но и инверсии дополнения. Так, уже ни в одном из современных романских языков почти невозможно подчеркнуть эмфатически прямое дополнение путем замены SVO на OVS, как это делает Жуэнвиль (французский хронист XIII в.): «Mout de chevaliers et d'autres gens tenoient li Sarrazins pris en une cour qui estoit close de mur de terre» (Chroniquers français, 1893, 100) – «Много рыцарей и других людей держали сарацины взаперти во дворе, окруженном глиняными стенами».

Взамен частично утраченной подвижности порядка слов, романские языки создали не свойственные латыни средства синтаксического выделения «темы» и «ремы» сообщения. Широкое употребление выделительных конструкций типично для современного французского языка (тема: ton père je l'ai vu 'отца твоего я видел', рема: c'est ton père que j'ai vu – 'я видел твоего отца' (а не кого-то другого), так как именно во французском языке порядок SVO наиболее жестко фиксирован и поэтому неспособен отражать изменения в коммуникативной перспективе предложения. В иберо-романских языках, а также в румынском и итальянском сохраняется возможность экспрессивной инверсии подлежащего – VSO, а в итальянском даже инверсии дополнения OVS, в случае резкого противопоставления ремы, например, *ит.* Tuo fratello ho visto, non tuo padre. Это твоего брата я видел, а не твоего отца.

§ 106. Сравнительная характеристика грамматических систем романских языков. Помимо грамматических романизмов, общих всем романским языкам, но не свойственных классической латинской норме, существуют грамматические явления, характерные для одних романских языков, но не свойственные другим. Подсчет случаев частичного сходства и частичного расхождения между романскими языками позволяет определить количественно степень их структурной близости. С этой целью некоторые ученые (З. Мулячич, М. Илиеску, Дж. Б. Пеллегрини) использовали ме-

тод парных различительных признаков, включающих наличие формы и ее отсутствие или наличие двух разных форм для выражения одного и того же смысла. Сам выбор парных противопоставлений может быть субъективным, неполным и охватывающим неодинаковое количество языков у разных исследователей, так что абсолютные цифровые данные не будут точными и исчерпывающими, но относительная мера сходства (расхождения) между языками остается более или менее постоянной и достаточно объективной.

Для определения степени близости грамматических систем пяти ведущих романских языков обратимся к 26 парам различительных признаков, содержащих также итог описанных выше явлений:

№ 1. Число выражено морфемой, независимой от морфемы рода (исп., порт.) — морфемы рода и числа слиты (фр., ит., рум.).

№ 2. Род и число выражены детерминативом имени (фр.) — выражены флексией (ит., исп., порт., рум.).

№ 3. Наличие существительных обоюдного рода (ит., рум.) — отсутствие существительных обоюдного рода (исп., порт., фр.).

№ 4. Детерминативы имени склоняются (рум.) — не склоняются (ит., исп., порт., фр.).

№ 5. Наличие продолжения н. лат. форм illui, illei, illoru(m) (фр., ит., рум.) — отсутствие этих форм (исп., порт.).

№ 6. Детерминативы следуют за именем (рум.) — предшествуют имени (ит., фр., исп., порт.).

№ 7. Притяжательный детерминатив имеет только автономную форму (ит., порт., рум.) — имеет две формы автономную и неавтономную (фр., исп.).

№ 8. Отношения устойчивой принадлежности выражены притяжательным местоимением (фр.) — выражены определенным артиклем и дательным падежом личного (возвратного) местоимения (ит., рум., исп., порт.).

№ 9. Формально различается отношение местопребывания (где) и места назначения (куда?) (исп., порт.) — эти отношения формально не различаются (фр., ит., рум.).

№10. Наличие партитивного артикля и партитивного неавтономного местоимения (фр., ит.) — отсутствие этих единиц в системе (исп., порт., рум.).

№ 11. Наличие неавтономных субъектных местоимений (фр.) — отсутствие этих единиц (исп., порт., ит., рум.).

№ 12. Наличие неавтономного нейтрально-субъектного местоимения из *лат.* homo (фр.) — отсутствие такой единицы (ит., исп., порт., рум.).

№ 13. Предложное оформление прямого дополнения при существительных лица (исп., порт., рум.) — беспредложное оформление такого дополнения (фр., ит.).

№ 14. Сравнительная степень выражена наречием plus (фр., ит.) — наречием magis (исп., порт., рум.).

№ 15. Наличие суффикса наречий -mente (фр., ит., исп., порт.) — отсутствие такого суффикса (рум.).

№ 16. Наличие форм, восходящих к лат. canta(ve)ra(m) (исп., порт.) — отсутствие таких форм (ит., фр., рум.).

№ 17. Наличие аналитической формы плюсквамперфекта, восходящей к лат. habeba(m) cantatu(m) (ит., исп., порт., фр.) – отсутствие такой формы (рум.).

№ 18. Наличие простого перфекта в системе разговорного языка (ит., исп., порт., рум.) – отсутствие такой форма (фр. и сард.).

№ 19. Футурум восходит к cantare habeo (ит., фр., исп., порт.) – к volo cantare (рум.).

№ 20. Наличие в системе языка имперфекта и плюсквамперфекта конъюнктива (фр., ит., исп., порт.) – отсутствие таких форм (рум. и разг. фр.).

№ 21. Наличие формы будущего в прошедшем (ит., фр., исп., порт.) – отсутствие такой формы (рум.).

№ 22. Наличие формы, восходящей к лат. futurum II cantavero + perfectum conjunctivi cantaverim (порт., исп.) – отсутствие такой формы (ит., фр., рум.).

№ 23. Префикс re- продуктивен (ит., исп., порт., фр.) – не продуктивен (рум.).

№ 24. В перфективных временах в качестве служебных используются два глагола – habere и esse (ит., фр.) – один глагол habere (tenere) (исп., порт., рум.).

№ 25. Глагол habere в служебной функции заменен глаголом tenere (порт.) – не заменен (исп., рум.).

№ 26. Дополнение при модальных и аспектуальных глаголах выражено инфинитивом (фр., исп.) – выражено личной формой (рум., порт.).

Максимальное количество общих признаков обнаруживается у испанского и португальского – 22 из 26. То же показывают и подсчеты М. Илиеску, которая, между прочим, отмечает, что количество расхождений между этими языками гораздо меньше, чем между двумя диалектами ретороманского языка – сурсельвским и энгадинским. По наблюдениям Е.М. Вольф испанский и португальский, имеющие почти одинаковые системы форм, расходятся на уровне их употребления: формы, ставшие архаичными или изменившие свое значение в испанском языке, сохраняются в португальском, наряду с синонимами более позднего происхождения (напр., плюсквамперфект индикатива имеет в португальском четыре варианта: простой, восходящий к латинскому плюсквамперфекту – cantara и три сложных: havia cantado, tinha cantado и tivera cantado). Сохранение свободного варьирования форм делает португальский похожим на старые романские языки.

Как испанский, так и португальский ближе всего стоят к итальянскому, совпадая с ним по 14 признакам (с французским соответственно по 10-ти и 8-ми, с румынским по 10-ти и 11-ти).

Для французского и для румынского также ближе всех других языков оказывается итальянский, совпадающий с ними соответственно по 16-ти и 12-ти признакам. Минимальное количество общих черт обнаруживается у румынского и французского – 5; специфические, присущие только одному языку, признаки распределяются так: 7 у румынского, 5 у французского, 1 у португальского (один признак № 26 – является общим только для португальского и румынского). Необходимо заметить, что некоторые признаки румынского, кажущиеся специфическими на фоне романских язы-

ков, объединяют румынский с другими языками балканского ареала – греческим, албанским, болгарским, и носят поэтому название балканизмов (см. § 5.1 о языковых союзах).

Грамматическими балканизмами являются: 1) образование будущего с помощью глагола «хотеть» – *лат.* velle, *н. лат.* volere; 2) устранение инфинитива из свободных синтаксических сочетаний; 3) общая форма для генитива и датива; 4) постпозиция определенного артикля и детерминативов. Многие совпадения румынского и южноитальянских диалектов также частично объясняются общими для них контактами с греческим.

Количественное «измерение дистанции» между языками показывает, что итальянский язык как прямой наследник народной латыни центральной Италии (где скрещивались «все дороги, ведущие в Рим») обнаруживает много общих черт со всеми романскими языками. Южноитальянские диалекты, напротив, отличаются сохранением ряда архаизмов (напр., плюсквамперфекта индикатива) и наличием ряда специфических инноваций (напр., исчезновение инфинитива, замена глагола habere на tenere, следы личного инфинитива, предложное оформление прямого дополнения, выраженного одушевленным существительным), которые обнаруживаются также в языках романской «периферии» – в сардинском, румынском, португальском, отчасти испанском.

«Периферийность» – «центральность» языка также может быть определена количественно. Наиболее «центральным» (не только географически) является, как было сказано, литературный итальянский (тосканский) язык, содержащий максимальное количество совпадений с другими языками. Наиболее периферийным (по данным Лж. Б. Пеллегрини) оказывается сардинский, за ним следуют румынский и французский.

Несмотря на расхождения по некоторым признакам, романские грамматические системы развивались из народной латыни в одном направлении и, в отличие от фонетических систем, сохраняют не только генетическую, но и типологическую общность.

Общая типологическая характеристика, отличающая романские языки от латыни, заключается в перемещении грамматической нагрузки с морфологических средств на синтактические (полное или частичное вытеснение падежной флексии существительных предложными конструкциями, фиксация порядка слов, стяжение синтаксических групп), в образовании новых, неизвестных латыни синтактико-аналитических форм (артикль + имя, местоименная частица + глагол), в увеличении количества морфолого-аналитических форм (сложные глагольные времена, глагольные конструкции с видовым и каузативным значением, аналитические степени сравнения). Все эти особенности романских языков позволяют отнести их к языкам аналитического типа, в отличие от латыни, принадлежащей к языкам синтетическим.

ЛЕКСИКА

ГЛАВА I

ОБЩЕРОМАНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

§ 107. **Этимологические словари.** Помимо сходства грамматических систем, о близком родстве романских языков свидетельствует общность их лексики, унаследованной от латыни. Латинский фонд романских языков представлен исчерпывающим образом в двух знаменитых этимологических словарях: это EWRS (Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1853, V ed., 1887) Фридриха Дица и REW (Romanisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1911, III ed., 1935) Вильгельма Мейера-Любке.

Остановимся на их краткой характеристике. Ф. Диц в предисловии к первому изданию EWRS говорит о том, что задача этимологии – «возвести слово к его источнику на основании правил и принципов, найденных учением о звуках». Для словника Дицом были отобраны наиболее употребительные слова; из редких включены только слова с интересной этимологией. Словарь разделен на две части. В первую включены слова, общие всем романским языкам или большинству из них (во главе словарной статьи этой части помещается итальянское слово, далее – французское, провансальское, испанское, португальское, каталанское, румынское и в конце – латинская или народно-латинская исходная форма). Вторая часть содержит перечисление слов латинского происхождения, свойственных только одной из трех областей: иберо-романской, галло-романской или итало-романской. О балкано-романской области Диц лишь добавляет: «для валашской же дочери, выросшей на чужбине, вдали от своей римской матери, не отвел я отдельного места и упоминаю о ней лишь в некоторых случаях при сравнении с другими». При установлении этимологии Диц не считает возможным возводить какое-либо слово непосредственно к долатинским языкам, в частности, к иберийским даже в том случае, когда в современных иберо-романских языках существуют отдельные слова, имеющие аналогии в баскском (напр., *исп.* izquierdo, *порт.* esquerdo, *кат.* esquerre, *баск.* ezker); подобные «иберийские» вкрапления в романскую лексику не определимы хронологически и своей крайней немногочисленностью лишь служат иллюстрацией того, «сколь велика была разрушающая сила Рима, когда дело касалось уничтожения национальных черт завоеванных народов» (F. Diez, 1853, 12).

Словарь Мейера-Любке REW (особенно его 3-е издание, 1935) представляет собой гораздо более обширный справочник. Он содержит 9721 слово и включает все слова непрерывной устной традиции (и ранние латинизмы), нашедшие продолжение в каком-либо романском языке или диалекте. Нелатинские элементы романской лексики – германизмы, грецизмы, арабизмы – представлены только в том случае, если они выходят за рамки одного романского языка. Во главе словарной статьи помещено латинское слово, зарегистрированное в текстах или реконструированное (со звездоч-

кой) и вслед за ним — его романские продолжения (с востока на запад): в румынском, вельтотском (= далматинском), итальянском, сардинском, энгадинском, фриульском, ст. французском, французском, провансальском, каталанском, испанском, португальском, а иногда и в диалектах перечисленных языков. На основании этих данных складывается достаточно полная картина географического распространения слова. В предисловии к 3 изд. Мейер-Любке отмечает, что «этимология, т.е. исследование происхождения слова, превратилось с течением времени в историю слова, т.е. в описание его географического распространения, изменения его значений, его замены другими словами, его способности к словообразованию. Все это можно воспроизвести только в монографиях. Этимологический словарь вынужден ограничиваться намеком на все эти вещи» (M. L., REW, 1935, 8).

В конце словаря приложен регистр всех приведенных в словарных статьях романских слов с указанием номера той словарной статьи, где они упоминаются. Например, если нужно найти этимологию французского слова aveugle и его географическое распространение, мы находим его в регистре с отсылкой к статье № 33, где можно прочесть следующее (даем немецкое толкование в переводе): «aboculis — *фр.* aveugle, *ст. ит.* avocolo, *милан.* avogol; слово происходит из языка врачей, где оно встречается как перевод с греческого ar'ommatos — 'без глаз', см. Diez, с. 32». Ссылка на словарь Дица объясняется тем, что там можно найти дополнительные сведения, а именно: «Общероманским словом для значения «слепой» является прилагательное caecus, существовавшее также и в старофранцузском ciu; оно неизвестно лишь в Дакии, где оно было заменено словом orbus > orb; *ит.* avocolo вышло из употребления, но глагол avocolare встречается в диалектах; что касается ab-oculis, оно образовано по аналогии с abnormis, amens».

Более подробные сведения о происхождении и истории романских слов можно найти в этимологических словарях отдельных романских языков.

Важнейшим из них является словарь Вальтера фон Вартбурга FEW (Franzosisches etymologisches Worterbuch, Bonn-Tübingen-Basel T. 1 — 1922, т. 21 — 1970, предполагается 25—26 томов). Его создание было делом жизни Вартбурга, дописавшего словарь в год своей смерти (1971 г.). Материалы словаря продолжают издаваться Куртом Батдингером в Тюбингене. Первые 16 томов занимают слова латинского и греческого происхождения, далее следуют слова, восходящие к германским, кельтским, арабским и неизвестным этимонам. FEW является сводом монографий о словах, с подробным описанием истории каждого из них, и не предназначен для широкого читателя.

Отметим далее следующие этимологические словари, пользующиеся наибольшей популярностью:

1. **Ernout A.** et **Meillet A.** Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-e ed. — Paris, 1967.

2. **Block O.** et **Wartburg W.** Dictionnaire étymologique de la langue française. 5 e ed. — Paris, 1968.

3. **Dauzat A., Dubois J., Mittérand H.** Nouveau dictionnaire étymologique et historique. — Paris, 1964.

4. **Corominas J.** Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana I—

IV. – Bern, 1954–1957 и его сокращенное издание в одном томе: Breve diccionario etimológico de la lengua castellana III ed. Madrid, 1976.

5. **Battisti C., Alessio G.** Dizionario etimologico italiano. I–V. – Firenze, 1950–1957.

6. **Prati V.** Vocabolario etimologico italiano. – Torino, 1951.

7. **Fabra P.** Diccionari general de la llengua catalana. – Barcelona, 1954.

8. **Nascentes A.** Dicionario etimológico da língua portuguêsa. – Rio de Janeiro, 1932.

9. **Wagner M.L.** Dizionario etimologico sardo. – Heidelberg, 1957–1961.

10. **Puscariu S.** Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. Lateinisches Element. – Heidelberg, 1905.

11. Скурт дикционар етимолоӂик ал лимбий молдовенешть. – Кишинэу, 1978.

§ 108. Народнолатинское лексическое наследие (исконная романская лексика). Как известно, словарь каждого языка, включающий десятки тысяч слов, складывается из множества лексических пластов разной давности и различного происхождения. Однако основой лексики является сравнительно небольшое количество слов, определяющее принадлежность языка к той или иной группе генетически родственных языков (например, к индоевропейским языкам, а внутри них – к славянским, германским, романским и пр.).

Генетической основой словаря романских языков являются так называемые «исконные» слова, перешедшие из поздней разговорной латыни в романскую речь по непрерывной устной традиции, и поэтому претерпевшие все фонетические изменения, типичные для каждого данного ареала. Как правило, слова исконного романского фонда обозначают повседневные предметы и понятия.

Общее количество слов, перешедших по непрерывной устной традиции из разговорной латыни в романские языки равно приблизительно 6700 (по данным REW). Из них 1300, т.е. около 20 %, сохранилось во всех романских языках, 3900, т.е. около 58 % – в некоторых языках и 1500, т.е. около 22 % – в каком-либо одном языке[1].

Как этимология, так и географическое распределение слов исконного романского фонда неоднородны. Здесь мы находим:

1) слова собственно латинского происхождения или ранние грецизмы типа schola, camera, стилистически нейтральные, в равной степени употребительные как в классической, так и в народной латыни. Все они, как правило, единообразно отражены во всех романских языках, например:

Значение *кл. лат.*	*н. лат.*	романские языки
«земля»	terra	*ит.* terra, *исп.* tierra, *фр.* terre (*рум.* ţară – 'страна')
«небо»	caelum	*ит.* cielo, *исп.* cielo, *фр.* ciel *рум.* cer

[1] См.: *Сергиевский М.В.* Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания // Вестник МГУ. – 1946. – № 1.

Значение	*кл. лат.*	*н. лат.*	романские языки
«море»	mare	mare	*ит.* mare, *исп.* mar, *фр.* mer, *рум.* mare
«человек»	homo	omo	*ит.* uomo, *исп.* hombre, *фр.* homme, *рум.* om
«глаз»	oculus	oclu	*ит.* occhio, *исп.* ojo, *фр.* oeil, *рум.* ochi
«жизнь»	vita	vita	*ит.* vita, *исп.* vida, *фр.* vie (*рум.* viaţă; vită – "животное")
«смерть»	mors	morte	*ит.* morte, *исп.* muerte, *фр.* mort, *рум.* moarte
«делать»	facere	facere	*ит.* fare, *исп.* hacer, *фр.* faire, *рум.* a face
«чувствовать»	sentire	sentire	*ит.* sentire, *исп.* sentir, *фр.* sentir, *рум.* a simţi
«верить»	credere	credere	*ит.* credere, *исп.* creer, *фр.* croire, *рум.* a credea
«спать»	dormire	dormire	*ит.* dormire, *исп.* dormir, *фр.* dormir, *рум.* a dormi
«видеть»	videre	videre	*ит.* vedere, *исп.* ver, *фр.* voir, *рум.* a vedea

2) слова собственно латинские или заимствованные, употреблявшиеся преимущественно в разговорной или только в разговорной латыни всей (или большей части) Романии; соответствующие им по значению классические латинские слова, исчезнувшие из устной традиции, не имели продолжения в исконной романской лексике:

лат.		*н. лат.*	романские языки			
«камень»	lapis	petra (*греч.*)	*ит.*	pietra,	*исп.*	piedra,
			фр.	pierre,	*рум.*	piatră
«огонь»	ignis	focus (*кл. лат.* 'очаг')	*ит.*	fuoco,	*исп.*	fuego,
			фр.	feu,	*рум.*	foc
«лошадь»	equus	caballus (*кл. лат.* 'ломовая лошадь')	*ит.*	cavallo,	*исп.*	caballo
			фр.	cheval,	*рум.*	cal
«низкий»	humilis	bassus	*ит.*	basso,	*фр.*	bas,
			исп.	bajo	(*рум.*	jos)
«нести»	ferre	portare	*ит.*	portare,	*фр.*	porter,
			рум.	a purta	(*исп.*	llevar)
«продавать»	vendere	comparare (*кл. лат.* 'сравнивать')	*ит.*	comprare,	*исп.*	comprar,
					рум.	a cumpăra,
			(*фр.*	acheter)		
«война»	bellum	wirra (*герм.*)	*ит.*	guerra,	*исп.*	guerra,
			фр.	guerre	(*рум.*	război)

3) слова собственно латинские или заимствованные, употреблявшиеся в поздней разговорной латыни какого-либо отдельного ареала. Народнолатинские инновации, распространенные в изолированных ареалах и перешедшие по непрерывной устной традиции в соответствующие романские языки, можно назвать специфическими. Кроме упомянутых выше *рум.* jos 'низкий' < *лат.* deorsum 'внизу', *исп.* llevar 'нести' < *лат.* levare 'поднимать', *фр.* acheter 'покупать' < *н. лат.* *accaptare 'захватывать', приведем еще несколько примеров специфических инноваций народнолатинского периода в основных романских языках.

Итальянский: 'забывать' – dimenticare (*фр.* oublier, *исп.* olvidar, *рум.* a uita < *н. лат.* oblitare); 'прежде' – prima (*исп.* antes, *фр.* avant, *рум.* înainte < *лат.* ante, *н. лат.* ab ante, in ante); 'тот же самый' – stesso < *н. лат.* iste + ipse (*исп.* mismo, *фр.* même).

Французский: 'слепой' – aveugle < *н. лат.* ab oculis – (*ит.* cieco, *исп.* ciego, *ст. фр.* cieu < *лат.* caecus); 'голова' – tête < *лат.* testa 'черепок' (*ит.* capo, *рум.* cap, *ст. фр.* chief < *лат.* caput; *ит.* testa, *исп.* tiesta – ранние заимствования из фр.); 'сад, огород' – verger < *н. лат.* viridiarium (*ит.* orto, *исп.* huerto < *лат.* hortus); 'жена' – femme < *лат.* femina 'женщина, самка' – (*ит.* moglie < *лат.* mulier, *исп.* mujér, *порт.* mulhér, *ст. фр.* moilliér < *н. лат.* muliére(m) 'женщина', 'замужняя женщина'); 'давать' – donner < *лат.* donare 'дарить' (*ит.* dare, *исп.* dare, *рум.* a da < *лат.* dare); 'вести' – mener < *лат.* minare 'гнать скот' (*ит.* portare, *исп.* llevar объединяют значения «вести» и «нести»).

Испанский: 'брат' – hermano, *порт.* irmão < *лат.* frater germanus 'единокровный брат' (*ит.* fratello, *рум.* frate, *фр.* frére); 'голова' – cabeza, *порт.* cabeça < *н. лат.* *capitia (*ит.* capo, *рум.* cap, *фр.* chef < *лат.* caput); 'кровать' – cama, *порт.* cama – неясн. этим. (*ит.* letto, *фр.* lit, *кат.* llit < *лат.* lectum 'кровать'; *исп.* lecho, *порт.* leito – 'ложе'); 'иметь' – tener, *порт.* ter < *лат.* tenere 'держать' (*ит.* avere, *фр.* avoir, *рум.* a avea < *лат.* habere); 'быть' – ser, *порт.* ser < *лат.* sedere 'сидеть' (*ит.* essere, *фр.* être < *н. лат.* *essere); 'хотеть' – querer, *порт.* querer < *лат.* quaerere 'искать' (*ит.* volere, *фр.* vouloir, *рум.* a vrea < *н. лат.* volere); 'оставаться, пребывать' – quedar, < *н. лат.* quietare 'успокаиваться' (*ит.* restare, rimanere, *фр.* rester, *рум.* a rămîne).

Португальский (н. лат. инновации, не совпадающие с испанскими): 'забывать' – esquecer < *н. лат.* *excadescere 'выпадать' (*исп.* olvidar, *рум.* a uita, *фр.* oublier < *н. лат.* oblitare); 'класть, валить' – deitar < *н. лат.* deiactare (*ит.* coricare, *фр.* coucher, *рум.* a culca < *лат.* collocare 'помещать'); 'запирать' – fechar < *н. лат.* *pessulare, от *лат.* pessulus 'засов'; 'оставаться' – ficar < *н. лат.* *figicare, от *лат.* figere 'вбивать, укреплять'), 'близко' – perto < *лат.* praesto 'быстро'; 'вчера' – ontem < *лат.* ad noctem.

Румынский: 'сердце' – inimă < *лат.* anima 'душа'; 'душа' – súflet < от *лат.* sufflare 'дуть'; 'слово' –cuvînt < *лат.* conventum 'договор' (*ит.* parola, *исп.* palabra, *фр.* parole < *н. лат.* (греч.) parabula 'рассказ, притча'); 'рот' – gură (ср. наряш. фр. gueule) < *лат.* gŭla 'горло' (др. ром. яз. – от лат. bucca); 'нога' – picior < *лат.* petiolus 'ножка, стебель' (др. ром. яз. – от лат. pes, pedem); 'большой' – mare < *лат.* mas, mare(m) 'мужского пола, мужественный' (др. ром. яз. – от *лат.* grandis); 'сильный' – tare < *лат.* talis, tale(m)

'такой' (*ит.* forte, *исп.* fuerte, *фр.* fort, *лат.* fortis); 'очень' – foarte < *лат.* fortis (*ит.* molto, *исп.* mucho < *лат.* multum).

4) слова архаической или классической латыни, вышедшие из употребления в поздней разговорной латыни большей части Романии, но сохранившиеся в разговорной латыни какого-либо изолированного ареала. Относительно всех прочих романских слов непрерывной устной традиции такие слова можно рассматривать как архаизмы. «Архаичными» могут быть как форма (означающее), так и значение слов. Наибольшее количество «архаизмов» сохранилось в изолированных окраинных ареалах:

Сардинский: 'дом' – domo < *лат.* domō (*ит.* casa, *исп.* casa, *рум.* casă; *ит.* duomo, *фр.* dôme имеют значение «собор»); 'дверь' – gianna < *лат.* ianua (др. яз. от лат. porta); 'большой' – mannu < *лат.* magnus (др. яз. от *лат.* grandis); 'завтра' – cras < *лат.* cras; 'быстро' – kitto < *лат.* cito (тот же архаизм представлен в *порт.* cedo).

Румынский: 'знать' – a şti < *лат.* scīre (др. яз. от *лат.* sapere); 'думать' – a cugeta < *лат.* cogitare (др. яз. от *лат.* pensare); 'белый' – alb < *лат.* albus (др. яз. от *герм.* blank); 'прыгать' – a sări < *лат.* salire (др. яз. от *лат.* saltare); *рум.* a sări 'прыгать' может рассматриваться также как семантический архаизм, так как лат. глагол salire 'прыгать' в других романских языках изменил свое значение: *ит.* salire 'подниматься', *исп.* salir 'выходить', *фр.* saillir 'выдаваться вперед'. Старое латинское значение сохранил в румынском также глагол a mîna < *лат.* minare 'гнать (скот)' (*фр.* mener 'вести') и др.

Испанский: 'страх' – miedo < *лат.* metus (др. яз. от *лат.* pavor, *н. лат.* pavura); 'есть' – comer < *лат.* comedere (др. яз. от *н. лат.* manducare). Многие архаизмы являются общими для двух противоположных «окраин» Римской империи – Испании и Дакии, где не успели укорениться лексические инновации, возникшие в центре Романии. Ср., например, 'больше' – *исп., порт.* más, *рум.* mai < *лат.* magis (*ит.* più, *фр.* plus < *лат.* plus); 'стол' – *исп., порт.* mesa, *рум.* măsa < *лат.* mensa (*ит.* tavola, *фр.* table < *н. лат.* tabula); 'кипеть' – *исп.* hervir, *порт.* ferver, *рум.* a fierbe < *лат.* fervere (*ит.* bollire, *фр.* bouillir < *н. лат.* bullire); 'кобыла' – *исп.* yegua, *порт.* egoa, *рум.* iapă < *лат.* equa (*ит.* cavalla, *фр.* jument). Однако *ст. фр.* ive, *ст. пров.* ega показывают, что вытеснение *лат.* equa произошло не в народной латыни Галлии, а уже в романских диалектах и языках Франции и что *ит.* caballa было народно-латинской (или уже итальянской) инновацией, не распространившейся за пределы Италии.

Границы между перечисленными четырьмя типами исконных слов не могут быть строго установлены, так как специфическая инновация в области значения может объединяться с «архаичностью» означающего. Например, *лат.* petere, *н. лат.* petire «просить» было вытеснено в разговорной латыни Италии и Галлии синонимом *лат.* precare 'умолять' < *ит.* pregare, *фр.* prier, но сохранилось на «окраинах»: в испанском pedir 'просить' и в румынском a peţi 'просить в жены, сватать' (смысловая инновация).

Сравнение современных литературных романских языков не позволяет точно установить область распространения того или иного слова в поздней народной латыни и время его исчезновения или появления в том или ином романском языке. Только историческая лингвогеография, основанная на изучении поздних латинских и ранних романских текстов, позволяет расширить наши сведения о жизни слов древней Романии. Так, выше было упомя-

нуто румынское слово alb 'белый' в ряду архаизмов, ограниченных балкано-романским ареалом. Однако в первом итальянском тексте Веронской загадке (Indovinello veronese, VIII в. н. э.) говорится о alba prataia 'белом луге', и о albo versorio 'белом плуге', а в некоторых северо-итальянских и ретороманских диалектах существуют потомки латинского albus. Еще один пример:

Из сопоставления *лат.* apis 'пчела' < *ит.* ape и *н. лат.* apicula > *исп.* abeja, *фр.* abeille 'пчела' можно предположить, что в народной латыни Испании и Галлии *кл. лат.* apis исчезло и его место заняло уменьшительное образование apicula. Тем не менее *ст. фр.* ef(es) 'пчела' и сев. фр. диал. e(es) показывают, что форма apis была известна также в Сев. Галлии (Франции). Более того, фонетическая форма *совр. фр.* abeille свидетельствует о южном происхождении этого слова, так как согласно фонетическим законам раннего старофранцузского интервокальные -p- и -b- давали -v- (ср. sapere > *фр.* savoir, habere > avoir). Следовательно, слово abeille проникло в ст. французский из провансальского сравнительно поздно, уже после прекращения действия закона -b- > -v-.[1]

Из сказанного следует: 1) различия в словарном составе между романскими языками были заложены уже в самой народнолатинской лексике; 2) лексические изменения в поздней народной латыни и изменения, относящиеся к раннему романскому периоду нельзя строго разграничить из-за исторической изменчивости изоглосс: слова, возникавшие в народной латыни одной из областей (например, в Галлии *н. лат.* adripare > *фр.* arriver 'прибывать') переходили в соседние области (*ит.* arrivare 'прибывать' — ранний галлицизм), уже в период зарождения романских языков.

ГЛАВА II

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 109. Пути замены наименований и типы изменения значений слов. Замена первоначального латинского наименования происходила: а) путем заимствования означающего из другого языка, напр., *лат.* bellum — *герм.* wirra > *ит.* guerra, *исп.* guerra, *фр.* guerre (*рум.* războĭ — слав.); б) путем словопроизводства: 1) суффиксального (*лат.* sol 'солнце' — *н. лат.* soliculum > *фр.* soleil 'солнце'; *лат.* cor 'сердце' — *н. лат.* corationе(m) > *исп.* corazón 'сердце'); 2) префиксального (*лат.* edere 'есть' — *н. лат.* comedere > *исп.* comer 'есть'; *лат.* lavare 'мыть' — *н. лат.* *experlavare > *рум.* a spăla 'мыть').

Смещение значения слова происходит по общим семантическим законам (которые проявляются как при фигуральном употреблении слова, так и при диахронических сдвигах в его семантической структуре):

а) расширение и сужение значения (антономасия, синекдоха): *ст. фр.*

---

[1] См. *Йордан Й.* Романское языкознание. – М., 1971. – С. 257.

Renard (имя лисы в баснях) > *фр.* renard 'лиса'; *лат.* domina 'госпожа' > *ит.* donna 'женщина'; *лат.* mulier 'женщина' > *ит.* moglie 'жена'; *лат.* barone(m), varone(m), 'наемный солдат' > *исп.* varón 'мужчина'; *лат.* materia 'материал, материя' > *исп.* madera 'древесина', *лат.* passer 'воробей' > *исп.* pájaro 'птица', *рум.* pasăre 'птица'; *лат.* pecus, pl pecora 'скот' > *ит.* pecora 'овца'; *лат.* ponere 'класть' > *фр.* pondre 'класть яйца'; *лат.* trahere 'тянуть, вынимать' > *ст. фр.* traire 'тянуть, вынимать' > *фр.* traire 'доить'; *лат.* adripare 'причаливать' > *фр.* arriver 'приходить, приезжать'; *лат.* petere, *и. лат.* petire 'просить' > *рум.* a peți 'просить в жены, сватать'; *лат.* minare 'гнать скот' > *фр.* mener 'вести', хотя *рум.* a mîna 'гнать'. Интересен также пример сужения значения латинского глагола collocare 'помещать' > *ит.* coricare 'укладывать (в постель)', *фр.* coucher 'укладывать (в постель)', *рум.* a culca 'укладывать (в постель)', но *исп., порт.* colgar 'вешать'.

б) перенос значения на основании смежности понятий (метонимия): *лат.* focus 'очаг' > *ит.* fuoco, *исп.* fuego, *фр.* feu, *рум.* foc 'огонь', *лат.* bucca 'внутренняя часть рта, щека' > *ит.* bocca, *исп.* boca, *фр.* bouche 'рот'; *лат.* monumentu(m) 'памятник' > *рум.* mormînt 'могила'; *лат.* palude(m) 'болото' > *рум.* pădure 'лес'; *лат.* monte(m) 'гора' > *исп.* monte 'лес', *лат.* barbatus (homo) 'бородатый (человек)', *рум.* bărbat 'мужчина'. В последнем примере метонимия совмещена с расширением значения.

У слов, обозначающих признак предмета, метонимический перенос часто сводится к превращению сопровождающего (оценочного) значения в основное, например, *лат.* reus 'преступник' > *ст. ит.* tio, *рум.* tîu 'плохой' или *лат.* captivus 'пленный' > *ит.* cattivo 'плохой', *фр.* chétif 'болезненный, слабый'; *лат.* dolente(m) 'больной' > *кат.* dolent 'плохой', хотя *исп.* doliente, *порт.* dolente 'больной, слабый, горестный'. Иногда значение сдвигается на одно звено в цепочке последовательных состояний или действий, например, латинское слово sponsus 'обрученный, жених' в романских языках сохранилось в значении «муж», а румынское слово nevastă значит не «невеста», а «жена». Особенно часто подобные сдвиги «на один шаг» наблюдаются в значениях глаголов, например: *лат.* plicare 'сгибать, складывать (паруса, палатки)' > *исп.* llegar, *порт.* chegar 'приходить, приезжать', *рум.* a pleca 'уходить, уезжать', *лат.* comparare 'сравнивать, прикидывать' > *исп., порт.* comprar, *ит.* comprare, *рум.* a cumpăra 'покупать' (ср. употребление *совр. фр.* payer 'платить' в значении acheter 'покупать'); или *лат.* sapere 'иметь вкус' > *ит.* sapere, *исп.* saber, *фр.* savoir 'знать'; или *лат.* gustare 'пробовать' > *исп.* gustar 'нравиться', *порт.* gostar 'нравиться, любить'; или *лат.* quaerere 'искать' > *исп.* querer 'хотеть', 'любить'; *лат.* afflare 'веять, дуть, доносить запах' > *исп.* hallar 'находить', *рум.* a afla 'узнавать, находить';

в) перенос значения на основании сходства понятий (метафора). В основе метафоры лежит скрытое сравнение, а ее первоначальной целью является образное представление понятия, его необычное косвенное наименование, для того чтобы привлечь внимание слушателя. Образная характеристика сообщает наименованию мотивированность (прозрачность этимологии), которая сохраняется и при утрате экспрессивной окраски. Метафора часто комбинируется с синекдохой и метонимией. Примеры: *лат.* testa 'черепок' > *фр.* tête 'голова', *рум.* țeastă 'череп'; *лат.* rostrum 'клюв' >

исп. rostro 'лицо'; *лат.* gurges 'пропасть, водоворот' > *фр.* gorge 'горло'; *лат.* ruga 'морщина'; *ст. исп.* rua 'тропинка, деревенская улица', *порт.* rua 'улица', *фр.* rue 'улица'; *лат.* calare 'ставить судно на прикол'; 'ослаблять', 'опускать' > *исп.* callar 'молчать', т.е. «опускать голос», хотя *ит.* calare 'опускать', *фр.* caler 'ставить машину'[1].

§ 110. **Причины лексических изменений.** Сохранение или изменение отношений между означающим и означаемым слова, а также появление новых лексических единиц, обозначающих новые понятия, обусловлено как внешними социолингвистическими, так и внутриязыковыми факторами.

К социолингвистическим предпосылкам относятся:

1. Контакты с иноязычными народами (о словах, проникших в народную латынь и ранние романские языки из языков субстратов и суперстратов см. выше, § 40).

2. Политические, социально-экономические и культурные изменения в эпоху поздней Римской империи и раннего средневековья. Обратим внимание на следующие явления:

а) Переоценка культурных ценностей («инверсия престижа»), связанная с распространением христианства. Запрещение читать и изучать классических латинских авторов и ориентация христианских проповедников на язык простонародья приводит к полному исчезновению из языка латинских слов «высокого стиля», не употреблявшихся в разговорной речи, например, pulcher 'красивый' заменилось полностью своими разговорными синонимами bellus > *ит.* bello, *фр.* bel (beau) и formosus > *исп.* hermoso, *рум.* frumos; interficere 'убивать' заменилось на occidere > *ит.* uccidere и mactare > *исп.* matar; ferre 'нести' на portare, слово 'кровь' на sanguis и т. п.

б) Принятие в качестве образца речи «простых людей» – ремесленников, воинов, моряков, ветеринаров и т. п. – приводит к широкому распространению специальной лексики. Специальные термины, попав в общий язык, расширяли свое значение и вытесняли классические латинские слова, например, «нога, голень» *лат.* crus заменилось на (греч.) camba 'скакательный сустав у животных' > *ит.* gamba, *фр.* jambe 'нога' и (греч.) perna 'задняя нога у животных' > *исп.* pierna 'нога'; 'война' *лат.* bellum заменилось на (герм.) wirra > *ит.* guerra; 'приходить' *лат.* advenire заменилось на adripare 'причаливать' > *фр.* arriver 'приходить, прибывать' и т. п.

В язык проникали также элементы христианской фразеологии. Так, слово (греч.) parabula (Christi) 'притча' (Христа), 'слово божье', приобретает значение «слово» вообще; *ит.* parola, *исп.* palabra, *фр.* parole. Captivus (Diaboli) 'пленный (дьяволом)' получает в итальянском языке значение 'плохой' – cattivo, во французском 'хилый' – chétif и др.

в) Феодализация хозяйственной и политической жизни, разрушение дорог, укреплений, городов и общий материальный упадок меняют сами обозначаемые предметы, их роль в жизни людей, а тем самым и обозначае-

---

[1] См. *Будагов Р.А.* Сравнительно-семасиологические исследования. – М., 1963. – С. 60–80.

мые словами понятия. 'Убогая хижина' – *лат.* casa принимает значение «дом» вообще; 'рабочая лошадь, кляча' – *лат.* caballus начинает обозначать «лошадь» вообще. 'Деревенское поместье' – villa принимает в Галлии значение «город». Таким образом, этимология слов часто отражает материальные и культурные условия жизни народа в момент образования его языка. Так, 'тропинка' *лат.* callis > *ст. ит.* calle, *исп.* calle, *рум.* cale получает значение «путь», «улица»; знаменитый мост через Дунай, построенный по приказу Траяна, считавшийся восьмым чудом света (см. Н.Г. Корлэтяну, 1974, 36), не оставляет следов в памяти романского народа Балкан, и даже само латинское слово 'мост' – pons, ponte(m), продолжается в румынском punte лишь в значении «жердочка, мостик» (*рум.* pod 'мост' славянского происхождения).

К внутренним причинам лексических сдвигов относятся:

1. Фонетическая краткость слова и возникновение «неудобных» омонимов в результате фонетических изменений. Так, глагол edere был фонетически «укреплен» приставкой com- еще в архаической латыни, comedere > *исп.* comer; глагол ire или вовсе исчез, как в итальянском, французском, румынском или в презенсе был заменен глаголом vadere, как в испанском. Латинское слово ōs 'рот' исчезло повсеместно, заменившись словом bucca 'щека' (в балкано-романском ареале – словом gula 'горло').

Согласно фонетическим законам староиспанского языка *н. лат.* camba 'нога' должна была совпасть по звучанию со словом cama 'кровать' и поэтому заменилось словом pierna 'нога'

Согласно фонетическим законам старофранцузского языка *лат.* apis 'пчела' и *лат.* avis 'птица' должны были звучать одинаково. Чтобы избежать этой омонимии, *ст. фр.* ei, es заменилось в значении «пчела» провансальским заимствованием abelha > abeille, а в значении «птица» распространилось уменьшительное образование avicellum > *фр.* oiseau 'птица'.

2. Системный характер связи между лексическими единицами в лексико-семантических группах, где замена означающего или означаемого одной из единиц вызывает «цепную реакцию» смещений у других единиц.

Например, исчезновение латинского слова os 'рот' вызвало переосмысление слова bucca ('щека' → 'рот'), а также латинского слова gula в румынском и народном французском ('горло' → 'рот'). В свою очередь, для понятия «щека» во всех языках, кроме испанского, были заимствованы: в итальянском *герм.* guancia, во французском кельт. joue, в румынском и молдавском *слав.* obraz; в испанском же «щека» передается через слово mejilla, восходящее к *лат.* maxilla 'челюсть', а для 'челюсти' возникает производное от греческого корня quijada < *capsata, от capsa 'ящик'. В связи с изменением значения *лат.* gula во французском и румынском возникли новые означающие для понятия «горло»: *фр.* gorge < *лат.* gurges 'пропасть', *рум.* gît, gîtlej (слав.). При этом наименьшее количество лексических замен дает итальянский, наибольшее – испанский и румынский:

лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
«челюсть»	maxilla	mascella	quijada	mâchoir	falcă
«щека»	bucca	guancia	mejilla	joue	obraz
«подбородок»	mentum	mento	barba	menton	bărbie

лат.	*ит.*	*исп.*	*фр.*	*рум.*
«рот»	os	boca	bouche, gueule	gură
«горло»	gula	gola	garganta	gît

3. Стремление к мотивировке означающего путем образования производных и аналитических наименований. Например, слово nihil 'ничто' потеряло обоснование своего смысла (свою «внутреннюю форму») с исчезновением из языка лат. слова hilum 'безделка' и было заменено сочетаниями nata res 'рожденная вещь' > *исп.* nada 'ничто', nulla res 'никакая вещь' > *ит.* nulla 'ничто', ne gente 'ни человека' > *ит.* niente 'ничто', ne mica 'ни крошки' > *рум.* nimic; *лат.* avus 'дед' заменяется на *фр.* grand-père, *рум.* tata mare и т. п.

Простые лексемы заменяются производными от слов, имеющих какое-либо отношение к обозначаемому: латинскому слову vir 'мужчина', в румынском соответствует bărbat от *лат.* barba 'борода', латинскому fenestra в испанском соответствует ventana от ventus 'ветер' и т. п. Прозрачность внутренней формы слова закрепляет его ассоциативные связи с другими словами языка и способствует его запоминанию.

4. Стремление разговорной речи к краткости (эллиптичности) обозначения. Отсюда: silva forestis 'чужой лес, лес феодала' > *ит.* foresta, *фр.* forêt 'лес'; via strata 'мощеная дорога' > *ит.* stradă, *рум.* stradă 'дорога', plicare tentoria 'складывать палатки' > *рум.* a pleca 'уезжать', plicare vela 'складывать паруса'> *исп.* llegar 'приезжать'.

5. Эмоциональность и экспрессивность разговорной речи. Помимо метафорического употребления слов, этой тенденцией объясняются индоязычные названия для забавных или экзотических предметов, например, германизм *ит.* zazzera 'грива, шевелюра', кельтизм *фр.* bouc 'козел', албанизм *рум.* țap 'козел' (при том, что 'коза' – *лат.* capra – как более нейтральное и употребительное слово сохранилось во всех романских языках).

Экспрессивность, вызывающая замену наименования, обычно связана с оценочными смыслами «плохо», «мало», заложенными в самих понятиях, тогда как их нейтральные синонимы и антонимы сохраняют свои наименования.

Ср. 'вода' – *лат.* aqua > *ит.* acqua, *исп.* agua, *рум.* apă, но 'грязь' – *лат.* lutum, *ит.* (герм.) fango, *фр.* (кельт) boue, *исп.* (ибер.) barro, *рум.* (слав.) noroi.

'хороший' – bonus – сохраняется во всех романских языках, 'плохой' – malus > *исп.* malo, *порт.* mau, но *ит.* cattivo, *фр.* mauvais, *рум.* rău, *кат.* dolent;

'большой' – grandis – слово, общее для всех романских языков кроме румынского и молдавского, тогда как parvus 'маленький' заменяется везде: *ит.* piccolo, *рум.* puțin, *исп.* pequeño, *фр.* petit; 'сильный' – fortis – имеет продолжение во всех романских языках, 'слабый' – имеет разные этимоны: *ит.* debole < *лат.* debilis, *фр.* faible < flebilis, *рум.* slab (славянизм); 'здоровый' – sanus имеет продолжение во всех романских языках, 'больной' – *лат.* aegrotus – имеет разные этимоны: *ит.* malato < *н. лат.* male habitus, *исп.* enfermo < *лат.* infirmus, *рум.* bolnav (славянизм).

6. Устойчивости связи между понятием и его наименованием, т.е. сохранность слова (не фонетическая) зависит в большой степени от характера обозначаемого понятия. Наиболее стабильной оказывается лексика таких сфер, как «физический мир», «человек», «части тела», «животные». Наименее устойчивы названия всего, что связано с деятельностью человека, с его мыслями, эмоциями и оценками.

Устойчивости слова способствует также отсутствие экспрессивных оттенков, употребительность во всех стилях речи, способность обозначать родовое понятие, например, *лат.* homo (в отличие от vir и mulier) сохранилось во всех романских языках в своем первичном значении «человек».

§ 111. Сравнительная характеристика словарного состава романских языков. Подсчеты, основанные на сопоставлении частотных словарей трех языков – французского, испанского и румынского показали, что из первых, наиболее употребительных 500 слов исконные латинские слова и слова, образованные на латинской основе, составляют во французском и в испанском – 366, в румынском – 325. Из них: (а) 60 слов являются общими (по форме и по первому или второму значению) для всех трех языков; (б) 36 слов – общие для испанского и румынского; (в) 27 слов – для румынского и французского и (г) 76 слов – для французского и испанского. Подключение итальянских соответствий к этим рядам показывает, что итальянский в случае (а) дает 59 совпадений (в ит. нет слова, восходящего к oblivisci, *oblitare 'забывать' – *фр.* oublier, *исп.* olvidar, *рум.* a uita), в случае (б) дает 35 совпадений (в ит. нет слова восходящего к afflare 'доноситься, доходить', *исп.* hallar 'находить' *рум.* a afla 'узнавать'), в случае (в) дает 26 совпадений (в ит. нет слова, восходящего к *н. лат.* *assediare, *assedere 'сидеть, сажать' – *рум.* a aşeza, *фр.* asseoir), в случае (г) дает 74 совпадения (в ит. нет слов, восходящих к *accapare 'кончать' – *исп.* acabar, *фр.* achever – и к plorare 'рыдать' – *исп.* llorar 'плакать', *фр.* pleurer 'плакать'). По данным Г. Рольфса, отобравшего 51 понятие для проверки лексических соответствий между разными романскими языками, румынский отклоняется от других романских языков в 25 случаях из 51; испанский и португальский – в 18 случаях, французский – в 13 случаях, итальянский – в 11 случаях. Минимальные лексические расхождения между парами языков обнаруживаются у испанского и португальского, каталанского и провансальского, итальянского и французского. Максимальные – у французского и румынского. Таким образом, дистанция между романскими языками в области лексики та же, что и в области грамматики.

Приведенные выше данные подтверждаются также более точными подсчетами В.Г. Гака[1], отобравшего 1000 слов из сопоставительного словаря P.M. Bergman. The Concise Dictionary of 26 Languages. N.-Y., 1968. и установившего чисто статистически степень «центральности» языка. Само понятие «центральности» определяется как максимальное количество общих слов (из отобранных 1000) у данного языка с другими языками и минимальное количество обособленных слов, свойственных только данному

[1] Приведенные ниже данные были любезно предоставлены авторам учебника проф. В.Г. Гаком.

языку. Кроме того, на том же материале были установлены пары наиболее близких друг к другу романских языков.

а) из 1000 слов свойственны только данному языку: итальянский – 197, французский – 242, испанский – 283, румынский – 431.

б) из 1000 слов общими с другими языками являются: в итальянском 80 %, во французском 76 %, в испанском 72 %, в румынском 57 %.

в) наиболее частые попарные лексические совпадения (исключая случаи совпадений всех четырех языков):

1. итальянский и французский – 310
2. итальянский и испанский – 274
3. французский и испанский – 241
4. итальянский и румынский – 139
5. французский и румынский – 114
6. испанский и румынский – 88.

Таким образом, итальянский оказывается, как и следовало ожидать, наиболее «центральным» языком не только по его географическому положению и по его прямым «родственным» связям с эпицентром романизации – Римом, но и по статистическим показателям. Его антиподом является румынский, который был географически и исторически наиболее обособленным романским языком, испытавшим сильное влияние древнеболгарского, греческого, венгерского и даже турецкого языков.

По мере развития романских языков, их исконная лексика, подобно фонетике и грамматике, тем больше дифференцируется, чем больший промежуток времени отделяет романские языки от их общего источника – народной латыни. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить общеупотребительные слова непрерывной устной традиции в старых и современных романских языках. Например:

ст. и совр. ит.	*ст. и совр. исп.*	*ст. и совр. фр.*
'много'–molto	mucho	mult–beaucoup
'слышать'–udire	oir	oir–entendre
'выходить'–uscire	exir–salir	eissir–sortir
'убивать'–uccidere	matar	ocire–tuer

Замена наименований у фундаментальных понятий происходила в разных языках неравномерно. Наиболее консервативным является, как в фонетическом, так и в лексическом отношении, итальянский язык, наиболее инновативным – французский (наряду с балкано-романскими языками).

В отличие от слов непрерывной устной традиции, книжная лексика романских языков становится по мере развития науки, публицистики, литературы все более единообразной благодаря распространению общероманских латинизмов, галлицизмов, итальянизмов (многие из них становятся также европеизмами) ср.: *лат.* cultura, *ит.* cultura, *исп.* cultora, *фр.* culture, *рум.* cultură, *англ.* culture, *русс.* культура; *лат.* natura, *ит.* natura, *исп.* natura, *фр.* nature, *англ.* nature, *русс.* натура и т. п.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В XIV–XIX вв.

ГЛАВА 1

УТВЕРЖДЕНИЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И ВЫРАБОТКА ИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ НОРМ

§ 112. Движение в защиту родного языка в странах романской речи. *Италия.* Образование романских языков на базе латинского происходило в процессе живого общения носителей языка. Вполне естественно, что и сформировавшись, романские языки и диалекты продолжали служить жителям стран романской речи прежде всего в сфере бытового общения. Постепенно, однако, они стали входить в другие области жизни: в церковные проповеди (ср. Турский поместный собор 813 г. § 26), в художественную литературу. Начиная с IX в., появляются произведения на религиозные темы, несколько позднее, в XI–XIII вв., на романских языках создаются произведения эпического и лирического жанра (см. §§ 55–62). Вместе с тем в этот период в романских странах существует богатая художественная литература и на латинском языке (см. § 26). Латынь продолжает оставаться языком науки. С большим трудом романские языки прокладывают себе путь в сфере делового общения.

Утверждение родного языка в Италии связано с именем выдающегося поэта эпохи раннего итальянского Возрождения Данте Алигьери (Dante Alighieri, 1265–1321), которого Энгельс охарактеризовал как колоссальную фигуру современной капиталистической эры, как последнего поэта эпохи средневековья и первого поэта нового времени[1].

В поэтическом творчестве Данте (поэме «Божественная комедия», многочисленных сонетах и канцонах) нашло отражение богатство выразительных средств итальянского языка, а созданный им философский трактат «Пир» доказал возможность выражать средствами родного языка абстрактные понятия.

В истории Италии и других стран романской речи Данте был первым

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 22. – С. 382.

автором, посвятившим защите родного языка специальный филологический трактат «О народном красноречии» (De vulgari eloquentia). Трактат был написан в период 1304–1309 гг. на латинском языке с целью привлечь к нему внимание противников введения родной речи в художественную литературу и науку.

Особый интерес представляет первая часть трактата «О народном красноречии». Она ценна прежде всего тем, что в ней впервые предложена классификация романских языков. Данте не называет ее так, более того, он излагает ее в связи со смешением языков после «Вавилонского столпотворения», но по существу это была именно попытка классифицировать известные поэту родственные языки, имевшие единый источник. Данте писал[1]: «...всю остальную часть Европы занимает третий язык, хотя теперь он и представляется трояким: ибо одни при утвердительном ответе говорят «ок», другие «ойл», третьи «си», а именно испанцы, французы и итальянцы. И явным признаком того, что наречия этих трех народов происходят от одного и того же языка, служит то, что многое в них обозначается одинаковыми словами, как Deus, celum[2], amor, mare, terra, est, vivit, moritur, amat и чуть ли не все остальное» (с. 276). Данте ошибся, назвав испанцами носителей языка-«ок» (провансальцев). Однако в целом наблюдения Данте справедливы, а для его времени, когда романские языки не только не изучались, но еще по-настоящему и не утвердили себя, это было оригинальное и ценное высказывание.

В трактате рассматриваются итальянские диалекты с целью (как ее формулирует автор) отыскать «блистательную» и «правильную» италийскую (= итальянскую) речь, которая «ощутима в любом городе и ни в одном из них не залегает», которая составляет «собственность каждого и ни одного в отдельности италийского города», но по которой «все городские речи италийцев измеряются, оцениваются и равняются» (с. 285). Народной речью, по мнению Данте, «пользуются в Италии блистательные мастера поэтических творений на народном языке – сицилийцы, апулийцы, тосканцы, романьольцы, ломбардцы...» (с. 287). Своим поэтическим творчеством Данте представлял тосканский (флорентинский) диалект итальянского языка, что в дальнейшем сыграло важную роль в формировании итальянского литературного языка (см. § 7). Однако здесь Данте проводит идею единства итальянского языка, стремится доказать, что литературный итальянский язык должен впитать в себя все лучшее, созданное носителями многочисленных итальянских диалектов, в первую очередь поэтами. Единого литературного итальянского языка в то время не было, то, что утверждает Данте – это лишь желаемое. Однако для дальнейшего развития итальянского литературного языка призыв Данте сыграл несомненно положительную роль. Многие высказывания Данте об итальянских диалектах до сих пор не утратили своего значения.

Защищая право родного языка быть языком художественной прозы и поэзии («блистательная италийская речь приличествует столько же

[1] Здесь и далее цитируется по кн.: *Данте Алигьери.* Малые произведения. – М., 1968.

[2] Классич. лат. caelum.

прозаическим, сколько и стихотворным произведениям», с. 287), Данте, тем самым, отстаивал его преимущества перед латынью, его выразительность и способность передать мысль во всех ее нюансах.

Во второй части Данте доказывает, что из всех стихотворных размеров «превосходнейшим» является канцона, подробно характеризует ее и дает ряд практических советов. Трактат остался незаконченным.

Труд Данте – это первое проявление научного интереса к итальянскому языку и его диалектам, это первое рассуждение о возможности создания на основе диалектов единого итальянского литературного языка, это первое свидетельство понимания единства происхождения романских языков и первая попытка их классификации.

В начале XVI в. в Италии создаются первые грамматики итальянского языка (по терминологии их авторов: народного языка – della Volgar Lingua). Это «Грамматические правила» Франческо Фортунио и «Прозы» Пьетро Бембо. Последний труд представлял собой рассуждения о народном языке, о его формах и их употреблении, изложенные в трех частях (книгах) в виде письменного монолога, обращенного к кардиналу Медичи. Оба труда развивали мысль, уже ранее, за два века до этого, высказанную Данте, о достоинствах родного языка. Они ориентировались на тосканский диалект (родной диалект Данте, Петрарки, Боккаччо, ср. § 60).

Франция. Задачу защиты прав французского языка взяли на себя здесь семь поэтов литературной группы под названием «Плеяда»[1], среди которых наиболее известны Пьер Ронсар (Pierre de Ronsard, 1524–1585) и Жоашен Дю Белле (Joachim du Bellay, 1522–1560). Манифестом Плеяды явился трактат Дю Белле «Защита и прославление французского языка» (в орфографии того времени: «La Deffense et Illustration de la langue francoyse», 1549), в котором говорилось о том, что французский язык – это язык, достойный самых высоких похвал, что он богат и благороден, что он лучшее создание литературы («notre Langue, la fleur et le fruit des bonnes Lettres»). Манифест призывал поэтов и писателей к неограниченному творчеству в области языка, к его дальнейшему обогащению. Этот призыв нашел наиболее полное воплощение в романе Франсуа Рабле (François Rabelais, ок. 1494–1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль», язык которого особенно богат неологизмами, архаизмами, диалектными словами, заимствованиями из других языков. Многие слова, созданные Рабле, вошли в литературный французский язык.

В XVI в. появляются первые грамматики французского языка: грамматика Жака Дюбуа (Сильвиуса), написанная на латинском языке, трактаты по французской орфографии и по грамматике французского языка Луи Мегре, который предложил реформировать французскую орфографию с целью приблизить ее к произношению. Это также грамматика Пьера де ла Раме (Рамúса), трактаты по грамматике французского языка, авторами которых были отец и сын (Робер и Анри) Этьенн(ы) и др.

---

[1] Так в III в. до н. э. именовалась группа александрийских поэтов, которых тоже было семь; само же слово Плеяда, а точнее Плеяды, заимствовано из древнегреческой мифологии, где оно обозначало семь дочерей Атланта.

Деятельность поэтов Плеяды, трактат Дю Белле, творчество Франсуа Рабле, создание грамматик, медицинская литература, богословские трактаты, появившиеся в этот же период на французском языке, — все это имело результатом признание права французского языка быть использованным в художественных произведениях и в научной литературе. А ордонанс Франциска I (см. § 4) закрепил его права как административного языка и языка деловых документов по всей территории Франции.

В *Испании* защита родного языка связана с деятельностью в основном двух филологов: Антонио де Небрихи[1] (~1444–1522) и Хуана де Вальдéса (ум. в 1541 г.).

Антонио де Небриха (Antonio de Nebrija) — преподаватель древних языков, автор латинско-кастильского и кастильско-латинского словарей и первой в истории романского языкознания грамматики родного языка (Gramatica castellana, 1492).

Создавая «Грамматику» А. де Небриха ставил целью зафиксировать инвентарь многочисленных форм и конструкций, которыми располагал испанский язык его времени, классифицировать их, сопоставить там, где это возможно, с латинскими, особо отметить те из них, которых латинский язык не имел. Это был первый опыт систематизации грамматических средств испанского языка, наглядно показывающий их богатство и разнообразие. Многие наблюдения А. де Небрихи до сих пор не утратили своей ценности. «Грамматика» переиздавалась. Последнее из известных изданий относится к 1946 г. (Мадрид). Оригинал воспроизведен в нем дважды — в современной орфографии с некоторыми коррективами издателей (т. I) и факсимильным (фотокопировальным) способом (т. II). Тексту предпослана вступительная статья (Introducción), он снабжен подробным комментарием (Notas).

Большой научный интерес как важный для истории испанского языка и истории романистики документ представляют и созданные А. де Небрихой «Правила орфографии кастильского языка» (Reglas de orthographia en la lengua castellana, 1517). Они также переиздавались. Их последнее издание осуществлено в 1977 г. в столице Колумбии г. Богота. Оригинал и в нем воспроизведен как в современной орфографии, так и факсимильным способом. Подробный анализ текста дан во вступительной статье (Estudio).

Хуан де Вальдес (Juan de Valdés) — просветитель, сыгравший важную роль в истории испанской культуры, известен, в частности, как автор «Диалога о языке» ("Diálogo de la lengua", 1535–1536). В течение двух столетий книга существовала в рукописи и была издана лишь в XVIII в. Авторство Вальдеса было установлено еще позднее. Книга переиздавалась. Последнее издание — Мадрид, 1964. Подобно «прозам» П. Бембо, «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса не есть грамматика в собственном смысле слова, это рассуждения о языке, о необходимости создания правил «хорошего слога», образцом которого должна стать речь образованных людей столицы и королевского двора[2].

[1] В его фамилии имеются разночтения: Небриха или Лебриха.

[2] Подробнее о деятельности названных просветителей и о их трудах см.: *Левицкая Э.И.* Лебриха и Вальдес (из истории литературной нормы испанского языка) // Общее и романское языкознание. М., 1972.

Труд Хуана де Вальдеса явился своеобразным предвестником развернувшейся веком позднее, в первую очередь во Франции, деятельности ученых, направленной на упорядочение языка, его правильное употребление (bon usage). Впрочем, об ориентированности «правильной» речи на королевский двор писал и Данте: «Ибо, если королевский двор является средоточием всего королевства и августейшим правительством для его частей, то и эта речь должна быть общей для всех, а не чьей бы то ни было частной собственностью, и ей следует пребывать и обитать при дворе; и никакая иная обитель не достойна такой обитательницы, каковой является народная речь, о которой мы говорим» (с. 286).

Выразительные возможности испанского языка нашли подтверждение в творчестве автора всемирно известного романа «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса (1547–1616), в языке персонажей многочисленных, также получивших мировое признание, комедий Лопе де Вега (1562–1635) и его школы, в пьесах Педро Кальдерона (1600–1681) и других писателей и поэтов эпохи испанского Возрождения и более поздних периодов.

В *Португалии* защита родного языка, выработка его литературной нормы связаны с творчеством многих поэтов и писателей эпохи Возрождения, таких, например, как Жуан де Ба́рруш (1496–1570), известный историограф эпохи Великих географических открытий, Антóниу Феррéйра (1528–1569), поэт, автор лирических стихотворений, Луíш де Камóинш (1524 или 1525–1580), один из наиболее крупных национальных поэтов Португалии, автор свыше 350 сонетов, нескольких комедий и широко известной поэмы «Лузиады» (лузиады – потомки лузитан), в которой в стихотворной форме описано путешествие Васко да Гамы к берегам Индии.

Румыния. В Валашском и Молдавском княжествах вплоть до XVIII в. письменным языком был древнеславянский литературный язык[1]. К началу XVI в. относятся переводы религиозных текстов на родной язык: имена переводчиков до нас не дошли, а сами тексты переводов сохранились фрагментарно (см. § 63). В конце XVIII в. появляется художественная литература на румынском (молдавском) языке, а в течение XIX в. происходит выработка литературных норм, которой во многом способствовало творчество таких видных писателей и поэтов, как Васи́ле Алекса́ндри, Михáй Эмине́ску, Йон Лу́ка Караджа́ле, Йон Крянгэ и др. Уже в первой половине XIX в. на родном языке широко ведется политическая и литературная полемика, углубляются приемы историографического повествования (первые оригинальные валашские и молдавские хроники датируются XVII–нач. XVIII вв.), издается научная и художественная литература разных жанров, выходят периодические журналы.

§ 113. Создание Академий и основные направления их деятельности. В течение XVI–XVIII веков в трех романских странах с перерывом в несколько десятилетий возникают специальные филологические центры –

[1] См.: *Копыленко М.М.* Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? // Советское славяноведение. – 1966. – № 1. – С. 41.

Академии: в 1583 г. в Италии – Академия Круска (Accademia della Crusca)[1], в 1635 г. во Франции – Французская Академия (Académie Française) и в 1713 г. в Испании – Королевская Академия (Rea. Academia).

Все три Академии с самого начала сосредоточили свои усилия на составлении толковых словарей. Все они ставили своей задачей зафиксировать родной язык в том виде, в каком им пользуется высшее общество. Однако Академии были созданы в разное время, условия исторического развития каждой страны оказались различными, и это не могло не отразиться на особенностях деятельности каждой из них.

Итальянская *Академия Круска* возникла в Италии в тот момент, когда политическое влияние Флоренции ослабло, когда среди образованной части общества обострилась борьба между сторонниками и противниками авторитета тосканского диалекта, особенно остро встал вопрос о создании единой литературной нормы. Подготовленный Академией Круска словарь был полностью ориентирован на классический тосканский образец: на язык Данте, Петрарки, Боккаччо[2]. Помимо толкования слов, словарь содержал стилистические пометы типа «просторечное», «архаичное», многочисленные цитаты из художественных произведений, пословицы и поговорки, латинские, а иногда и греческие эквиваленты итальянских слов. Появление академического словаря, как и сам факт создания Академии, явились важными событиями для развития филологической мысли в Италии и Европе XVI–XVII вв.

Академия Круска продолжала свою деятельность и в последующие годы. В наши дни она занимается не только вопросами лексикографии, но и проблемами грамматики и более общими вопросами филологии, являясь основным научно-исследовательским центром Италии по изучению итальянского языка.

Исторические условия создания *Французской Академии* и первоначальный период ее деятельности определены укреплением абсолютизма во Франции, возрастающей ролью королевской власти и королевского двора. Это наложило отпечаток и на программу Академии, и на ее ориентацию, и на подбор ее членов. С самого начала Академия направила свои усилия на создание словаря, целью которого было помочь французскому языку сохранить свою чистоту («mettre la Langue Françoise en estat de conserver sa Pureté»). Многолетний труд (на составление словаря ушло около 60 лет) членов Французской Академии завершился выпуском двухтомного словаря (1694). В первом издании слова были сгруппированы по гнездам, т.е. по общности их корней, однако, уже начиная со второго издания (1718), авторы перешли на алфавитный способ подачи слов, поскольку избранный

---

[1] Основная цель деятельности Академии – очищение языка, отсюда и ее название (в переводе на русский язык – Академия Отрубей).

[2] В первом издании (1612) это был один том, насчитывающий около тысячи страниц, при последующих изданиях, а его последнее, пятое, издание датировано 1863–1923 гг., словарь выходил уже в нескольких томах или выпусках. Подробно о словаре см.: *Касаткин А.А.* Словарь Академии Круска // НДВШ. Филологические науки. – 1963. – № 4.

ранее метод организации словаря, по общему мнению всех, кто им пользовался, не оправдал себя.

Словарь Французской Академии стимулировал лексикографическую работу во Франции и внес свой вклад в нормирование французского литературного языка. Он неоднократно переиздавался.

При составлении академического словаря авторы ориентировались на язык высшего парижского общества (или, как они пишут в Предисловии к первому изданию, на речь почтенных людей: des honnestes gens) и на язык лучших писателей, что определило отбор слов, включаемых в словарь: он содержал далеко не все слова французского языка, а лишь те из них, которые соответствовали избранному эталону, иначе говоря, авторы подходили к составлению словаря пуристически. Это вызвало отрицательную реакцию некоторых членов Академии. Один из них, Антуан Фюретьер (1619–1688), еще до выхода в свет словаря Академии, издал брошюру-проспект составляемого им, независимо от словаря Академии, полного («всеобщего») словаря, который должен был содержать все французские слова без каких-либо ограничений. Фюретьер реализовал свой план (правда, подготовленный им словарь вышел уже после его смерти), однако за одну только публикацию проспекта будущего словаря его автор был исключен из Академии.

Пуризм Французской Академии имел два противоположных по характеру следствия.

С одной стороны, под влиянием лингвистической деятельности Академии у определенной части аристократического общества столицы появилось стремление к вычурности выражения, диктуемое желанием сделать речь более изящной (так называемый прециозный стиль). С самого начала своего возникновения прециозный стиль вызвал у многих ироническое отношение. Мольер высмеял его в своих «Смешных жеманницах», где он изобразил двух провинциалок, переехавших в Париж и поддавшихся модному в то время увлечению изысканностью выражения, манер, обращения. Речь героинь его комедии и речь переодетых слуг, подосланных с целью проучить двух жеманниц, пестрит вычурными выражениями типа «наперсник Граций = зеркало», «удобства собеседования = кресла», «лицезреть, почивать, заселить пустыню бала, заполнить пустоты собрания» и т. п. Увлечение прециозностью оказалось недолговечным.

Другим следствием филологической деятельности Французской Академии, на этот раз положительным, было то, что она стимулировала процесс выработки литературной нормы во Франции. Один из членов Академии (первый редактор академического словаря) Клод Вожла (его полное имя Клод Фавр де Вожла, Claude Favre de Vaugelas, 1585–1650) в 1647 году опубликовал «Замечания о французском языке» (с подзаголовком: Полезные тем, кто хочет хорошо говорить и хорошо писать). В предисловии к «Замечаниям» (в орфографии того времени: «Remarques sur la langue françoise») Вожла пишет о том, что в его задачи входит не устанавливать законы и не реформировать язык, а лишь ознакомить читателя с правильной формой выражения и что именно поэтому он озаглавил свой труд как «замечания» («ремарки»), а не как законы, правила и т. п. Ориентиром «правильного употребления» (bon usage) ему служил язык королев-

ского двора и аристократической части столичного общества. В своих «Замечаниях» Вожла разъясняет, например, с каким из двух существительных, если они принадлежат разному роду, согласуется прилагательное, когда прилагательное ставится перед существительным, а когда после него, какие предлоги употребляются после тех или иных глаголов и т. п. Он отмечает способы выражения, которые встречаются у вполне уважаемых авторов, но не соответствуют узусу и которым не следует подражать, высказывает соображения по поводу произношения некоторых слов, употребления близких по значению слов и т. д.

«Замечания» Вожла явились событием в филологической жизни Франции его времени. Они и сейчас не утратили значения как исторический документ очень важного для истории Франции периода — первых опытов нормализации языка, выработки его литературных норм. Достаточно сказать, что в течение XVII в. «Замечания» Вожла выдержали 20 изданий (при жизни автора вышло в свет только их первое издание). Книга Вожла переиздавалась, в том числе с некоторыми дополнениями, и в последующие века.

Еще до создания Французской Академии о необходимости выработки литературной нормы писал видный поэт и теоретик французского языка XVII в. Франсуа Малерб (François de Malherbe, 1555–1628), который призывал к отбору слов, выражений и грамматических форм. Вожла продолжил начатое им дело.

Значительным событием для развития научной мысли во Франции, имеющим самое непосредственное отношение к выработке литературной нормы французского языка, явилась грамматика, составленная двумя учеными, трудившимися в стенах монастыря Пор-Руаяль[1]: Антуана Арно (Antoine Arnauld, 1612–1694) и Клода Лансло (Claude Lancelot, 1615–1695), которая называлась «Всеобщая и рациональная грамматика» (Grammaire générale et raisonnée, 1660), в предисловии к последующим изданиям и в научной литературе она именуется как Грамматика Пор-Руаяля (Пор-Рояля).

Оба автора были знающими грамматистами, один из них (Лансло) опубликовал серию грамматических пособий по латинскому, греческому, итальянскому и испанскому языкам. Их совместный труд, сравнительно небольшой по объему: 216 страниц малого формата, но ценный по содержащимся в нем наблюдениям, ставил своей целью осмысление грамматической структуры французского языка с точки зрения разума (логики). Подзаголовки, которыми сопровождалось общее название грамматики, недвусмысленно указывали на то, что в задачи авторов входило нормирование языка: «Основы искусства говорить, объясненные ясно и естественно», «Несколько новых замечаний о французском языке». Последний из приведенных подзаголовков свидетельствует о преемственности между их грамматикой и «Замечаниями» Вожла. Однако их «замечания» представляли собой не просто дополнения к книге предшественника, а попытку

[1] Монастырь был основан в 1204 г. около Версаля, в 1625 г. резиденция была перенесена в Париж, просуществовал до 1790 г.

сопоставить его наблюдения с собственными и найти описываемому явлению объяснение.

Примером того, как авторы «Грамматики» Пор-Руаяля дополняют и развивают Вожла, может служить правило, сформулированное последним, о том, что существительное без артикля не допускает после себя употребления местоимения qui 'который' и что, следовательно, qui появляется только после существительного, имеющего при себе артикль. Авторы «Грамматики» подыскивают ряд совершенно правильных с точки зрения узуса предложений, в которых местоимение qui стоит после существительного, не имеющего артикля: Il imite *Virgile*, qui est le premier des poètes или Je suis *homme* qui parle franchement или Une sorte de *bois* qui est fort dur и т. п. и показывают, что в этих случаях нет отклонения от правила и что дело не в том, что при существительном должен обязательно быть артикль, а в том, чтобы оно было тем или иным способом детерминировано (déterminé), т.е. чтобы оно представлялось как достаточно определенное, именно в этом, по их мнению, состоит требование разума. Объяснение, как видим, близко к современному[1].

Труд Арно и Лансло назывался грамматикой, однако в нем изучались также звуки и буквы (мы сказали бы сейчас – фонетика и орфография). В их книге присутствует и элемент сравнения, в частности с латинским языком. На это указывается в одном из трех подзаголовков грамматики (два других приведены ранее): «Основания того, что является общим для всех языков, и главные различия, которые в них встречаются».

Грамматика Пор-Руаяля сыграла важную роль в развитии научного интереса к французскому языку. И хотя иногда авторы, увлеченные логическими категориями, переносили их на грамматические, «Грамматика» способствовала теоретическому осмыслению языка, его лучшему пониманию.

Французские писатели-классики XVII в. (Корнель, Расин, Мольер и другие) ориентировались на вырабатываемую теоретиками языка литературную норму и своим творчеством совершенствовали, уточняли и дополняли ее.

Важнейшим событием XVIII в., имевшим огромное значение для истории многих стран Европы, была французская буржуазная революция 1789 г., которая свергла монархию во Франции, установила республиканский строй, привела к демократизации всей жизни французского общества. Французская революция явилась своеобразной революцией и для языка: она открыла доступ в язык всем тем словам, выражениям, грамматическим формам, которые продолжали существовать в разговорной речи, но которые сознательно изгонялись из литературной нормы ревнителями ее чистоты и ориентированности на язык королевского двора. Революция была во многом подготовлена деятельностью французских писателей-просветителей и философов XVIII в.

Вольтер (1694–1778), Дени Дидро (1713–1784), Жан Жак Руссо

---

[1] Анализ Грамматики см.: *Donzé R.* La grammaire générale et raisonnée de Port-Royal // Contribution à l'histoire des idées grammaticales en France. – Berne, 1967.

(1712–1778) и другие писатели века Просвещения существенно обогатили французский язык. На страницах «Энциклопедии» (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers), издававшейся Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбером в период 1751–1780 гг. (35 томов) и объединявшей передовых французских ученых, писателей, философов, широко обсуждались вопросы языка.

Французская буржуазная революция 1789 г. упразднила Академию. Она была воссоздана позднее, уже в середине XIX в. В наши дни Французская Академия продолжает свою филологическую деятельность. Основным ее направлением по-прежнему являются лексикографические исследования (работа над словарем).

Филологическая работа во Франции ведется в настоящее время разными секциями Национального совета научных исследований, а также филологическими научными центрами, созданными при наиболее крупных университетах. С 1865 г. существует Парижское лингвистическое общество (см. § 122).

Испанская Академия возникла тогда, когда две другие романские Академии выпустили не одно издание своих словарей, и, следовательно, она располагала накопленным до нее опытом лексикографической работы. К тому же Испания в это время уже имела творческое наследие таких мастеров слова, как Сервантес, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерон и др. Вместе с тем, в Испании, несмотря на то, что испанский язык прочно вошел в художественную литературу и широко использовался во всех областях повседневной жизни общества, в начале XVIII в., когда создавалась Академия, все еще была достаточно сильна латинская традиция. Эти три обстоятельства в известной мере определили особенности деятельности Испанской Королевской Академии.

Имея предшественников по лексикографической работе в Италии и во Франции, члены Испанской Академии прежде всего приступили к подготовке словаря. Его первые выпуски появились уже через 13 лет после создания Академии. Словарь Испанской Академии получил название «Словарь авторитетов», поскольку его основу составили примеры, взятые из произведений классиков испанской литературы от ее первых памятников до XVIII в. Во Вступлении к словарю (Prologo) излагаются задачи, которые авторы ставили перед собой при подготовке словаря, объясняются приемы построения словарных статей, затем следует несколько вводных разделов: «Об истории Испанской Королевской Академии», «О происхождении кастильского языка», «Об этимологиях», «Об орфографии»[1].

В отличие от двух других Академий, Испанская Академия не ограничила свою деятельность изданием словаря, она обратилась к созданию грамматики испанского языка (обе названные ранее Академии также ставили своей целью создание грамматик, но Академия Круска так и не реализовала

[1] См.: *Diccionario de Autoridades.* Diccionario de la Lengua Castellana. Edición facsimil. – Madrid, 1979. – Vol. I–III.; О содержании словаря и его структуре см.: *Гущина М.А.* «Словарь авторитетов» и его место в испанской лексикографии // Вестник Московск. ун-та. – Сер. «Филология». 1971. – № 3.

своих планов, Французская Академия сумела сделать это только в 30-е годы XX века). Созданная Испанской Академией грамматика, получившая название "Gramática de la lengua castellana" (в издании 1973 года она носит название "Esbozo (эскиз, набросок, опыт) de una nueva gramática de la lengua española"), вышла первым изданием в 1771 г., уже на следующий год она была переиздана и в дальнейшем переиздавалась неоднократно. В предисловии к «Грамматике» отмечалось, что она ставит целью «обучить молодежь основам языка с тем, чтобы, говоря на своем языке чисто и правильно, она умела пользоваться им с достоинством и красноречием» (цитируется по изд. 1825 г.). В некоторых случаях, правда, авторы «Грамматики» следовали латинской модели, например, изучая употребление существительных, они соотносили его с шестью латинскими падежами и на этом основании устанавливали парадигму склонения испанского существительного, также включающую шесть падежей, и др. Академическая Грамматика испанского языка (в последнем издании она значительно расширена и во многом пересмотрена, в нее введен раздел «Фонология», устранены параграфы о склонении существительных и т.д.[1]) сохранила до наших дней статус официальной грамматики, так же как Испанская Академия – статус одного из основных филологических центров Испании.

В истории *Румынии* оставила след просветительская деятельность так называемой Трансильванской школы (конец XVIII–нач. XIX вв.), во главе которой стояли Самуи́л Ми́ку, Ге́орге Ши́нкай, Пе́тру Ма́йор, Йон Буда́й-Деля́ну и др. Представители Трансильванской школы собрали и опубликовали ценные исторические материалы, подготовили переход со славянского алфавита (кириллицы) на латинский (этот переход официально состоялся в 1860 г.).

Трансильванская школа имела своих последователей в лице ученых, причислявших себя к направлению (течению) латинистов, возникшему в 30-е годы XIX в. и просуществовавшему примерно до 1880 г. Среди представителей этого направления были прогрессивные филологи, как, например, Тимоте́й Ципариу (Timotei Cipariu, 1805 -1887), заложивший основы исторической грамматики. Были, однако, и такие представители этой школы, которые сделали своим основным занятием искусственную латинизацию языка: создавая словарь, они не просто включали или не включали в него слова, а меняли их облик, приближая их к латинским. Ненаучный подход к языку некоторых «латинистов» вызвал критику со стороны ученых, не входивших в это направление.

Одним из создателей румынской и молдавской филологии по праву считается Богда́н Петриче́йку Хашде́у (1838–1907), автор многочисленных научных исследований, филолог, историк, писатель. Ему принадлежит трактат по сравнительно-индоевропейской филологии (Principii de filologie comparativă ario-europee, 1875). Он собрал, прокомментировал и опубликовал старые тексты, начал издание большого «Этимологического словаря» (1886–1898: ученый успел подготовить и выпустить четыре тома, в кото-

[1] Подробно см.: *Васильева-Шведе О.К.* О проекте новой академической Грамматики испанского языка // Исследования по романской филологии. – Л., 1978.

рых рассматривались слова, начинающиеся с букв a и b, до слова bărba:). В предисловии к словарю Б. Петричейку Хашдеу изложил свою лингвистическую концепцию, подчеркнув особую важность учета при исследовании лексики такого момента как употребительность слов[1]. Хашдеу был в числе первых членов Румынской Академии.

Академия в Румынии создана в 1879 г. До этого существовало, начиная с 1866 г., Румынское Литературное Общество, затем – Румынское Академическое Общество (вице-президентом последнего был Т. Ципариу).

В 1948 г. Румынская Академия преобразована в Академию (Наук) Румынской Народной Республики, после 1965 г. – Академия (Наук) Социалистической Республики Румынии. Это один из ведущих научных, в том числе филологических, центров страны.

В *Молдавской ССР* в 1949 г. на базе основанного ранее (1939) Научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики создан Молдавский филиал Академии Наук СССР, который в 1961 г. преобразован в АН МССР. В составе АН МССР – ряд научно-исследовательских институтов, среди которых Институт языка и литературы, где ведется большая научная работа в области филологии. К наиболее плодотворно развивающимся ее направлениям могут быть отнесены диалектология, лексикология и лексикография, изучение литературной нормы современного молдавского языка, история языка и история литературы, вопросы романского и общего языкознания, проблемы балканистики. Эти же направления успешно разрабатываются и учеными МССР – преподавателями вузов Республики[2].

В конце XIX в. созданы Академии языка (литературы) в некоторых *латиноамериканских странах*. Направление деятельности большинства из них – лексикологическое и лексикографическое: издается большое количество словарей, в том числе словарей американизмов в испанском и португальском языках, публикуются исследования, посвященные вопросам лексики и фразеологии, изучается взаимодействие индейских языков с испанским и португальским. Начиная с 30–40-х гг. XX в., в латиноамериканских странах создаются филологические центры и филологические факультеты, а с 1962 г. в Уругвае существует «Ассоциация лингвистики и филологии Латинской Америки», в задачи которой входит координация филологических исследований, организация конгрессов и т. п. Большое внимание развитию филологических исследований уделяет правительство Республики Куба. С 1965 г. при Академии Наук Кубы существует «Институт литературы и лингвистики».

---

[1] Подробно см. вступительную статью к переизданию словаря: *Petriceicu-Hasdeu B.* Etymologicum Magnum Romaniae. – Bucureşti, 1972. – Vol. I. – P. V–XXX (автор вступительной статьи и отв. редактор издания: Gr. Brâncuş).

[2] См. библиографические справочники: *Молдавское советское языкознание (1924–1974)* / Сост. Л.А. Гуцул, Е.И. Рошкован. – Кишинев, 1975; *Молдавское языкознание в советской печати* //Сб. обзоров / Сост. М.Ф. Талмацкая. – Кишинев, 1978; *Молдавское советское языкознание (1975–1980)* / Сост. Е.И. Рошкован. – Кишинев, 1983, а также журнал «*Limba şi literatura moldovenească*», в котором регулярно публикуются статьи на лингвистические и литературоведческие темы и рецензии на исследования, выполненные советскими, в том числе молдавскими филологами.

В *Канаде* большую лингвистическую работу, особенно по изучению канадского варианта французского языка, проводит «Общество по изучению французского языка» (Квебек) и Канадско-Французская Академия (Монреаль), созданные, соответственно, в 1943 и 1944 гг.

§ 114. Изучение романских языков в России в XVIII–XIX вв. Характерной чертой XVIII–XIX вв. в истории европейских стран, в том числе России, является зарождение и интенсивное развитие капиталистического способа производства, капиталистических производственных отношений. Этот процесс сопровождался усилением контактов между странами: достаточно вспомнить деятельность Петра I, уже в начале XVIII в. неоднократно выезжавшего за пределы страны, широко использовавшего опыт иностранных специалистов. В конце XVIII в. наблюдается приток в Россию иммигрантов романского происхождения[1].

Контакты с европейскими странами требовали практического знания иностранных языков. В XVIII в. для России, как и для ряда других стран мира, особенно актуальным становится создание практических грамматик, пособий по разговорной речи, двуязычных словарей. В течение XVIII в. в России издаются переводные и оригинальные грамматики французского языка, грамматики итальянского языка, а позднее, уже в XIX в., появляются первые руководства по другим романским языкам, выходит в свет большое количество двуязычных словарей, многочисленные практические пособия[2].

Научный интерес к западноромапским языкам и их истории возник в России во второй половине XIX в.

В 1870 г. в Петербургский университет пришел в качестве преподавателя видный специалист по всеобщей литературе Александр Николаевич Веселовский (1838–1906). Это был филолог широкого профиля: он исследовал литературу итальянского Возрождения, занимался сравнительно-историческим изучением европейских литератур. В круг его научных интересов входили поэтика, особенности языка и стиля поэтических произведений и многие другие вопросы[3].

В Петербургском университете А.Н. Веселовский возглавил кафедру всеобщей литературы. Он значительно расширил преподавание иностранных языков и ввел изучение древних текстов, считая необходимым условием успешной филологической работы хорошее знание раннеромапских литератур в оригинале. А.В. Веселовский организовал романо-германский кружок, который объединил молодежь, интересующуюся филологией, и который в дальнейшем перерос в самостоятельное Неофилологическое общество. По его инициативе в Петербургском университете было открыто

---

[1] См.: *Шишмарев В.Ф.* Романские поселения на юге России. – Л., 1975.

[2] Подробно см.: *Степанов Г.В.* История изучения романских языков в России и СССР // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1958. – № 232. – Вып. 35. – С. 165–174.

[3] См.: Александр Николаевич Веселовский // *Шишмарев В.Ф.* История итальянской литературы и итальянского языка. – Л., 1972. – С. 284–335.

романо-германское отделение. Несколько позднее аналогичные отделения возникли в Московском, Киевском, Харьковском университетах.

В течение XIX–нач. XX вв. в России велась большая работа по созданию учебников и грамматик молдавского (валахо-молдавского) языка. В Петербургском университете в 1839 г. была создана кафедра валахо-молдавского языка. В конце XIX в. возник научный интерес к молдавскому (румынскому) языку в связи с изучением молдаво-(румыно-)славянских языковых контактов[1].

Практическое изучение романских языков, чтение в оригинале раннероманских литературных текстов, интерес к вопросам языкового взаимодействия — все это создавало предпосылки для собственно теоретических исследований в области романских языков. Однако как самостоятельная отрасль отечественной филологии романистика в нашей стране сложилась уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

ГЛАВА II

ФОРМИРОВАНИЕ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

§ 115. Сравнительно-историческое изучение романских языков. XIX в. за рубежом характеризуется повышенным вниманием к изучению языков прежде всего в историческом аспекте. Научный интерес к древнему состоянию романских языков связан с именем Франсуа Ренуара[2] (1761–1836), члена Французской Академии, автора первой грамматики старопровансальского языка. Он назвал свою грамматику «Грамматикой романского языка» (Grammaire de la langue romane. — Paris, 1816), поскольку считал старопровансальский промежуточным (общероманским) языком, представляющим переходный этап развития от латинского языка к романским. Этому ученому принадлежит заслуга издания многочисленных старофранцузских и старопровансальских текстов, создание словаря старопровансальского языка.

В конце XVIII в. в Европе стал известен древнеиндийский язык — санскрит, в котором просматривались некоторые сходные черты с древними европейскими языками, такими, в частности, как латинский и древнегреческий. Возникла гипотеза о родстве названных языков, которая в дальнейшем нашла подтверждение в трудах немецких исследователей Франца Боппа («О системе спряжения в санскрите в сравнении с системой спряжения в греческом, латинском, персидском и германских языках», Франкфурт-на-Майне, 1816; на немецком языке), Якоба Гримма («Немецкая

---

[1] См.: *Касаткин А.А.* Вклад ученых Ленинградского университета в развитие романского языкознания // Вестник Ленингр. ун-та. — Сер. истории, языка, литературы, 1969. — № 2. — Вып. 1. — С. 110; *Репина Т.А.* Румынистика в России и СССР // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. — М., 1981. — С. 55–58.

[2] Фамилии ученых за немногими исключениями даются в их русской огласовке. Оригинальное написание, так же как и названия трудов на соответствующем языке можно найти в книге: *Йордан И.* Романское языкознание: Пер. с рум. — М., 1971. При изложении материала, относящегося к истории изучения романских языков в XIX–нач. XX вв., мы во многом опираемся именно на это исследование.

грамматика», т. 1–4, Гёттинген, 1819–1837; на немецком языке) и датского языковеда Расмуса Кристиана Раска («Исследование происхождения древнесеверного, или исландского языка». Копенгаген, 1818; на датском языке). Сравнительный анализ языковых фактов в трудах названных ученых позволил считать доказанным возникшее ранее предположение о существовании индоевропейской языковой общности.

Применение к изучению древних и современных индоевропейских языков нового, сравнительно-исторического метода знаменовало собой рождение новой отрасли науки — *сравнительно-исторического языкознания*, которое на долгие годы определило направление научных интересов ученых, работавших в области разных языков[1], и которое получило высокую оценку Ф. Энгельса[2].

К изучению романских языков первым применил сравнительно-исторический метод немецкий филолог Фридрих Диц (Friedrich Diez, 1794–1876). В его трудах были проанализированы в историческом плане португальский, испанский, французский, провансальский, итальянский, румынский (по терминологии того времени — валашский) языки и дана краткая характеристика каталанского и ретороманского.

«Грамматика романских языков» Ф. Дица (Grammatik der romanischen Sprachen. – Bonn, 1836–1844. – Bd. I–III.) выдержала пять изданий (пятое, посмертное, в котором три тома объединены в один, относится к 1882 г.). Она переведена на французский язык (Grammaire des langues romanes. – Paris, 1874–1876. Vol. I–III.). Этот фундаментальный труд дает представление об историческом развитии романских языков в области фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса. В нем собран, систематизирован и описан богатый языковой материал, до сих пор не утративший своей ценности.

Вслед за «Грамматикой» Ф. Диц создает «Этимологический словарь романских языков» (Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. – Bonn, 1853). Беря за исходную единицу итальянское слово, Ф. Диц приводит соответствующие итальянским словам однокоренные слова из испанского, португальского, провансальского, французского и румынского (валашского) языков, дает их этимологию, рассуждает по поводу спорных

---

[1] В России применение сравнительно-исторического метода связано с лингвистической деятельностью известного русского филолога-слависта Александра Христофоровича Востокова (1781–1864), опубликовавшего в Москве в 1820 г. исследование «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка», которым он заложил основы сравнительного славяноведения.

[2] Критикуя немецкого философа Е. Дюринга, показывая научную несостоятельность и эклектизм его концепции, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Но ведь «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам... Но... г-н Дюринг вычеркивает из своего учебного плана всю современную историческую грамматику... Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слыхавшим об историческом языкознании, которое за последние 60 лет получило такое мощное и плодотворное развитие...». *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд., – Т. 20. – С. 333.

случаев, отсылает к соответствующим разделам своей «Грамматики». Словарная статья одного слова иногда занимает целую страницу и представляет по существу небольшой историко-лексикологический этюд (см. также § 107)[1].

В филологическом наследии Ф. Дица — исследования, посвященные творчеству трубадуров (они появились еще до выхода его «Грамматики»), издания старофранцузских текстов с филологическим комментарием и др.

Изучением романских языков и их территориальных разновидностей занимался итальянский филолог Граци́адио Иса́йя Аскóли (1829–1907). Асколи заложил основы итальянской диалектологии (см. § 122), дал подробное описание ретороманских диалектов (по его терминологии «ладинских наречий» — saggi ladini), развивал теорию субстрата (см. § 40).

Исследованию вопросов истории языка и истории литературы посвятил свою научную деятельность ученик Ф. Дица французский филолог Гастон Пари́с (1839–1903), член Французской Академии, создавший целую филологическую школу (среди его учеников в молодые годы был и наш отечественный ученый В.Ф. Шишмарев, у него учились румынские романисты Йон Кандря, Овид Денсушану, известный австрийский филолог Вильгельм Мейер-Любке и др.). Г. Парис издал большое количество старофранцузских текстов, основал один из первых лингвистических журналов по романской филологии (см. § 122). Свои теоретические взгляды на вопросы развития романских языков Г. Парис изложил в исследованиях, посвященных средневековой французской литературе: La littérature française au Moyen Age (XIe–XIVe siècles). — Paris, 1888 и др.

Существенный вклад в изучение романских языков внесли такие крупные филологи, как австрийский ученый Гу́го Шу́хардт (1842–1927), посвятивший специальное исследование вокализму вульгарной латыни, вслед за Асколи развивавший теорию субстрата (см. § 40) и опубликовавший большое количество статей по самым разным вопросам общего и романского языкознания; Гу́став Гре́бер (1844–1911), немецкий филолог, основатель одного из лингвистических журналов по романской филологии (см. § 122), редактор, издатель и участник большого двухтомного «Компендиума по романской филологии» (Grundriß der romanischen Philologie. — Straßburg, 1833–1888. Bd. I., Bd. II — 1897–1902), в котором опубликованы статьи по вопросам романской филологии, написанные им самим и другими видными учеными-романистами.

§ 116. Младограмматическое направление в романском языкознании. В 70–90-е гг. XIX в. в сравнительно-историческом языкознании возникает новое, младограмматическое направление (оно было представлено в основном филологами молодого поколения, откуда и получило свое название). В предисловии к совместно написанной (на немецком языке) монографии

---

[1] Последнее издание словаря, пятое: *Diez F.* Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Fünfte Ausgabe. Mit einem Anhang von August Scheler. — Bonn, 1877. См. также исследование, посвященное анализу словаря и тех источников, которыми мог пользоваться Ф. Диц: *Sykora W.* Friedrich Diez' Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen und seine Quellen. — Bonn, 1973.

«Морфологические исследования в области индо-германских языков» (в шести томах, первый из которых появился в 1878 г.) немецкие ученые Герман Остгоф (1847–1909) и Карл Бругман (1849–1919) разработали теоретическую концепцию, в соответствии с которой исторические изменения в языке объясняются действием одного из двух факторов: 1) «фонетических законов» (механический фактор), которые состоят в том, что один и тот же звук в одном и том же окружении и в один и тот же период истории языка дает в своем развитии один и тот же результат; 2) аналогии (психический фактор), т.е. уподобления одной формы другой по созвучию или по значению. Теоретическое обобщение взглядов младограмматиков дал в своей книге (на немецком языке) «Принципы истории языка» (1880, русский перевод, М., 1960) немецкий филолог Герман Пауль (1846–1921).

Деятельность филологов, работавших в русле младограмматического направления, способствовала накоплению огромного фактического материала, в том числе по романским языкам и их истории, она позволила выявить и описать регулярности в развитии звуков каждого конкретного языка, в случае романских языков – в их отношении к латыни, обнаружить некоторые весьма существенные нерегулярности исторического развития языков.

Как в момент своего возникновения, так и в последующие десятилетия, теория младограмматиков вызвала к себе двоякое, прямо противоположное отношение. Некоторые филологи (среди них Г. Асколи, Г. Шухардт и др.) считали, что младограмматики уделяют чрезмерное внимание древним языкам в ущерб современным, что они увлечены эмпирическим описанием фактов и стремятся свести историческое развитие языка к фонетическим законам и аналогии. Других, однако, и их было немало, теория младограмматиков привлекла своей стройностью и перспективой изучения конкретного языкового материала. До сих пор в оценке младограмматической концепции имеются расхождения во взглядах.

В романском языкознании младограмматическое направление представлено деятельностью австрийского филолога Вильгельма Мейера-Любке (Wilhelm Meyer-Lübke, 1861–1936).

В. Мейер-Любке является автором капитального труда «Грамматика романских языков» (Grammatik der romanischen Sprachen. – Leipzig, 1890–1902, три основных тома и четвертый, дополнительный, содержащий указатель), которая представляла по сравнению с одноименной грамматикой Ф. Дица совершенно самостоятельное исследование. В «Грамматике» В. Мейера-Любке, помимо романских языков, изучаемых Ф. Дицем, рассматриваются данные фриульского и энгадинского диалектов ретороманского языка, сардинского языка, отчасти далматинского (автор называет его вельотским), для иллюстрации приводятся слова из некоторых итальянских диалектов (венецианского, генуэзского). Звуковые изменения группируются по их отношению к ударности – неударности слога, в зависимости от положения в слове, звукового окружения и т.д. Систематизированы изменения в области морфологии. Заново разработаны многие вопросы синтаксиса предложения. «Грамматика» В. Мейера-Любке переведена на

французский язык (Grammaire des langues romanes. – Paris, 1890–1891, 2-е изд. 1923).

Помимо «Грамматики» В. Мейер-Любке создал новый «Этимологический словарь романских языков» (Romanisches Etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, 1890–1899), в котором он рассматривает около 10 000 слов, беря в качестве отправной единицы словарной статьи латинское слово. В словарь включен целый ряд слов «под звездочкой» (с предпосланным им так называемым астерйском), т.е. реконструированных, на основании фонетических переходов, народнолатинских слов, не засвидетельствованных письменными текстами, но получивших развитие в романских языках. Ряд восстановленных таким образом слов в дальнейшем нашел подтверждение при изучении позднелатинских текстов (см. § 39). Четвертое издание словаря: Heidelberg, 1968.

«Грамматика романских языков» и «Этимологический словарь романских языков» В. Мейера-Любке не утратили своей ценности. Представленный в них фонетический, грамматический и лексический (лексикографический) материал широко используется в филологических исследованиях и в наши дни.

В лингвистическом наследии ученого – первое в истории романского языкознания «Введение» в эту дисциплину (Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1901, 3-е изд. 1921, книга переведена на испанский и итальянский языки), а также труды по отдельным романским языкам и их истории (исследование по каталанскому языку, историческая грамматика французского, итальянского языков и др.).

В XIX в., таким образом, филологическая деятельность многих поколений ученых в области романских языков завершилась формированием самостоятельной отрасли науки – романского языкознания, целью которого стало восстановление исторической основы романских языков – народной латыни, выявление регулярностей (нерегулярностей) развития от латыни к романским языкам. Филологи-романисты XIX в., посвятившие свои научные исследования разработке этих вопросов, в то же время уделяли большое внимание изданию и комментированию старых текстов, изучению истории романских литератур. Вместе с тем в XIX в. публикуются труды по отдельным романским языкам, по диалектологии, по вопросам, связанным с историческими условиями формирования романских языков.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИЗУЧЕНИЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В XX в.

ГЛАВА I

НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ТЕКУЩЕГО СТОЛЕТИЯ

§ 117. **Социологический подход к изучению романских языков.** Начало XX в. характеризовалось появлением новых направлений изучения романских языков. Одно из них представлено трудами немецкого романиста Карла Фосслера (Karl Vossler, 1872–1949), школа которого в истории языкознания получила название идеалистической, или эстетической.

К. Фосслер выступил с резкой критикой младограмматиков (Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft. – Heidelberg, 1904) и в противоположность их подходу к изучению языка путем накопления и описания языковых фактов выдвинул тезис о необходимости установления причинных связей в языке, изучения истории языка в свете истории культуры общества его носителей. Этот тезис, однако, развивался им с идеалистических позиций: по Фосслеру первоосновой всех языковых изменений, как и употребления языковых форм, является «дух народа», под которым он понимал некую абстрактную совокупность душевного склада говорящих на каждом языке. Фосслер писал: «Для нас автономным является не язык с его звуками, а дух, который создает его, формирует, двигает и обусловливает в мельчайших частностях... Причиной [развития языка] является человеческий дух с его неистощимой индивидуальной интуицией»[1]. И чтобы понять его, надо, по мнению К. Фосслера, изучать прежде всего историю искусства, создаваемого народом – носителем языка, историю его культуры в самом широком понимании этого слова.

Опубликованная К. Фосслером книга «Культура Франции в свете эволюции ее языка» (Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. – Heidelberg, 1913, переизд. 1929 г.) представляла попытку применить названную концепцию к изучению фактов истории конкретного языка. Эта книга, как и другие труды ученого (а в его научном наследии книги и статьи по итальянской, испанской, провансальской литературе, «Введение в изучение вульгарной латыни»: Einführung ins Vulgärlatein. – München, 1953 и др.), получила широкую известность. В то же время она вызвала оживленную научную дискуссию. Отбор материала для изучения в книге «Культура Франции...» производился автором в соответствии с развиваемой им концепцией: его интересовали только те языковые изменения, которые так или иначе можно объяснить «духом народа» (история языка в книге рассматривается от ее истоков до XVII века). К. Фосслер обобщил интерес-

---

[1] Цит. по русскому переводу: *Фосслер К.* Позитивизм и идеализм в языкознании (Извлечения) // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964. Ч. 1. – С. 331; критику концепции К. Фосслера см.: *Звегинцев В.А.* Эстетический идеализм в языкознании. (К. Фосслер и его школа). – М., 1956.

ный, во многом новый и ценный материал по истории культуры Франции, однако в целом попытка свести историю языка к истории культуры его носителей не может считаться удачной. Ошибочность философской основы взглядов К. Фосслера, его философский идеализм (признание первичности «духа» по отношению к материи) не позволили ему, хотя он исходил из правильного положения о наличии тесной связи истории языка с историей общества и о необходимости изучать их во взаимодействии, создать такую лингвистическую концепцию, которая объяснила бы причины языковых изменений.

Что же касается склада мышления носителей языка (если именно так понимать термин Фосслера «дух народа»), то он, действительно, своеобразен и в той или иной степени влияет на особенности языкового выражения, присущие именно данному языку. Безусловно, он так или иначе проявляется и в культуре народа. Однако содержание этого понятия не до конца ясно, как не ясна и его связь с конкретными фактами эволюции языка. В ходе формирования романских языков на базе латинского одни языки выбрали для обозначения понятия «стол» латинское существительное mensa, другие — слово tabula, получившее это значение лишь в поздней латыни, одни романские языки унаследовали в качестве окончания множественного числа -s, другие -i, одни романские языки в компаративе закрепили наречие, восходящее к латинскому magis, другие — к наречию plus и т. д. Вряд ли возможно отыскать те «клеточки» склада мышления, которые явились причиной именно того, а не иного развития языка в каждой конкретной области его фонетики, грамматики, лексики.

Другим направлением филологических исследований в области языка, разрабатываемым в европейском, отчасти романском языкознании в начале XX в. и представляющим также попытку вывести изучение языка за его собственные пределы и связать его с развитием общества, явился так называемый *метод «слова и вещи»* (Wörter und Sachen). Среди видных романистов его сторонником был, в частности, Г. Шухардт.

Целью применения этого метода было установление связи слов с обозначаемыми ими предметами и понятиями. Книги и статьи, издаваемые сторонниками этого метода, содержали описание различных предметов быта, флоры, фауны той или иной страны или области, обычаев и верований народа. Применение метода «слова и вещи» позволило вскрыть внутреннюю форму целого ряда слов, понять их этимологию, эволюцию значений. Однако ограниченность метода была заключена в самом его содержании. В поле зрения ученых попадала лексика в весьма незначительной ее части. Увлечение методом «слова и вещи» оказалось сравнительно кратковременным.

Вместе с тем, вопрос о соотношении понятий и обозначающих эти понятия слов, так же как и проблема взаимодействия истории языка и истории культуры продолжают оставаться актуальными, поскольку развитие языка происходит в постоянной связи с развитием общества, а слова и понятия вступают в сложные отношения, которые изменяются с изменением самого общества[1].

---

[1] См.: *Будагов Р.А.* История слов в истории общества. – М., 1971.

С начала XX в. в разных странах, в том числе романоязычных и особенно во Франции, создаются так называемые «аналогические» или «идеографические» словари, т.е. словари, построенные не по алфавитному принципу, как толковые или двуязычные, а на основе близости понятий, по ономасиологическому принципу. Объединяются, например, слова, обозначающие цвет, состояние человека, слова, связанные с понятиями «город», «время», «искусство» и т. д. К настоящему времени разработано несколько типов таких словарей[1]. Аналогические или идеографические словари (словари понятий, тезаурусы) помогают выделить активный слой языка, выяснить своеобразие каждого языка в обозначении понятий, общих для носителей разных языков, и, в конечном итоге, облегчают изучение взаимодействия языка и мышления, помогают в исследовании социальной природы языка.

Начало XX в. в истории науки ознаменовалось появлением труда, не имеющего непосредственного отношения к романскому языкознанию, но оказавшего значительное влияние на его развитие. Речь идет о «Курсе общей лингвистики» (1916) швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (1857–1913), подготовленного к изданию по материалам его лекций его учениками Шарлем Балли и Альбером Сеше (Sechehaye).

Отправным моментом концепции Ф. де Соссюра было положение о том, что язык является «социальным продуктом», что «это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» (с. 52)[2], что «язык никогда не существует вне общества... Его социальная природа – одно из его внутренних свойств» (с. 110).

По определению Ф. де Соссюра, язык – это «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа» (с. 53). Составные части знака (понятие и акустический образ) Соссюр предложил назвать соответственно означаемым и означающим и выделил две основные характеристики знака: немотивированность связи акустического образа со значением (за исключением отдельных звукоподражательных слов и междометий) и линейный характер расположения знаков в речевой цепи (означающие, следуя в потоке речи друг за другом, образуют цепь). Исторические изменения языка, какими бы факторами они ни вызывались, «всегда приводят *к сдвигу отношения между означаемым и означающим*» (курсив издателей трудов Ф. де Соссюра; с. 107–108).

Мысль Ф. де Соссюра о двустороннем характере языкового знака получила развитие, в частности, в теории так называемого асимметрического дуализма лингвистического знака, разработанной (1929) С.О. Карцевским (1884–1955), русским филологом, проведшим большую

[1] Подробно см.: *Морковкин В.В.* Идеографические словари. – М., 1970.

[2] Здесь и далее цитируется по изданию: *Ф. де Соссюр.* Труды по языкознанию. – М., 1977.

часть жизни и скончавшимся в Швейцарии, специалистом в области общей теории языка и русского языка, страстным пропагандистом русской культуры и литературы, учеником Ф. де Соссюра. Теория асимметрического дуализма лингвистического (языкового) знака нашла широкий отклик и получила дальнейшую разработку в исследованиях многих филологов, в том числе романистов. Согласно этой теории в языке наблюдается постоянное движение, направленное на раздвоение знака, на соединение означающего с новым означаемым: ср. в русском языке: *Уйди!* – императив, и *Уйди я пораньше, ничего не случилось бы!* – тот же знак дает другое соотношение означающего и означаемого (уйди = если бы я ушел). Это, в свою очередь, порождает синонимию, полисемию и омонимию и служит импульсом языковых изменений. Асимметрия означающего и означаемого относится к числу имманентных свойств языка (т.е. свойств, присущих ему по самой его природе).

Важным положением теории Ф. де Соссюра явился тезис о системном характере языка. В процессе разработки этого положения швейцарского ученого лингвисты пришли, в частности, к мысли о необходимости разграничения понятий системы языка и его нормы: понятия системы и нормы, а также законы, которым они следуют, не совпадают. Так, например, французские существительные peur и crainte имеют оба значение 'страх, опасение'. С точки зрения системы языка ничто не препятствует образованию сочетания *faire crainte. Однако в соответствии с нормой французского языка, закрепленной узусом, сочетание в подобных случаях образуется с участием существительного peur, а не crainte (faire peur).

Перспективным оказалось также введенное Ф. де Соссюром разграничение синтагматических и ассоциативных (парадигматических) отношений. Первые отражают линейный характер речи, вторые – отношения, хранящиеся в виде ассоциаций в памяти носителей языка: «Так, слово enseignement 'обучение' невольно вызывает в сознании множество других слов (напр., enseigner 'обучать', renseigner 'снова учить' и др., или armement 'вооружение', changement 'перемена' и др., или éducation 'образование', apprentissage 'учение' и др.), которые той или иной чертой сходны между собою» (с. 155). При изучении материала романских (как и других) языков широко пользуются понятиями синтагматических и парадигматических связей языковых единиц. Это позволяет выяснить взаимоотношения языка как системы знаков и речи, включающей понятие не только социальной, но и индивидуальной сферы деятельности человека.

В лингвистике, как и в других науках, задолго до Соссюра различали понятия современного состояния и исторического развития явлений. Очевидно было и то, что изучать их следует во взаимодействии. В языкознании XIX в., однако, совмещения этих двух планов исследования на практике не произошло. Современное состояние языка интересовало филологов почти исключительно в связи с историей соответствующих форм и слов. Современный язык находил в той или иной мере отражение в грамматиках, но делалось это главным образом в целях облегчения практического изучения языка.

Соссюр предложил разграничить названные выше понятия следующим образом: не современное и историческое, а статическое и эволюционное,

состояние языка и фаза его эволюции. Для обозначения состояния языка, т.е. того, что дано говорящему на языке (или изучающему его) в каждый данный отрезок времени, он предложил термин «синхрония». Раздел языкознания, изучающий состояние языка, он назвал синхронической лингвистикой. Для обозначения фазы (фаз) эволюции языка им был предложен термин «диахрония», соответственно – диахроническая лингвистика. Это было не просто введение новых терминов. Это был отличный от прежнего взгляд на язык: само понятие «состояние языка» было новым, оно поднимало вопрос о необходимости отказа от присущего исследованиям предшествующих периодов «атомизма», членения языка на его составные части (звуки, слова, формы) и их изучения в отдельности, вне тесной связи друг с другом. Понятие «состояние языка» призывало к изучению языка в совокупности составляющих его знаков (т.е. тех же звуков, слов, форм, но в их взаимодействии, в их системных связях).

Высказав мысль о необходимости строгого разграничения понятий состояния языка и фазы его эволюции, Соссюр противопоставил их друг другу: «Противоположность двух точек зрения – синхронической и диахронической – совершенно абсолютна и не терпит компромисса» (с. 116). Отделив исторический подход к языку от изучения его современного состояния, Соссюр провозгласил собственно наукой о языке лишь второе. Попутно он высказал мысль о том, что в систему организованы только существующие состояния языка, только те отношения, которые воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием, а отношения, связывающие элементы, следующие во времени (не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием), в своей совокупности не образуют системы (с. 132).

В ходе развития языкознания, в том числе романского, за годы, прошедшие со времени публикации «Курса общей лингвистики», была доказана системность исторических изменений в языке, которая во многом определяется тем, что язык в каждый конкретный период своей истории представляет системное образование – системность синхронии оказывает самое непосредственное воздействие на системность диахронии. Изучение синхронного состояния языка в полном отрыве от истории его становления (последняя может быть не представлена в самом исследовании, но она должна присутствовать в сознании исследующего язык) может привести, а в ряде случаев и приводит к ошибочному пониманию самих системных связей языковых явлений. Как показали многочисленные исследования, выполненные на материале разных языков, и как было доказано в ходе научных дискуссий, которые велись по этому вопросу, синхроническая (синхронная) и диахроническая (диахронная) лингвистика дополняют друг друга, служат взаимным ориентиром в проверке правильности результатов наблюдений[1].

[1] Критический анализ концепции Соссюра см.: *Фердинанд де Соссюр и языкознание нашего времени* // *Будагов Р.А.* Язык, история, современность. – М., 1971. – С. 42–64; Из истории разработки понятий синхронии и диахронии // *Скрелина Л.М.* Некоторые вопросы развития языка. – Минск, 1973. – С. 21–29; *Слюсарева Н.А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М., 1975; Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра // *Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. – Л., 1986. – С. 255–272.

Социологическое направление в языкознании разрабатывалось также в исследованиях французских филологов, специалистов в области общего и индоевропейского языкознания, Антуана Мейе (1866–1936), основоположника социологического направления во французской лингвистике, Жозефа Вандриеса (1875–1960) и других[1].

В отечественном языкознании основы социологического изучения языка (языков) были заложены трудами таких известных филологов, как А.А. Потебня (1835–1891), Л.В. Щерба (1880–1944)[2], Л.П. Якубинский (1892–1945), В.В. Виноградов (1894–1969) и другие.

О социолингвистических исследованиях в наши дни (применительно к романским языкам) см. § 120.

§ 118. **Стилистика. Лингвистическая география.** Одно из положений концепции К. Фосслера, рассмотренной в предыдущем параграфе, состояло в том, что язык общества – это совокупность языков множества индивидов. Фосслер назвал их стилями, а науку, которая должна заниматься их изучением, – стилистикой. Впоследствии термин «стиль» был наполнен другим содержанием: им стали обозначать индивидуальность языка отдельных писателей, своеобразие используемых ими выразительных средств (сейчас привычными стали такие словосочетания, как «стиль Флобера» или «стиль Арагона» и т. д.).

В ходе дальнейшего развития языкознания ученые обратили внимание на то, что, во-первых, в любом языке существует совокупность средств аффективного выражения, т.е. таких слов, словосочетаний, синтаксических оборотов и т. п., которые служат целям передачи эмоциональной реакции человека, и что, во-вторых, способы выражения эмоциональной речи не во всем совпадают с теми, которые человек использует в процессе обычного, эмоционально не окрашенного общения с собеседником. Слова «стиль» и «стилистика» приобрели новое значение. Стилистикой стала называться такая отрасль языкознания, которая изучает эмоционально окрашенную речь и те языковые средства, с помощью которых достигается необходимый выразительный эффект. Основы этого направления разработаны в трудах видного швейцарского филолога, ученика и последователя Ф. де Соссюра, Шарля Балли (1865–1947). Они изложены в ряде его работ,

---

[1] О методологических основах французской школы социологической лингвистики и, в частности, о научной деятельности А. Мейе в этом направлении см.: *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. – М., 1984. – С. 182–187.

[2] Академик Лев Владимирович Щерба внес значительный вклад также в изучение романских языков. Его книга «Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским» (1937) выдержала семь изданий (7-е изд. – 1963 г.), а подготовленный им совместно с М.И. Матусевич русско-французский словарь (1936) – одиннадцать (11-е изд. – 1983 г.). Труды Л.В. Щербы до сих пор широко используются романистами в их научной (и педагогической) работе. Созданная Л.В. Щербой экспериментально-фонетическая научная школа ведет большую исследовательскую работу, в том числе в области романских языков. Подробно о филологической деятельности ученого см.: *Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. – Л., 1982.

написанных на французском языке, и особенно детально в его «Французской стилистике» (русский перевод 1961 г.). Многие наблюдения, касающиеся стилистики французского языка и ряда общих вопросов теории языка, можно найти в другой его книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (русский перевод 1955 г.).

Внимание исследователей привлек к себе, вместе с тем, и тот факт, что в зависимости от социальной принадлежности членов языкового коллектива, а также от целевой установки, ситуации и условий общения речь людей, говорящих на том или ином языке, характеризуется разным произношением, использованием разных слов и выражений, выбором разных синтаксических конструкций и способов построения предложений, ср. русск. лит. *Он говорит, что не знает*/*Он говорит: «Я не знаю.»* и просторечное: *Он говорит, что я не знаю* (= он не знает) или в произношении лит.: *Здравствуйте, Мария Ивановна!* и просторечн. *Здрасьте, Марь Ванна!*. В связи с необходимостью изучения и этих вопросов возникло новое направление стилистических исследований – изучение социальных и ситуативных разновидностей речи, или ее функциональных стилей: письменной и разговорной литературной речи, просторечия, публицистического стиля и т. д.

В наши дни исследования по стилистике ведутся по всем трем направлениям: изучается индивидуальный стиль писателей, средства эмоционального выражения, функциональные стили речи[1].

К началу XX в. сформировалось новое направление диалектологических исследований – лингвистическая география. Основным приемом обработки диалектных данных в лингвогеографии является картографирование – сведение собранного полевым методом (путем опроса по предварительно составленной лингвистической анкете) диалектного материала в карты и издание сводных атласов лингвогеографических карт. Изучение атласов помогает определить границы территориального распространения диалектных особенностей (фонетических, лексических, грамматических). Введение приема картографирования создало необходимую основу для обобщения и систематизации диалектных данных.

Первым наиболее значительным в истории языкознания атласом был «Лингвистический Атлас Франции» (Atlas linguistique de la France. – Paris, 1902–1910, в 35 выпусках – fascicules; переиздан в Болонье в 1969 г., т.т. 1–10). Его составил французский ученый (родом из Швейцарии) Жюль Жильерон (1854–1926). Сбор материала (его осуществил ассистент и сотрудник Ж. Жильерона – Эдмон Эдмон) занял более четырех лет: было обследовано свыше 600 населенных пунктов Франции. К настоящему времени романисты располагают атласами по всем романским язы-

---

[1] В Советском Союзе, кроме этого, при изучении стилистики романских языков проводится сравнение со стилистикой русского языка, см.: *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. – М., 1965. Привлекают внимание также вопросы стилистического использования грамматических форм, см.: *Пиотровский Р.Г.* Очерки по грамматической стилистике французского языка. – М., 1956; *Фирсова Н.М.* Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол. – М., 1984.

кам[1], а исследование диалектов по данным лингвистических атласов (лингвистическая география) стало одним из актуальных направлений изучения территориальных разновидностей языков, в том числе романских.

§ 119. **Научный интерес к истории языка.** В первой половине XX в., как это вытекает из содержания предыдущих параграфов, произошли определенные изменения в направлениях романистических научных исследований. В число актуальных вопросов изучения романских языков выдвинулись такие, как социальная природа языка и формы ее проявления, системный характер организации языков, их функциональная и территориальная неоднородность. Изменился и объект изучения: им стали по преимуществу отдельные романские языки, прежде всего в их современном состоянии. В первой половине XX в. окончательно сформировались и получили активное развитие частные отрасли романской филологии – французская, испанская, итальянская и др. Вместе с тем в этот период происходит все большее обособление и выделение в самостоятельные отрасли филологической науки лингвистики и литературоведения. Традиционные вопросы романской филологии (проблема происхождения романских языков, их соотносимость с народной латынью, общность исторического развития романских языков как родственной языковой семьи и др.) на какое-то время отошли на второй план. В то же время приобрели актуальность вопросы истории отдельных романских языков.

В первой половине XX в. и в последующие десятилетия были созданы фундаментальные труды по истории романских языков, явившиеся результатом многолетних исследований их авторов, среди которых такие известные ученые, как испанский филолог Рамон Менендес Пидаль (1869–1968), французские ученые Фердинанд Брюно (1860–1938), Альбер Доза (1877–1955), Марсель Коэн (1884–1974), итальянский филолог Бруно Мильорини (1896–1975), румынский филолог Александру Росетти (род. 1895), бразильский ученый Серафим да Силва Нету (1917–1960) и многие другие. Исследования в области истории романских языков активно ведутся и в наши дни.

В 30–50-е годы текущего столетия закладываются основы научного изучения истории романских языков и в нашей стране. Это связано с именами отечественных филологов романистов Владимира Федоровича Шишмарева (1875–1957) и Максима Владимировича Сергиевского (1892–1946). В лингвистическом наследии В.Ф. Шишмарева[2] – «Очерки по истории языков Испании» (1941), «Историческая морфология французского языка» (1952), «Книга для чтения по истории французского языка» (1955) и «Словарь старофранцузского языка» к «Книге для чтения...» (1955), выполненный под руководством и при участии В.Ф. Шишмарева

[1] См.: *Лингвистические атласы.* Аннотированный библиографический указатель / Сост. И.Л. Сухачев. – Л., 1984. – С. 54–92.

[2] Ученый оставил также большое литературоведческое наследие, изучение которого дает ценный материал и для лингвиста, см.: *Репина Т.А.* Лингвистические аспекты изучения художественного текста в трудах В.Ф. Шишмарева по истории литературы // Вопросы языкознания. – 1985. – № 5.

(за три последних труда академику В.Ф. Шишмареву была присуждена Ленинская премия), а также изданные посмертно «История итальянской литературы и итальянского языка. Избранные статьи» (1972) и ряд других исследований. Перу М.В. Сергиевского из трудов, выполненных в данной области, принадлежат «История французского языка» (1938, 2-е изд. 1947), «Молдавские этюды» (1936–1939), переизданные посмертно с включением ряда статей ученого: «Молдаво-славянские этюды». – М., 1959 и др. Работу, начатую в области истории романских языков названными советскими филологами, продолжали их многочисленные ученики и последователи.

ГЛАВА II

РОМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

§ 120. Основные направления современных исследований по романской филологии. В ходе исторического развития научной мысли, которое в основных чертах освещено в предыдущих главах и параграфах настоящего раздела, в рамках комплексной гуманитарной науки филологии сформировалась самостоятельная научная дисциплина – *романская филология*. Ее объект в наши дни может быть определен следующим образом: романский языковой ареал во всей совокупности проблем, связанных с формированием и функционированием входящих в него языковых единиц (в их социальном, национальном и территориальном разнообразии).

Проблемы, изучаемые романской филологией, группируются вокруг двух центров:

1. Романские языковые системы в соотнесении с системой латинского языка, составившего их генетическую основу, и по отношению друг к другу.

Изучение романских языков в этом случае ведется в целях установления их *типологической общности*, в том числе общности, скрывающейся за внешне различными формами проявления (см. § 9), а также – что не менее важно – определения и объяснения *своеобразия* каждого из родственных языков в историческом и современном аспектах. Результатом подобного изучения должны явиться построение общероманской структурной модели и систематизация реально существующих отклонений от этой модели в рамках романского языкового ареала в целом. Основное условие успешного осуществления научных исследований в данном направлении составляет рассмотрение материала с одних и тех же позиций, т.е. использование одинаковых методов и приемов описания и анализа наблюдаемых языковых фактов. При этом важно выявить сходства и различия романских языков не только на уровне системы, но и с учетом использования выразительных средств, имеющих единую генетическую основу, на уровне нормы и узуса[1].

В нашей стране опубликован ряд монографий, выполненных коллекти-

[1] См.: *Гак В.Г.* Типология романских языков и различные аспекты языковой реализации // Вопросы испанской филологии. – Л., 1974.

вом советских романистов и объединенных под общим названием «Сравнительно-сопоставительной грамматики романских языков», которые представляют опыт подобного описания романских языков в синхронном плане[1]. Осуществляются и сравнительно-исторические исследования по романским языкам, в которых используются методы типологического анализа, позволяющего сопоставлять не столько отдельные факты из истории родственных языков, сколько обнаруженные на основе изучения фактов ведущие линии развития каждого языка. Это, в свою очередь, помогает понять системность исторических изменений в языке. Введение методов типологического анализа в сравнительно-исторические исследования дает возможность, с одной стороны, отвлечься от такого фактора, как обязательность хронологического совпадения изменений в истории двух и более языков (под определенным углом зрения изучаются в сопоставительном плане аналогичные явления, засвидетельствованные как в один, так и в разные периоды) и, с другой стороны, проводить сопоставление синхронных срезов, минуя некоторые промежуточные этапы[2]. Все это расширяет диапазон сравнительно-исторического изучения романских языков и помогает увидеть не только динамику исторических фаз языка (диахронии), но и динамику его состояния (синхронии)[3].

2. Современные романские языки (и разновидности романской речи) в плане выполняемых ими социальных функций и в географическом пространстве.

Исследования, осуществляемые в данном направлении, определяются как *социолингвистические*, поскольку они посвящены выяснению конкретных форм и результатов взаимодействия развития языка с развитием общества. Их конечной целью является характеристика романского языкового ареала как совокупности определенных типов языковых ситуаций и языковых состояний.

В социолингвистических романистических исследованиях, проводимых в нашей стране и за рубежом, изучаются национальные варианты испанского, португальского, французского языков, особенности использования романских языков в странах Африки, факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование литературной нормы и происходящие в ней изменения, взаимодействие литературного языка и диалектов, креольские языки и т. д. (см. §§ 3–8).

---

[1] См. заключительную монографию: *Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности.* – М., 1972 (там же библиографические данные о предшествующих выпусках серии).

[2] О возможности изучения отдельных состояний языка (синхронных срезов), относящихся к разным периодам истории языка, писал еще Ф. де Соссюр (цит. соч. с. 115), см. § 117.

[3] В части третьей настоящего учебника «Историческое развитие и структурная общность романских языковых систем», выполненной *Т.Б. Алисовой*, проведено широкое историко-типологическое сопоставление латинской и романских языковых систем в области фонетики, грамматики, лексики. См. также опыт применения методов типологического анализа к сравнительному изучению одного грамматического явления (склонения существительных) в истории французского и румынского языков в кн.: *Реформатский А.А.* Антропонимия романского имени. – Л., 1974.

Приемы и методы социолингвистических исследований в каждом конкретном случае определяются своеобразием рассматриваемого объекта, однако и здесь установление типологии сходств и различий социолингвистических процессов выдвигает в качестве необходимого условия унификацию методики наблюдения и научного анализа.

Оба названных направления изучения романских языков требуют от специалиста глубокого понимания тех исторических процессов, которые сопровождали формирование романских языков и романского языкового ареала, а также современных социально-политических условий, в которых осуществляется коммуникативная и эстетическая функции каждого языка.

Литература, посвященная общим вопросам романской филологии, представлена рядом публикаций, в которых отдельные разделы освещаются с разной степенью подробности.

В книге итальянского романиста Карло Тальявини (Carlo Tagliavini) «Истоки неороманских языков»[1] много внимания уделяется вопросам дороманских субстратов, влияниям адстратов и суперстратов на формирование и развитие романских языков, изучаются наиболее древние письменные свидетельства литературных романских языков. Голландский филолог Б.Е. Вайдос (Benedetto Elemér Vidos) в «Учебнике по романской филологии» много места отводит истории романского языкознания. Профессор Лондонского университета В.Д. Элкок (William Denis Elcock) в книге «Романские языки» детально изучает развитие латинских звуков и грамматических форм в романских языках, комментирует тексты древнейших памятников романских языков. Профессор Колумбийского университета (США) Марио Пей (Mario Andrew Pei) в книге «История латинского и романских языков» интересуется, в частности, демографическими проблемами романского мира и высказывает некоторые весьма оптимистические прогнозы относительно будущего романских языков. Французский филолог Вилли Баль (Willy Bal), написавший свой труд «Введение в изучение романского языкознания» для студентов и слушателей университета в г. Леопольдвиле (Конго), обращает внимание на своеобразие креольских языков и на процесс распространения романских языков за пределы европейских стран. Филолог из ФРГ Герхард Рольфс в книге «Романская филология» дает детальный обзор публикаций по вопросам французской, провансальской и итальянской филологии, по ретороманскому и сардинскому языкам. Изучению народнолатинской основы романских языков посвятил свое исследование «Введение в изучение народной латыни» финский романист Вейко Вяэнянен.

Ценные сведения по общим проблемам романистики содержат труды французского филолога Эдуарда Бурсье (1854–1946); существенный вклад в разработку вопросов романской филологии внес швейцарский исследователь Вальтер фон Вартбург (1888–1971).

В Советском Союзе общим проблемам романской филологии посвящены учебник профессора М.В. Сергиевского «Введение в романское

---

[1] Полное название представляемых далее работ на языке оригинала и их выходные данные приводятся в списке рекомендуемой литературы.

языкознание» (1952, 2-е изд. 1954), «Исследование народной латыни...» академика АН МССР Н.Г. Корлэтяну и др.

Несомненный исторический интерес представляет литографированный курс «Лекций по введению в романскую филологию» (1908–1909 учебный год) отечественного филолога-романиста Дмитрия Константиновича Петрова (1872–1925).

§ 121. Конгрессы и конференции по романистике. Особенностью научной жизни текущего столетия является стремление ученых к контактам, к обмену мнениями, к объединению усилий в разработке аналогичных и смежных вопросов. Установлению научных контактов способствуют международные лингвистические конгрессы. Они созываются как по общим проблемам лингвистики (и других гуманитарных наук), так и по отдельным их отраслям. С 1928 года практикуются регулярные (в основном раз в три года; нарушение периодичности имело место лишь во время второй мировой войны) международные конгрессы по романскому языкознанию (начиная с 1959 года их называют Международными конгрессами по романскому языкознанию и романской филологии). Первый конгресс состоялся в Дижоне (Франция), последний — 18-й — в 1986 г. в Трире (ФРГ). До этого конгрессы проводились в Италии, Франции, Испании, Португалии, Румынии, Канаде, Бразилии.

По числу участников и представительству разных стран конгрессы отличаются друг от друга, но все они, особенно конгрессы, имевшие место в последние годы, весьма представительны и объединяют обычно от 800 до 1000 участников из 30–40 стран мира.

Конгрессам, как правило, предшествует публикация тезисов предполагаемых докладов, а завершаются они опубликованием полных текстов докладов и содержания дискуссии, состоявшейся после каждого из них («Акты Международного конгресса...»: Actes du ... Congrès International de linguistique et philologie romanes).

Помимо общероманистических конгрессов проводятся специализированные конгрессы романистов: например, международные конгрессы по проблемам испанистики, по вопросам диалектологии и лингвистической географии и др. Романисты участвуют также в международных конгрессах по общему языкознанию (Congrès des Linguistes).

Начиная с 1960 г., в Советском Союзе проводятся Всесоюзные конференции по романскому языкознанию. К настоящему времени состоялось пять таких конференций: в Кишиневе, Ленинграде, Минске и две последних в Калинине. Материалы Всесоюзных конференций публикуются в виде тезисов и статей. Число участников конференций постоянно растет. Так, если на первой романской конференции в 1960 г. было представлено немногим более 40 докладов, то на последней конференции (1986 г.) в виде тезисов их было заявлено свыше 400.

Кроме того, регулярно проводятся Всесоюзные юбилейные конференции, на которых зачитываются научные доклады (например, в связи со столетием со дня рождения акад. В.Ф. Шишмарева, акад. Л.В. Щербы и др.), материалы таких конференций также публикуются. Состоялась Первая

Всесоюзная научная конференция по испанской филологии (см. Вопросы испанской филологии. – Л., 1974).

§ 122. Периодические издания по романским языкам. Традиции романистической периодики восходят к концу 60-х, 70-м годам прошлого столетия. В 1865 г. во Франции создано Парижское лингвистическое общество (официально оно было утверждено в следующем году), которое объединило свыше 80 специалистов в области самых различных языков, в том числе латинского и романских. Его целью, как это отмечалось в Уставе, являлось изучение языков, устных сказаний, обычаев и традиций, а также документов, имеющих отношение к этнографии. Уставом запрещалось делать сообщения на темы о происхождении языка как такового и о создании некоего универсального языка. Цели общества, таким образом, состояли только в изучении конкретных языков и только конкретных вопросов их истории и современного состояния. Общество проводит активную филологическую работу и в наши дни.

Парижское лингвистическое общество уже в 1868 г. опубликовало первый том «Записок» (Mémoires de la Société de linguistique de Paris) объемом свыше 400 страниц, а спустя еще год – «Бюллетень» (Bulletin de la Société...). Первые издавались до 1935 г., второй существует и сейчас.

В 1870 г. в Монпелье вышел первый номер периодического журнала по романским языкам (Revue des langues romanes), учрежденного другим лингвистическим обществом (La Société pour l'étude des langues romanes). В его первых выпусках преобладали статьи, посвященные провансальской тематике (сами статьи были написаны по-французски), широко публиковались старые и современные провансальские тексты (с их переводом на французский язык). В наши дни тематика публикуемых в этом журнале материалов значительно шире: наряду с исследованиями по старопровансальскому и старофранцузскому языкам в нем представлены статьи, посвященные истории других романских языков, уделяется внимание современным романским языкам (не только французскому и окситанскому, но и испанскому, каталанскому, румынскому и др.), регулярно производится критический обзор романистической научной литературы.

Двумя годами позднее (1872) два крупных французских лингвиста, члены Парижского лингвистического общества, Пауль Мейер и Гастон Парис, создали в Париже журнал «Романия» (Romania), а немецкий ученый Густав Гребер в 1877 г. выпустил в Германии «Журнал по романской филологии» (Zeitschrift für romanische Philologie). Оба журнала продолжают издаваться: первый в Париже, второй – в Тюбингене (ФРГ).

В 1873 г. увидел свет еще один, более специализированный по тематике, романистический журнал: «Итальянский журнал по диалектологии» (Archivio glottologico italiano). Он был создан известным итальянским романистом Г. Асколи. Первый его том (объемом свыше 500 страниц) содержал исследование его создателя «Ладинские наречия» (Saggi ladini), ставшее одним из фундаментальных трудов по романистике. Асколи изучал диалекты ретороманского языка, сопоставляя их с некоторыми североитальянскими диалектами. В дальнейшем, как и сейчас, в журнале публикуются статьи раз-

личных авторов по вопросам диалектологии и на некоторые другие темы, даются библиографические обзоры новой романистической литературы.

В настоящее время в разных странах мира издается свыше 30 специальных журналов по романским языкам и проблемам романской филологии. В Италии, кроме названного выше, наиболее известны «L'Italia dialettale» (1924), «Lingua Nostra» (1939), «Lingua e Stile» (1966); во Франции, кроме ранее названных, это такие известные журналы, как «Revue de linguistique romane» (1925), «Le Français moderne» (1938). В Испании наиболее старый журнал (1914) – «Revista de filología española», наиболее молодой – «Linguistica española actual» (1979). В Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, Югославии издается ряд филологических журналов, в которых публикуются статьи на романистические темы. В Румынии издаются лингвистические, в основном также романистические журналы: «Studii şi cercetări lingvistice» (1950), «Limba română» (1952), «Revue roumaine de linguistique» (1956), «Cercetări de lingvistică» (1956). В странах Латинской Америки существует несколько периодических журналов, среди которых специальный журнал по испанистике – «Nueva Revista de Filología Hispánica» (1947). Авторитетным изданием является швейцарский журнал «Vox romanica» (1936), датский «Revue Romane» (1966). Специальные романистические журналы выходят в США – «The Romanic Review» (1910), «Romance Philology» (1947).

В целях обеспечения учета появляющихся публикаций существуют периодические справочные издания: Bibliografia Nazionale Italiana (Рим), Bibliographie de la France (Париж), El libro español (Барселона), Boletim de Bibliografia Portuguesa (Лиссабон), Bibliografia Republicii Socialiste România (Бухарест), Canadiana (Квебек) и многие другие.

В нашей стране два всесоюзных периодических журнала в числе других статей регулярно публикуют статьи по романскому языкознанию. Это «Вопросы языкознания» и «Филологические науки» (последний принадлежит серии «Научные доклады высшей школы»). Оба выходят в Москве. Кроме того, «Известия Академии Наук СССР» имеют специальную серию языка и литературы, на страницах которой публикуются статьи романистической тематики. Отделение языка и литературы АН МССР выпускает в Кишиневе специальный филологический журнал (на молдавском языке) «Молдавский язык и литература». Статьи по романским языкам публикуют журналы «Русский язык за рубежом», «Иностранные языки в школе» и др.

Крупные университеты страны (Московский, Ленинградский, Киевский и некоторые другие) имеют специальное издание «Вестник ... университета». В последние годы широко практикуется выпуск сборников научных трудов отдельных вузов, межвузовских тематических сборников научных статей. Такие издания также можно отнести к периодическим, так как они публикуются относительно регулярно.

Издается также периодический сборник «Проблемы современного мира» (на английском, испанском, французском, немецком и португальском языках), где большое внимание уделяется исследованиям советских ученых, посвященным странам Латинской Америки.

В СССР существует специальный «Реферативный журнал», в котором

в краткой форме излагается содержание наиболее значительных научных работ, публикуемых в нашей стране и за рубежом, в том числе по романским языкам, ведется «Книжная летопись» и «Летопись журнальных статей». Наиболее крупные библиотеки страны (Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека АН СССР и др.) регулярно организуют выставки текущих поступлений и публикуют указатели к поступившей в библиотеку литературе. Выставки новых поступлений еженедельно организуются также библиотеками университетов и педвузов, библиотеками Института Языкознания АН СССР и других научно-исследовательских центров страны.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Обязательная литература

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 23–178.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. – Т. 25. – С. 255–320.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М., 1967.

Дьячков А.И., Лопатина М.Г. Народная латынь. – М., 1975.

История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. – М., 1981.

История средних веков / Под ред. П.Ф. Колесницкого. – М., 1986.

Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы: Пер. с рум. – М., 1971.

Корлэтяну Н.Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. – М., 1974.

Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. – 1-е изд. – М., 1952; 2-е изд. – М., 1954.

Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М., 1976.

Шишмарев В.Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. // Избранные статьи. – Л., 1972.

Дополнительная литература

Алисова Т.Б. Место итальянской школы в современной лингвистике. // Современное итальянское языкознание. – М., 1971.

Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. – М.-Л., 1966.

Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л., 1979.

Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования // Романские языки. – М., 1963.

Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками // Романский лингвистический материал. – М., 1985.

Буржс Э. Основы романского языкознания: Пер. с фр. – М., 1952.

Васильева-Шведе О.К. К проблеме классификации романских языков // Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. – Минск, 1970. – Ч. I.

Вольф Е.М. Формирование романских литературных языков // Португальский язык. – М., 1983.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л., 1977.

Зубова Т.Е., Кистанова Л.Ф., Чапля А.И. Введение в романскую филологию. – Минск, 1983.

Касаткин А.А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII–XX вв. – Л., 1976.

Катагощина Н.А. Некоторые вопросы формирования общефранцузского письменно-литературного языка // Общее и романское языкознание. – М., 1972.

Левинтова Э.И. Лебриха и Вальдес (из истории литературной нормы испанского языка) // Общее и романское языкознание. – М., 1972.

Репина Т.А. Аналитизм романского имени // Склонение существительных на западе и востоке Романии. – Л., 1974.

Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. – Л., 1972.

Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков // Французский язык. – Л., 1980.

Скрелина Л.М. Некоторые вопросы развития языка. – Минск, 1973.
Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. – М., 1972.
Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. – М., 1963.
Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования // Испанский язык Испании и Америки. – М., 1979.
Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965.
Таривердиева М.А. Методическое пособие к спецкурсу «Введение в историю романских языков». – М., 1974.
Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. – М.–Л., 1953.
Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. – М., 1982.
Формирование романских литературных языков / Отв. ред. акад. Г.В. Степанов – М., 1984.
Bal W. Introduction aux études de linguistique romane. Avec considération spéciale de la linguistique française. Paris, 1966.
Bec P. Manuel pratique de philologie romane. – Paris, 1970. – T. I. 1971. – T. II.
Camproux Ch. Les langues romanes. – Paris, 1974.
Elcock W.D. The Romance languages. London, 1960.
Lausberg H. Lingüística románica: Пер. с нем. – Fonética. – T. 1; – Morfología. – T. 2. – Madrid, 1970 – 1973.
Pei M.A. The story of Latin and Romance languages. – New York, 1976.
Renzi L. Introduzione alla filologia romanza. – Bologna, 1976.
Rohlfs G. Romanische Philologie. Heidelberg, 1950 –1952. – T. I–II.
Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine // Introduzione alla filologia romanza. – Bologna, 1972.
Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. – Paris, 1981; Introduccion al latin vulgar: Пер. с фр. – Madrid, 1968.
Vidos B.E. Manuale di linguistica romanza: Пер. с голландск. – Firenze, 1959; Manual de lingüística románica: Пер. с итал. – Madrid, 1973.
Wartburg W. La fragmentation linguistique de la Romania: Пер. с нем. – Paris, 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОМАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ АРЕАЛ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Раздел первый. Романские языки. Общая характеристика 5

Глава I. Понятие романских языков и Романии 5

§ 1. Романские языки как родственная группа языков 5
§ 2. Понятие Романии 7
§ 3. Количество романских языков 8

Глава II. Романские языки. Социолингвистические аспекты

§ 4. Романские языки в современном мире 9
§ 5. Креольские языки 22
§ 6. Понятие литературных романских языков 25
§ 7. Диалекты в условиях романской речи 27

Глава III. Общероманские лингвистические проблемы 30

§ 8. Проблема классификации романских языков 30
§ 9. Проблема структурной общности романских языков 35

Раздел второй. Романия как историческое понятие 39

Глава I. Предыстория Романии: Европа и Средиземноморье в первом тысячелетии до н. э. 39

§ 10. Расселение племен на Апеннинском полуострове 39
§ 11. Племенные группировки на территории Западной Европы 41
§ 12. Древние государства Средиземноморья 43

Глава II. Образование Древней Романии 44

§ 13. Понятие романизации 44
§ 14. Романизация Апеннинского полуострова 46
§ 15. Романизация Пиренейского полуострова 48
§ 16. Романизация Галлии 50
§ 17. Романизация Дакии 52
§ 18. Факторы романизации (обобщение). Последовательная хронология исторических событий 54

Глава III. Древняя Романия в поздний период истории Рима и после его падения 55

§ 19. Кризис общественно-политического строя Римского государства и падение Западной Римской империи 55
§ 20. Возникновение государств на римских территориях 56

Глава IV. Исторические условия образования и распространения романских языков 62

§ 21. Формирование государств на романизованных территориях . . . 62
§ 22. Распространение романских языков за пределы Древней Романии 65

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОКИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Раздел первый. Латинский язык — основа романских языков 69

Глава I. Этапы истории латинского языка 69

§ 23. Архаический период 69
§ 24. Классический период 70
§ 25. Поздний период 73
§ 26. Латынь в эпоху средневековья и в новое время 76

Глава II. Народная латынь 86

§ 27. Понятие народной латыни 86
§ 28. Проблема единства народной латыни 87
§ 29. Проблема хронологии народной латыни 88
§ 30. Особенности народной латыни 89

Глава III. Средства изучения народной латыни 91

§ 31. Надписи 92
§ 32. Художественная литература 94
§ 33. Специальная литература 96
§ 34. Исторические сочинения раннего средневековья 97
§ 35. Юридические документы раннего средневековья 98
§ 36. Литература религиозного содержания. («Христианская литература») 99
§ 37. Грамматики периода поздней Империи и раннего средневековья . 101
§ 38. Глоссы и схолии 102
§ 39. Сравнение романских языков 103

Раздел второй. **Преобразование народной латыни в романские языки. Письменная фиксация романских языков** 104

Глава I. Факторы дифференциации народной латыни и образования романских языков 104

§ 40. Этнические факторы: субстрат, суперстрат, адстрат 104
§ 41. Теория стратов (история вопроса) 106
§ 42. Субстрат Апеннинского полуострова 108
§ 43. Кельтский субстрат 109
§ 44. Субстрат Иберийского полуострова 111
§ 45. Фрако-дакийский субстрат 113
§ 46. Германский суперстрат 114
§ 47. Латинский культурный суперстрат 115
§ 48. Древнегреческий адстрат 116
§ 49. Арабский адстрат 118
§ 50. Славянский адстрат 118
§ 51. Балканский языковой союз 119
§ 52. Взаимовлияние романских языков 120
§ 53. Хронологические и социальные факторы образования романских языков 121
§ 54. Факторы образования романских языков (обобщение) 123

Глава II. Первые письменные свидетельства и первые литературные памятники романских языков 124
§ 55. Французский язык 124
§ 56. Провансальский язык 126
§ 57. Каталанский язык 128
§ 58. Испанский язык 129
§ 59. Португальский и галисийский языки 131
§ 60. Итальянский язык 132
§ 61. Сардинский (сардский) язык 134
§ 62. Ретороманский язык 135
§ 63. Румынский и молдавский языки 136
§ 64. Далматинский язык 137

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СТРУКТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Раздел первый. Фонетика 139

Глава I. Пути и предпосылки фонетических изменений 141
§ 65. Понятие «фонетического закона» 141
§ 66. Позиционно обусловленные и спонтанные изменения 142
§ 67. Системность фонетических изменений. Фонетическое изменение и различительная функция фонем 147
§ 68. Причины отклонения от стандартного развития звуков 151
§ 69. Звуковой облик слов книжной традиции (латинизмов). Заимствования как источник изменения фонетической системы языка . 152
§ 70. Роль социальных факторов в распространении фонетических изменений 156
§ 71. Пространственные границы фонетических изменений 158
§ 72. Временные границы фонетических изменений. Их абсолютная и относительная хронология 161

Глава II. Преобразование латинской фонетической системы в разных областях Романии. Тенденции развития и характерные особенности фонетических систем 164
§ 73. Просодическая структура слова. Ударение. Его характер в латинском и романских языках 164
§ 74. Изменения в ударном вокализме. Типы дифтонгизации. Романские максимальные системы гласных 165
§ 75. Изменения в безударном вокализме. Романские минимальные системы гласных 169
§ 76. Общероманские изменения согласных. Этапы палатализации. Образование аффрикат и мягких согласных 173
§ 77. Развитие согласных и групп согласных в интервокальной позиции 175
§ 78. Развитие конечных латинских согласных 179
§ 79. Сравнительная характеристика фонетических систем романских языков 181
§ 80. Латинские и романские звуки-фонемы и их графическая передача 186

Раздел второй. Грамматика 189
Грамматические романизмы и их происхождение 189

Глава I. Именные части речи: существительные, прилагательные, наречия, местоимения в латинском и романских языках 196

§ 81. Существительные. Их словообразовательные и семантические подклассы . . . 196
§ 82. Грамматические категории имени: род и число . . . 199
§ 83. Склонение существительных и прилагательных . . . 202
§ 84. Прилагательные. Качественные и относительные прилагательные. Грамматические категории прилагательных . . . 208
§ 85. Качественные наречия . . . 211
§ 86. Местоименные актуализаторы . . . 212
§ 87. Личные местоимения . . . 216
§ 88. Определенный артикль . . . 221
§ 89. Указательные местоимения . . . 228
§ 90. Притяжательные местоимения . . . 230
§ 91. Указательные наречия места и времени . . . 232
§ 92. Неопределенный артикль, неопределенные местоимения и наречия. Вопросительно-относительные местоимения и наречия . . . 233
§ 93. Предлоги . . . 236

Глава II. Глагол . . . 238

§ 94. Семантические подклассы глагола, их формальные проявления . . . 239
§ 95. Формальные группы глаголов. Их смысловая нагрузка. Позиционное варьирование и аналогическое уравнивание позиционных вариантов в системе глагола . . . 244
§ 96. Категория лица. Формальные варианты личной флексии . . . 245
§ 97. Формы выражения неопределенности и устраненности субъекта. Категория залога. Изменение ее означающего . . . 250
§ 98. Формы выражения видовых значений в латыни и в романских языках . . . 254
§ 99. Временные формы индикатива в латинском и в романских языках . . . 257
§ 100. Ирреальные наклонения в латинском и в романских языках . . . 267
§ 101. Неличные формы глагола . . . 277
§ 102. Союзы; относительные местоимения . . . 278

Глава III. Синтаксис . . . 280

§ 103. Простое предложение . . . 280
§ 104. Сложное (и усложненное) предложение . . . 284
§ 105. Порядок слов . . . 287
§ 106. Сравнительная характеристика грамматических систем романских языков . . . 288

Раздел третий. Лексика . . . 292

Глава I. Общероманский лексический фонд . . . 292

§ 107. Этимологические словари . . . 292
§ 108. Народнолатинское лексическое наследие (исконная романская лексика) . . . 294

Глава II. Лексическая дифференциация романских языков . . . 298

§ 109. Пути замены наименований и типы изменения значений слов . . . 298
§ 110. Причины лексических изменений . . . 300
§ 111. Сравнительная характеристика словарного состава романских языков . . . 303

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Раздел первый. Филологическая деятельность в области романских языков в XIV–XIX вв. 305

Глава I. Утверждение романских языков и выработка их литературных норм . . 305

§ 112. Движение в защиту родного языка в странах романской речи . . 305
§ 113. Создание Академий и основные направления их деятельности . . 309
§ 114. Изучение романских языков в России в XVIII–XIX вв. 317

Глава II. Формирование романского языкознания 318

§ 115. Сравнительно-историческое изучение романских языков 318
§ 116. Младограмматическое направление в романском языкознании 320

Раздел второй. Изучение романских языков в XX в. 323

Глава I. Направления научной мысли в первой половине текущего столетия: . . . 323

§ 117. Социологический подход к изучению романских языков 323
§ 118. Стилистика. Лингвистическая география 328
§ 119. Научный интерес к истории языка 330

Глава II. Романская филология во второй половине XX в. 331

§ 120. Основные направления современных исследований по романской филологии 331
§ 121. Конгрессы и конференции по романистике 334
§ 122. Периодические издания по романским языкам 335

Список рекомендуемой литературы 338

Учебное издание

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА АЛИСОВА, ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА РЕПИНА, МАРИЯ АКОПОВНА ТАРИВЕРДИЕВА

ВВЕДЕНИЕ В РОМАНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Заведующий редакцией *Э.А. Прокичева*
Редактор *Г.И. Андреева*
Старший корректор-ычитчик *Л.М. Иванова*
Младший редактор *Л.В. Демешова*
Художественный редактор *М.Г. Мицкевич*
Технический редактор *И.А. Балезина*
Оператор *Г.А. Цветкова*
Корректор *Е.П. Гречаная*

ИБ № 6207

Изд. № Р–475. Сдано в набор 03.08.87. Подп. в печать 08. 10. 87
Формат 60×90 1/16. Бум. офс. № 1. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Объем 21,5 усл. печ. л. 21,5 усл. кр.-отт. 27,31 уч.-изд. л
Тираж 6000 экз. Зак. № 1672. Цена 1 р. 30 к

Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14
Набрано на наборно-пишущих машинах издательства. Отпечатано в Московской типографии № 8 "Союзполиграфпрома" при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.